ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОПОЛИТИКИ

Материалы Всероссийской научной конференции

(Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.)

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»

Дальневосточный институт психологии и психоанализа

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОПОЛИТИКИ

Материалы Всероссийской научной конференции

(Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.)

Под редакцией
Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого

Хабаровск
Издательство ДВГУПС
2019

УДК 39:323(062)
ББК Т 585я54
Д 15

Издание сборника осуществляется по итогам конференции, проведённой в рамках гранта Правительства Хабаровского края, выделенного по итогам конкурса проектов в области гуманитарных и общественных наук (распоряжение № 420-рп от 29 мая 2019 г.)

Редакционная коллегия:

Спасский Е.Н. (отв. ред.); *Рудецкий О.А.* (зам. отв. ред.);
Агранат Ю.В.; Сердюков Ю.М.; Шкуркин А.М. (члены ред.)

Д 15 **Дальний Восток в зеркале этнополитики** : материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.) / под ред. Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. – 299 с. : ил.
ISBN 978-5-262-00862-9

В сборнике опубликованы доклады участников Всероссийской научной конференции «Дальний Восток в зеркале этнополитики», которая состоялась 25–26 октября 2019 г. в Хабаровске. Материалы конференции освещают такие проблемы, как формирование общероссийской (гражданской) нации; концептуализация государственной национальной политики современной России; этномиграционные процессы на Дальнем Востоке; гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений; межкультурные коммуникации и академическая мобильность на Дальнем Востоке России.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, преподавателям, аспирантам, студентам.

УДК 39:323(062)
ББК Т 585я54

ISBN 978-5-262-00862-9 © ДВГУПС, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 11

РОССИЯ – КИТАЙ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

К 70-летию образования КНР и 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем

ПЕЧЕРИЦА В.Ф. Российско-китайские отношения в условиях новых вызовов и угроз 13

БОЯРКИНА А.В., ПЕЧЕРИЦА В.Ф. Роль концепции Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» в гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Китае 18

ГЭН ХАЙТЯНЬ, ХАНЬ ЮЙ. Цивилизационная самоидентификация Китая и России в условиях модернизации (политико-философский анализ) 25

СЕРДЮКОВ Ю.М. Путь к бессмертию мастеров «внутренних школ» ушу 29

МАРКОВ С.М. Китайский латинизированный алфавит академика В.М. Алексеева в межкультурной коммуникации Дальнего Востока: исторический опыт разрешения дальневосточных межэтнических конфликтов 37

БЕЛЬКОВА Т.М. История формирования коллекции китайской посуды из фарфора и глазурованной керамики в собрании Гродековского музея 42

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

АБАТУРОВА Л.Г., СОКОЛОВА Т.Б. Формирование этнической идентичности жителей Хабаровского края (на примере современной нанайской семьи) 48

ВАЩУК А.С. Новые тенденции в политике привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России (2012–2018) 53

ГОЛУБЬ А.Б., ГОЛУБЬ Л.В. К вопросу формирования структурно-территориальной модели имиджа региона (на примере Еврейской автономной области) 58

ЗАВАЛИШИН А.Ю., КИМ А.С. Этнополитическая конфликтогенность в Хабаровском крае (по данным мониторинга, июнь 2019) 63

ЗАНГИРОВ В.Г., ЗАНГИРОВА О.А. Этнополитика в свете интегративной функции государства 68

ЗОЛОТОВА Я.В. Региональный аспект этномиграционных процессов.... 74
КАЛИНИНА И.В., СОЛОВЧЕНКОВ С.А. Иноэтничные мигранты глазами принимающего сообщества (на примере ЕАО)..... 79
КОСТАНДИ В.В. Этнический аспект социокультурной адаптации 85
ЛИВШИЦ Р.Л. Предпосылки дальневосточного сепаратизма 88
МОТРИЧ Е.Л. Миграция и этнические отношения на Дальнем Востоке России 98
ПРОКОФЬЕВА Г.П., ПРОКОФЬЕВ А.А. Этническая идентичность дальневосточников 103
РУДЕЦКИЙ О.А. Общенациональный и региональный аспекты этнической политики современной России 110
СМОЛЯКОВ В.А., ЗАХАРОВА Т.И. Восточно-Азиатский мир: общее и особенное 118
СТРЕМИЛОВА О.В., СТРЕМИЛОВ Д.С., АБАТУРОВА Л.Г. Мигранты на Дальнем Востоке (исторический экскурс)..... 124
ФЕЩЕНКО Н.В. Миграционные процессы как фактор формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока..... 130
ШКУРКИН А.М., ЛУЦЕНКО Е.Л. Воздействие структурных диспропорций рынка труда на позиционирование товара «иностранная рабочая сила», поставляемого через трудовую иммиграцию 137

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

АРГУДЯЕВА Ю.В. Межкультурная коммуникация русских и коренных народов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века) 142
АРУТЮНЯН М.П. Этническое самосознание в логике целостности и разрывов экзистенции 147
БЕЛЬДЫ О.А. Актуальные вопросы этнопедагогики (на примере преподавания биоэтики)..... 152
ГАБРИЛЬЧУК М.А. Классификация форм керамических сосудов раннего кондона (Эпоха Неолита, Нижнее Приамурье)..... 157
ДУДАРЁНОК С.М. «Религиозное возрождение» на российском Дальнем Востоке и его культурная составляющая 169
ЗЕЛЕНСКАЯ С.Ю. Иностранные консульства на Дальнем Востоке России: исторический аспект 175
ЛУШКИНА Т.А. Проблема самопознания в восточной философии 180

ЛЮБИЦКАЯ Г.С., ШЕВНИН И.Л. Механизмы культурной идентификации старообрядцев Дальнего Востока 186

ЛЯХОВ Д.А. Структура органов власти буржуазно-демократического государственного образования в Приморье (февраль-ноябрь 1920 года)..... 192

МАЛАКШАНОВА В.Б. Эвенки Верхнебуреинского района Хабаровского края: этнокультурные контакты (по материалам экспедиции 2019 года) 199

МАНИКОВСКАЯ М.А. Метакультурный потенциал дальневосточного искусства: плодотворный ресурс этнополитики 203

ОСИПОВА М.В. Православный след в духовной культуре айнов (начало XVIII – начало XX века) 210

ПЕТРОВ В.В. Взгляд на японскую культуру отношения к российским воинам через призму боевого искусства кендо 216

ТИТОРЕВА Г.Т. Советизация и социализация эвенов Охотского района в 1920-е годы 222

ТРУБИЧ О.А. Организация высшего востоковедческого образования на Дальнем Востоке России (1897–1899) 228

САХАТСКИЙ А.Г. Социокультурные изменения традиционного нанайского общества, изображённые в романе-трилогии Григория Ходжера «Амур широкий» 235

ЧЕРНОВ В.А. К вопросу об антропологии питания юга Дальнего Востока 240

ЧИМИТДОРЖИЕВ Ж.Ж. Религиозные кухни: валеологический аспект..... 245

ШТЕЙНБЕРГ А.Г. Феминологические аспекты культуры китайского этноса 249

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

АЛЕКСЕЕВА В.В. Коммуникативные тактики и стратегии политической речи 255

КАЗАЧУК Н.В., АВДОШКИНА О.В. Поликультурность как фактор эффективного развития образовательной среды 259

МАКСИМОВА Ю.С., ТОРОПОВА Л.С. К вопросу об академической мобильности на современном этапе..... 265

ПИШУН С.В., ПИШУН А.А. Политика взаимодействия университетов Северо-Восточной Азии в условиях специализации образовательной деятельности 269

ПОМЧЕНКО М.А., РЕЗАНОВА Н.В., ГЛАДКАЯ Е.Ф. Конкурс песни на иностранном языке как эффективная форма организации работы по развитию навыков аудирования и говорения у обучающихся дальневосточного технического вуза 275

РЯБКОВА Е.Л. Особенности адаптации студентов, участвующих в программах краткосрочной академической мобильности 279

СОЛОГУБ Г.Ю. Дидактическая задача как один из интерактивных методов в обучении иностранному языку в техническом вузе 285

ХАРИНА И.В. Международная летняя школа как форма развития академической мобильности в образовательном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона 290

ЦЫГАНКОВА А.С., МАРКОВА Е.В. Студенческие научно-технические бюро как неотъемлемая составляющая научно-исследовательской работы в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (60–70-е годы) 294

CONTENTS

INTRODUCTION 11

RUSSIA-CHINA: POLITICAL COOPERATION AND DIALOGUE OF CULTURES

On the occasion of the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China (PRC) and the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and China

PECHERITSA V.F. Russian-Chinese Relations in the Context of New Challenges and Threats 13

BOYARKINA A.V., PECHERITSA V.F. The Role of Xi Jinping's Concept of "A Community of Shared Future for Mankind" in Harmonizing Interethnic and Interfaith Relations in China. 18

GENG HAITIAN, HAN YU. Civilizational Self-Identification of China and Russia Under Modernization (Political and Philosophical Analysis)..... 25

SERDYUKOV Y.M. A Way to Immortality for Masters of Wushu «Internal Schools»..... 29

MARKOV S.M. Academician V.M. Alexeev's Latinized Chinese Alphabet in Intercultural Communication of the Far East: Historical Experience of Resolving far Eastern Interethnic Conflicts 37

BELKOVA T.M. The Collection of Porcelain and Glaze Ceramic Chinese Tableware in Khabarovsk Regional Museum After N.I. Grodekov 42

ETHNOPOLITICAL AND ETHNOSOCIAL PROCESSES IN THE FAR EAST

ABATUROVA L.G. SOKOLOVA T.B. Ethnic Identity Construction for People in Khabarovsk Territory (the Case of Modern Nanaian Family)..... 48

VASHCHUK A.S. Emerging Trends in Attracting Foreign Labor Migrants to the Russian Far East (2012–2018) 53

GOLUB A.B., GOLUB L.V. On Forming Structural and Territorial Image of the Region (the Case of the Jewish Autonomous Region) 58

ZAVALISHIN A.YU., KIM A.S. Ethnopolitical Conflictogenity in Khabarovsk Territory (Based on Monitoring Data, June 2019) 63

ZANGIROV V.G., ZANGIROVA O.A. Ethnopolitics in the Light of the State Integrative Function 68

ZOLOTOVA Y.V. Regional aspect of ethnic migration processes 74

KALININA I.V., SOLOVCHENKOV S.A. Nonethnic Migrants as Viewed by the Host Community (the Case of the Jewish Autonomous Region) 79

KOSTANDI V.V. The Ethnic Dimension of Social and Cultural Adaptation 85

LIVSHITS R.L. Preconditions of Far Eastern Separatism 88

MOTRICH E.L. Migration and Ethnic Relations in the Russian Far East 98

PROKOFIEVA G.P., PROKOFIEV A.A. The Russian Far East Citizens' Ethnic Identity 103

RUDETSKY O.A. National and Regional Aspects of Ethnic Policy of Modern-Day Russia 110

SMOLYAKOV V.A., ZAKHAROVA T.I. East Asia World: the Similarities and Differences 118

STREMILOVA O.V., STREMILOV D.S., ABATUROVA L.G. Migrants in the Far East (Historical Journey) 124

FESHCHENKO N.V. Migration Processes as a Factor for Labor Resources Formation in the Far East 130

SHKURKIN A.M., LUTSENKO E.L. Labour Market Structural Disparities and Their Influence on «Expat Workforce» Product Positioning Supplied by Labour Immigration 137

HISTORY AND CULTURE OF THE FAR EAST

ARGUDYAEVA Yu.V. Intercultural Communication of Russian and Indigenous People Living on the South of the Russian Far East (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century) 142

ARUTYUNYAN M.P. Ethnic Identity in Logic of Consistency and Discontinuity of Existence 147

BELDY O.A. Topical Issues of Ethnopedagogy (the Case of Teaching Bioethics) 152

GABRILCHUK M.A. The Classification of the Early Condon Ceramic Vessels (the Neolithic Era. The Lower Priamurye) 157

DUDARENOK S.M. «Religious Revival» on the Russian Far East and Its Cultural Component 169

ZELENSKAYA S.Yu. Foreign Consulates in the Russian Far East: Historical Aspect 175

LUSHKINA T.A. The Problem of Self-Knowledge in Oriental Philosophy 180

LYUBITSKAYA G.S., SHEVNIN I.L. Cultural Identification of the Far East Old Believers 186

LYAKHOV D.A. Structure of Authorities of Bourgeois-Democratic State Formation in Primorye Region (February–November 1920) 192

MALAKSHANOVA V.B. The Evenkis of Verkhnebureinsky District of Khabarovsk Territory: Ethnocultural Contacts (Following 2019 Expedition) 199

MANIKOVSKAYA M.A. Metacultural Potential of the Far Eastern Art: the Productive Resource of Ethnopolitics 203

OSIPOVA M.V. Orthodox Mark in Ainu Spiritual Culture (Beginning of the XVIII – Beginning of the XX Centures) 210

PETROV V.V. Framing the Issue of Japanese Attitudes Towards Russian Soldiers From the Perspective of Kendo Martial Art 216

TITOREVA G.T. Sovietization and Socialization of the Evenes in Okhotsk District in 1920s 222

TRUBICH O.A. Organization of Higher Education in Oriental Studies in the Far East of Russia (1897–1899) 228

SAKHATSKY A.G. Socio-Cultural Changes in Traditional Nanai Society Represented in Grigory Hodger's «Amur Wide» Trilogy 235

CHERNOV V.A. On Nutrition Anthropology in the South of the Far East 240

CHIMITDORZHIEV Z.Z. Religious Cuisines: Valeological Aspect 245

SHTEINBERG A.G. Phemale Aspects of Chinese Ethnic Culture 249

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND ACADEMIC MOBILITY IN THE FAR EAST

ALEKSEEVA V.V. Inaugural Addresses of American and Russian Presidents: General and Remarcable 255

KAZACHUK N.V., AVDOSHKINA O.V. The Policultural as a Factor for Effective Development of Educational Environment 259

MAKSIMOVA S.Y., TOROPOVA L.S. On the Question of Academic Mobility at the Present Time 265

PISHOON S.V., PISHOON A.A. Cooperation Policy of Northeast Asia Universities in the Context of Specification of Educational Activities 269

POMCHENKO M.A., REZANOVA N.V., GLADKAYA E.F. Foreign Language Singing Competition as an Effective Form of Students' Speaking and Listening Skills Development 275

RYABKOVA E.L. Specific Features of Adaptation
for Students Participating in Short-Term Academic Mobility Programs 279

SOLOGUB G.Y. Didactic Task as an Interactive Method
of Teaching Foreign Languages in Technical University 285

KHARINA I.V. International Summer School as a Form
of Academic Mobility Development in Educational System
of the Asia-Pacific Region 290

TSYGANKOVA A.S., MARKOVA E.V. Student Scientific
and Technical Bureaux as Integral Part of Students' Research Work
in Far Eastern State Transport University (1960–1970s) 294

ПРЕДИСЛОВИЕ

25–25 октября 2019 г. в Дальневосточном государственном университете путей сообщения состоялась Всероссийская научная конференция «Дальний Восток в зеркале этнополитики». Конференция была организована Правительством Хабаровского края, Дальневосточным государственным университетом путей сообщения, Дальневосточным институтом психологии и психоанализа, Российским союзом боевых искусств.

В работе конференции приняли участие российские исследователи из Москвы, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Уссурийска. Общее число участников конференции превысило 200 человек.

25 октября 2019 г. в ДВГУПС состоялось пленарное заседание конференции. С пленарными докладами выступили:

● *Смоляков Владимир Александрович*, д-р полит. наук, проф., профессор кафедры социально-гуманитарных наук ХГУЭП (г. Хабаровск); *Захарова Татьяна Ивановна*, канд. полит. наук, доц., председатель правления АНО «Стабильность и прогресс» (г. Хабаровск) (Тема доклада: «Восточно-Азиатский мир: общее и особенное»);

● *Печерица Владимир Фёдорович*, д-р ист. наук, проф., профессор кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток) (Тема доклада: «Стратегическое партнерство России и Китая в условиях новых вызовов и угроз современности»);

● *Долин Александр Аркадьевич*, д-р филол. наук, проф., профессор Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (г. Москва) (Тема доклада: «Воинские искусства Восточной Азии как путь сближения культур»);

● *Филонов Сергей Владимирович*, д-р ист. наук, канд. филос. наук, проф., профессор кафедры китаеведения АмГУ, руководитель Центра синологических исследований АмГУ (г. Благовещенск) (Тема доклада: «Бодхисаттва Кшитигарбха и особенности его культа в современном демократическом обществе: на примере социокультурного пространства храма Дицзанъань в Синьчжуане»);

● *Аргудяева Юлия Викторовна*, д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток) (Тема доклада: «Межкультурная коммуникация русских и коренных народов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.»);

● *Лившиц Рудольф Львович*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин АмГПГУ (г. Комсомольск-на-Амуре) (Тема доклада: «Предпосылки дальневосточного сепаратизма»);

● *Завалишин Андрей Юрьевич*, д-р социол. наук, доц., заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук ХГУЭП (г. Хабаровск); *Ким Александр Сергеевич*, д-р полит. наук, проф., профессор ХГУЭП (г. Хабаровск) (Тема доклада: «Этнополитическая конфликтогенность в Хабаровском крае (по материалам мониторинга, июнь 2019 г.»).

26 октября участники конференции продолжили работу в рамках следующих секций:

● «Этнополитические и этносоциальные процессы на Дальнем Востоке» (Сопредседатели: *Печерица Владимир Фёдорович*, д-р ист. наук, проф., профессор кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток); *Спасский Евгений Новомирович*, д-р полит. наук, доц., заведующий кафедрой «Философия, социология и право» ДВГУПС);

● «История и культура Дальнего Востока» (Сопредседатели: *Арутюнян Маргарита Павловна*, д-р филос. наук, доц., заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института ТОГУ; *Рудецкий Олег Андреевич*, канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС);

● «Межкультурные коммуникации и академическая мобильность на Дальнем Востоке» (Сопредседатели: *Агранат Юлия Владимировна*, канд. пед. наук, директор Социально-гуманитарного института ДВГУПС, и.о. заведующего кафедрой «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» ДВГУПС; *Пишун Сергей Викторович*, д-р филос. наук, проф., профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ);

● «Философско-психологические и прикладные аспекты восточных единоборств» (Сопредседатели: *Долин Александр Аркадьевич*, д-р филол. наук, проф., профессор Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; *Сердюков Юрий Михайлович*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС).

На секционных заседаниях были представлены доклады по различной проблематике: концептуализация государственной национальной политики современной России; этномиграционные процессы на Дальнем Востоке; гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений; межкультурные коммуникации и академическая мобильность на Дальнем Востоке России.

В настоящий сборник включены материалы, представленные на конференцию.

От имени Организационного комитета конференции и редакционной коллегии канд. филос. наук О.А. Рудецкий

РОССИЯ – КИТАЙ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

К 70-летию образования КНР и 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем

УДК 327(470+510)

Печерица В.Ф.[*], г. Владивосток, Россия

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Статья посвящена анализу российско-китайских отношений в условиях новых вызовов и угроз. Цель статьи – показать, как новый этап в развитии российско-китайских отношений качественно наполняет диалог между двумя великими державами. В то же время отмечены проблемы, противоречия и факторы, которые сдерживают развитие торгово-экономических отношений между нашими странами, а также расхождения по вопросам международной повестки дня. Автор пришел к выводу, что сохранение равноправного диалога Москвы с Пекином будет являться гарантией нашей общей безопасности, мира и процветания.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, Си Цзиньпин, «Один пояс, один путь», стратегическое партнерство между Россией и Китаем.

Pecheritsa V.F., Vladivostok, Russia

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES AND THREATS

The article is devoted to the analysis of Russian-Chinese relations in the face of new challenges and threats. The purpose of the article is to show how Russia and China communicate openly on a new stage of their development. At the same time, there have been noted problems, contradictions and factors that hinder the fostering of trade and economic relations between our countries, as well as differences on the international agenda. The author comes to the conclusion that maintaining an equal dialogue between Moscow and Beijing will be a guarantee of our common security, peace and prosperity.

Key words: Russia, China, Chinese-Russian relations, Xi Jinping, «One belt, one Road», strategic partnership between Russia and China.

---

[*] **Печерица Владимир Фёдорович,** д-р ист. наук, проф., профессор кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.
Pecheritsa Vladimir Fedorovich, Doctor of Science (History), Professor of the Department of Politology of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies at Far Eastern Federal Uneversity.
E-mail: prof.pecheritsa@gmail.com

Время, в которое мы живем, характеризуется резким обострением противоборства сил войны и мира. Силам мира и прогресса угрожают новые вызовы. В этом противоборстве огромную роль играют Российская Федерация и Китайская Народная Республика, которые в силу своего потенциала, веса оказывают значительное влияние на судьбы мира, являются важным фактором не только азиатской, но и мировой политики. О влиянии и авторитете наших стран свидетельствуют следующие факты. Первое, это крупные по территории государства. Второе, население наших стран составляет 25 % населения планеты, мы производим совокупно около 20 % мирового ВВП [1; 6]. Третье, РФ и КНР занимают первые позиции по золотовалютным запасам. Четвертое, наши государства владеют 48 % мирового ядерного потенциала. Пятое, обе страны сделали огромный вклад в исследование космоса, в мировую культуру. Шестое, Россия и Китай являются постоянными членам Совета Безопасности ООН. Сегодня без участия РФ и КНР не решается ни один из глобальных вопросов, стоящих перед человечеством.

Наши отношения переживают качественно новый этап в развитии. Они строятся на основе стратегического партнерства [13, с. 31]. Что такое стратегическое партнерство? Это глубокое взаимопонимание долгосрочных целей и высших национальных интересов друг друга. Наши отношения впервые стали равноправными, цивилизованными и имеют взаимовыгодный характер. Особенно это касается политических отношений. Интерес РФ во многом связан с объективными причинами. Для России дружеская поддержка, дружественные отношения с КНР гарантируют надежный тыл в условиях обострения отношений с США. В Москве отчетливо осознают, что КНР сегодня является важным балансиром в поддержании равновесия сил в мире [9]. По многим мировым вопросам наши позиции схожи или совпадают. С избранием В.В. Путина на новый президентский срок (март 2012 г.) Россия сделала окончательную ставку на тесное сближение с КНР, начатое в 2000 г. Одновременно линию на более тесное сотрудничество с Российской Федерацией проводит политическое руководство КНР во главе с Си Цзиньпином. Наши лидеры постоянно встречаются и обсуждают многие вопросы мировой и азиатской политики. Мы тесно сотрудничаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), в проекте «Один пояс, один путь» или «Пояс и путь» [3; 4, с. 384]. В условиях западных санкций, направленных против Российской Федерации, Китай поддерживает Москву и, наоборот, Пекин поддерживает нас. Си Цзиньпин еще в 2015 г. предупреждал Б. Обаму не увлекаться санкциями против РФ [7].

В условиях действия западных санкций против России и попыток изоляции ее от остального мира, сближение с ЕАЭС и расширенной ШОС объективно разрушает американскую антироссийскую стратегию. В контексте сопряжения просматривается и перспектива формирования долгосрочной евразийской политики ШОС, в которой эта организация играла бы

важную связующую роль между «Экономическим поясом Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) [5].

Сближение России и Китая продиктовано самой динамикой жизни, стремительным ростом Китая, который стал второй экономикой мира. Его сближение с великим соседом – Российской Федерацией – взаимовыгодно во всех областях. Укрепление сотрудничества крайне выгодно и РФ, именно на Востоке. Кроме того, в Китае открылись для РФ новые возможности и горизонты не только развития, но ускоренного подъема, в первую очередь, Дальнего Востока России. Россия и весь мир видят, как КНР превращается в мощную тихоокеанскую и мировую державу. Значительно усиливается экономический потенциал КНР и РФ в реализации таких масштабных проектов, как ЭПШП и его сопряжение с ЕАЭС.

Без Российской Федерации Китай может оказаться в одиночестве, ему будет не по силам решать мировые вопросы и продвигать мегапроект «Пояс и путь», особенно «Ледовый Шелковый путь», который проходит по арктической зоне России [3]. Без РФ Китай бессилен решать вопросы глобального управления, глобальные экономические проблемы и т.д.

Таких общих целей и интересов у КНР нет ни с одной крупной державой мира. Руководство Китая видит в поднимающейся России не только хорошего и надежного соседа, но и ответственного союзника и партнера, с которым жизненно важно выстраивать диалог. Прочные стратегические отношения крайне необходимы КНР для мирного развития [11, с. 52–58; 12]. Отметим, что на XIX съезде КПК особо подчеркивалось, что КНР проводит мирную и независимую политику [8]. Не случайно Си Цзиньпин предложил России как надежному соседу и партнеру участие в реализации мегапроекта ЭПШП, который предполагает соединение интеграционных усилий ЕАЭС и ШОС, включая государства, имеющие статус наблюдателей. А это высокая степень интеграции, которую трудно переоценить.

Сближение РФ и КНР в последние годы не проходило гладко и прямолинейно. Каждый этап, каждый шаг был непростым. Постепенно и медленно, как учил великий Конфуций, не ускоряя события, наши страны и их лидеры идут вперед. За несколько десятилетий процесс становления стратегического партнерства можно условно разделить на несколько этапов. Первый этап – это переход с советских на российско-китайские отношения без идеологически-классовых предпосылок и на условиях рынка. Второй этап заключается в поиске нового типа взаимоотношений или конструктивного партнерства. Третий этап состоит в ориентации на конструирование нового многополюсного мирового порядка. Четвертый шаг связан с формированием отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия. Пятый этап – постепенное углубление партнерского диалога.

Однако было бы неправильно не замечать противоречия и трудности в наших отношениях, которые необходимо решать совместными усилиями. Например, недостаточный уровень товарооборота (всего 108 млрд долл.

США) [10]; низкий уровень инвестиционных вложений в Россию со стороны КНР; крайняя необходимость диверсификации внешней торговли; низкое качество товаров в обеих странах; неконвертируемость наших валют (рубля и юаня); проблема трудовой миграции; отсутствие реализации многих договоренностей, в том числе по вине российской стороны. Эти и другие нерешенные проблемы, тормозящие факторы и противоречия требуют спокойного и философского отношения. Эти противоречия необходимо глубоко изучать, искать причины и пути их разрешения.

Так, между нашими странами выстроились хорошие политические отношения, а экономические пока не установлены в полном объеме. В основном в КНР из России идут поставки сырья – 70 %. Крайне низок уровень инвестиций из КНР на российский Дальний Восток. Поднебесная инвестирует всего в четыре крупных объекта в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). Это игорная зона «Приморье»; разработка горнорудного месторождения в ЕАО; Ключевское золоторудное месторождение и добыча угля в Забайкальском крае.

Каковы причины? Во-первых, КНР не желает работать по довольно жестким правилам и законам, которые предлагает Российская Федерация. Китайские партнеры хотели бы осуществлять деятельность в РФ по своим законам и на своих условиях с целью уменьшения выплаты по налоговым обязательствам. Например, как в Африке. Во-вторых, Дальний Восток и Сибирь в основном привлекают КНР запасами дефицитных ресурсов. Сырье китайские партнеры покупают, однако цены их не устраивают. Такие же энергоресурсы Китай может купить у стран Центральной Азии. Сырьевые товары для КНР представляют не такую ценность, как 20 лет назад. Российская сторона не может обеспечить высокими технологиями растущие потребности Поднебесной, кроме военно-промышленного комплекса. Стоимость добычи углеводородов и других сырьевых продуктов в Сибири выше, чем в африканских странах и странах Центральной Азии. Москва не желает отдавать под контроль КНР стратегические объекты (заводы порты и т.д.), это связано с безопасностью страны. Например, китайская компания COSCO приобрела контрольный пакет акций крупнейшего порта Греции Пирей за $368,5 млн, в 2019 г. китайцы взяли под контроль ряд портов в Италии [2]. А Россия не позволяет этого делать. В этой связи КНР и не стремится вкладывать в Сибирь и Дальний Восток.

В то же время существуют расхождения по вопросам международной повестки дня. Реализуя сотрудничество КНР в Арктике, Москва не приветствует деятельность Пекина в этом регионе, его попытки «подвинуть» Россию. Другими словами, взять под контроль северные транспортные маршруты или глубоко проникнуть в Заполярье. Китай не северная страна и не член Арктического совета, а всего лишь наблюдатель. Массированный рост инвестиций КНР в Арктику, зачастую не согласованный с Москвой, может вызвать в ближайшие годы негативную реакцию не только на Севере и Западе, но и в России.

Кроме того, несмотря на «наилучший в истории» период отношений России с Китаем (почти союзники), что предполагает совместную координацию и согласование позиций, Пекин демонстрирует свое особое отношение к событиям на Украине (с 2013 г.), проведению референдума и включению Крыма в состав РФ в 2014 г. Как государство, проводящее «мирную и независимую политику», Китай имеет право на собственное мнение [8].

Подводя итоги вышесказанному, анализ противоречий и сдерживающих факторов в отношениях РФ и КНР позволит России найти новые возможности для ускорения собственного развития, не оглядываясь на Пекин. Стороны должны учесть и доработать те аспекты, которые все еще мешают развитию торгово-экономических отношений. В тоже время сохранение равноправного диалога Москвы с Пекином будет являться гарантией нашей общей безопасности, мира и процветания.

Список литературы

1. Китайская экономика растет почти на 10 процентов в год // Российская газета. 02.07.2019. – URL: https://rg.ru/2019/07/02/kitajskaia-ekonomika-rastet-pochti-na-10-procentov-v-god.html

2. Куликов, С. По воде на Запад. Китай не жалеет средств на покупку портов / С. Куликов //Российская газета. 25.04.2016. – URL: https://rg.ru/2016/04/25/kitajcy-kupili-krupnejshij-grecheskij-port-za-3685-mln-dollarov.html

3. «Ледяной Шелковый путь» России и Китая меняет транзитный статус Арктики // Экономика сегодня. 25 Апреля 2019. – URL: https://rueconomics.ru/389538-ledyanoi-shelkovyi-put-rossii-i-kitaya-menyaet-tranzitnyi-status-arktiki

4. Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии / Ли На // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 382–392.

5. Магдалинская, Ю. Потенциал большого партнерства / Ю. Магдалинская // Российская газета. 03.06.2018. Спецвыпуск. – № 119(7582).

6. Население Китая в 2019 г. // Журнал «Россия и Китай» издается в рамках проекта «Евразийское иллюстрированное обозрение». – URL: http://ruchina.org/naselenie_kitaya.html

7. Обама: санкции против России введены в ответ на «вмешательство в выборы» // Риа Новости. 29.12.2016. – URL: https://ria.ru/20161229/1484948993.html

8. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Синьхуа. 2017.11.03. – URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

9. Посол КНР в России: 2018 г. стал сочным мазком на исторической палитре двусторонних отношений // Interfax. 25 декабря 2018. – URL: https://www.interfax.ru/interview/643940

10. Саможнев, А. Посол КНР назвал условия для роста российско-китайского товарооборота / А. Саможнев // Российская газета. 18.10.2019. – URL: https://rg.ru/2019/10/18/posol-knr-nazval-usloviia-dlia-rosta-rossijsko-kitajskogo-tovarooborota.html

11. Титаренко, М.Л. Китай и Россия в современном мире Китай и Россия в современном мире / М.Л. Титаренко. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. – 88 с.

12. Тренин, Д. Становление российско-китайского сообщества безопасности / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. 29.10.2013. – URL: https://carnegie.ru/2013/10/29/ru-pub-53978

13. Хуан Дэнсюэ. К вопросу об углублении и развитии китайско-российских отношений стратегического партнерства / Хуан Дэнсюэ // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2013. – № 4. – С. 29–52.

УДК 321.1(510)

Бояркина А.В.[*], **Печерица В.Ф.**[**], г. Владивосток, Россия

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ СИ ЦЗИНЬПИНА «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЕ

Статья посвящена роли китайской концепции «сообщества единой судьбы человечества» в гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Китае. Цель статьи – показать конструктивную роль этой концепции в реализации религиозной и культурной политики на современном этапе в Китае. Авторы пришли к заключению, что свобода вероисповедания является гражданским правом, закрепленным в Конституции КНР. Строительство «сообщества единой судьбы человечества» соответствует базовым идеям «гармоничного мира» в политике, безопасности, экономике, культуре и экологии. Информатизация общества, с одной стороны, способствует консолидации мира, а культурное и религиозное многообразие – обменам множества этнических и конфессиональных течений. С другой стороны, усиливается контроль за религиозной деятельностью и деятельностью религиозных практик on-line.

Ключевые слова: Китай, концепция «сообщества единой судьбы человечества», межконфессиональные отношения, межэтнические отношения, Институты Конфуция.

Boyarkina A.V., **Pecheritsa V.F.**, Vladivostok, Russia

THE ROLE OF XI JINPING'S CONCEPT OF "A COMMUNITY OF SHARED FUTURE FOR MANKIND" IN HARMONIZING INTERETHNIC AND INTERFAITH RELATIONS IN CHINA

The article is devoted to the role of the Chinese concept of **"**the Community of Common Destiny for All Mankind" in the harmonization of interethnic and interfaith relations in China. The purpose of the article is to show the constructive role of this concept in the implementation of religious and cultural policies at the present stage in China. The authors conclude that religious freedom is a clear civil law enshrined in the Chinese Constitution. The construction of "the Community of Common Destiny for All Mankind" corresponds to the basic ideas of a

[*] **Бояркина Анна Владимировна,** канд. полит. наук, доц., доцент Академического департамента английского языка Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.
Boyarkina Anna Vladimirovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies at Far Eastern Federal Uneversity.
E-mail: aboyarkina@gmail.com

[**] **Печерица Владимир Фёдорович,** д-р ист. наук, проф., профессор кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.
Pecheritsa Vladimir Fedorovich, Doctor of Science (History), Professor of the Department of Politology of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies at Far Eastern Federal Uneversity.
E-mail: prof.pecheritsa@gmail.com

“harmonious peace” in politics, security, economics, culture and ecology. On the one hand, informatization of society contributes to the consolidation of the world, and cultural and religious diversity – to exchanges of many ethnic and religious movements. On the other hand, the control over religious activity and religious practices on-line is being strengthened by the Chinese authorities.

Key words: China, “the Community of Common Destiny for All Mankind”, Confucius Institutes, interfaith relations, interethnic relations.

Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества» (СЕСЧ, кит. 人类命运共同体) – ключевое направление китайской дипломатии в XXI в. Термин «общая судьба» уходит корнями в древнюю китайскую культуру. В современных условиях он тесно связан с реализацией стратегии внешней политики КНР, с формированием нового типа международных отношений, основанного на глобальном партнёрстве, на «дружбе и благодетельности» с соседними странами («亲诚惠容»), гармонизации межэтнических и межцивилизационных отношений [20, с. 641]. Все страны мира должны с полным чувством ответственности понимать, что «мы плывем в одной лодке» и прилагать совместные усилия к сохранению мира и дальнейшему развитию», – подчёркивает Си Цзиньпин [20, с. 637–638].

Основной установкой этой системы является стремление к прочному миру, общей безопасности, совместному процветанию, открытости и инклюзивности, сохранению экологической чистоты и красоты на планете [21, с. 511, 513; 6]. Другими словами, строительство «сообщества единой судьбы человечества» соответствует базовым идеям «гармоничного мира» в политике, безопасности, экономике, культуре и экологии.

В КНР существует 5 видов религиозных течений: буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантизм, в них выделяют более 5500 религиозных групп и 140 тыс. культовых мест отправления религиозных обрядов по всему Китаю [17].

Из рисунка видно, что в стране подавляющее число граждан не имеют выраженной религиозной принадлежности. Насчитывается около 15 % или 100 млн буддистов, 4 % мусульман и протестантов и 1 % католиков [9], около 300 тыс. священнослужителей, 74 духовных учебных заведения [4, с. 83].

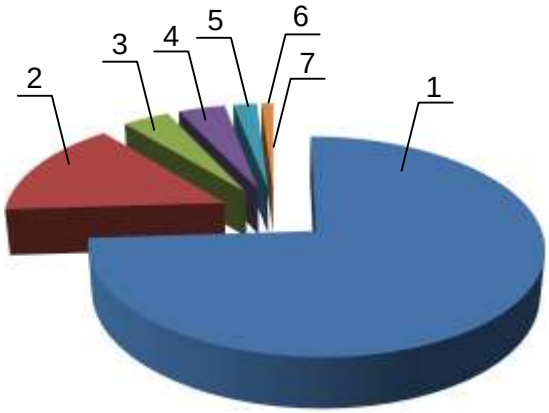

Рисунок. Верующие в Китае: *1* – без религии (74 %); *2* – Буддизм, Даосизм и местные боги (15 %); *3* – Протестанство (4 %); *4* – Ислам (4 %); *5* – Евангелизм (2 %); *6* – Католичество (1 %); *7* – прочие (0 %)

Источник: Статистика по религии в Китае // Клуб «Цивилизационная динамика». 03.11.2017. – URL: http://dynamic-of-civilizations.ru/obshchestvo/149-statistika-po-religii-v-kitae.html

В Китае на протяжении столетий мирно сосуществуют различные религии, и политическое руководство страны придерживается принципа разделения религии и политики, запрещает дискриминацию по религиозному признаку и отказывается использовать административную власть для ограничения определенных религий или их продвижения. Статья 36 Конституции КНР гласит, что граждане «пользуются свободой религиозных убеждений» [14]. Это значит, что свобода вероисповедания является гражданским правом, закрепленным в Конституции КНР. Государственный совет принял новые положения о религиозных делах, которые вступили в силу в феврале 2018 г., чтобы позволить зарегистрированным государством религиозным организациям владеть имуществом, публиковать литературу, обучать и утверждать священнослужителей и собирать пожертвования. Однако наряду с этими правами усиливается государственный контроль. Пересмотренные правила включают ограничения на религиозное обучение, время и место проведения религиозных праздников, а также контроль за религиозной деятельностью on-line и отчетность о пожертвованиях, которые превышают 100 тыс. юаней [13].

В Белой книге «Свобода и религиозные убеждения в Китае» 1997 г. указано, что свобода вероисповедания гарантирована Конституцией Китая [16]. В то же время религиозная политика в КНР предполагает значительный контроль над религиозной деятельностью. Это значит, что конфессии объединены в ассоциации, получившие государственные лицензии. Власти Китая утверждают, что в стране созданы все условия для свободной религиозной деятельности. В США и Европе заявляют, что религии в КНР находятся под жестким государственным контролем [4, с. 83]. В условиях экономической модернизации эксперты указывают на возникновение духовного вакуума как спускового механизма для растущего числа верующих, особенно приверженцев христианства и традиционных китайских религиозных групп. Приверженцы всех религиозных организаций, от санкционированных государством до подпольных и запрещенных групп, сталкиваются с усиливающимися преследованиями и репрессиями [12].

Некоторые российские исследователи также отмечают, что несмотря на динамичное развитие страны, ориентацию на демократизацию общественно-политической жизни, обеспечение прав человека, изменения в массовой психологии за годы реформ, гражданские и религиозные свободы все еще ограничены [1, с. 83].

Ислам значительно влияет на развитие китайской цивилизации, а мусульмане одна из самых активных социальных групп [7, с. 64–65]. В последние годы деятельность некоторых мусульманских общин заставила руководство КНР усилить контроль за движением, особенно в полиэтническом Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) после религиозных волнений 1990-х гг., 2009 и 2013 гг., поддержанными исламистами, выступающими за отделение СУАР от Китая. В этой провинции религиозные

проблемы связаны с ограниченным доступом к образованию и этноязыковыми особенностями [7, с. 69]. На сегодняшний день СУАР является одним из основных «проблемных» районов, создающий напряженность в отношениях между ханьцами и уйгурами. В СУАР ведется масштабное строительство различной инфраструктуры, но возникает ряд трудностей, связанных со спецификой многонациональности. За исключением деловых отношений, возникающих по причинам совместной работы, уйгуры и ханьцы не общаются между собой. Уйгуры не социализируются с ханьцами, используя различия в кулинарных пристрастиях, связанных с исламской религией [8, с. 25].

Информатизация общества, с одной стороны, способствует консолидации мира, а культурное и религиозное многообразие – обменам множества этнических и конфессиональных течений [6]. В настоящее время для того чтобы гармонизировать межэтнические и межконфессиональные отношения политическое руководство Китая в процессе формирования концепции «сообщества единой судьбы человечества» широко проводит различные мультикультурные, многонациональные мероприятия. Так, в 2016 г. в рамках Саммита G-20 в г. Ханчжоу состоялся уникальный форум под названием «Диалог между цивилизациями и “сообщество единой судьбы человечества”». На Форуме китайские ученые и международные эксперты обсуждали негативное влияние Интернета на религиозные верования и убеждения, и необходимость управления негативным контентом в виртуальном пространстве, насколько жесткими должным быть меры государства и другие проблемы. В этой связи были затронуты вопросы, связанные с радикальной религией и насилием. Ученые отметили, что общецивилизационные ценности превосходят реальные различия между культурами, народами и конфессиями. Этот форум является одной из самых открытых и смелых дискуссионных межконфессиональных площадок, поскольку он явно сосредоточен на самых глобальных проблемах современной повестки дня и ставит скрытую цель воздействия на влиятельных мировых лидеров [15].

Одним из важнейших составляющих гармонизации межэтнических межконфессиональных отношений является образование и Институты Конфуция (ИК) как проводники «мягкой силы» в популяризации китайской традиционной культуры и языка. В настоящее время в мире насчитывается 539 Институтов Конфуция и 1129 Классов Конфуция в 155 странах и регионах [18]. В их функции входит удовлетворение потребностей людей из различных стран, изучающих китайский язык, оказание им поддержки в понимании китайского языка и культуры, усиление образовательных и культурных обменов, а также сотрудничество между КНР и другими странами в построении «гармоничного мира» (和谐世界) [2].

В 2017 г. прошел XII Всемирный съезд Институтов Конфуция в г. Сиань под лозунгом «Углубление сотрудничества, развитие через инновации, совместная работа по созданию сообщества единой судьбы человечества».

Цель конгресса – выработать долгосрочную программу развития Институтов Конфуция как проводников китайской культуры во внешний мир и популяризировать взаимное изучение цивилизаций в процессе строительства «сообщества единой судьбы человечества». На съезде отмечено, что образование и Институты Конфуция отвечают базовым идеям построения «сообщества единой судьбы человечества» и являются квинтэссенцией концепции китайской национальной культуры «весь мир – одно целое» иконфуцианского мировоззрения «достигать гармонии несмотря на различия» («和而不同) [5, с. 24]. Все это сделало Институты Конфуция важным посредником в процессе гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений и взаимного обмена и взаимного обучения между цивилизациями.

XIII Всемирный конгресс Институтов Конфуция прошёл в г. Чэнду в 2018 г. под лозунгом «Содействие новому развитию посредством реформ и инноваций, создание светлого будущего совместными усилиями». Он также развил идеи концепции «сообщества единой судьбы человечества» и инициативы «Пояс и путь».

В то же время политическое руководство КНР отмечает ряд проблем, стоящих перед современным образованием, а именно: конфликт между несбалансированным и неадекватным развитием и постоянно растущими потребностями населения; отсутствие диверсификации форм обучения, обеспечения более гибкого, индивидуального подхода, предоставления равных возможностей в учебе; недостаточное развитие проявляется в различиях, существующих между регионами, городом и деревней, между разными образовательными учреждениями, социальными группами [3, с. 56, 64].

Другая площадка по развитию мирных межэтнических и межконфессиональных отношений в Китае – Первая конференция по диалогу между цивилизациями Азии на тему «Взаимные заимствования и обмен между разными цивилизациями Азии и сообщество единой судьбы» (май 2019, г. Пекин) – поддерживает инициативу китайских властей по «углублению контактов, взаимному обучению и формированию «сообщества единой судьбы человечества». В рамках конференции Си Цзиньпин подчеркнул, что «разные традиции каждой цивилизации и национальные условия уникальны, это и делает мир более многообразным и интересным. Различия в религиях, этносах, культурах не должны вызывать мировые конфликты или войны, а народы должны обогащать собственное общество, … относиться к нему как к источникам новых знаний и вместе двигаться вперед [19].

Эти мероприятия вносят вклад в дело сохранения свободы религиозных убеждений и законных прав и интересов религиозных сообществ в Китае. То есть политическое руководство создает условия и дает возможность религиозным сообществам играть более активную роль в социальных делах, усиливая при этом контроль за религиозными движениями (но эта мера полностью оправдана).

Таким образом, государственная власть, несомненно, играет конструктивную и консолидирующую роль в укреплении религиозных традиций и консолидации народностей, поскольку концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «гармоничного мира» составляют глобальные ценности человечества. Они воплощают идею гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Китае, а не конфликтов, напряженности или войн. Институты Конфуция как мощный проводник «мягкой силы» КНР популяризируют обучение китайскому языку, их миссия заключается в содействии гуманитарному и межцивилизационному обмену Поднебесной с другими странами и народами. Одновременно информатизация общества способствует консолидации мира, а культурное и религиозное многообразие – обменам множества этнических и конфессиональных течений. С другой стороны, усиливается контроль за религиозной деятельностью и деятельностью религиозных практик on-line.

Список литературы

1. Врублевский, Г.А. Современная вероисповедная политика в Китайской Народной Республике : дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Г.А. Врублевский. – Москва, 2001. – 160 с.

2. Гао Вэньцзин. Институты Конфуция в мире / Гао Вэньцзин // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 6. – Ч. 1. – URL: http://human.snauka.ru/2015/06/11485 (дата обращения: 05.08.2019).

3. Заключительная речь на церемонии закрытия XII съезда Институтов Конфуция // Китай. – 2018. – № 1 (46). – С. 57–70.

4. Захарьин, А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. / А.Б. Захарьин // Вестник московского университета.. – 2015. – № 1. – С. 82–96. – (Сер. 13. Востоковедение).

5. Институт Конфуция развивается и строит сообщество единой судьбы человечества // Китай. – 2018. – № 1(46). – С. 23–25.

6. Китай предложил миру новый путь // Российская газета. Спецвыпуск. – 2019. – № 90(7848).

7. Печерица, В.Ф. Исламский фактор в культурной и социально-политической жизни КНР / В.Ф. Печерица, Сяобо Сюй // Вестник ЗабГУ. – 2016. – Т. 22, № 2. – С. 63–72.

8. Пшенцов, П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-уйгурского автономного района КНР / П.С. Пшенцов // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 21–26.

9. Статистика по религии в Китае / Клуб «Цивилизационная динамика». 03.11.2017. – URL: http://dynamic-of-civilizations.ru/obshchestvo/149-statistika-po-religii-v-kitae.html

10. Углубление сотрудничества, развитие через инновации, совместная работа по созданию сообщества единой судьбы человечества // Китай. – 2018. – № 1(46). – С. 14–22.

11. Успешно завершился XII съезд Институтов Конфуция // Китай. – 2018. – № 1(46). – С. 54–56.

12. Albert, E. Religion in China // Council on foreign relations. October 11, 2018. – URL: https://www.cfr.org/backgrounder/religion-china (дата обращения: 09.08.2019).

13. China revises regulation on religious affairs // The State Council. The People's republic of China. – URL: http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2017/09/07/content_281475842719170.htm (дата обращения: 09.08.2019).

14. Constitution of the People's Republic of China (Adopted on December 4, 1982). – URL: http://en.people.cn/constitution/constitution.html (дата обращения: 09.08.2019).

15. Marshall, K. Shadowing the China G20 Summit: An Interreligious Gathering // Berkley Center for Religion, Peace & World Affairs. September 5, 2016. – URL: https://berkleycenter.georgetown.edu/posts/shadowing-the-china-g20-summit-an-interreligious-gathering (дата обращения: 09.08.2019)

16. White Paper – Freedom of Religious Belief in China // Embassy of the People's Republic of China. Beijing, October, 1997. – URL: http://www.china-embassy.org/eng/zt/zjxy/t36492.htm (дата обращения: 09.08.2019).

17. Zhang Nu. Chinese Religions and the Construction of a Community of Common Destiny for All Mankind: Ideas and Practice//July 06, 2017. – URL: http://www.chinahumanrights.org/html/2017/MAGAZINES_0706/8543.html (дата обращения: 09.08.2019).

18. 孔子学院总部/国家汉办//HANBAN.ORG (Штаб-квартира Институтов Конфуция Ханьбань // Официальный сайт штаб-квартиры ИК Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом). – URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 05.08.2019).

19. 亚洲文明对话大会 2019 北京共识//日人民网一人民日报。2019 年 05 月 25 (Пекинский консенсус Конференции по диалогу между цивилизациями Азии 2019 // Жэньминьван – Жэньминь Жибао.25.05.2019). – URL: http://world.people.com.cn/n1/2019/0525/c1002-31102546.html (дата обращения: 14.07.2019).

20. 中国的和平发展道路：历史选择与时代方向/闯杨著。北京：经济科学出版社，2017.9. (Путь мирного развития Китая: исторический выбор и тенденции эпохи / Ян Чуан. – Пекин : Изд-во «Цзинцзи кэсюэ», 2017. – 313 с.)

21. «中国关键词：治国理政策»。周明伟主任//新世界出版社：北京，2019。第 511–515 页。(Ключевые слова Китая: управление государством /под ред. Чжан Фухай // Синь Шицзе. Пекин, 2019. – С. 511–515.)

УДК 327.01(510+470)

Гэн Хайтянь[*], **Хань Юй**[**], Чжанцзякоу, КНР

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КИТАЯ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

В настоящее время Китай и Россия стремятся проработать национальную программу цивилизационной самоидентификации в условиях реформирования общества, основанную на общенародных, общегосударственных интересах и сочетающую традиционные ценности и инновации.

Ключевые слова: Китай, Россия, политическая философия, самоидентификация.

Geng Haitian, **Han Yu,** Zhangjiakou, China

CIVILIZATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF CHINA AND RUSSIA UNDER MODERNIZATION (POLITICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

At present, China and Russia are trying to work out a national program of civilizational self-identification of reforming society, based on national, national interests and combining traditional values and innovations.

Key words: China, Russia, political philosophy, self-identification.

Рост международного авторитета Китая в связи с огромными успехами в проведении современных экономических реформ обусловил большой интерес российских учёных к изучению причин и предпосылок «китайского чуда» [1, с. 105]. Сопоставление теории и практики выработки стратегии развития Китая и России в современных условиях позволяет определить общезначимые и особенные черты практического осуществления модернизации обеих стран. Эти черты будут способствовать углублению взаимопонимания и сотрудничества в двух странах народа и государства. Одним из шагов в этом направлении, по нашему мнению, является проведение сравнительного анализа политической философии проблем цивилизационного самоопределения России и Китая, особенно в начале реформ. В этой области возможно два альтернативных подхода к решению этой проблемы: проведение модернизации через западнический мимезис, либо

[*] **Гэн Хайтянь**, доцент Хэбэйского северного университета.
Geng Haitian, Associate Professor of the Hebei North University.
[**] **Хань Юй**, старший преподаватель Хэбэйского северного университета.
Han Yu, Senior Lecturer of the Hebei North University.
E-mail: 2009gh@mail.ru

путём культурного анамнезиса, т.е. через переосмысление, реконструкцию и мобилизацию собственных великих традиций [2, с. 108].

Китай стал великой мировой державой, его развитие и роль нельзя не замечать. Если исходить из прогнозируемой скорости процесса модернизации в Китае, то период бурного развития китайского общества наступит приблизительно в 20-х гг. XXI в. Вследствие этого в мире возрос интерес учёных к политической философии конфуцианства. Это объясняется следующими причинами: духовный кризис западного мира, угроза самоуничтожения человечества, разобщенность, социальная инертность людей в капиталистическом обществе. Все это заставляет Запад обращаться к идеям гуманизма. По мере развития науки и техники на Западе происходят некоторые изменения образа мышления, и многие ученые начали проявлять интерес к восточной, китайской политико-философской мысли. Успешное экономическое развитие восточно-азиатских стран, формирование своеобразной восточно-азиатской модели модернизации обнаружило преимущества восточной культуры, истоки которой, ее внутреннюю сущность составляет политическая философия конфуцианства.

Чтобы глубже понять политическую направленность и специфику китайского общества, необходимо изучение конфуцианства, которое являлось движущей силой для китайского народа на протяжении столь длительного времени.

Под непосредственным воздействием конфуцианства китайская государственность на современном этапе имеет свои идеалы развития. В известной конфуцианской философской книге «Ли Цзи» есть такие понятия как «сяо кан» и «та тун». В переводе на русский язык «сяо кан» (小康) означает «средний достаток», а «да тун» (大同) – «великое единение». Эти идеалы служат основой для разработки стратегических планов философской, политической, экономической, культурной модернизации китайского общества. Важнейшей целью современной китайской государственной политики является формирование общества «среднего достатка», которое впоследствие приведет к осуществлению «великого единения» [4, с. 127–129].

Концепция «сяо кан» («средний достаток») и «да тун» («великое единение»), выдвинутая реформатором Дэн Сяопином еще в начале 80-х гг. XX в., на самом деле не является новым коммунистическим идеалом. Это понятие было сформировано еще в древности, к его достижению стремилось не одно поколение. И вот, по результатам пятилетних экономических планов последних лет, можно наблюдать уверенное продвижение китайского общества к цели «среднего достатка». Таким образом, можно утверждать, что теория «среднего достатка» вовсе не миф, не утопия, а вполне реально осуществимое политическое преобразование, к которому стремится вся китайская нация.

Опираясь на прошлое, удивительную стабильность современного экономического развития и политико-философских подходов можно объяс-

нить гармоничным сочетанием культурно-исторических традиций и технологической модернизации. Успех прогресса кроется в бережном сохранении наследия и его демократических ценностей. Без прошлого не бывает будущего.

В настоящее время Китай не копирует западные идеи модернизации общества. Он идёт по самостоятельному пути, основываясь на творческом переосмыслении конфуцианских традиций политической философии.

Мировые политические процессы начала XX в. оказали значительное влияние на развитие политической мысли в Китае. Под влиянием Запада в 1911 г. Сунь Ятсен осуществил буржуазно-демократическую (Синьхайскую) революцию. Однако современный опыт взаимодействия двух цивилизаций, опыт китайского и западного понимания сущности человека, его свобод и обязанностей, соотношения личных и общественных интересов воплотился в китайской общественной жизни в предпочтении коллективных начал над индивидуальными. Этот выбор в пользу коллективных ценностей основан на конфуцианских морально-этических постулатах политической философии. Первостепенное значение в конфуцианской этике имеет проблема человеческого общения и общественного согласия. Ведь эффективны не технические приспособления сами по себе, а духовное самосовершествование государство-общественной морали.

Политологический и философский анализ конфуцианства, его влияния на политический процесс развития современного Китая позволяет выделить несколько особенностей. В отношении кадровой политики в Китае передача управления в новые руки проводится с учётом морально-нравственных качеств компетентного преемника, кандидатура которого рассматривается и утверждается коллегиально. Приоритетами социальной политики являются человеколюбие «жэ чжэн» («политика человеколюбия»), гуманность, служение народу; иерархия государственной власти строится по принципу «государство-семья» («го цзя»), во главе которой стоит отец – правитель. Все уровни власти должны четко представлять общую цель, которая выражена в конфуцианской парадигме «Сяо кан» (среднезажиточного общества). Внутренняя и внешняя политика проводятся исходя из мирного («хэ му» дружба) и, по возможности, бесконфликтного («хэ пин» мир) разрешения острых вопросов [3, с. 306–308].

Анализируя влияние конфуцианства на экономическое развитие современного Китая, также можно выделить несколько важных черт. Экономическая система характеризуется наличием рынка, который, однако, находится под государственным контролем. На государство возлагается функция перераспределения прибыли от эффективных секторов экономической деятельности, примером чего является дотирование ряда регионов за счет сверхприбыли, получаемой регионами-лидерами. Целью предпринимателей, которые руководствуются, в том числе, и соображениями конфуцианской морали, помимо получения прибыли, является служение обществу.

Это выражается в помощи малообеспеченным и создании различных целевых фондов с участием как государства, так и частного капитала. Одной из задач государственной экономической политики является предоставление предпринимателям равных возможностей для развития.

В настоящее время российская элита тоже старается проработать национальную программу реформирования общества, основанную на общенародных, общегосударственных интересах и сочетающую традиционные ценности и инновации. Затянувшийся на десятилетия кризис цивилизационной идентичности российского общества является главным препятствием на пути возрождения Великой исторической России. Укрепление суверенности российского государства во всех сферах общественного развития, сохранение и развитие культурной самобытности российского общества будет способствовать выработке перспективного проекта его развития, соединяющего традиции и инновации.

Таким образом, по нашему мнению, необходимыми условиями для успешного проведения модернизации традиционных обществ (не западных стран) является непременное соблюдение ряда принципов:

1) сохранение полноценной субъектности народами во всех сферах (философской, политической, культурной, идеологической), в деле разработки стратегических планов реформирования стран;

2) проведение модернизации страны путём анамнезиса, т.е. творческого самостоятельного переосмысления отечественных традиций в контексте глобальных вызовов и проблем;

3) необходимость достижения оптимального сочетания традиции и инновации, локального, местного, национального, мирового и глобального, что в конечном итоге обеспечит единство мира при сохранении его культурного разнообразия.

Эти принципы будут способствовать успешному продвижению двух стран по пути реформ.

Список литературы

1. Никулина, А.В. Экономические реформы в Китае: опыт для России. / А.В. Никулина // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия : материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции (Иркуск 24–27 мая 2000 г.) Т. 1. – Иркутск : Оттиск, 2000. – С. 100–105.

2. Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 108.

3. Фан Кэли. Современное неоконфуцианство и модернизация Китая / Фан Кэли. – Чанчунь : Чанчунское издательство, 2008. – С. 306–308.

4. Ян Тяньюй. Ли Цзи в современной интерпретации / Ян Тяньюй. – Шанхай : Изд-во Шан хай гу цзи, 2017. – С. 127–129.

УДК 141.5

Сердюков Ю.М.[*], г. Хабаровск, Россия

ПУТЬ К БЕССМЕРТИЮ МАСТЕРОВ «ВНУТРЕННИХ ШКОЛ» УШУ[**]

Для достижения основной цели даосизма – обретения личного бессмертия, представители «внутренних школ» ушу использовали выдающиеся достижения чань-буддизма, прежде всего, созданные Да Мо (Бодхидхарма) системы психофизической трансформации *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин*, которые позволяли максимально раскрыть заложенный в человеке потенциал.

Ключевые слова: бессмертие, даосизм, «внутренние школы» ушу, цигун.

Serdyukov Y.M., Khabarovsk, Russia

A WAY TO IMMORTALITY FOR MASTERS OF WUSHU «INTERNAL SCHOOLS»

For main objective achievement Taoism – findings of personal immortality, representatives of "Internal Schools" Wushu used outstanding achievements of the Chan Buddhism, first of all, created *Da Mo* (Bodhidharma) systems of psychophysical transformation *Yi Jin Jing* and *the Xi Sui Jing* which allowed to open the potential put in pawn in the person as much as possible.

Key words: Immortality, Taoism, «Internal schools» Wushu, Qigong.

Одной из религиозно-философских систем, в рамках которой была разработана концепция личного бессмертия человека, является *дао цзяо* – уникальная форма даосизма, возникшая в начале новой эры в результате синтеза верований архаичного шаманского комплекса, идеологии магов *фан ши*, философии школы Дао-дэ (Лао цзы и Чжуан-цзы) и методологии «Книги Перемен» [9, с. 10].

Эта система не была однородной. Уже в первые три века ее существования сформировались организованные даосские движения, весьма существенно отличавшиеся друг от друга: *Тяньши*, или традиция Небесных наставников, появление которой принято датировать 142 г. н.э.; *Саньхуан*,

[*] **Сердюков Юрий Михайлович,** д-р филос. наук, проф. кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск). Приглашенный профессор Шаньдунского университета путей сообщения (г. Цзинань, КНР).
Serdyukov Yury Mikhailovich, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk). The Visiting Professor of Shandong Jiaotong University (Jinan, P.R. China).
E-mail: serdyukov_yuri@mail.ru

[**] Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского национального проекта для иностранных специалистов первой категории (中国国家高端外国专家项目“俄罗斯文化中的意识形态研究”。G20190223021).

или традиция Трех августейших, которая уже существовала в III в. н.э.; *Шанцин*, или учение Высшей чистоты, появившееся в качестве институционального даосского движения в IV в. н. э., и *Линбао*, или традиция Духовной драгоценности, сформировавшаяся на рубеже IV и V вв. [11, с. 12]. Дальнейшее развитие даосизма привело к еще большему умножению числа его направлений, различавшихся и текстологической базой, и социальным составом адептов, и, что для нас самое главное – методологией обретения бессмертия. Причем различия были столь кардинальны, что в эпоху расцвета «внешней алхимии» – *вэй дань* (V в. н. э.) [9, с. 412], в школе *Шанцин*, напротив, доминировали практики созерцательной медитации [10], без сомнения, относящиеся к «внутренней алхимии» – *нэй дань*.

Но сколь бы не были велики различия между школами даосизма, все они опирались на общую методологическую базу, зафиксированную в «Книге Перемен». Эта методология – *сян шу чжи сюэ* («Учение о символах и числах») состояла из трех частей: учения об *инь-ян*, учения о «пяти элементах» – *у-син*, и учения о числах – *шу* [4]. Различные части формальной методологии классической китайской философии и культуры объединяло и цементировало общее основание – учение о единой субстанции – *ци*. Именно *ци* считалась первоосновой сущего и, одновременно, «энергетическим субстратом» всех вещей и явлений. Трансформация «явленного мира» обусловливалась трансформациями *ци,* и, следовательно, превращение человека в *сяня* было невозможно без изменения энергетических потоков *ян-ци* и *инь-ци*.

Методы изменения этих энергетических потоков были различны, и поиск даосами наиболее эффективного способа достижения личного бессмертия, развивался по нескольким направлениям. Одно из них – так называемые «внутренние школы» боевых искусств, самыми ранними из которых, вероятно, были *хоутянь-фа* («Посленебесные техники») и *сяоцзютянь* («Малые Девять Небес») предположительно возникшие в период 550–600 гг. н. э. До наших дней они не сохранились, имена их создателей неизвестны, поэтому наиболее древними традициями, продолжающимися до сих пор, обычно считаются *тайцзи-цюань* и *люхэбафа,* основателями которых называют полулегендарных даосов Сюй Сюаньпина (618–907 гг. н. э., династия Тан), Чэн Линси (502–557 гг. н. э.?) и Чэнь Туаня (871–989). Первым двум приписывают создание основных принципов и форм *тайцзи-цюань*, которые потом были переосмыслены и закреплены в «тринадцати формах» одного из даосских «бессмертных» Чжан Саньфэна (XII в. н.э.), а Чэнь Туаню – создание *люхэбафа.* Два других внутренних стиля возникли позже: *синьи-цюань* создал в первой половине XII в. знаменитый китайский полководец Юэ Фэй, а *багуачжан* – Дун Хайчуань (последняя треть XIX в.).

К созданию уникального вида боевых искусств даосов побудила необходимость самозащиты, поскольку без сохранения целостности тела и самой жизни было немыслимо превращение в *сяня*. Особенно нуждались в этом

даосы-отшельники, не огражденные от разбойников и диких зверей ни монастырскими стенами, ни вооруженными охранителями правопорядка.

Но чем же им не подходили традиционные виды боевых искусств, достигшие в средневековом Китае очень высокого уровня развития? Прежде всего, своей направленностью на совершенствование физических кондиций воина и на развитие навыков боя под началом командира, в строю, с оружием и в доспехах. Это кардинально отличалось от цели и образа жизни даоса-отшельника, которому надо было найти «средний путь», сочетавший эффективные способы самозащиты с созданием эликсира бессмертия.

Такой «золотой серединой» и стали «внутренние школы», сочетавшие боевые техники с ярко выраженным оздоровительным эффектом и методами культивирования и управления *ци*.

Но превращение боевых техник в динамическую форму *цигун* не решало основной задачи даосизма – достижения личного бессмертия. Для этого требовалась развернутая система психофизической трансформации, позволяющая в итоге создать и выпестовать бессмертного младенца. Как ни странно, такая, наиболее подходящая система была создана не даосом, а первым патриархом чань-буддизма Да Мо (Бодхидхарма), родиной которого, как известно, был отнюдь не Китай, а город Канчи – столица южноиндийского княжества Паллава.

Согласно легенде, две системы цигун – *Ицзинь-цзин* (цигун изменения мышц и сухожилий) и *Сисуй-цзин* (цигун «промывания» костного и головного мозга) были созданы Да Мо в буддийском монастыре *Шаолинь* в результате синтеза тысячелетнего опыта буддийской медитации с классическими китайскими представлениями о *ци* и о психофизической целостности человека.

Ицзинь-цзин и *Сисуй-цзин* не изолированы друг от друга. Они представляют собой единую целостную систему психосоматической трансформации, начальный пункт которой – укрепление мышц и сухожилий, конечный – личное бессмертие человека.

Несмотря на то, что обе формы *цигун* были созданы буддистом и для буддистов, в Шаолине прижилась только одна из них – *Ицзинь-цзин,* которая до сих пор широко используется в системе боевой подготовки монахов. Техника и принципы *Сисуй-цзин* не вписывались в традиции буддийской медитации и вскоре после того как Да Мо покинул Шаолинь (то ли умер, то ли ушел в Индонезию) вышли из обихода и были забыты. Поэтому в китайском буддизме *Сисуй-цзин* малоизвестен (хотя отдельные методы и приемы, например, укрепление половых органов, практикуются).

Во «внутренних школах» – *тайцзи-цюань* и *люхэбафа*, ситуация сложилась иначе. Попав к даосам, обе системы органично вписались в представления об истинном пути обретения *Дао*, дополнив теорию бессмертия набором конкретных принципов и методик. Что же они из себя представляют?

До совсем недавнего времени узнать об этом было непросто, поскольку за пределы даосских и буддийских общин информация об этих системах не выносилась по разным причинам. И *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* имели закрытый характер и предназначались для ограниченного числа посвященных, которые были способны понять и воплотить в жизнь их технику, принципы и идеи. И не только потому, что овладевший этими системами человек многократно усиливал свою боевую мощь и приобретал буквально фантастические свойства, но и потому, что путь психофизической трансформации становился путем жизни и исключал все, что ему препятствовало или не помогало.

В контексте даосских «внутренних школ» **генеральная цель** *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* состоит в накоплении *ци*, количество которой должно быть достаточно для создания *«бессмертного младенца» («шэн тай»* или *«лин тай»),* его взращивания, и замещения им смертного тела адепта.

Начинается тренинг с трансформации мышц и сухожилий, что необходимо, для: 1) общего укрепления организма; 2) развития боевых навыков и формирования «железной рубашки» (*те бу шань*) и «золотого колокола» (*цзинь чжун чжао*); 3) реализации энергетического потенциала, заложенного в соматических структурах личности. Помимо этого, самое пристальное внимание уделяется правильному питанию и регуляции дыхания, поскольку именно пища и воздух являются наиболее важными «внешними» источниками *ци*.

Первая фаза тренинга – *оптимизация функций желудка*, осуществляемая посредством диеты, массажа, дыхательных техник и специального комплекса физических упражнений. Состав диетических продуктов, насколько мне известно, нормативно не закреплен и зависит от местных условий. Техника массажа области *Ниван,* где расположен желудок, напротив, стандартна, и занимает как минимум первые сто дней *Ицзинь-цзин,* развиваясь от легких поглаживающих движений до прокатывания каменными или металлическими шарами. Дыхательные техники представляют собой медитативную концентрацию на процессе проведения на вдохе воздуха в область *Ниван* и возвращения его обратно. Комплекс физических упражнений *Ицзинь-цзин,* который начинается на этом этапе и продолжается на всем протяжении тренинга изменения мышц и сухожилий, состоит из, согласованных с дыханием, специальных движений, дошедших до нас как в хорошо сохранившихся рисунках, так и в традиции семейных и монастырских школ. Субъективный критерий успеха данного этапа состоит в так называемом «разжигании огня», когда адепт ощущает тепло в области *Ниван.* С этого момента он уже может приступать к практике «Малой циркуляции», которая является важнейшим методом очищения каналов и управления *ци*.

Диетическим правилам и нормам, сформировавшимся на первом этапе *Ицзинь-цзин* адепт должен следовать практически на всем протяжении

своего Пути, за исключением последних стадий, когда потребность в пище практически исчезает.

В *регуляции дыхания* особая роль принадлежит обогащению кислородом головного мозга, поскольку именно от его работы зависит нормальное функционирование соматических структур. Не вызывает сомнений, что это обстоятельство было хорошо известно представителям традиционной китайской медицине, многими из которых были даосы.

Двуединая проблема максимального насыщения крови кислородом и эффективного кровоснабжения головного мозга решалась с помощью медитативных дыхательных упражнений, которые являются важнейшим и неотъемлемым элементом *Ицзинь-цзин.* Будучи первой, исходной формой медитации, они переходят затем в иные техники, трансформируясь до тех пор, пока на заключительном этапе пути к бессмертию медитация не становится *единственным* способом превращения даоса-отшельника в *сяня.* Именно поэтому о ней следует сказать особо.

В различных религиозно-философских системах ключевая роль медитации обычно основана на представлениях о существах «потустороннего мира» и отношениях между этими существами и людьми. Поэтому позитивное влияние медитации на психосоматические структуры личности объясняется передачей сверхъестественными существами некоторой части своих свойств практикующему адепту. Тем же самым объясняется возникновение на высших уровнях медитации уникальных способностей и состояний.

Эти способности и состояния издавна привлекали внимание исследователей, но недостаточно высокий уровень развития научного знания долгое время не позволял дать адекватное описание и объяснение изучаемых процессов. И лишь в конце XX – начале XXI в. ситуация существенным образом изменилась, поскольку была создана аппаратура и разработано программное обеспечение, позволившие зафиксировать и описать нейродинамические процессы, протекающие во время медитации, и, на основании полученной информации, объяснить ее эффективность и механизмы влияния на мозг. Так, например, в результате экспериментальных исследований буддийской медитации, проведенных Ричардом Дэвидсоном, Антуаном Лутцем и Матье Рикаром в период с 2000 по 2015 г. было выявлено не только изменение определенных когнитивных и эмоциональных состояний медитирующего субъекта, но и увеличение объема серого вещества в важнейших отделах головного мозга – *островковой доле* и *префронтальной коре*, которые ответственны за планирование сложного когнитивного поведения, образование эмоций, поддержку гомеостаза и другие психофизиологические параметры человека [3]. Иными словами, в процессе длительной систематической медитации происходит не только функциональное, но и биологическое развитие головного мозга. Это косвенно подтверждают выводы, полученные группой ученых из Колумбийского университета о способности человеческого мозга производить нейроны в любом возрасте [15].

В контексте нашей темы, научное доказательство развития в процессе медитации анатомических структур головного мозга, роста его функциональности и возможности возникновения на этих основаниях новых ментальных и соматических свойств, открывает путь к пониманию ключевой роли медитации в даосской практике достижения бессмертия.

Однако в даосизме, в отличие от многих систем буддизма, только лишь медитация не была панацеей от бед сансары и не гарантировала вечной жизни. Она была самым совершенным, но не единственным, инструментом изменения сознания, поскольку принцип психофизиологического единства человека – базовый для китайской философии и культуры, практически исключал сколь-либо существенное усовершенствование соматических или психических структур без учета их взаимосвязи и взаимозависимости: совершенствование сознания было невозможно без совершенствования тела, и наоборот.

Поэтому путь адепта к достижению высшей цели – бессмертию, начинался с трансформации тела, в первую очередь – с изменения мышц и сухожилий. И первые сто дней тренинга, помимо комплекса упражнений *Ицзинь-цзин*, посвящались специальному массажу, основная цель которого состояла в очищении *фасций* от жира, поскольку именно жир считался основным препятствием для правильной циркуляции *ци* и ее накопления в трех основных резервуарах. Массаж тела (за исключением головы и конечностей) начинался с легких поглаживаний, затем давление усиливалось, на дальнейших этапах подключалось использование деревянных, металлических или каменных шаров различного диаметра, а также специальных пестиков, с помощью которых очищалось от жира межреберное пространство. Завершалось очищение тела от жира ударами мешков разного веса, палок, связок бамбуковых или металлических прутьев. Вибрации от этих ударов проникали в глубь тела и расщепляли находящийся там висцеральный жир. Конечным этапом этой стадии тренинга была *Малая циркуляция* [14], после чего адепт переходил к тренировке конечностей, которая завершалась движением *ци* по *Большой орбите*.

Тренинг *Сисуй-цзин* был значительно более закрытой системой и начинался с укрепления половых органов и искусства трансформации сексуальной энергии *цзин* в *ци*. Механизм превращения *цзин* в *ци* не особенно сложен, также как и технические приемы укрепления половых органов. Первое, относящееся к «внутренним» практикам, объяснял наставник ученику, который после тренинга *Ицзинь-цзин* достаточно хорошо ориентировался в специальных теоретических вопросах и имел определенный уровень практической подготовки. Второе, относящееся к практикам «внешним», многократно проиллюстрировано и разъяснено как в специальной литературе [13, с. 234–241], так и во множестве популярных «пособий».

Следующий этап *Сисуй-цзин* имел чрезвычайно важное значение для омоложения организма и заключался в «очищении» *костного мозга*, кото-

рый, продуцируя клетки крови миелоидного ряда (эритроциты, зернистые лейкоциты), играет ключевую роль в кроветворной функции организма. Помимо этого, костный мозг оказывает огромное влияние на иммунную систему и является единственной тканью взрослого организма, в норме содержащей большое количество *стволовых клеток*, близких по строению к эмбриональным клеткам. Однако все эти важнейшие функции выполняет красный костный мозг, который после 3–4-летнего возраста начинает перерождаться в желтый, практически бесполезный для организма.

Можно предположить, что сравнение качественного состава костного мозга у взрослых, стариков и младенцев привело представителей традиционной китайской медицины (которыми повсеместно были даосы) к мысли о том, что важнейшей причиной старения является наличие желтого костного мозга и, следовательно, для омоложения, этот бесполезный и даже вредный субстрат надо убрать, постепенно заместив его красным костным мозгом.

Как и на предшествующих этапах тренинга, для этой цели использовались как «внешние» (*вэйдань*), так и «внутренние» (*нэйдань*) техники. Первые состояли в разнообразных постукиваниях по костям, вторые – в различных методах управления *ци*, среди которых особая роль принадлежала циркуляции *ци* по *Большой орбите*. Считалось, что после «промывания» костного мозга, адепт уже достаточно подготовлен для перехода на высший уровень – управление энергией головного мозга.

На этом, малоизвестном нам этапе, внешние техники уже не применялись, полностью замещаясь медитацией. Процессы создания и пестования бессмертного младенца, замещения им бренного тела адепта, происходили в пределах субъективной реальности, в полном одиночестве, апофеозом которого был даосский аналог чань-буддийской созерцательной медитации «девять лет лицом к стене».

***

Итак, для достижения основной цели даосизма – обретения личного бессмертия – представители «внутренних школ» ушу использовали выдающиеся достижения чань-буддизма, прежде всего, созданные Да Мо системы психофизической трансформации *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин*.

Тренинг *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* имел целостный, последовательный и комплексный характер. Он начинался со сравнительно легких упражнений, постепенно усложнялся и заканчивался высшими формами медитации, техника которых нам до сих пор неизвестна.

Считалось, что данные формы *цигун* позволяют наращивать запасы *ци* до степени, необходимой для зачатия и взращивания «бессмертного младенца» и для замещения им бренного тела адепта. Их «побочным» эффектом являлись исключительная боевая мощь мастеров «внутренних школ» и обретение удивительных способностей саморегуляции.

Оставляя «за скобками» религиозно-философский аспект даосизма, можно утверждать, что путь самосовершенствования, открытый мастерами

«внутренних школ», позволяет не только довести до совершенства психосоматические структуры нашего Я, но и модифицировать субъективную реальность до высшей степени готовности перехода в «иной мир».

Список литературы

1. Ванденко, В.А. Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая: категории *цзин* и *ци*) / В.А. Ванденко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С. 142–151.
2. Вэй Шужэнь. Истинная техника тайцзи-цюань стиля Ян / Вэй Шужэнь; пер. с кит. М. М. Богачихина. – Москва : Ганга, 2008. – 320 с.
3. Дэвидсон, Р. Мозг и медитация / Р. Дэвидсон, А. Лутц, М. Рикар // В мире науки. – 2015. – № 1. – С. 24–33.
4. Кобзев, А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / А.И. Кобзев. – Москва : Наука, Восточная литература, 1994. – 432 с.
5. Лю Гуань Юй. Секреты китайской медитации / Даосская йога. – Бишкек : МП «Одиссей», Главная редакция Кыргызской Энциклопедии, 1993. – С. 3–176.
6. Малявин, В.В. Тайцзицюань: классические тексты, принципы, мастерство / В.В. Малявин. – Москва : КноРус, 2011. – 520 с.
7. Мачоча, Дж. Основы китайской медицины. Подробное руководство для специалистов по акупунктуре и лечению травами / Дж. Мачоча ; пер. с англ. В 3 т. – Москва : Рид Элсивер, 2011–2012.
8. Сердюков, Ю.М. О субъективном бессмертии человека / Ю.М. Сердюков, // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 3. – С. 26–40.
9. Торчинов, Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е.А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 448 с.
10. Филонов, С.В. Даосская концепция жизни / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 86–96.
11. Филонов, С.В. Золотые книги и нефритовые письмена: даосские письменные памятники III–VI вв. / С.В. Филонов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2011. – 656 с.
12. Ян Цзюньмин. Корни китайского цигун. Секреты успешной практики / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2004. – 336 с.
13. Ян Цзюньмин. Секреты молодости: Цигун изменения мышц и сухожилий. Цигун промывания костного и головного мозга / Ян Цзюньмин. – Киев : София, 1997. – 272 с.
14. Ян Цзюньмин. Цигун для накопления энергии: Малая циркуляция / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2009. – 320 с.
15. Human Hippocampal Neurogenesis Persists throughout Aging / Boldrini, Maura et all. // Cell Stem Cell. – 2018. – № 22. – P. 589–599.
16. Cahn, Rael B. Meditation States and Traits: EEG, ERP, and Neuroimaging Studies / Rael B. Cahn, John Polich // Psychological Bulletin. – 2006. – Vol. 132. № 2. P. 180–211.
17. Hirsh Diamant. Daoist Martial Alchemy: The Yijin jing at the Tongbai Gong / Hirsh Diamant, Steve Jackowicz // Journal of Daoist Studies. – 2015. – Vol. 8. – P. 193–203.
18. Yang, Jwing-Ming. Da Mo's muscle/tendon changing and marrow/brain washing classic / Yang Jwing-Ming. – 2nd ed. – Boston, Mass. YMAA Publication Center, (c) 2000. XXII. – 312 p.

УДК 81’351:323.111

Марков С.М.[*], г. Хабаровск, Россия

КИТАЙСКИЙ ЛАТИНИЗИРОВАННЫЙ АЛФАВИТ АКАДЕМИКА В.М. АЛЕКСЕЕВА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Латинхуа – латинский китайский алфавит (азбука), созданный академиком В.М. Алексеевым и его учениками, с целью ликвидации неграмотности среди китайцев Дальнего Востока. На практике он был реализован в 30-е гг. XX в. через Дальневосточный Комитет Нового китайского алфавита.

Ключевые слова: даосизм, духовная культура, латинхуа, путунхуа, иероглифы, Дальневосточный Комитет Нового китайского алфавита, межэтнические отношения, В.М. Алексеев.

Markov S.M., Khabarovsk, Russia

ACADEMICIAN V.M. ALEXEEV’S LATINIZED CHINESE ALPHABET IN INTERCULTURAL COMMUNICATION OF THE FAR EAST: HISTORICAL EXPERIENCE OF RESOLVING FAR EASTERN INTERETHNIC CONFLICTS

Latinhua – Latin Chinese alphabet (alphabet) created by academician V.M. Alekseev and his students, in order to eliminate illiteracy among the Chinese in the Far East. In practice, it was implemented in the 30s through the Far Eastern Committee of the New Chinese Alphabet.

Key words: Taoism, spiritual culture, «latinghya», Putonghua, Mandarin, Far Eastern Committee of the New Chinese Alphabet, interethnic relations, V.M. Alekseev.

Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – российский китаевед XX в., исследователь китайской классической литературы, народного искусства и религии (буддизма и даосизма), переводчик, собиратель китайской народной картины (няньхуа), эпиграфики (надписей, амулетов), малой гравюры, каллиграфии, эстампажей (оттисков) с древних каменных плит. В.М. Алексеев – действительный член Академии наук СССР и других зарубежных академий. Сложно однозначно определить вклад В.М. Алексеева в отечественную и мировую китаистику, но точно можно сказать, что его имя известно как на Востоке, так и на Западе включая Америку.

Начальное образование В.М. Алексеев получил в гимназии в Кронштадте в качестве «казённокоштного» ученика. В 1898–1902 гг. учился в Петербургском университете на факультете восточных языков без платы за обучение благодаря ходатайству директора гимназии. Его учителями были знамени-

[*] **Марков Сергей Михайлович**, канд. филос. наук, доц., доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета.
Markov Sergey Mikhailovich, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor. Department of Philosophy and Cultural Studies. Pacific State University.
E-mail: Ser_Mark@mail.ru

тые ученые-преподаватели: В.П. Васильев, А.О. Ивановский, Д.А. Пещуров, А.М. Позднеев, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург.

После окончания университета В.М. Алексеев сначала работал в Азиатском музее Академии наук, а с 1904 г. – доцентом на факультете восточных языков Петербургского университета. От своих учеников требовал не только живой язык, но знание истории и культуры Китая. Для самого академика были авторитетами такие ученые, как Марсель Гранэ, Эдуард Шаванн, Поль Пеллио, Анри Масперо, Поль Демьевилль, Эрвин фон Цах, Эрих Хениш, Бернхард Карлгрен, Николай Яковлевич Марр. С уважением относился к создателю лингвистической географии, французскому языковеду Жан Полю Руссло (1846–1924). Особенно хотелось бы подчеркнуть влияние на В.М. Алексеева французского синолога Анри Масперо (1883–1945), автора «La Chine antique» (Paris, 1927 и 1965), а также основоположника изучения в Европе философии Древнего Китая в концептуальном поле даосизма. Именно через Масперо он в дальнейшем объединил историю Китая с философией даосизма, но добавил буддизм.

В 1904–1906 гг. В.М. Алексеев продолжил образование (Англия, Франция, Германия). В Париже познакомился с синологом Эдуардом Шаванном, первым переводчиком Сыма Цяна («китайский Геродот», точнее – Полибий). В 1907–1909 гг. жил в Китае, работал с Э. Шаванном и П. Пелио в этнографической экспедиции, по итогам которой вышел его знаменитый дневник, в котором дана характеристика китайского театра, музыки, литературы, философских течений (конфуцианство, даосизм), религиозных культов и верований, народного быта. Вот только некоторые главы из дневника: «День в буддийском монастыре», «На лодке по большому каналу», «По Шаньдуну на телегах, тачках и пешком». Достаточно сказать, что дневник составлен на двух языках – русском и китайском [2].

Среди ученых-синологов как России, так и зарубежья В.М. Алексеев известен. Достаточно привести сборник научных статей, изданный в СССР к 100-летию ученого «Традиционная культура Китая» (отв. ред. Л.З. Эйдлин) в 1983 г. Он был скорее философом и культурологом, чем просто китаеведом. По крайней мере, его переводы китайских текстов, а также дневники, вполне можно отнести к философским трактатам. Академик очень много внимания уделял методологии и теории перевода и теории лексикографии. Прежде всего его интересовали: историческая филология, религиоведение как основа понимания текстов, этнография. Например, данная методологическая конструкция ощущается в его переводах новелл Пу Сунлина (1640–1715).

Благодаря В.М. Алексееву и его ученикам Ю.К. Щуцкому, К.К. Флугу, Л.З. Эйдлину, Б.Л. Рифину, супруге Н.М. Алексеевой (дневники), дочери Баньковской Н.В. (биография) в КНР с почтением относятся к российскому китаеведению [3]. Вклад российских ученых был отражен в энциклопедическом издании «Эго ханьсюэши» (俄国汉学史) под редакцией профессора российской синологии Янь Годуна (阎国栋). Он же перевел на китайский язык дневник В.М. Алексеева «В старом Китае» (Гуйлинь, 2001) и другие труды академика. И по сей день ученые из Поднебесной приезжают в Эрмитаж и другие архи-

вы России с целью ознакомления со своими древними произведения искусства, собранными в экспедициях В.М. Алексеевым в 1906–1909, 1912, 1926 гг. В Китае издаются научные работы, посвященные синологу В.М. Алексееву.

Латинизация китайских иероглифов (拉丁化新文字; Latinxua Sin Wenz) началась в Институте востоковедения АН СССР под руководством В.М. Алексеева, а также А.А. Драгунова, Ю.К. Щуцкого и А.Г. Шпринцына. За основу был взят проект путунхуа Цюй Цю-бо (Страхов), изложенный им в книге «Китайская латинизированная азбука» (М., 1930), как отмечает А.Г. Шпринцын [6, с. 311–313]. Справедливости ради, следует отметить начинания по латинизации внутри Китая этого времени – это латинизация гоюй ломанзы (Gwoyeu Romtzyh) 1932 г.

Первая конференция по латинизации китайской письменности прошла во Владивостоке «Daibiao zhnenshu Di-ic Latinxya zhungguo wenz' daibiao daxui» 26–29 сентября 1931 г. На конференции было принято решение о немедленном введении латиницы во всех китайских школах, печатных учебных пособиях, а также об организации специальных курсов по подготовке ликвидаторов неграмотности среди китайских трудящихся Дальневосточного края в течение 1932 г., как отмечает в своей работе В.Г. Дацышен [4, с. 164]. Как дополнение к проекту, 25 июня 1931 г. в Хабаровске был создан Интернациональный педагогический институт при Наркомпросе РСФСР. В 1932 г. – Дальневосточный Комитет Нового китайского алфавита. Общий вывод В.М. Алексеева, представленный в его монографии «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» (Ленинград, 1932): «Иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко развитой способ человеческого общения, который в существе своем, вряд ли отличается от алфавита…. Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других – они проще, как комплексы» [1, с. 59–60]. В.М. Алексеев особо подчёркивал нераздельную связь иероглифов и особого китайского языка культуры, существовавшего в Китае почти в неизменном виде более двух тысячелетий; владение этим языком он сопоставляет с «владением в XX веке языком Остромирова евангелия» [1, с. 64]. В этой же книге напечатан китайский латинизированный алфавит.

В 1932–1934 гг. «latinghya» («латинхуа») ввели в китайских школах, подготовленный в 1931 г. «Latinghya zhungmen gungzhen duben» (Владивосток, 1931) под ред. А.Г. Шпринцына (1907–1974). Он же написал учебное пособие «О методике преподавания китайского языка на основе нового алфавита» (Владивосток, 1933). кроме того в Архиве осталась его неопубликованная рукопись «Китайский язык в Дальневосточном крае».

И очень интересные далее факты хотелось бы добавить. Кроме Latinghya (букваря) были подготовлены и изданы довольно большими тиражами, рассчитанными не только на ДВК, но и Китай: учебники китайского разговорного языка, географии Китая, естествознания, математики, детские беседы, санитария и гигиена, детская физкультура и игры, детские песни и др. Издавались газеты на основе латинизации. Далькрайком ВКП(б) 22 апреля 1935 г. вновь

издает приказ об издании учебников и книг для китайцев на латинице. В 30-е гг. специально резервировались в медицинских, педагогических, технических вузах бюджетные места для китайцев (но регионы не справлялись, в частности Приморье). В результате было принято решение во Владивостоке открыть подготовительные курсы («рабфак») для китайцев. В это время в СССР китайскому языку уделялось особое внимание.

Из отчета Далькрайисполкома за 1925–1926 гг. следует, что по данным переписи 1926 г. в 20-е гг. на Дальнем Востоке проживало ок. 100 тысяч китайцев, среди которых грамотных было всего 34 %, а по данным переписи 1923 г. – 33,9 %. В Приморье, например, работали две китайские школы, а на Дальнем Востоке – 3 (187 учеников и 7 учителей) [13]. В 1927 г. открылась китайская школа в Хабаровске (22 ученика), в 1928–29 гг. еще две школы. К ним следует добавить две школы при консульствах в Хабаровске и Благовещенске. Предлагалось в 1926–1933 гг. ликвидировать безграмотность среди китайцев. Для этого планировалось подготовить «ликвидаторов неграмотности» в Хабаровске (17 корейцев и 10 китайцев).

Однако планы срывались: в китайских школах учились лишь 65,8 % детей китайской национальности. Ликвидация безграмотности затруднялась отсутствием учебно-методических пособий, в том числе, отсутствием букварей – в 1925 г. во Владивостоке был напечатан лишь один тираж букваря. В итоге к 1932 г. среди дальневосточных китайцев было примерно зарегистрировано 46 % неграмотных. То есть ликбез среди китайцев не удался, но это как посмотреть. Среди корейцев безграмотных было гораздо больше, а для корейцев Нового Алфавита не выпустили. Тем не менее.

В 1936 г. выходит в свет Постановление ДВК «Новый Алфавит» от 5 декабря 1936 г. «О работе ДВК Нового Алфавита на 1937 г.»: «Президиум ДВК НА считает работу ВВК-НА за последние два года совершенно неудовлетворительной», отмечается в статье В.Г. Дацышена [4, с. 168].

Пусть после этого скажут, что ЦК ВКП(б) в 30-е гг. не занимался просвещением, образованием, наукой и даже физической культурой. На культурную революцию были выделены громадные средства. Деньги, по тем временам, выделялись просто громадные! Другое дело, как они расходовались. Если читать документы не НКВД, а просто архивы Наркомпроса, то раскрываются просто обыкновенные приписки и присвоение бюджетных средств. Так, в результате проверки китайской школы во Владивостоке оказалось, что ее директор (Шишкин) не только китайского, но и русского языка совершенно не знает. Детей содержал как в концлагере. То же самое обнаружилось в китайских школах Хабаровска и Благовещенска.

Были и перегибы. Учителя-ликвидаторы просто не справлялись с возложенными на них обязанностями по обучению и воспитанию детей китайской национальности. Часто работали «для галочки» и отчетности или, как следует из отчетов, «пожирали выделенные денежные средства на содержание аппарата и руководящего состава комитета» [4, с. 165–166]. Денежные средства перераспределялись на другие направления (это и сегодня – уголовная

статья). «Ликвидаторы безграмотности» не получали заработную плату во Владивостоке, Уссурийске, Благовещенске. К сожалению, и в Университете трудящихся Китая (Москва) тоже были проблемы по подготовке кадров для Китая и Дальнего Востока. Несмотря на то, что учились в УТК три года (плюс два – подготовительные), его выпускники слабо владели китайским языком и культурологическим знанием. Многие выпускники переходили в Гоминьдан или терялись в широких китайских просторах, что отмечалось в претензиях от китайских товарищей. До 1928 г. это было не принципиально, так как КПК входила в состав Гоминьдана, но после Северного похода Чан Кайши 1927–1928 гг., размежевание стало неизбежным. Внутри самого «комвуза» студенты и преподаватели, как бы сегодня сказали, разделились на множество партий и секций, что, разумеется, сказывалось на учебном процессе (впрочем, до 1929 г. – преобладал кружок троцкистов). В целом же отметим, что труды русских, советских, зарубежных (прежде всего французских) учёных не пропали. Их наработки были включены в Программу для изучающих китайский язык Wenlin 文林 или Wenlin Software for Learning Chinese (文林).

Китайская письменность прошла длинный исторический путь (от Указа Цинь Шихуанди до начала XXI в.) и в результате в 2001 г. вступил в силу Закон КНР о языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法), определивший путунхуа на государственном уровне, или кратко: «общеупотребительный язык» [7]. Вновь вспоминается древняя пословица: «Все колесницы с осью единой длины, все иероглифы – стандартного написания» и «Книга перемен» («Чжоу и»), оказавшие методологическую роль в стандартизации иероглифики [5, с. 39–40]. Следует отметить, что путунхуа как-то пытается стандартизировать все десять диалектов. Закон о Путунхуа – продолжение латинизации китайских иероглифов и традиций советского института живых восточных языков (ЦИЖВЯ) – создание «классического» китайского языка.

Список литературы

1. Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация / В.М. Алексеев. – Ленинград : АН СССР, 1932. – 178 с.

2. Алексеев В.М. В старом Китае / В.М. Алексеев. – Москва : Восточная литература; РАН, 2010. – 520 с.

3. Баньковская, М.В. Василий Михайлович Алексеев и Китай / М.В. Баньковская. – Москва : Восточная литература, 2010. – 486 с.

4. Дацышен, В.Г. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. – 2008. – № 3. – С. 160–169.

5. Марков, С.М. «Книга перемен» в духовной традиции дальневосточной культуры / С.М. Марков // Ученые записки КнАГТУ (Комсомольск-на-Амуре). – 2018. – Т. 2. – № 3(35). – С. 35–40.

6. Шпринцын, А.Г. Китайский новый алфавит (латинизация), диалекты и общелитературный язык / А.Г. Шпринцын // Страны и народы Востока. – 1973. – Вып. XV. – С. 309–321.

7. 中华人民共和国国家通用语言文字法 («Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзы фа»). – Закон КНР о национальных языках и письменности. Принят ВСНП 31.10.2000 г.; вступил в силу с 01.01.2001 г. – URL: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-08/31/content_27920.htm (дата обращения: 05.09.2019 г.).

УДК 069.51:008 (571.6+510)

Белькова Т.М.*, г. Хабаровск, Россия

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОСУДЫ ИЗ ФАРФОРА И ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ В СОБРАНИИ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ

В статье впервые дана история формирования коллекции китайской посуды из глазурованной керамики и фарфора в собрании Гродековского музея. Полученные результаты исследования коллекции подтверждают тесную межкультурную коммуникацию на Дальнем Востоке России с сопредельными странами в конце XIX – первой половине XX вв.

Ключевые слова: китайский фарфор, китайская посуда, музейные коллекции, межкультурная коммуникация, культурное наследие, быт народов Дальнего Востока.

Belkova T.M., Khabarovsk, Russia

THE COLLECTION OF PORCELAIN AND GLAZE CERAMIC CHINESE TABLEWARE IN KHABAROVSK REGIONAL MUSEUM AFTER N.I. GRODEKOV

This article is at once a general survey of Chinese tableware from porcelain and glaze ceramics at the Khabarovsk territorial museum after N.I. Grodekov. We focused mostly on the context of Chinese ceramics and porcelain life in the Russian Far East. In general, the results confirm close intercultural communication in the Russian Far East with China from early Qing dynasty.

Key words: Chinese ceramics, Chinese porcelain, porcelain collection, ceramics collection, intercultural communication, Russian Far East.

К настоящему времени в музеях мира и в частных коллекциях скопилось огромное количество образцов китайский керамики. Среди экспонатов по китайскому искусству и культуре посуда из фарфора и глазурованной керамики, как правило, занимает одно из ведущих мест в коллекциях. Китай в этом виде производств одним из первых достиг высокого технологического и художественного уровня, получил мировую известность и широкое распространение [4]. Изобретенная и освоенная китайскими мастерами техника изготовления фарфора и глазурованной керамики обеспечила создание произведений, отличающихся изысканностью форм, тонкой и виртуозной росписью простых декоративно-символических узоров и слож-

* **Белькова Татьяна Михайловна,** научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.
Belkova Tatyana Mikhailovna, Researcher of the Research sector of ethnography of the Khabarovsk Regional Museum after N.I. Grodekov.
E-mail: tbelkova@gmail.com

ных тематических композиций. В результате последовательной эволюции искусство изготовления и росписи фарфора в Китае обрело устойчивые особенности – композиционные и стилистические [3]. Лучшие образцы китайской керамики стали объектом восхищения еще в эпоху династии Тан: ей были посвящены трактаты и даже поэтические произведения, но признание на мировом уровне как продукт высокой художественной ценности ей принесла возникшая в период Средневековья потребность на европейском рынке [1]. В музеях России находится много оригинальных произведений китайского фарфора и керамики, не исключением стал Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова. В музей, образованный в 1894 г., с первых же дней работы стали поступать предметы культуры, быта, прикладного искусства стран Азии. Повышенный интерес к истории и культуре сопредельных стран был обусловлен всесторонним усилением позиций России на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Накоплению знаний по Китаю способствовало географическое расположение и протяженная совместная граница, веками сложившиеся торговые маршруты между китайцами, маньчжурами и коренными народами Дальнего Востока России, строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), деятельность членов Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПОИРГО), торгово-промышленные отношения по Амуру. Всё это в комплексе способствовало формированию китайской коллекции в Гродековском музее. Собранные предметы, по большей части случайным образом и не специалистами, как правило, доставлялись в региональный центр (в Хабаровск как центр Приамурского генерал-губернаторства). То, что представляло материальную ценность, продавалось, но в основном передавалось в дар музею в качестве сувениров или трофеев. Чтобы сделать выводы в результате каких обстоятельств китайская посуда попадала на территорию Дальнего Востока России, необходимо провести изучение учетной документации на поступления китайской посуды в музей.

В 2019 г. в ходе подготовки каталога по культуре Китая в собрании Гродековского музея, было выявлено 128 единиц хранения китайской посуды из глазурованной керамики и фарфора. Из них 6 предметов получены в результате археологических раскопок, а о 75 предметах известно только то, что они поступили в музей в досоветский период. Восстановить какие-либо сведения представляется маловероятным, но по косвенным предположениям из архивных источников о деятельности ПОИРГО, например, из газеты «Приамурские ведомости» (1895–1917 гг.), где периодически публиковались сведения о пожертвованиях в музей ПОИРГО, можно сделать определенные выводы. Остальные предметы поступили от жителей края в разное время во второй половине XX в. Ниже изложена информация о поступлениях и истории бытования китайской посуды из фарфора и глазурованной согласно учётным документам музея.

Рисунок. Коллекция китайской посуды из фарфора из глазурованной керамики в собрании Гродековского музея: *1* – пиала (ХКМ КП 8384/12); *2* – чайник (ХКМ КП 8724/1); *3* – ложка суповая (ХКМ КП 8731/2); *4* – тарелка «Играющий лев» (ХКМ КП 9233/15); *5* – чашка для чая (ХКМ КП 8727/39); *6* – глубокая тарелка (ХКМ КП 8732/2); *7* – супница (ХКМ КП 8725/3); *8* – чайный сервиз из трёх предметов (кружка чайная; сахарница; чайник) (ХКМ КП 13429/31,32,33)

1. Чаши (3 полных и 3 чаши с утратами фрагментов) под учетным номером ХКМ КП 6793/1-6 были обнаружены в ходе археологических раскопок в 1958 г. у с. Дубровое Малышевская протока (место проживания нанайцев). Кто производил раскоп пока не установлено. На учет было поставлено В.П. Сысоевым.

2. Пиала под учетным номером ХКМ КП 8384/12 была передана в дар музею старожилами (Горбунова Любовь Максимовна) села Екатерино-Никольское Октябрьского района ЕАО в июне 1981 г. Со слов дарителя, пиала использовалась в домашнем быту ещё её родителями. Как пиала попала в домашний обиход сведений не сохранилось. Есть только предположение, что в ходе меновой торговли с китайцами, которые поставляли товары из Китая на территорию Дальнего Востока России.

3. Китайская посуда со следующими учётными номерами: ХКМ КП 8724/1-5; ХКМ КП 8725/1-3; ХКМ КП 8727/1-6,10-14,16-18,20-23,29-39; ХКМ КП 8730/4; ХКМ КП 8731/1-5; ХКМ КП 8732/1-4,8; ХКМ КП 9233/6,7,9-25, 30-32,37-39; ХКМ КП 9235/4,6 – комплектовалась в досоветский период, но на госучет была поставлена в 1983 г. Каких либо записей и пометок к этой коллекции не прилагается, поэтому установить принадлежность владельцу, место бытования, кто и где проводил сборы установить трудно. Из кратких пометок в музейной книги поступлений известна только страна происхождения.

4. Сервиз чайный «Геометрический» (ХКМ КП 12570/3-9) был передан в дар хабаровчанкой Косицыной Аэлитой Александровной в июле 2007 г. Со слов А.А. Косицыной, сервиз принадлежал её родственнице Любови Николаевне Корсаковой, которая привезла его после Второй мировой войны из Маньчжурии, где она служила секретарем-машинисткой штаба армии.

5. Фарфоровой чайный сервиз «Лимонный» с жанровыми сценками китайского лубка (ХКМ КП 12641/1-5) был приобретен у Крайз Евгении Иосифовны, продавца салона-галереи Дальневосточного художественного музея г. Хабаровска в 2007 г.

6. Чайный сервиз (ХКМ КП 13429/31-33) из трёх предметов (чайник, сахарница и пиала) в 2015 г. в составе большой коллекции были переданы Садченко Валентином Дмитриевичем, последним руководителем филиала «Иновещание г. Хабаровска».

За последние 4 года в фонды музея поступило только 4 предмета китайской посуды – сервиз из трёх элементов (молочник, чашка чайная и блюдце) от сотрудника музея Ковалевич Екатерины Леонидовны в 2017 г. (посуда бытовала в семье её сестры г. Бикин Хабаровского края) и сувенирная кружка для заваривания листьев чая от делегации Хэбэйского педагогического университета в июле 2018 г. в рамках форума высших учебных заведений России и Китай, проходившего в г. Хабаровске.

В ходе анализа данной коллекции из-за неполной атрибуции предметов при постановке на учёт возник ряд проблем относительно наиболее интересных экспонатов, поступивших в конце XIX – первой половине XX в. Прежде всего, они связаны сомнительной датировкой и неустановленной региональной принадлежностью (в учётной документации отмечено как «Китай» без какой либо уточняющей информации). Кроме того, отсутствовали легенды бытования и данных об источниках поступления в музей. Ценные сведения, которые могли бы помочь в историко-культурной экс-

пертизе, были утрачены в 1950-е гг. при массовом списании многих предметов культуры сопредельных стран как непрофильных и передачи самых интересных экземпляров в центральные музеи страны, а другие были приняты на госучет в ходе сверки наличия фондов только с 1998 г. уже с утратой практически всей информации. Поэтому на сегодняшний мы можем судить о ценности большей части этой коллекции только по косвенным и предположительным сведениям, что значительно занижают её историческую и культурную значимость.

Обобщая выводы об истории формирования китайской посуды из глазурованной керамики и фарфора в фонды музея условно можно выделить несколько типов источников поступления и бытования.

1. Китайская керамическая и фарфоровая посуда имела бытование у коренных народов Дальнего Востока России, не имевших высокотехнологического уровня её производства и предпочитавших приобретать ее в ходе меновой торговли у китайцев. Кроме того это еще и обусловлено географической близостью к исторически сложившимся центрам керамического производства, располагавшимся на территории Китая и Кореи. Доказательством тому служит присутствие многочисленных фрагментов глазурованной керамики и фарфора практически во всех археологических памятниках на территории Дальнего Востока России. Так, по мнению Е.В. Гельман, изучение сложной керамики и фарфора дает широкие возможности для решения вопросов определение культурной принадлежности, взаимовлияний разных культур и торговых связей [2, с. 5].

2. Китайская посуда бытовала у славян-переселенцев на Дальнем Востоке. За неименем собственной, посуду, как правило, закупали у приграничных торговцев. Бытование китайской посуды среди славянского населения объясняется тем фактом, что в течение достаточно длительного времени переселенцы, в силу еще не сформированных собственных производств, вынуждены были пользоваться тем, что можно было приобрести на месте. Особенно это касалось хрупкой посуды, которую было крайне тяжело транспортировать с собой из западных регионов страны.

3. Наиболее изысканные образцы китайской глазурованной керамики и фарфора в фонды музея поступило в досоветский период от членов ПОИРГО, крупных хабаровских купцов и меценатов, строителей и инженеров КВЖД. Об этом свидетельствует местная хроника в «Приамурских ведомостях» с 1895 по 1917 гг., где фиксировались некоторые поступления. К сожалению, не все предметы, поступившие в музей в этот период, были своевременно поставлены на учет. По этой причине со временем были утеряны сведения о источнике поступления.

4. В советский и современный период китайская посуда поступает в фонды музея в большинстве случаев в качестве презентов и сувениров от делегаций из Китая, зарубежных поездок, в результате приобретений жителей Дальнего Востока России.

Коллекция китайской посуды в фондах Гродековского музея отражает определённые торгово-экономические и культурные связи между русским населением, коренными народами Дальнего Востока России и населением Китая. Археологические находки китайской керамики в фондах музея являются свидетельством тесного соприкосновения и взаимовлияний между народами Северо-Восточной Азии. Использование в домашнем хозяйстве жителями Дальнего Востока России китайской посуды из фарфора и глазурованной керамики представляет собой яркий пример взаимодействия цивилизаций, взаимопроникновения культур. Длительное бытование китайской традиции в декоративно-прикладном искусстве коренных народов Дальнего Востока России значительно обогатило художественный и технический арсенал мастеров, активизировало их творчество, придало ему большую декоративность. Дальнейшее изучение китайской коллекции из Гродековского музея позволит более полно раскрыть степень взаимного культурного обогащения, пограничные отношения на первичном уровне между российским и китайским государствами.

Список литературы

1. Арапова, Т.Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа: конец XIV – первая треть XVIII в. : каталог / Т.Б. Арапова. – Ленинград : Аврора, 1977. – 134 с.

2. Гельман, Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья / Е.И. Гельман. – Владивосток : ДВО РАН, 1999. – 222 с.

3. Люй Цзечжан. Композиционные особенности живописи на фарфоре Китая: автореф. дис. … канд. искусствоведения : 17.00.04 / Люй Цзечжан; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2008. – 23с.

4. Яковлева, И.Г. Китайский фарфор эпохи поздняя Цин (1796–1911). Художественные традиции в культурном контексте : дис. … канд. искусствоведения : 17.00.04 / И.Г. Яковлева. – Санкт-Петербург, 2010. – 247 с.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

УДК 323.15 (571.62):316.356.2

Абатурова Л.Г.[*], **Соколова Т.Б.**[**], г. Хабаровск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НАНАЙСКОЙ СЕМЬИ)

В новой социально-политической и информационной ситуации в российском социуме происходит динамичные изменения социальных характеристик молодого поколения. Авторами в статье дается осмысления проблем социальной защиты и адаптации молодых семей, связанных с изменением социально-экономических основ и кризисными ситуациями в различных сферах жизни общества, а также её этнической идентичности.

Ключевые слова: идентичность, этнос, семья, молодая семья, статус молодой семьи, социум, молодое поколение, социальная группа, социализация молодежи, группа риска.

Abaturova L.G., **Sokolova T.B.**, Khabarovsk, Russia

ETHNIC IDENTITY CONSTRUCTION FOR PEOPLE IN KHABAROVSK TERRITORY (THE CASE OF MODERN NANAIAN FAMILY)

In the new socio-political and information situation in the Russian society there are dynamic changes in the social characteristics of the younger generation. The article is devoted to an understanding of the problems of social protection and adaptation of young families. It's connected with changes in socio-economic foundations and crises in various spheres of society and its ethnic identity.

Key words: identity, ethnos, family, young family, young family status, society, young generation, social group, youth socialization, risk group.

В новой социально-политической и информационной ситуации в российском социуме происходят динамичные изменения социальных характеристик молодого поколения. При этом проявляются региональные, нацио-

[*] **Абатурова Людмила Григорьевна**, канд. экон. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Abaturova Lyudmila Grigoryevna, Candidate of Economic Scince, Associate Professor, Far Eastern State Transport University.
E-mail: srs2@festu.khv.ru

[**] **Соколова Татьяна Борисовна,** канд. социол. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Sokolova Tatyana Borisovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Far Eastern State Transport University.
E-mail: srs2@festu.khv.ru

нальные, социально-экономические различия между отдельными слоями и группами молодежи. В условиях кризиса общественного устройства, вызванного изменениями в политике и экономике, возврат к первоосновам жизни человека приобретает особую актуальность. К таким первоосновам, несомненно, относится семья, проблема социального благополучия которой стоит сегодня достаточно остро.

Экономический кризис больно ударил по всем слоям населения и по семье, особенно – молодой семье. Эта социальная группа представляет собой не только группу риска, но и будущее страны, государства, поэтому ее жизнедеятельность и ее проблемы требуют внимательного изучения.

Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью; в ней вырабатываются совокупность норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих взаимодействие между супругами, родителями и детьми, детей между собой.

Отмечая особый статус молодой семьи в решении демографических и социально-экономических проблем российской молодежи, необходимо отметить, что молодая семья является одним из основных институтов социализации молодежи. И не случайно в настоящее время молодые семьи, которых сегодня в России около 10 миллионов (а это – более 30 миллионов граждан России), выделены в особую категорию.

Российские социологи, рассматривая молодую семью в рамках концепции жизненного цикла, делают акцент на отношениях супружества, усвоение новых семейных ролей, в первую очередь отцовства и материнства. «В этой связи доминирующим направлением государственной политики в отношении молодой семьи может и должна стать поддержка именно многодетной семьи, которая выражает суть семейного образа жизни. Так, с точки зрения демографии под термином «молодая семья» имеется в виду семья, имеющая одного и более детей, в том числе неполная, состоящая из одного молодого родителя» [3, с. 74].

Молодая семья, являясь одновременно социальной группой и общественным институтом, относится к особым, фундаментальным группам общества. Находясь в сложных взаимоотношениях с обществом, подвергаясь влиянию со стороны его экономической, политической и правовой систем, молодая семья оказывает свое воздействие на общество [2]. Прежде всего, своей воспроизводящей функцией, понимаемой в самом широком смысле слова, как воспроизводство членов общества.

Современная молодая семья переживает сложный этап эволюции – переход от традиционной модели к новой. Существенно меняется роль семьи: 67 % составляют простые семьи, состоящие из супружеской пары с детьми или без них. Число родившихся в таких семьях не позволяет обеспечить простое воспроизводство численности населения. Растет число детей, родившихся вне брака. Сокращается число заключенных браков, большинство разводов приходится на молодые семьи. Число семей, где расторгнут брак,

но есть дети, составляет почти 70 % от общего числа. Изменяются виды семейных отношений, иными становятся система власти и подчинения в семейной жизни, роли и функциональная зависимость супругов, положение детей [2, с. 394]. С каждым годом увеличивается количество гражданских браков, где лидирующее положение занимают молодые пары. Количество молодых людей в возрасте до 16 лет сократилось на 3 млн, т.е. почти на 10 %. Детское население страны составляет в настоящее время около 37 млн человек. В ближайшие 2–3 года детей в школах станет на 33 % меньше.

Вместе с тем следует отметить, что в Российской Федерации в настоящее время особое внимание уделяется благополучной молодой семье. Отметим, что тип благополучной молодой семьи, состоящей в зарегистрированном браке и ориентированной на рождение детей, принят в качестве исходного ориентира для концептуальной модели молодой семьи. Согласно Основам государственной молодежной политики до 2025 г. (далее – Основы ГМП до 2025 г.), утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Молодая семья – семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст супругов увеличивается до 35 лет) [3, с. 166]. Российский социолог Т.К. Ростовская обращает внимание на то «…что именно молодые супруги, состоящие в первом браке, нуждаются в наиболее активной поддержке в первые три года семейной жизни, поскольку не имеют достаточного опыта и впервые проходят семейную социализацию». В этой связи ученый отмечает ряд следующих специфических особенностей членов молодой семьи, осложняющих процесс выполнения семьей социально значимых функций: «…освоение супругами новых социальных ролей; нестабильность внутрисемейных отношений; повышенные финансовые потребности в связи с необходимостью осуществления процесса становления семейной жизни» [3].

Обозначенные проблемы связаны прежде всего с низким уровнем предбрачной подготовки к семейной жизни; изменением в системе духовно-нравственных ценностей; разрушением этнокультурной идентичности; переосмыслением ценностных значений понятий «отцовство», «материнство», «детство».

Исследователи Е.В. Жижко и С.Д. Чиганова, рассматривая молодую семью и проблемы ее жизнедеятельности, предполагают включить в генеральную совокупность семей, обладающих следующими характеристиками:

– молодые люди состоят в зарегистрированном браке либо проживают совместно и ведут общее хозяйство (гражданский брак);

– возраст супругов до 30 лет;

– продолжительность совместной жизни – до 3 лет (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности совместной жизни).

Современные молодые семьи (как и все семьи) можно классифицировать по нескольким основаниям, например, по структуре это могут быть

полные и неполные семьи. Прежде чем рассматривать социально-экономические проблемы молодых семей обозначим основные тенденции, которые характерны современным молодым семьям. Молодая семья достаточно ярко иллюстрирует ситуацию, сложившуюся сегодня в брачно-репродуктивной сфере в России.

Вступление молодежи в репродуктивный возраст предполагает формирование определенного отношения к институту семьи и брака. У молодых людей складываются представления (реальные или проектируемые) о своей семье и собственной родительской деятельности. Материалы исследований 90-х гг. XX в. явно отражали старинную русскую традицию раннего заключения браков и формирования семьи традиционного типа, когда молодая пара входит в состав родительской семьи.

На сегодняшний день в целом по России возраст вступления в брак постепенно увеличивается (поэтому, нуждается в пересмотре и понятие «молодая семья»). К сожалению, официальная статистика дает разбивку возраста вступления в брак без учета первых и последующих браков и по укрупненным возрастным группам. В младшей возрастной группе (18–24 года) доля вступающих в брак уменьшается, причем более интенсивно среди мужчин, чем среди женщин.

Также возрастает и количество разводов в молодых семьях, две трети браков распадается. При этом распадаются в первую очередь именно молодые семьи. Более 70 % всех разводов совершаются впервые 5 лет совместной жизни – статистика разводов показывает, что первая критическая точка приходится на этап формирования молодой семьи. Первая кризисная ситуация связана с рождением ребенка и объективными семейными трудностями, возникающими при этом: перед супругами встает целый ряд проблем, касающихся материально-бытовых условий жизни. Статистика администрации Нанайского района Хабаровского края в 2018 г. показывает, что число разводов уменьшилось на 2,5 %.

Следующей причиной разводов в молодой семье является психологическая неподготовленность молодежи к семейной жизни. К сожалению, сегодня большая часть молодежи не получает от семьи и общества достаточных знаний и умений по созданию собственной семьи и решению семейных конфликтов путем компромиссов во имя семьи. Почти каждая пятая молодая семья остро нуждается в психологическом консультировании.

В результате проблемы в межличностном общении, нерешенность социально-бытовых проблем молодых семей и недостаточная государственная поддержка впервые годы супружества приводят к семейным конфликтам, способствующим распаду семьи.

Особую категорию молодых семей представляют студенческие молодые семьи, в которых один или оба супруга являются студентами дневных отделений вузов. Студенческая молодежь имеет свои особые функции в обществе, никакой другой социально-демографической группой не замещаемые и не реализуемые. Студенческая молодежь сразу воспринимает все новое,

выработанное предшественниками в науке, технике, в образовании, в культуре, литературе и искусстве, во всех сферах жизнедеятельности человека. Ее жизненный старт находится на более высокой ступени, чем был у современных для нее взрослых и пожилых. Вместе с тем, студенчество только вступает в общественную жизнь, оно менее интегрировано в существующие социально-экономические, идейно-политические, семейно-бытовые процессы.

Тем не менее студенческая семья характеризуется большей стабильностью, чем любая другая молодая семья. Это обусловлено тем, что «супруги объединены общими интересами и взглядами, их действия направлены на учебу, но в то же время студенческая семья характеризуется большей зависимостью от родителей, поскольку не имеет серьезных источников доходов» [4, с. 167]. Одной из проблем молодых людей сегодня является проблема трудоустройства. Среди негативных моментов на рынке трудоустройства следует отметить дискриминационные явления при приеме на работу граждан, наиболее нуждающихся в социальной защите, в первую очередь, женщин, имеющих малолетних детей, молодежи; крайне недостаточное число предлагаемых вакансий для лиц с высшим образованием и в то же время низкий уровень оплаты труда.

Благополучие молодых семей во многом зависит от условий жизни, а конкретнее – от имеющегося у них жилья. Значительная часть членов молодых семей в той или иной степени нуждается в улучшении жилищных условий.

Таким образом, молодая семья характеризуется нестабильностью внутрисемейных отношений, связанной в первую очередь, с освоением каждым членом семьи социальных ролей, своеобразием процесса становления молодой семьи, а также недостаточным уровнем материальной и финансовой обеспеченности.

Список литературы

1. Зубок, Ю.А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина. – Москва : Перспектива, 2016.

2. Иваненков С.П. Психология семьи / С.П. Иваненков, Д.Я. Райгородский. – Москва : Бахрах-М, 2012.

3. Ростовская, Т.К. Статус молодой семьи в современном российском обществе / Т.К. Ростовская // Человек в мире культуры. Региональные и культурологические исследования. – 2014. – № 3(11).

4. Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2010. – № 11.

УДК 331.556.4(571.6)

Ващук А.С.[*], г. Владивосток, Россия

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ (2012–2018)[**]

В докладе на основе выявленных источников и применения элементов синтетической методологии определены новые тенденции в политике привлечения иностранных трудовых мигрантов в 2012–2018 гг. Выявлены факторы, повлиявшие на новые тренды в потоках ИРС на российском Дальнем Востоке. Сделаны выводы, что новые тренды стали результатом столкновения следующих двух тенденций: прагматизма в политике привлечения трудовых ресурсов и обеспечения социально-политической безопасности в пограничном регионе.

Ключевые слова: Россия, иммиграционная политика, иностранные трудовые мигранты Дальний Восток, страны-доноры, социально-политическая безопасность.

Vashchuk A.S., Vladivostok, Russia

EMERGING TRENDS IN ATTRACTING FOREIGN LABOR MIGRANTS TO THE RUSSIAN FAR EAST (2012–2018)

The report identifies new trends in the policy of attracting foreign labor migrants in 2012–2018 on the basis of the identified sources and the use of synthetic methodology elements.the factors that influenced the new trends in IRS flows in the Russian far East are Identified. It is concluded that the new trends were the result of the collision of the following two trends: pragmatism in the policy of attracting labor resources and ensuring socio-political security in the border region.

Key words: Russia, immigration policy, foreign labor migrants far East, donor countries, socio-political security.

Дискуссии о необходимости привлечения в российскую экономику иностранной рабочей силы ведутся уже давно, и Дальний Восток России в них занимает одно из ведущих аспектов. Следует вспомнить, что с 1990-х гг. Россия приобрела некоторый опыт регулирования иностранных трудовых потоков в регионах страны. Чтобы наиболее рельефно показать новизну

[*] **Ващук Ангелина Сергеевна,** д-р ист. наук, проф., заведующий отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
Vashchuk Angelina Sergeevna, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Social and Political Sesearch of the Institute of history, archaeology and Ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS.
E-mail: va_lina@mail.ru

[**] Доклад подготовлен при поддержке Президиума Дальневосточного отделения Российской академии наук, проект № 18-5-057 «Приграничные регионы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987–2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности».

периода 2012–2017 гг., можно вспомнить некоторые моменты изучаемого явления предшествующего этапа.

Постсоветское правительство унаследовало российскую и советскую традицию относительно Дальнего Востока: ставить на повестку дня одновременно два вопроса: как решить дефицит ресурсов и как обеспечить социально-политическую безопасность в связи с присутствием мигрантов, в том числе иностранных. Хотя был небольшой отрезок времени в 90-е гг. XX в., когда в условиях развала советской экономики и роста безработицы вопрос о трудовых ресурсах на Дальнем Востоке отошел на второй план. Созданные новые территориальные органы УФМС в 90-е гг. занимались обустройством беженцев и вынужденных переселенцев, боролись с нелегальной и незаконной китайской миграцией, пытались контролировать оставшихся с советских времен на территории северокорейских рабочих. Миграционные процессы на Дальнем Востоке оказались в центре дискуссии о желтой опасности [1; 2; 6; 7]. К концу 1990-х гг. властям удалось навести относительный порядок в пребывании псевдотуристического китайского потока на юге Дальнего Востока. С начала 2000-х гг. смыслом иммиграционной политики становится борьба с незаконной миграцией. Так, в 2002 г. ФМС России была передана в ведомство МВД.

Дискуссии вокруг незаконной миграции, проходившие на различных площадках в центре и в регионе стимулировали разработку нового законодательства на федеральном уровне. Кроме того, в начале 2000-х гг. появился новый фактор, который значительно актуализировал внесение коррективов в иммиграционную политику – это увеличение трудового потока из стран-участников СНГ.

Специфика исторического момента 2005–2006 гг. состояла в том, что одновременно на уровне Президента РФ поднимается вопрос о развитии Дальнего Востока как главном инструменте обеспечения национальной безопасности российских территории [6, с. 148]. Региональные политики и экспертное сообщество мгновенно реанимировали тему трудовых ресурсов, вывели её на первый план дальневосточной политики. В это же время команда В.В. Путина предпринимает шаги по восстановлению роли государства в регулировании процесса обеспечения региона трудовыми ресурсами. Параллельно с 2007 г. в России вводится уведомительный порядок для трудовых мигрантов из стран СНГ. В 2007 г. численность въехавших в ДФО из стран СНГ, в основном и Узбекистана и Таджикистана и Украины, с целью работать, возросла почти на 13 %. по сравнению с предшествующим годом. В Приморье въехали в безвизовом порядке в 8,5 раз больше в 2006 г. Но при этом приморский губернатор С.М. Дарькин и большинство управленцев, а также экспертов оставались сторонниками привлечения рабочей силы из КНР.

После 2007 г. действия правительства по сокращению рисков в миграционной сфере на региональном уровне имели несколько особенностей,

но в основном в сфере правого регулирования. В 2008 г правительство предприняло меры по сокращению квоты в два раза в области привлечение иностранной рабочей силы в Россию на 2009 г. Но реально её в целом по стране смогли снизить только на 16,4 %. Для Дальнего Востока также снизили квоту, хотя не в таких масштабах.

В приграничном регионе власть постоянно балансировала между прагматическими возможностями использования ИРС и проблемами обеспечения социально-политической безопасности. В ходе такой ситуации и родилась политическая идея, которая, можно сказать, пришла из советского опыта – организованный набор иностранной рабочей силы на строительство объектов Саммита 2012 г во Владивостоке, но естественно в модернизационном формате. После завершения основных объектов для Саммита гастарбайтеров организованно отправили на родину и борьба с незаконной занятостью рабочих из Узбекистана активизировалась.

Региональной особенностью стало совпадение во времени решение двух политических задач: образование в 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока и его структур и принятие 13 июня 2012 г. новой миграционной концепции в РФ до 2025 г. На Дальнем Востоке одновременно внедрялись новые формы развития территорий, в частности ТОРы, Свободный порт Владивосток, и прослеживались попытки реализовать миграционную Концепцию 2012 г.

Принимая новую Концепцию миграционной политики, политическое руководство признало, что миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Среди региональной политической элиты, а также в информационном пространстве формируется мнение, что необходим переход от ситуационных принятий решений к стратегической. В 2015 г. появляется новая Программа «Повышение мобильности трудовых ресурсов», участниками которой стали дальневосточные субъекты». Она ориентирует работодателей на привлечение трудовых мигрантов из российских регионов.

Именно после образования нового министерства в дальневосточном губернаторском корпусе начинается ярко прослеживаться линия на сокращение неквалифицированной рабочей силы из КНР, при этом идет процесс смены работодателей. Привлечение иностранной рабочей силы предприятиями с китайскими инвестициями и предприятиями аффилированными с китайским бизнесом является новой тенденцией. По данным С.А. Иванова, в 2014 г. на территории Приморья из 354 предприятий, получивших разрешение на ввоз иностранной рабочей силы, 90 фирм были с китайскими инвестициями, 13 – аффилированными. Эти фирмы получили право ввести 6600 работников, т.е. 45 % от всей китайской рабочей силы [5, с. 36]. К тому же меняется и мотивация приезда граждан из КНР в Россию. В целом по

России доля граждан этой страны в составе всех поставленных на учет всех иностранных мигрантов с целью работы, в 2016 г. не превышала 2,5 %, считают эксперты [4]. Органы власти Дальнего Востока идут навстречу крупным кампаниям-инвесторам. Например, в Амурской действует крупнейший работодатель для легальных иностранных рабочих – ООО «Ренейссанс Хэви Индастрис», выигравшая в 2018 г. основной субподряд на строительстве Амурского газоперерабатывающего завода «Газпрома». Суммарная удовлетворенная заявка компании на 2019 г. составляет 12 722 чел.

В Приморье прослеживается курс на сокращения привлечения работников из Узбекистана. Например, с приходом на пост губернатора О. Кожемяко курс на сокращение привлечения рабочей силы в сельское хозяйство из КНР, приобрел характер жесткой установки для многих муниципальных образований [3]. Другой новой чертой ситуации на рынке привлечения ИРС стало резкое сокращение северокорейских рабочих на Дальнем Востоке, но это прямое следствие внешней политики – присоединения России к санкциям в отношении КНДР, связанных и испытанием ядерного оружия [9]. В 2017–2019 гг. появилась новая страна-донор, которая разрабатывает проекты экспорта рабочей силы из страны на Дальний Восток. В итоге квоты на 2019 г. в регионе были распределены следующим образом: Первое место среди работников-иностранцев из дальнего зарубежья занимают выходцы из КНР – 50 %, второе место у Турции – 30 %, третье у Индии – 7 % [8].

Рассматривая статистику разрешений и патентов, полученных иностранными трудовыми мигрантами, важно отметить, что число разрешительных документов в 2012–2016 гг. в ДФО снизилось с 156 тыс. до 73 тыс., а их доля в общем российском показателе упала с 6,4 в 2012 г. до 4,7 в 2016 г. [4, с. 91–92]. Но это, конечно, может свидетельствовать и о сохранении значительного числа не официально работающих трудовых мигрантов.

В итоге такой политики в 2012–2016 гг. отчетливо проявилась общая тенденция снижения общего положительного сальдо международной миграции в ДФО: оно сократилось в 1,7 раза, с 16 до 8 тыс. чел. [4] Особенно заметно снижение было в Приморском, Камчатском и только наблюдалось увеличение в Магаданской области.

Таким образом, политика привлечения ИРС в экономику региона в начале XXI в. характеризуется высокой степью динамизма, в этот период власти главное внимание уделяли законодательному регулированию, но многие изменения были связаны с целым набором факторов, которые исходили от стран-доноров или складывались под воздействием внешнеполитических обстоятельств. Яркая черта времени – смена политических позиций губернаторского корпуса в отношении привлечения ИРС. В значительной степени это стало результатом столкновения двух тенденций: прагматизма в политике привлечения трудовых ресурсов и обеспечения социально-политической безопасности в регионе. Прослеживаются также и последствия нового курса управления развитием территории.

Список литературы

1. Авраменко, С.В. Организация мероприятий по борьбе с незаконной миграцией на российско-китайской границе / С.В. Авраменко // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-meropriyatiy-po-borbe-s-nezakonnoy-migratsiey-na-rossiysko-kitayskoy-granitse (Дата обращения: 26.08.2019).

2. Алексеев, М. Китайская миграция на российском Дальнем Востоке / М. Алексеев // Эхо Москвы. – URL: https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1324796-echo/ (дата обращения: 27.08.2019).

3. Власти Приморья заявили о необходимости сокращения иностранной рабочей силы. – URL: https://konkurent.ru/article/22384 (дата обращения: 12.08.2019).

4. Донец, Е.В. Современные тенденции миграции в регионах дальневосточного федерального округа / Е.В. Донец, О.С. Чудиновских // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 4(206). – С. 91–92.

5. Иванов, С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае / С.А. Иванов // Ойкумена. – 2014. – № 4. – С. 35–46.

6. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / [А.С. Ващук, А.В. Друзяка, Е.Н. Чернолуцкая и др.]. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 224 с.

7. Ларин, В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX – начало XXI в.) / В.Л. Ларин. – Москва : Восток-Запад, 2005. – 390 с.

8. Щербаков, Д. Ввозные руки. Зачем дальневосточному бизнесу работники-мигранты вместо россиян в 2019 г. / Д. Щербаков // Информационно-аналитическое агентство «Восток России» (14.03.2019). – URL: https://www.eastrussia.ru/material/vvoznye-ruki/ (дата обращения: 05.09.2019).

9. Vashchuk, A.S. La main d'œuvre nord-coréenne en Russie / A.S. Vashchuk // Russie-2018: regards de l'Observatoire franco-russe. L'Observatoire franco-russe. – Paris, 2018. – С. 330–333.

УДК 342.26

Голубь А.Б.[*], **Голубь Л.В.**[**], г. Биробиджан, Россия

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИМИДЖА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье раскрываются вопросы формирования структурной модели имиджа региона посредством определения абсолютных (природных) и относительных (социально-экономических) факторов, позволяющие осмыслить процесс формирования современного имиджа Еврейской автономной области. Авторами демонстрируется теоретическая и практическая структурные модели имиджа ЕАО.

Ключевые слова: имидж, регион, Еврейская автономная область, факторы формирования имиджа региона, структурная модель.

Golub A.B., **Golub L.V.**, Birobidzhan, Russia

ON FORMING STRUCTURAL AND TERRITORIAL IMAGE OF THE REGION (THE CASE OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION)

In the article the questions of formation of the structural model of the region's image by determining the absolute (natural) and relative (socio-economic) factors that allow to understand the process of formation of the modern image of the Jewish Autonomous Region. The author demonstrates the theoretical and practical structural models EAO image.

Key words: image, region, the Jewish Autonomous Region, factors of formation of image of the region, the structural model.

В современном понимании имидж региона представляется нами как результат построения некой теоретической модели регионального развития, и как эффективный практический инструмент управления и выдвижения региона на лидирующие позиции.

Нам необходимо в первую очередь оценить все очевидные объективные и субъективные составляющие, которые формируют конкурентные преимущества и недостатки отдельно взятой территории.

[*] **Голубь Андрей Борисович,** канд. пед. наук, доц., председатель комитета по аграрной политике и вопросам природопользования Законодательного собрания Еврейской автономной области.
Golub Andrey Borisovich, Candidate of Pedagogic Sciences, Chairman of the Committee on agrarian policy and environmental issues of the Legislative Assembly of the Jewish Autonomous Oblast.
E-mail: andreygolub1981@mail.ru

[**] **Голубь Лилия Владимировна,** преподаватель Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.
Golub Lilia Vladimirovna, lecturer of the Sholem Aleichem Amur State University.
E-mail: andreygolub1981@mail.ru

Специфические особенности регионов, наличие значительных как исторических, так и географических отличий между ними обусловливают достаточно сильные их природные и социально-экономические различия. Этим и объясняется влияние на становление имиджа территории двух основных групп факторов влияния: абсолютных и относительных.

К абсолютным факторам относятся, факторы наличие и развитие которых напрямую не зависит от деятельности человека, но их наличие дает регионам хорошую основу для формирования своей привлекательности в имиджевом плане. К числу таковых факторов мы, прежде всего, относим географическое положение региона и обеспеченность его природными ресурсами такими.

Относительные факторы, носят сугубо субъективный характер и включают в себя историю освоения территории, обычаи и традиции народов населяющих регион, качественную и количественную оценку трудовых ресурсов, степень развитости региональной инфраструктуры, а так же уровень и степень освещения успехов в развитии различных сфер деятельности региона в средствах массовой информации и т.д. [3].

Именно поэтому, мы полагаем, что положительный имидж региона является не только практическим результатом разработанности человеком ресурсной базы данного региона, но и определенным следствием реализации на данной территории всей совокупности абсолютных и относительных факторов.

С точки зрения абсолютных (физико-географических) факторов, территория Еврейской автономной области характеризуется рядом негативных природных характеристик таких как:

– общая повышенная сейсмичность региона;

– сложный горный рельеф на северо-западе и заболоченная низменная равнина на юго-востоке;

– ярко выраженный муссонный характер климата, проявляющейся в холодной и малоснежной зиме – зачастую приводящей к усиленному вымораживанию почвы и наоборот влажным, душным летом, сопровождающимся, к тому же, во вторую половину большим подъемом воды, что приводит к значительному подтоплению отдельных участков области.

– процессы почвообразования на рассматриваемой территории довольно ослаблены, а сами почвы характеризуются своей повышенной кислотностью и маломощностью гумусового слоя.

Вместе с тем, в природном отношении Еврейская автономная область и выделяется на общем фоне юга Дальнего Востока своими благоприятными чертами, так как ее территория достаточно компактна и разнообразна в рельефе, а по набору обнаруженных в регионе полезных ископаемых вполне сравнима с легендарным Уралом [5].

Территория области достаточно комфортна и в агроклиматическом плане. На этой территории по уровню тепло- и влагообеспеченности спе-

циалистами выделяется целых семь агроклиматических районов, что дает потенциальную возможность аграриям возделывать здесь практически все сельскохозяйственные культуры, распространенные в Среднем Приамурье.

Богат регион своими поверхностными и подземными водами, а его растительный и животный мир не только уникален, но и при этом хорошо сохранился в естественном состоянии вплоть до нашего времени [1].

К ведущим относительным (социально-экономическим) факторам формирования имиджа территории Еврейской автономной области с полным основанием следует отнести: историю и культуру народов населяющих территорию, экономику региона и его социальную инфраструктуру.

Оценивая влияние такого фактора как, история и культура народов населяющих территорию и его влияние на современный имидж региона, нам представляется правомерным говорить о том, что:

– Еврейская автономная область имеет длительную и сложную историю освоения и заселения людьми различных национальностей и культур, что самым непосредственным образом отражается на ее современном имидже;

– образ и имидж этой территории последовательно эволюционировал от первоначального – «Земля, где люди живут в полной гармонии с окружающей их природой» до «Земля под радугой» для всех ее жителей, прибывших сюда в поисках своего счастья.

Но, главная особенность и подлинная уникальность этой территории в имиджевом отношении связана в первую очередь с еврейской тематикой, со строительством на этой земле такого национально-административного образования как Еврейская автономная область.

Осмысление общего процесса социально-экономического развития территории Еврейской автономной области позволило обнаружить в ее пределах реально существующие «исходные образования» – ядра и структурные оси, которые и формируют основой каркас территории. Все структурные элементы имеют различные размеры и происхождение, но все они непосредственно влияют на формирование имиджа региона. Соединив ядерные образования каркасными линиями, (т.е. осями) мы и получаем структурную модель Еврейской автономной области [2].

Таблица. Теоретическая структура имиджа Еврейской автономной области

Абсолютные факторы формирования имиджа территории	**Относительные факторы формирования имиджа территории**
1. Географическое положение	1. История и культура народов населяющих территорию
2. Геология, рельеф и полезные ископаемые	2. Экономика региона
3. Климат растительность и животный мир	3. Социальная инфраструктура

Наложив теоретическую модель на реальную географическую основу, мы можем констатировать тот факт, что:

– в отличие от теоретической модели имеющей общее направление с севера на юг (меридиональное) ее практическое построение принимает явно широтное направление, что связано с общей конфигурацией региона;

– совокупное воздействие абсолютных и относительных факторов формирования имиджа региона привело к образованию по крайне мере двух четко выраженных плоскостей или зон.

1. Южное или Приамурское направление сельскохозяйственного освоения, возникшее в середине XIX в. при заселении территории казаками и крестьянами. Данная зона охватывает 4 муниципальных района ЕАО (Октябрьский, Ленинский, Биробиджанский и Смидовичский) и включает в себя целый ряд сельских населенных пунктов.

2. Северо-Западное или Транссибирское направление промышленного освоения, возникшее в начале XX в. в связи с прохождением Транссибирской железнодорожной магистрали через территорию нынешней ЕАО. Данная зона охватывает 4 муниципальных образования ЕАО (Облученский, Биробиджанский, г. Биробиджан, Смидовичский).

В ходе дальнейшего исторического и социально-экономического развития региона начинают формироваться еще две зоны развития [4].

3. Северное направление или рекреационная зона, включающая в себя, санаторно-курортный центр Кульдур. В настоящее время зона значительно расширилась на Восток за счет вхождения в нее особо охраняемой природной территории заповедника «Бастак».

4. Центральное направление или зона нового освоения, занимающая срединное положение в регионе и включающая в себя Кимкано-Сутарский промышленный кластер.

Таким образом, для формирования и функционирование данных зон основную роль играют, ключевые населенные пункты и крупные градообразующие объекты, берущие на себя функцию ядер развития всей территории. В этом случае каждая зона отвечает за свое направление в общем развитии территории. При пересечении зон по аналогии с математической теорией Эйлера – Венна мы можем обнаруживать множества взаимосвязей возникающими между ними. Этим видимо и объясняется довольно интересная особенность в территориальной структуре региона, связанная с пересечением зоной нового освоения промышленной зоны и зоны сельского хозяйства.

Ниже представлена практическая модель геоисторической структуры формирования имиджа Еврейской автономной области (рисунок).

Анализ представленной схемы наглядно показывает, какие именно территории Еврейской автономной области оказываются в настоящее время наиболее эффективными зонами роста. Наложение (комплементарность) зон позиционирует территорию, как полифункциональную и потому позволяет ей выступать своеобразным имиджевым импульсом в развитии всего региона.

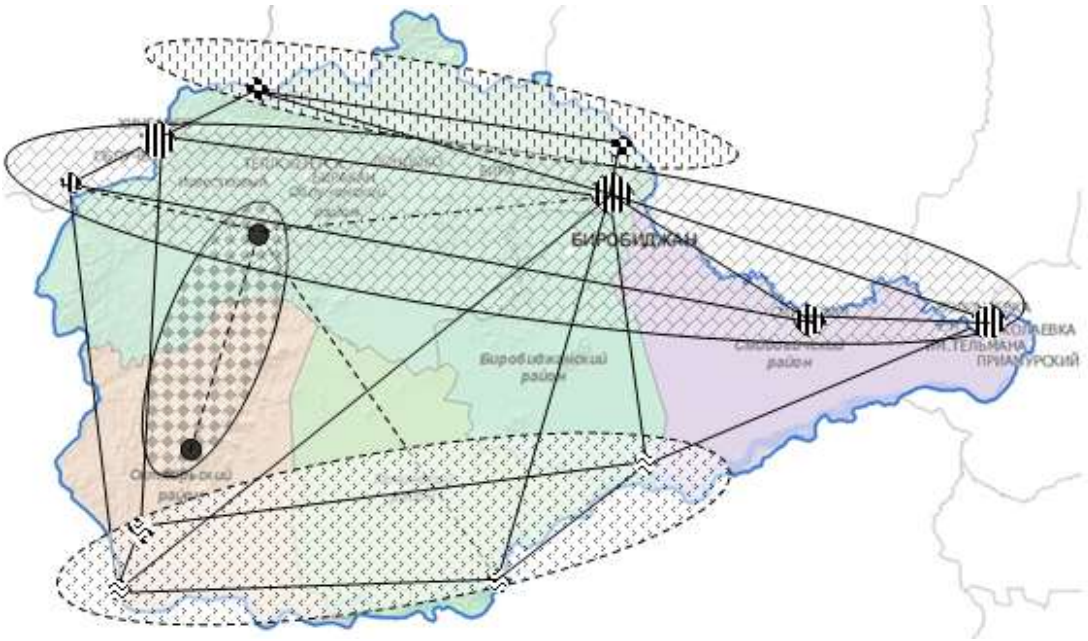

Рисунок. Геоисторическая структура формирования имиджа Еврейской автономной области: – ядро промышленной зоны ЕАО; – ядро сельскохозяйственной зоны ЕАО; – ядро рекреационной зоны ЕАО; —— – структурная ось; ---- – вновь создаваемые структурные оси; – зона промышленного освоения; – зона сельскохозяйственного освоения; – зона нового освоения; – рекреационная зона

Таким образом, в формировании позитивного имиджа Еврейской автономной области следует прежде всего опираться на наиболее сильные стороны, в числе которых особенности природной среды, историко-культурные и этноконфессиональные особенности территории, экологическая обстановка и возможности организации рекреационного туризма в регионе, а также потенциальные перспективы развития ТОСЭР. Вследствие этого нам представляется целесообразным рассматривать эти пять позиций, как фундамент построения позитивного имиджа Еврейской автономной области.

Список литературы

1. Голубь, А.Б. Некоторые теоретические подходы к пространственно-структурному анализу имиджа территории / А.Б. Голубь, Л.В. Голубь // Научно-образовательный журнал Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. Научно-образовательный журнал. – 2015. – № 4(21). – С. 22–33.

2. Голубь, А.Б. Имидж Дальнего Востока России: монография / А.Б. Голубь, науч. ред. В.Г. Шведов; Приамур. гос.ун-т. им. Шолом-Алейхема. – Биробиджан : ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2016. – 133 с.

3. Долгова, И.В. Имидж региона как ключевой фактор привлечения инвестиций / И.В. Долгова // Экономика, предпринимательство и право. – 2013. – № 3(20). – С. 15–34.

4. Еврейская автономная область: энциклопедический словарь. – Хабаровск : Риотип, 1999. – 368 с.

5. Рянский, Ф.Н. Еврейская автономная область / Ф.Н. Рянский. – Биробиджан : ИКАРП ДВО РАН, 1992. – 160 с.

УДК 323.1(571.62)

Завалишин А.Ю.[*], **Ким А.С.**[**], г. Хабаровск, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ (ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА, ИЮНЬ 2019)

В статье рассматривается проблема этнополитической конфликтогенности в Хабаровском крае. Аргументируется положение о том, что одним из значимых конфликтогенных факторов является отношение местного населения к этнической миграции. Определяются потенциальные риски негативных оценок в общественном мнении местного населения по отношению к этноконфессиональным отношениям, приводящих к формированию этнополитической конфликтогенности в Дальневосточном регионе.

Ключевые слова: этнополитика, Хабаровский край, Дальневосточный регион, этнополитическая конфликтогенность, этническая миграция, потенциальные риски.

Zavalishin A.Y., **Kim A.S.**, Khabarovsk, Russia

ETHNOPOLITICAL CONFLICTOGENITY IN KHABAROVSK TERRITORY (BASED ON MONITORING DATA, JUNE 2019)

The article deals with the problem of ethno-confessional conflict potential as a factor weakening the geopolitical position of Russia in Northeast Asia. It justifies the position that one of the conflict factors is the attitude of the local population to ethnic migration. Potential threats of negative assessments in the public opinion of the local population in relation to ethno-confessional processes that lead to the formation of geopolitical risks in the Far Eastern region are identified.

Key words: ethnic policy, Khabarovsk kray, the Far Eastern region, ethnopolitical conflict background, ethnic migration, potential risks.

Этноконфессиональные отношения в Хабаровском крае, как и на всем Дальнем Востоке России, имеют особую значимость в аспекте этнополитики. Этнополитический ракурс рассмотрения межэтнических и межконфессиональных отношений проявляется в следующем. Во-первых, этнополитическое состояние края определяется спецификой Дальнего Востока как

[*] **Завалишин Андрей Юрьевич,** д-р социол. наук, доц., заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.
Zavalishin Andrey Yurievich, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Social and Human Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.
E-mail: native59@rambler.ru

[**] **Ким Александр Сергеевич,** д-р полит. наук, проф., профессор Хабаровского государственного университета экономики и права.
Kim Alexander Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Professor at Khabarovsk State University of Economics and Law.
E-mail: stosorok2005@yandex.ru

приграничного и трансграничного региона [3]. Во-вторых, этнополитичность этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае обусловлена постсоветской этнической миграцией на Дальний Восток из бывших республик СССР. Вследствие этого наблюдается мультипликативный эффект в виде наложения этномиграционных потоков, в котором переплетаются демографические, социальные, экономические и этноконфессиональные составляющие. Итогом таких процессов становится расширение присутствия групп людей с другой культурой и религией, что порождает предпосылки конфликтных ситуаций в сфере этнополитических отношений, т.е., этнополитическую конфликтогенность [1, с. 3]. Сама по себе последняя не является непосредственным условием формирования этнополитического конфликта. И в этом смысле она отличается от этнополитической конфликтности. Однако, если рассматривать ее как совокупность различных условий, имеющих характер потенциальных рисков, то при определенных условиях этнополитическая конфликтогенность может развиться в этнополитический конфликт.

Одним из значимых аспектов этнополитической конфликтогенности является вопрос об отношении местного населения к этнической миграции, характеризующейся инокультурностью и религиозными отличиями. Именно поэтому весьма важно выявлять и определять потенциальные угрозы, которые возникают в результате проявления негативных оценок в общественном мнении местного населения по отношению к этноконфессиональным процессам. А именно: каким образом эти риски способствуют формированию этнополитических угроз в Хабаровском крае.

Важным источником для получения аналитических данных является мониторинг этноконфессиональных отношений, который проводится в Хабаровском крае с конца 2016 г. Цели и задачи мониторинга были определены Федеральным агентством по делам национальностей в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 1532 от 29 декабря 2016 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». Они состоят в выявлении следующих показателей: 1) доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве опрошенных граждан; 2) уровень общероссийской гражданской идентичности; 3) доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, в общем количестве опрошенных граждан; 4) доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, в общем количестве опрошенных граждан.

В июне 2019 г. в ходе первого мониторингового исследования было опрошено 2035 чел. (включая участников массового анкетного и экспертного опроса в 19 муниципальных образованиях края, фокус-группы в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре). Выборка состава респондентов массового анкетного опроса осуществлена по 7 анализируемым категориям:

1) полу, 2) возрасту, 3) месту жительства, 4) национальности, 5) образованию, 6) отношению к религии, 7) материальному положению [2]. По состоянию на июнь 2019 г. получены следующие результаты. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве опрошенных граждан – 70,3 %; уровень общероссийской гражданской идентичности – 57,0 %; доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам – 74,5 %; доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии – 91,4 % [2].

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы по содержанию этнополитической конфликтогенности в Хабаровском крае.

1. Состояние этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае по данным мониторингового исследования, проведенного в июне 2019 г. Автономной некоммерческой организацией «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций», в целом, стабильное и удовлетворительное с точки зрения уровня этнополитической конфликтогенности во всех проанализированных социальных категориях. Этот уровень остается низким и практически не изменялся за весь период исследований (с 2016 по 2019 г.).

2. В то же время существуют потенциальные риски возникновения социальной напряженности в сфере межэтнических отношений, наибольшая вероятность которой связана со следующими долговременными факторами: конкуренцией на рынке труда и безработицей; увеличением числа этнических мигрантов; вызывающим поведением представителей некоторых национальностей, игнорирующих нормы поведения и обычаи старожильческого населения Хабаровского края.

Общая характеристика конфликтогенной ситуации, сложившейся на сегодняшний день на основе анализа результатов мониторинга позволяют определить следующие группы потенциальных рисков с точки зрения этнополитической конфликтогенности.

1. Отсутствие эффективного регулирования миграционных и социально-экономических процессов приводит не просто к увеличению этномиграционного потока, но и диспропорциям на рынке труда. Своим последствием это имеет интенсификацию контрпродуктивного отношения к этнической миграции. Этнополитическая конфликтогенность состоит в риске проецирования негативного отношения на представителей нерусского старожильческого населения по фенотипическим признакам.

2. На фоне нарастания протестных настроений, свидетельством которых являются результаты выборов Губернатора Хабаровского края (сентябрь 2018 г.) и выборов в Законодательное собрание и муниципальные органы власти Хабаровского края (сентябрь 2019 г.), обусловленных общим ухудшением социально-экономической ситуации и непопулярными решениями государственной власти, наблюдается рост неудовлетворен-

ности уровнем социальных гарантий повышения качества жизни и отсутствия социальных перспектив дальнейшего проживания в Хабаровском крае. Следствием этого является, с одной стороны, рост миграционных ожиданий местного населения на выезд за пределы Дальневосточного региона; с другой стороны, возникает риск трансфера социального недовольства, нереализованного запроса на социальную справедливость, в этническую ксенофобию и радикальный национализм. Таким образом, существует риск этнополитизации указанного трансфера.

3. Происходит компактное расселение этнических мигрантов, рассматриваемое в глазах старожильческого населения как этническая экспансия со стороны приезжих территории края. Вследствие этого возникает риск усиления в общественном мнении старожильческого населения стереотипов о стойком и нарастающем присутствии этнических мигрантов в Хабаровском крае. Это, в свою очередь, формирует угрозу роста этнополитической напряженности.

4. Увеличение масштабов присутствия этнических мигрантов в различных секторах социально-экономической инфраструктуры Хабаровском края приводит к наложению социально-групповых, профессиональных различий на этноконфессиональные и, таким образом, создает риск трансфера социального недовольства в этнический национализм и религиозную интолерантность. В рамках такого риска особую опасность представляют предпосылки формирования так называемых этнических классов, представители которых вызывают контрпродуктивное отношение старожильческого населения не только как конкуренты на рынке труда, но и как враждебная этнополитическая сила, характеризующаяся культурной экспансией.

Таким образом, характер и направленность динамики этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае в ракурсе этнополитики в решающей степени определяются взаимодействием принимающего старожильческого населения и этнических мигрантов. В силу этого реализация государственной национальной политики в Хабаровском крае, как и на всем Дальнем Востоке, должна по сути дела иметь характер этнополитики, концентрирующей в себе миграционный и социально-демографический аспекты.

В аспекте этнополитики вышеперечисленное позволяет определить следующие потенциальные риски:

1. Так называемый «этнический сдвиг» [4, с. 128], чреватый замещением местного населения этническими мигрантами и возможностями ирредентизма и сецессии.

2. Происходит деградация социально-экономической и культурно-образовательной инфраструктуры региона в результате вымывания постоянного (местного) населения.

Переформатирование социально-экономического и социокультурного пространства, вызванного привлечением иностранной рабочей силы создает угрозу и переформатирования этнополитического положения Хаба-

ровского края. Таким образом, в совокупности наложение друг на друга вышеизложенных рисков образует мультипликативный эффект в виде подрыва этнополитической стабильности в регионе.

В связи с вышеизложенным необходима реализация государственной национальной политики в Хабаровском крае, как и на всем Дальнем Востоке с четкой привязкой к потребностям развития региональной инфраструктуры. Именно поэтому значимо создание механизмов участия субъектов национальной политики в регулировании процессов в сф ере труда, занятости и миграции, которое бы предупреждало формирование условий, провоцирующих этнополитическую напряженность. Важнейшими стратегическими ориентирами в этой деятельности должны быть: 1) закрепление старожильческого населения на территории региона; 2) инициирование принятия на федеральном уровне Закона о Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Ким, А.С. Диагностика предпосылок этнического национализма и религиозной нетерпимости в массовом сознании учащейся молодежи: методические рекомендации по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений в рамках реализации стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях / А.С. Ким // Документы и материалы АНО «Центр». – URL: www.dv-etnocenter.ru

2. Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, июнь 2019 г.) // Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». – Хабаровск, 2019.

3. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации: теоретико-концептуальные подходы / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 146–160.

4. Ярулин, И.Ф. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига / И.Ф. Ярулин, О.В. Лобода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 128–135.

УДК 323.1

Зангиров В.Г.[*], **Зангирова О.А.**[**], г. Хабаровск, Россия

ЭТНОПОЛИТИКА В СВЕТЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена проблеме этнополитики, рассмотренной в контексте интегративной функции государства. Этносфера общества выступает универсальным объектом этнополитики, а государство – ее универсальным субъектом. Дальний Восток России представлен как проблемное поле межэтнических отношений.

Ключевые слова: этносфера, этнополитика, межэтническая интеграция, миграционная политика, национальная безопасность.

Zangirov V.G., **Zangirova O.A.**, Khabarovsk, Russia

ETHNOPOLITICS IN THE LIGHT OF THE STATE INTEGRATIVE FUNCTION

The article is devoted to the problem of Ethnopolitics considered in the context of the integrative function of the state. The ethno-sphere of society is a universal object of Ethnopolitics, and the state is its universal subject. The Russian far East is presented as a problem field of interethnic relations.

Key words: ethnosphere, ethnopolitics, interethnic integration, migration policy, national security.

Этнический фактор всегда присутствует в жизни общества на всех этапах его развития. Исторически сложилось так, что население любой страны складывается как сеть взаимоотношений входящих в него этносов различного вида. Каждая страна характеризуется неповторимым этническим своеобразием, своей уникальной этнической историей, дающей неисчерпаемый материал для этнологии, этнокультурологии, этнолингвистики, этнопсихологии, этноэкологии и т.п. В той же мере является чрезвычайно актуальной проблематика этнополитологии как теоретического образа реальной этнополитики различных государств. Если рассуждать с предельно общих позиций, то задачи этнополитики наиболее выпукло просматриваются в свете интегративной функции государства, которое всегда является

[*] **Зангиров Владимир Гайфулович**, канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Zangirov Vladimir Gaifullovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: zangirov@live.ru

[**] **Зангирова Ольга Александровна**, социолог.
Zangirova Olga Alexandrovna, sociologist.
E-mail: zangirovs@mail.ru

универсальным субъектом этнополитики по отношению к универсальному объекту – этническим составляющим населения.

Государство призвано обеспечить безопасность жизни населения, живущего на его территории. Это предполагает решение целого ряда сложнейших задач экономического, политического, социального, культурного, научного, технического, военного, экологического характера. Вертикальное устройство государственной власти напрямую связано с осуществлением интегративной функции государства. Успешное решение вышеперечисленных задач было бы невозможным без способности органов государственного управления к интеграции усилий всех представителей данного социального организма. Данные исторической науки воочию показывают, какова судьба государств, разодранных в клочья энергией межэтнических конфликтов. Главной задачей этнополитики любого государства должно быть поддержание этносферы общества в здоровом состоянии межэтнического согласия и сотрудничества. Полиэтничность страны может быть разной, но она в современном обществе обязательно присутствует. В силу этого органы государства попросту обязаны исходить из необходимости межэтнической интеграции страны.

Дальний Восток России в его нынешнем состоянии являет собой пример чрезвычайной актуализации государственной этнополитики, приобретающей геополитическое значение. Речь идет о национальной безопасности страны [1]. Постоянно нарастающий военный потенциал Китая заставляет обращать особое внимание на миграционную политику китайского руководства. Нет оснований отрицать наличие мотивов экономической, политической и территориальной экспансии Китая на российский Дальний Восток. Преждевременно и делать выводы об оптимальных перспективах развития российско-китайских отношений. Широковещательные декларации не способны заглушить естественную тревогу населения российского Дальнего Востока по поводу непрерывно ухудшающейся демографической ситуации на фоне возрастающего миграционного потока на территорию региона.

Очевидно, что на Дальнем Востоке России в ближайшее время обострится фактор межэтнических отношений. Сложившаяся ранее атмосфера межэтнического согласия пережила серьезную деформацию. На смену ей приходит возрастающая угроза межэтнических конфликтов. Перед российским государством стоит задача формирования дальневосточной региональной этнополитики, целью которой должна стать межэтническая интеграция.

Уровни межэтнического согласия весьма отличаются от страны к стране. Есть примеры доминирования идеи национального единства над фактором этнической дифференциации населения. В таких странах не имеет большого значения национальная принадлежность человека. Турки Месут Озил и Илкай Гюндоган успешно играли за сборную Германии по футболу. Венгерский еврей Николя Саркози был президентом Франции. Тувинец Сергей Шойгу возглавляет Министерство обороны России. Немец

Вернер фон Браун строил ракетную промышленность США. Армянин Шарль Азнавур стал гордостью культуры Франции. За всеми этими примерами стоит феномен нации, строящейся на идее интеграции различных этнических общностей. Но это еще и результат долгосрочной этнополитики определенного рода, направленной на борьбу с ксенофобией и шовинизмом. Если государство стремится к относительно непроблемному функционированию этносферы, то идея сверхэтнической гражданской нации представляется наиболее перспективным решением.

Концепт нации является предметом серьезных теоретических дискуссий. Есть тенденция рассматривать нацию как высший уровень государственного единства. Для нации фактор полиэтничности не играет решающей роли. Спросим себя, какому этносу принадлежит государство Россия. На этот вопрос нельзя получить определенный ответ, ибо Россия принадлежит всем, кто в ней постоянно проживает на правах гражданина. Все этнические сообщества на территории России подпадают под общую юрисдикцию единого государства. Можно было бы сказать, что у татар, калмыков или бурят есть свои собственные республики. Но это ничего не меняет в принципе устройства российского государства, а именно – федеративной интеграции. Республика Татарстан – это лишь территория компактного проживания татар, где рядом с ними живут представители других этнических сообществ. Этнополитика в этой республике не должна отличаться от этнополитики в других субъектах федерации. Во главу угла должно быть поставлено равенство всех личностей перед законом. Только на этой основе может осуществляться интегративная функция правовой системы современного государства. Это напрямую относится к правовым механизмам регуляции межэтнических отношений.

Формы межэтнических отношений весьма различны. Это зависит от конкретно-исторических обстоятельств развития этносферы определенного социального сообщества. Этнополитика органов государства определяется необходимостью выбора адекватных способов политического регулирования состояния этносферы общества. Современный этап развития мировой цивилизации потребовал дать ясный этнополитологический ответ на вопрос, куда движется этносфера той или иной страны. Структура этносферы может войти в состояние гармонично устроенной системы лишь при условии теоретически проработанной методологии этнополитических решений [4].

В настоящее время оживленно дискутируется вопрос о научном статусе этнополитологии. Этому есть несколько причин. Во-первых, в системе политических наук происходит трансформация предметных областей, в том числе выделение этнополитического аспекта как самостоятельной научной области. Ранее эта предметная область была распределена в номенклатурах этнологии, антропологии и политологии. Во-вторых, на современном этапе общественного развития выявилась настоятельная необходимость в теоретическом осмыслении феномена этнополитики как чрезвычайно ак-

туальной сферы государственного управления [3]. Отсутствие серьезных теоретических разработок фактически ведет к дезинтеграции всех этнополитических акций. В-третьих, со стороны общества возрастает уразумение того, что проблематика этнополитологии напрямую связана с практическими задачами политического управления этносферой общества, понимаемой как относительно самостоятельная часть всей социосферы. Есть социальные проблемы, которые решаются на уровне этносферной реальности. В качестве примера можно указать на актуальность политической регуляции так называемого «китайского миграционного вопроса» для Дальнего Востока России [2].

Теперь попытаемся ответить на вопрос, каково место этнополитологов в системе политического управления этносферой. Вне сомнения, что их интеллектуальный багаж в данной области знаний значительно превосходит теоретическую вооруженность практических политических функционеров. Даже элементарная информационная осведомленность в вопросах этносферы общества подталкивает к тому, чтобы этнополитолог стал непосредственной составной частью механизма политического управления. Это потребует преобразования существующих структур политической системы, что является вполне решаемой и малозатратной задачей. Пришло время для того, чтобы все формы знаний об этносфере общества обрели характер научно-исследовательской интеграции. Попросту говоря, необходимо собрать все разрозненные информационные потоки, касающиеся этносферы, в едином научно-практическом центре этнополитических исследований как составной части системы политического управления. Можно и дальше продолжать терпеть информационную разобщенность различных политических структур, но следует принять меры к тому, чтобы все информационные потоки были превращены в эмпирический базис единой системы этнополитических исследований. Тогда удалось бы разрешить мучительную парадоксальную ситуацию, когда те, кто призван решать исследовательские задачи, сидят без исходной эмпирической базы, а те, кто должны решать практические задачи, находятся в своих ведомственных скорлупах, не имея ни сил, ни желания двигаться от фактологии к обобщениям. Этнополитолог, получив в свои руки разнообразную эмпирическую информацию, может хотя бы указать на ожидаемые тенденции в эволюции этносферы.

Предметная область этнополитологии такова, что прикладной аспект в принципе всегда будет возвышаться над теоретическим. Методология и теория этнополитологии имеют смысл лишь в конкретной привязке к реальным процессам определенной этносферы. Задачи этой науки определяются практическими проблемами реальной этнополитики. Этнополитологию можно рассматривать как теоретическое обоснование конкретных этнополитических акций государственных органов на всех этажах политического управления. Государственные структуры должны стать предельно заинтересованными заказчиками этнополитологических исследований. Результаты этих исследо-

ваний предназначены к тому, чтобы лечь в основу принимаемых решений, исходящих из генеральной задачи государственных органов – достижения межэтнической интеграции в обществе. Именно этнополитологические исследования должны ответить на вопрос, какие модели этнополитики актуальны для определенной социальной системы. Без научного инструментария не представляется возможным определить, какой тип межэтнических взаимоотношений преобладает на данной территории. Этносфера изменяется от страны к стране и от региона к региону. Этнополитика может разумно строиться только на основе методологически выверенных результатов конкретных этнополитологических исследований. Критерий конкретности абсолютно прозрачен – это привязка целей исследования к практическим задачам государственных органов по созданию условий межэтнической интеграции.

Интегративная функция государства по отношению к этносфере предполагает учет всех форм реальных межэтнических отношений. Там, где возникают межэтнические конфликты, госаппарат обязан иметь внятное представление о конфликтогенных ситуациях. Сошлемся на пример современной Испании, где этнический сепаратизм басков и каталонцев имеет для страны разрушительные последствия, в свете которых действия центрального правительства направлены на противодействие этническому сепаратизму. В свое время для руководства Российской Федерации представлял серьезную проблему чеченский сепаратизм. Конструктивно более сложен курдский сепаратизм, захватывающий интересы четырех государств. Но суть этнического сепаратизма не меняется от смены исторических декораций. Центральный госаппарат любой страны стремится к легитимации силового подавления сепаратистских тенденций. В Испании происходит не борьба испанцев с каталонцами, а идет процесс противодействия государства опасности распада единой страны. В Чечне боролись не русские с чеченцами, а федеральные органы государства с террористическими отрядами разнородного этнического состава, т.е. попросту с наемниками. В этнополитике речь идет о воздействии госорганов на состояние этносферы, о политическом регулировании межэтнических отношений, о правовых механизмах противодействия межэтническим конфликтам.

В настоящее время большую актуальность приобрела проблема региональной этнополитики [9]. Дальний Восток России наглядно демонстрирует, насколько важно развивать региональный аспект этнополитики в условиях нарастающей депопуляции русского населения, замещаемого мигрантами из ближнего и дальнего зарубежья. Этнический пейзаж региона представляет удручающую картину. Если исходить из реалий Дальнего Востока России, то главный узел проблем этнополитики – это соотношение все более интенсивного притока мигрантов и нерешенности вопросов стратегии, методологии и ресурсов политического управления этносферой региона [5; 6]. Вопрос об удержании населения, о приостановлении депопуляции русских, о сохранении квалифицированной рабочей силы, о сбережении культурного,

научного и нравственного потенциала российского Дальнего Востока пока не имеет серьезных шансов на разрешение. Как подчеркнул М.А. Булгаков, массовая миграция этнических групп является вызовом и проверкой на прочность российской политической системы [1]. Можно констатировать, что политическая элита России оказалась беспомощной перед лицом двух стихийных потоков на Дальнем Востоке – массового оттока постоянного населения и массового притока мигрантов различного происхождения, в отношении которых не работает ни одна из известных моделей этнополитики. Дальневосточная стратегия России и реальные миграционные процессы в регионе представляют собой расходящиеся, а не сходящиеся векторы.

О чрезвычайной важности региональной этнополитики свидетельствуют соображения О.А. Рудецкого о значении русского фактора в дальневосточной этномиграционной ситуации. Депопуляция русского населения ведет к серьезным деформациям геостратегического, национально-политического и социокультурного характера [8]. На наш взгляд, наряду с вопросом о сужении русского фактора необходимо ставить вопрос о расширении китайского фактора с его интригующей непредсказуемостью. В этом вопросе до предела проясняется актуальность интегративной функции российского государства по отношению к чрезвычайно проблемному региону, чья историческая судьба зависит от решимости российского социального сообщества на противодействие угрозам национальной безопасности.

Список литературы

1. Булгаков, М.А. Этническая миграция как фактор политического процесса в современной России : автореф.т дис. … канд. полит. наук. / М.А. Булгаков. – Пермь, 2012.
2. Веремейчик, А.С. Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах ученых КНР / А.С. Веремейчик // Ойкумена. – 2014. – № 1.– С. 50–56.
3. Ким, А.С. Этническая и миграционная политика: проблема институционализации (на примере Дальнего Востока России) / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 3.– С. 70–76.
4. Ким, А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики / А.С. Ким // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3.– С. 52–59.
5. Киреев, А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая / А.А. Киреев // Ойкумена. – 2014. – № 4.– С. 8–25.
6. Коньков, А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области / А.Т. Коньков // Вестник Московского университета. – 2015. – № 1. – (Серия 18. Социология и политология).
7. Рудецкий, О.А. Региональная идентичность дальневосточников в этнокультурном и национально-политическом контексте современной России / О.А. Рудецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2. – С. 60–65.
8. Рудецкий, О.А. Русский фактор этномиграционной ситуации в дальневосточном регионе России / О.А. Рудецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 3. – С. 98–106.
9. Савинов, Л.В. Региональная этнополитика в условиях социального транзита: на примере Сибирского федерального округа : автореф. дис. … д-ра полит. наук / Л.В. Савинов. – Москва, 2013.

УДК 325.1:323.1

Золотова Я.В.*, г. Хабаровск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭТНОМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена оценке происходящих этномиграционных процессов в Хабаровском крае. Рассматриваются показатели миграции населения из зарубежных стран. Делается вывод о том, что обеспечивать дальнейшее заселение Хабаровского края без участия иммигрантов из соседних стран будет невозможно. В дальнейшем необходимо принимать меры по их интеграции в экономику края и учиться мирному сосуществованию с ними.

Ключевые слова: этномиграционные процессы, миграция, миграционный отток, сальдо миграции, миграционная ситуация, иностранные граждане, миграционная политика.

Zolotova Y.V., Khabarovsk, Russia

REGIONAL ASPECT OF ETHNIC MIGRATION PROCESSES

The article is devoted to the assessment of the ongoing ethnic migration processes in the Khabarovsk territory. The indicators of migration from foreign countries are considered. It is concluded that it will be impossible to ensure the further settlement of the Khabarovsk territory without the participation of immigrants from neighboring countries. In the future, it is necessary to take measures for their integration into the economy of the region and learn to coexist peacefully with them.

Key words: ethnic migration processes, migration, migration outflow, migration balance, migration situation, foreign citizens, migration policy.

Процесс миграции населения внутри страны, приток иностранных граждан и выезд за границу – это те естественные процессы, которые сегодня скорее не ограничиваются, а просто регулируются и отслеживаются. Миграция наиболее чутко реагирует на результаты социально-экономических преобразований в стране.

Миграцию населения Хабаровского края составляют три потока: обмен населением между территориями края и регионами России, между краем и странами СНГ, между краем и другими зарубежными странами. Большая часть всех миграционных перемещений населения края (93 %) совершается в пределах России.

В результате миграционного обмена населением Хабаровский край потерял в 2018 г. 4931 человек (таблица) [5].

* **Золотова Яна Владимировна,** канд. экон. наук, доц., доцент кафедры экономики и управления на предприятиях торговли Хабаровского государственного университета экономики и права.
Zolotova Yana Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at Khabarovsk State University of Economics and Law.
E-mail: rozohka@mail.ru

Таблица. Динамика миграции населения Хабаровского края, чел.

Показатель	Годы				
	2014	2015	2016	2017	2018
Прибывшие	55847	54521	57047	55463	53212
Выбывшие	58382	59448	58633	59153	58143
Миграционный прирост (+), снижение (-)	-2535	-4927	-1586	-3690	-4931

За 5 лет миграции в Хабаровском крае население сократилось 2396 чел. или на 94,5 %, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. отрицательный прирост увеличился на 1241 чел.

В 2018 г. большинство (82,3 %) всех миграционных перемещений населения совершалось в пределах России. Жители края выезжали в основном в Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Московскую область, Калининградскую область. По данным Хабаровскстата, в регион в 2018 г. на постоянное место жительства прибыли 836 переселенцев из ЕАО, 563 человека из Амурской области, 288 человек переехали из Приморья. Осваивают Хабаровский край и жители дальневосточных «новичков»: из Забайкалья переехало 285 человек, из Бурятии – 110.

По данным ВЦИОМ, 44 % жителей хотят покинуть Хабаровский край. Из них молодежь с детьми составляет 59 % и без детей – 62 %. Такие данные были озвучены на V конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» директором по исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения. Для жителей регионов ДФО главным фактором возникновения желания переехать стала дороговизна жизни. Высокий уровень жизни, сокращающийся рынок рабочих мест, недостаточная зарплата и многие другие факторы заставляют хабаровчан искать лучшей жизни в других частях страны. Данные о трудовой миграции подтверждают информацию о сокращении производства на берегах Амура [2].

Среди миграционных процессов особую значимость приобретают этномиграционные процессы. В 2012–2017 гг. миграционный приток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики.

В крае сложилось отрицательное сальдо внешней (международной) миграции. Объем миграции населения с другими зарубежными странами в первом полугодии 2018 г. составил 3564 человека.

Миграция из зарубежных стран по сравнению с прошлым годом выросла на 4,8 % и составила 11 тыс. 520 человек. Больше всего в Хабаровский край приезжает людей из Таджикистана – 768 человек в 2018 г. Из Узбекистана прибыло – 180 мигрантов, Азербайджана – 140, Казахстана – 61 (рисунок).

На фоне девальвации рубля и сжатия российского рынка труда в 2015–2016 гг. численность работников из Таджикистана и Узбекистана сокращалась (в пределах 15 % по сравнению с показателями 2014 г.), в

2017 г. вновь начала расти, но докризисных значений пока не достигла. Одновременно все эти годы растет численность мигрантов из Киргизии – в связи с вступлением этой страны в ЕАЭС и, соответственно, появлением возможности трудиться в России без разрешительных документов [3].

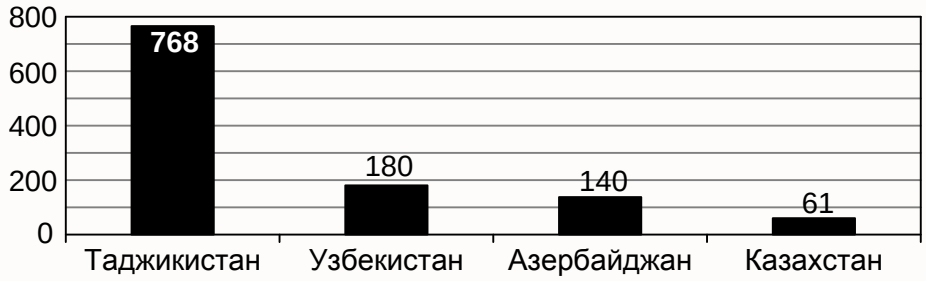

Рисунок. Число прибывших мигрантов в Хабаровский край в 2018 г. из стран Средней Азии, чел.

Миграция из других зарубежных стран в 2018 г. составила 8 105 человек. Поток прибывающих из ближнего и дальнего зарубежья постепенно нарастает. Мигрантов из Средней Азии устраивает и зарплата, и условия жизни, и климат – на родине у них вообще нет никаких перспектив. Поток прибывающих работников вымывает соотечественников из строительной, сельскохозяйственной, транспортной отраслей, сферы обслуживания.

В России работают трудовые мигранты из десятков стран мира, имеющих как визовые, так и безвизовые отношения с РФ. Трудовые мигранты, по данным краевой полиции, составляют самую большую часть прибывающих в Хабаровский край иностранцев. Их цель – заработать. К нам в основном приезжают так называемые «безвизовики» из стран СНГ. В соответствии с российскими законами они должны поработать разрешенное им время и уехать. Въезд у них безвизовый, но для того, чтобы работать, им необходимо оформить патенты [2].

За последнее десятилетие была поведена значительная работа, чтобы облегчить процесс легализации внешних трудовых мигрантов на рынке труда:

1) реформа 2006 г., которая почти в два раза увеличила число официально трудоустроенных иностранцев;

2) введение патентов для работы иностранцев в 2010 г. для занятости у физлиц, а с 2015 г. – у юридических лиц;

3) введение в 2010 г. специальных преференций для иностранных высококвалифицированных специалистов (ВКС), желающих работать в России.

Однако разумные законодательные инициативы часто сопровождаются таким количеством дополнительных поправок и такой правоприменительной практикой, что весь позитивный эффект от нововведений просто теряется. В целом если само вовлечение людей в трудовую миграцию происходит главным образом под воздействием экономических условий в стране приема и стране исхода, то их легализация в большой степени зависит именно от страны приема, от ее миграционного законодательства и механизмов, обеспечивающих его функционирование [3].

Кроме того, граждане стран Евразийского соглашения (Армения, Белоруссия, Украина, Кыргызстан и др.) могут не получать патент. Они имеют право свободно въехать в нашу страну, заключить трудовой договор с работодателем на любой срок и работать. Но хотя они и должны официально уведомить об этом миграционные службы, далеко не каждый утруждает себя этой формальностью.

Также въезд осуществляется по квотам на приглашение иностранных рабочих. Для этого им требуется оформление визы. В Хабаровском крае (как и повсеместно в России) существует квотирование рабочих мест для каждой нуждающейся организации. Правительство РФ устанавливает, какой организации, сколько нужно рабочих и по каким специальностям. Квоту согласовывают с миграционной службой полиции, отправляют в российское правительство, где ее утверждают. После этого организация официально обращается в миграционное ведомство края, где оформляется разрешение на привлечение рабочей силы, затем делается виза и выдается разрешение на работу. В 2018 г. размер квоты составил 1000 чел. Привлечение рабочих из-за рубежа обосновано отсутствием отечественной рабочей силы в таких количествах, которые требуются работодателям.

Трудовые мигранты заполняют «непрестижные ниши» на рынке труда, которые характеризуются тяжёлыми условиями работы, низким уровнем оплаты труда [6, с. 31]. Их деятельность осуществляется в сфере строительства, оптовой и розничной торговле, сфере услуг и сельском хозяйстве.

Последствия трудовой миграции разнообразны: с одной стороны, это дешёвый труд мигрантов и компенсация естественной и миграционной убыли трудовых ресурсов, с другой – массовый приток мигрантов ухудшает криминогенную ситуацию в крае. Вместе с тем обеспечивать дальнейшее заселение южных районов Дальнего Востока, в частности Хабаровского края, без участия иммигрантов из соседних стран и развития экономического сотрудничества с государствами АТР будет невозможно, и никакие меры ограничительной иммиграционной политики не будут действенны. Необходимо принимать меры по их интеграции в принимающий социум и учиться мирному сосуществованию с ними [4].

13 июня 2012 г. Президентом Российской Федерации утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [1], в которой определены цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Особый акцент в этом документе сделан на приоритетное развитие районов Сибири и Дальнего Востока, создание условий для переселения на постоянное место жительства в Россию соотечественников, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан.

Концепция государственной миграционной политики РФ в числе основных принципов включает «дифференцированный подход к регулированию миграционных потоков в зависимости от целей и сроков пребывания, со-

циально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик мигрантов». Одним из методов селективного отбора является успешно функционирующая в ряде стран балльная система, элементы которой нужно внедрять в инструментарий действующей в России миграционной политики, внося соответствующие изменения в законодательство. Также требуется дальнейшее совершенствование Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, с приоритетным вниманием к регионам Сибири и Дальнего Востока и иным слабозаселенным территориям страны. При этом прием соотечественников необходимо теснее увязывать с программами территориального развития, предусматривающими создание высокопроизводительных рабочих мест.

Одновременно стоит воздержаться от дальнейшего упрощения порядка получения российского гражданства. Более целесообразно продолжать работу над совершенствованием порядка предоставления вида на жительство (временного и постоянного). Обладатели вида на жительство практически ни в чем не ущемлены по сравнению с гражданами страны. Потенциал этого статуса Россия, по сравнению с другими странами, явно недоиспользует.

Таким образом, в ближайшей перспективе без трудовых мигрантов Россия, в том числе Хабаровский край, не обойдется. Местное трудоспособное население продолжает сокращаться, и, по прогнозам демографов, этот тренд продлится до 2030 г. При этом, как декларируют власти, наша страна стремится к экономическому росту темпами выше мировых. Без достаточных ресурсов рабочей силы эта цель невыполнима: демографические потери не удастся компенсировать в полной мере даже возможным повышением пенсионного возраста и пока гипотетическим увеличением производительности труда. Приток новых рабочих рук, относительно дешевых, неприхотливых, вдыхает жизнь в регион. С другой стороны, это развязывает у работодателей руки для того, чтобы не заботиться о повышении зарплаты, создавать высокотехнологичные рабочие места, модернизировать производство, развивать социальную сферу.

Список литературы

1. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. : Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139

2. Мигранты продолжают заселять Хабаровский край. – URL: https://www.dvkapital.ru/regionnow/khabarovskij-kraj_02.07.2019_14777_migranty-prodolzhajut-zaseljat-khabarovskij-kraj.html

3. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения: доклад Центра стратегических разработок. – Москва, 2018.

4. Мкртчян, Н. Миграция в России : западный дрейф / Н. Мкртчян // Демоскоп. – № 185–186. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ 2005/0185/s_map.php

5. Хабаровский край: Стат. Ежегодник. – Хабаровск : Хабаровскстат, 2018. – 217с.

6. Шокина, И.В. Социально-экономическая оценка миграции населения в Хабаровском крае / И.В. Шокина // Вестник ХГАЭП. – 2015. – № 1.

УДК 325.1(571.621)

Калинина И.В.[*], **Соловченков С.А.**[**], г. Биробиджан, Россия

ИНОЭТНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ ГЛАЗАМИ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕАО)

В статье анализируется отношение сельских жителей приграничных территорий Еврейской автономной области к мигрантам из стран СНГ и Китая как на основе материалов официальной статистики, так и социологических данных, собранных авторами. Полученные при анализе данных результаты позволяют сказать, что в связи с многонациональностью области, историей ее образования и развития у населения приграничных сел ЕАО наблюдается очень высокий уровень терпимости к мигрантам, в том числе иноэтничным. Необходимо отметить и то, что часть оценок, высказываемых населением, является скорее социальными мифами, а не реальной оценкой текущей ситуации с мигрантами. Делается вывод о том, что в сельской местности ЕАО мигранты не становятся объектами пристального внимания. Отношение общества к приезжим в значительной степени доброжелательное.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, приграничные территории, иноэтническая миграция, отношение к мигрантам, социальные мифы.

Solovchenkov S.A., **Kalinina I.V.**, Birobidzhan, Russia

NONETHNIC MIGRANTS AS VIEWED BY THE HOST COMMUNITY (THE CASE OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION)

On the basis of sociological materials, the article analyzes the attitude of rural residents of border areas of the Jewish Autonomous Region (JAR) to migrants from the CIS countries and China. The article uses materials from both official statistics and sociological data collected by the authors. The method of questionnaire was used, the sample was formed as a multistage quota. The results obtained as a result of an analysis of official statistical and sociological data suggest that due to the multinationality of the region, the history of its education and development, the population of the border villages of the Jewish Autonomous Region has a very high tolerance level for migrants, including foreign ones. It should be noted that part of the estimates expressed by the population are rather social myths, rather than a real assessment of the current situation with migrants. It is concluded that in rural areas of the Jewish Autonomous Region migrants do not become objects of close attention. The attitude of society to visitors is largely benevolent.

Key words: Jewish Autonomous Oblast, border areas, foreign ethnic migration, attitudes towards migrants, social myths.

---

[*] **Соловченков Сергей Александрович**, канд. социол. наук, ученый секретарь ИКАРП ДВО РАН.
Solovchenkov Sergey Alexandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Institute of Complex Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: solovchenkov@yandex.ru

[**] **Калинина Ирина Владимировна**, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем ИКАРП ДВО РАН.
Kalinina Irina Vladimirovna, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute of Complex Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: gaevaiv@yandex.ru

ЕАО – субъект Дальневосточного региона, все пять районов которого являются приграничными. С конца XX в. область стала терять население, как по естественным, так и механическим причинам. Так, в результате миграции с 1990-х гг. область покинуло более 35 тыс. человек.

В области отмечается достаточно интенсивная иммиграция. Причем на протяжении последних лет до 90 % прибывших мигрантов в ЕАО составляли жители ДФО, преимущественно Хабаровского края. Оставшаяся доля приходится на международную иммиграцию. Стоит отметить, что подавляющая часть иностранных иммигрантов, это выходцы из стран СНГ. В 2012 г. на данную группу стран пришлось 68 % от общего числа прибывших международных мигрантов, в 2014 г. – 80 %, 2017 г. – 92 %. Максимальное число иммигрантов прибывает из Таджикистана, Украины, Казахстана и Армении [4].

Одним из аспектов миграционных процессов ЕАО является привлечение иностранной рабочей силы в экономику региона. ЕАО входит в тройку лидеров по количеству оформляемых разрешений на работу.

Выявление распределения по территории области китайских трудовых мигрантов является достаточно проблематичным, в силу временности их пребывания. Распределение же мигрантов из стран СНГ, прибывших на постоянное место жительства в область, выглядит следующим образом. Основными территориями, где закрепляются приезжие, являются г. Биробиджан, где оседает подавляющая часть прибывших, и Облученский район. В редких случаях мигранты селятся в пригороде областного центра на территории Биробиджанского района.

Даже при столь незначительных объемах этнической эмиграции, она вызывает достаточно заметный отклик в принимающей среде [4, 7]. Это связано с тем, что мигранты достаточно часто привносят с собой некоторые национальные традиции, которые неизбежно притягивают внимание. Тем не менее, анализ статистических данных и других научных источников позволяет нам сказать, что ситуацию с мигрантами, а тем более с иноэтничными мигрантами в сельской местности, а тем более в приграничных селах ЕАО нельзя назвать критичной. Большого притока мигрантов в приграничные сельские населенные пункты нет. Тем не менее, некоторое общественное мнение и о присутствии мигрантов в населенных пунктах, и об их влиянии на жизнь местного населения сложилось.

В основу исследования легли данные социологического исследования, проведенного в рамках темы «Возможности использования неформальной и нестандартной занятости сельского населения для развития сельской местности Еврейской автономной области», выполненного по гранту губернатора ЕАО (руководитель – канд. геогр. наук И.В. Калинина) и данные официальной статистики. При построении выборки использовался принцип многоступенчатого отбора.

В каждом из пяти районов области отбирались населенные пункты разной людности (один крупный, один мелкий), типичные для данных районов. Далее строилась квотная выборка, репрезентативная по полу и возрасту. Объем выборки n = 382. Точность выборки составляет – 95 %, доверительный интервал – 5 %. Опрос проводился маршрутным способом с шагом два, из одного домохозяйства опрашивался один представитель старше 18 лет.

Первые несколько противоречивые данные мы получили, попытавшись выяснить, насколько много в населенных пунктах выходцев из стран СНГ. Около 19 % вообще не смогли дать ответа на этот вопрос. Для них эта тема не является сколько-нибудь интересной, и на ней внимание они не акцентировали. Чуть более 25 % опрошенных однозначно указали, что в их населенных пунктах иноэтничных мигрантов из стран СНГ нет. Результат сам по себе достаточно странный, особенно в свете следующего ответа.

О том, что иноэтничные выходцы из стран СНГ есть, но их совсем не много, говорят более 42 % опрошенных. Тогда возникает вопрос, почему почти четверть населения утверждает, что мигрантов нет? Мы предполагаем, что подобная ситуация может быть последствием, во-первых, традиционного многонационального состава населения ЕАО, и как следствие низким уровнем неприятия «иных»; во-вторых, достаточно большой скоростью адаптации (врастания) мигрантов в принимающее общество, не создающее барьеров на пути «иной-свой».

Самым малочисленным (13,6 %) ответом интервьюируемых был «да, много». На наш взгляд, подобный ответ может быть вызван несколькими причинами. Либо это попытка гиперболизировать проблему, вызванная какими-то личными мотивами, либо это последствия укоренения социальных мифов о заселении Дальнего Востока приезжими и их негативном влиянии на общество. Еще одним из возможных вариантов получения подобного результата, может быть достаточно ограниченное количество районов (и соответственно, населенных пунктов) в которых предпочитают размещаться иноэтничные мигранты – Биробиджанский и Облученский районы и г. Биробиджан. Таким образом, полученные проценты – это ответы, данные жителями этих районов. Однако, как показывает анализ, наибольшее количество подобных ответов было получено в Ленинском и Смидовичском районах, т.е. там, куда иноэтничные мигранты из стран СНГ массово не приезжают. Следовательно, полученные результаты имеют под собой иные, не связанные с оценкой реальной миграции, причины.

Очень схожие результаты мы получаем при ответе респондентов на вопрос «Есть ли в вашем населенном пункте приезжие из стран Дальнего зарубежья?». Как и с первым вопросом, часть респондентов (14 %) либо не может ответить на этот вопрос, либо отвечает – «не знаю». Схожая ситуация и с долей ответивших, что приезжих из стран дальнего зарубежья немного – около 40 %. Оставшиеся два кардинально противоположных отве-

та имеют несколько отличное процентное распределение, которое, правда, достаточно легко объяснимо. Около 27 % опрошенных, вдвое больше чем в первом случае, утверждают, что приезжих из Дальнего зарубежья, а это преимущественно китайские трудовые мигранты, много.

На подобный результат могли повлиять несколько факторов. Во-первых, китайские рабочие всегда достаточно обособлены, и хорошо заметны в населенном пункте. И там, где не всегда обратишь внимание на привычную среднеазиатскую внешность прохожего, китайская внешность обращает на себя внимание. Во-вторых, приезжие китайские рабочие в значительной степени действительно размещаются в приграничных селах и занимаются сельским хозяйством, что приводит к их некоторой концентрации именно на территории проведения нашего опроса. И, в-третьих, подобный процент ответов, носящих несколько негативный окрас, может быть следствием существующего в обществе напряжения и неприятия китайских фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Хотя в данном случае стоит оговориться, что отношение к китайским мигрантам в ЕАО очень сильно разнится в зависимости от территории проведения опроса.

Чуть меньший, чем в первом случае (19 %) процент ответов о том, что мигрантов из дальнего зарубежья в их населенных пунктах нет, так же достаточно легко объясним. В некоторых сельских населенных пунктах, в которых проводился опрос, китайских фермеров и сельскохозяйственных рабочих действительно нет. Но такая ситуация встречается достаточно редко.

Ключевыми вопросами, ответы на которые нам хотелось получить в процессе опроса, были отношение как к самим мигрантам, так и к последствиям их деятельности. Как следует из представленной диаграммы, подавляющая часть опрошенного населения, а это около 80 %, не соприкасается с приезжими или относится к ним спокойно. И даже 18 % затруднившихся с ответом, мы скорее, склонны относить к положительным результатам, свидетельствующим об отсутствии широко обсуждаемых межэтнических конфликтов.

Особо стоит отметить как положительное явление тот факт, что о конфликтных отношениях с приезжими говорят только 2 % опрошенных. И даже эти указанные 2 % – скорее эпизодические явления, в силу того, что они достаточно четко локализуются в пространстве. Анализируя отдельные зафиксированные случаи конфликтов между приезжими и местным населением, стоит отметить, что подобные ответы мы встречаем только в четырех сельских населенных пунктах. Это села Степное, Бабстово, Дежнево и Луговое. Причем большую часть ответов о конфликтных отношениях с приезжими мы получили в селе Степное. Связано это с тем, что достаточно активный способ ведения сельского хозяйства китайскими гражданами вступил в некоторое противоречие с традиционными способами ведения домашнего хозяйства местными жителями. В данном случае, мы в

который раз, находим подтверждение положительных последствий многонациональной структуры населения в ЕАО, выражающейся в достаточно спокойном и толерантном отношении к иноэтничным мигрантам.

Последним, на наш взгляд, достаточно интересным вопросом, который нам хотелось бы рассмотреть, является оценка местными жителями степени влияния мигрантов на развитие их населенного пункта. Менее 20 % интервьюированных отметили, что приезжие оказывают влияние на развитие населенного пункта. Из них большая часть (10,5 %) все-таки отметили негативное влияние. Сложно ответить, насколько объективно данное суждение. Реальных предпосылок и фактов, которые указывали бы на то, что приезд мигрантов из стран СНГ или Китая действительно негативно влияет на развитие населенных пунктов области, у нас нет. Более того, опираясь на данные рисунка 5 и отдельные источники можно сделать вывод о практически полном отсутствии конфликтных ситуаций с приезжими. Таким образом, мы видим достаточно интересную картину: пока вопрос касается персонального отношения респондента к иноэтничному мигранту – мы видим достаточно спокойные ответы с положительными оценками. Но как только вопрос затрагивает некое абстрактное понятие, как то влияние иноэтничного мигранта на развитие территории, часть оценок приобретает негативную окраску. Мы предполагаем, что в данном случае, негативность ответа скорее продиктована социальными мифами о вреде мигрантов. И хотя широкого распространения данный социальный миф не получил (о чем говорит не слишком высокий процент негативных ответов), в обществе он существует.

Еще меньший процент (6,8 %) показывает явно положительную оценку влияния приезжих на развитие населенных пунктов. Подавляющая часть опрошенных не смогла дать ни положительной ни отрицательной оценки влияния приезжих на развитие населенных пунктов области.

Из всего вышесказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, исходя из анализа территорий, на которых оседают иноэтничные мигранты – выходцы из стран СНГ, они едут сюда отнюдь не для того, что бы заниматься сельским хозяйством. Следовательно, оказывать существенное влияние на развитие приграничных территорий области, специализирующихся именно на сельскохозяйственном производстве, мигранты в настоящее время не могут. Во-вторых, наибольший эмоциональный отклик возникает у местного населения по отношению к китайским трудовым мигрантам. В-третьих, значительная часть общества, около пятой части, в вопросах взаимоотношения с приезжими – полностью инертна. В-четвертых, у населения приграничных сел ЕАО наблюдается очень высокий уровень терпимости к приезжим, в том числе иноэтничным. В-пятых, часть оценок, высказываемых населением, является, скорее, социальными мифами, а не реальной оценкой текущей ситуации с мигрантами.

Список литературы

1. Ващук, А.С. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. / А.С. Ващук, Г.Г. Ермак // Региональные проблемы. – 2016. – Т. 19, № 4. – С. 117–124.

2. Воробьева, О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока / О.Д. Воробьева // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 2. – С. 35–40.

3. Калинина, И.В. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области / И.В. Калинина, С.А. Соловченков // Известия РАН. Серия географическая. – 2018. – № 4. – С. 31–44.

4. Комарова, Т.М. Влияние миграции на безопасность принимающей территории (на примере Дальневосточного региона) / Т.М. Комарова, С.Н. Мищук // Региональные проблемы. – 2017. – Т. 20, № 4. – С. 108–114.

5. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья / Е.Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2010. – № 2.

6. Сидоркина, З.И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока / З.И. Сидоркина. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 42 с.

7. Kalinina, I.V. Settlement Pattern and Sociodemographic Security of Jewish Autonomous Oblast / I.V. Kalinina, T.M. Komarova // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 3. – № 4. – P. 337–345.

УДК 303.425.5:378.015.31

Костанди В.В.[*], г. Хабаровск, Россия

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

В статье рассматриваются пути социокультурной адаптации молодежи, через творческий ресурс Студенческой филармонии ДВГУПС.

Ключевые слова: адаптация социокультурная, этническая, общественные организации, искусство музыки, студенческая филармония.

Kostandi V.V., Khabarovsk, Russia

ETHNIC ASPECT OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION

The article discusses the ways socio-cultural adaptation of youth, using the creative resource of the Student Philharmonic FESTU.

Key words: adaptation socio-cultural, ethnic, public organizations, art of music, Student Philharmonic.

Этническая адаптация (от лат. adaptatio приспособлять) – процесс активного приспособления этнических групп (общностей) к изменившейся природной и социально-культурной среде. Основным способом адаптации этнической является принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды (культурно-языковых, хозяйственно-культурных, политических, нравственных, бытовых и др.), сложившихся здесь форм межэтнического взаимодействия (формальных и неформальных связей, стиля поведения, семейных и соседских отношений и т.п.), а также форм предметной деятельности (например, способов профессионального выполнения работ или семейных обязанностей) [2, с. 20].

Этническая адаптация имеет две формы: активную, когда этническая группа стремится воздействовать на среду с тем, чтобы изменить ее (в том числе те нормы, ценности, формы взаимодействия и деятельности, которые она должна освоить), и пассивную, когда она не стремится к такому воздействию и изменению. Показатели успешной этнической адаптации – высокий уровень приживаемости в данной национально-этнической среде, а также психологическая удовлетворенность этой средой в целом и ее наиболее важными для данной этнической группы элементами (например,

[*] **Костанди Валентина Владимировна**, канд. культурологии, доц., доцент кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Kostandi Valentina Vladimirovna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Far Eastern State Transport University.
E-mail: v.kostandy@yandex.ru

отсутствие расовой и национальной дискриминации, равные возможности и условия устройства на работу, свобода выбора языка обучения и пользования и т.п.). Показателями низкой этнической адаптации являются эмиграция, различные виды нарушений в ценностно-нормативной системе социально-этнической среды и др.

Нормальный ход адаптации этнической может быть сильно осложнен и задержан проявлениями национализма и расизма в виде дискриминации, сегрегации и т.п. Адаптация этническая происходит быстрее у близких языково-культурных и хозяйственно-культурных народов. Обычно же адаптация этническая требует длительного времени, долго проживая в иной этнической среде, человек постепенно приспосабливается к обычаям, нравам, традициям, образу жизни данного народа. В той или иной мере усваиваются язык, национальная культура. Процесс этнической адаптации происходил в СССР в довольно широких масштабах, поскольку более 60 млн человек жили не в «своих» республиках [2, с. 21]. В постсоветском пространстве XXI в. процессы этнической адаптации связаны с новыми «вызовами» эпохи. Так, например, в XXI в. актуализировался процесс получения образования за рубежом и привлечения иностранных студентов в Российские вузы, увеличился поток трудовых мигрантов из Китая, Северной Кореи, государств Средней Азии: Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. В результате, появилась необходимость не только в трудоустройстве граждан, но и в их социокультурной адаптации.

Опыт Хабаровского края дает интересные примеры процесса адаптации. Так, в Хабаровске большую работу проводят общественные организации: «Хабаровское общественное собрание», межнациональное женское сообщество «Открытые сердца», межнациональный гастрономический туристский проект «Кухня без границ» и др. Все проекты данных организаций направлены на укрепление комплиментарных, дружественных отношений между представителями разных культур. Общие дела и праздники объединяют людей. Межнациональное женское сообщество «Открытые сердца», созданное 17 мая 2019 г., объединяет женщин разных национальностей. Они являются организаторами мероприятий разного уровня в городе и крае: от небольших осенних пикников для воспитанников детских домов и национальных кулинарных мастер-классов, до встреч «Культура моего народа» в детских образовательных учреждениях города с демонстрацией национального костюма, рассказом о традициях и обычаях народа и проведением мастер-классов по декоративно-прикладному искусству.

Хабаровская культурно-просветительская организация «Хабаровское общественное собрание», созданная по инициативе образованных людей края еще в XIX веке, занимается организацией и проведением научных конференций и фестивалей. С 2004 г. совместно с Клубом любителей классической музыки «Ренессанс» ДВГУПС было проведено пятнадцать Молодежных фестивалей классической музыки «Золотая Лира» среди сту-

денчества города и края. С 2012 г. фестиваль приобрел статус Международного. В нем принимали участие студенты КНР, КНДР, США, Вьетнама, Кыргызстана, Армении и других государств. С 2014 г. фестиваль проходит в рамках «Студенческой филармонии ДВГУПС» [1, с. 88].

В апреле 2019 г. в Большом зале краевой научной библиотеки г. Хабаровска «Студенческая филармония ДВГУПС» представила программу «И чувства добрые я лирой пробуждал…», посвященную 220-летию со дня рождения А.С.Пушкина, в которой приняли участие студенты из Китая. Они читали стихи Пушкина наизусть и с большим чувством. А студент Ли Хайнин исполнил знаменитый пушкинский романс «Я вас любил» на музыку А. Даргомыжского. Это прекрасный практический пример социокультурной адаптации, приобщение к культуре через искусство. Более того, в сентябре 2019 г., к 70-летию образования КНР, был проведен концерт в Центре эстетического воспитания детей А.Никитина, где китайские студенты исполняли русские романсы и читали Пушкина, а консул КНР в Хабаровске спел песню военных лет «Вьется в теплой печурке огонь». Это было настоящее единение культур.

Искусство музыки – самое универсальное, демократичное, понятное без посредников и комментариев, оно объединяет всех людей. «Языком музыки с нами говорит сам Бог», – писал Иоганн Себастьан Бах в письме сыну, а Фридрих Ницше, вторя ему, говорил, что «Музыка – это голос Бога в Душе человека». Поэтому смело можно утверждать, что Музыка – лучший дипломат. Совместное музицирование способствует социокультурной адаптации и постижению самого духа той или иной культуры.

Именно через искусство, через культуру происходит вхождение в дух народа и это самый надежный и самый короткий путь узнавания другого.

Список литературы

1. Костанди, В.В. По страницам Лиры золотой: исторический очерк / В.В. Костанди. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2018.

2. Тавадов, Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник / Г.Т. Тавадов. – Москва : Проспект, 2011.

УДК 323.173(571.6)

Лившиц Р.Л.*, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия

ПРЕДПОСЫЛКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СЕПАРАТИЗМА

Раскрыты общие и конкретные предпосылки сепаратистских устремлений в дальневосточном социуме России. Дана характеристика потенциала дезинтеграции на современном Дальнем Востоке России. Обрисованы возможные сценарии развития событий в обозримом будущем.

Ключевые слова: общие предпосылки, конкретные предпосылки, географический фактор, экономический фактор, этносепаратизм, региональный сепаратизм, социальная стабильность.

Livshits R.L., Komsomolsk-on-Amur, Russia

PRECONDITIONS OF FAR EASTERN SEPARATISM

The article reveals the general and specific preconditions of separatist aspirations in the Far Eastern society of Russia. The characteristic of the disintegration potential in the modern Far East of Russia is given. The possible scenarios for the development of events in the foreseeable future are outlined.

Key words: general preconditions, specific preconditions, geographical factor, economic factor, ethno-separatism, regional separatism, social stability.

Смысл деятельности обществоведа состоит не столько в том, чтобы адекватно, в соответствии с их внутренней логикой описывать факты, сколько в том, чтобы вскрывать тенденции, своевременно обнаруживать подстерегающие общество опасности. Одна из таких «вечных» опасностей, которая угрожает любому государству в любой момент его существования, – сепаратизм. О том, что это действительно так, говорит не только вся прошлая, но и современная история. Еще совсем недавно мы жили в братском союзе пятнадцати республик, вполне жизнеспособном и прочном. Союз сумел с честью выдержать испытание величайшей войной, однако был развален переродившейся частью партийной элиты. Распалась Югославия, ее судьбу разделила Чехословакия. И это все за последние три десятилетия! А какие радикальные изменения государственных границ произошли после Первой мировой войны! Если же заглянуть дальше в глубь истории, мы обнаружим там все то же: государства возникают, какое-то время существуют,

* **Лившиц Рудольф Львович,** д-р филос. наук, проф., профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета.
Livshits Rudolf Lvovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at Amur State University of Humanities and Pedagogy.
E-mail: rudliv@yandex.ru

потом распадаются, на их месте появляются новые государственные образования. Демоны сепаратизма обитают повсюду и всегда. Даже в современной Европе, одном из самых благополучных и процветающих регионов мира, мы постоянно ощущаем их присутствие. Классический пример тому – Испания, которая испытывает немалые трудности в связи с каталонским сепаратизмом. Сепаратистские устремления демонстрируют в этой стране также баски и ряд других этнических групп [5]. Под угрозой находится целостность и такого высокоразвитого современного государства, как Бельгия. Противостояние фламандцев и валлонов стало в ней просто притчей во языцех. Сепаратистские тенденции отчетливо проявляются и в Великобритании, и в ФРГ, и в Италии, и в Греции. Аналогичная картина наблюдается также за пределами Европы. Даже такому динамично развивающемуся государству с многотысячелетней историей, как Китай, приходится сталкиваться с проблемой сепаратизма. Поэтому вполне справедливым выглядит утверждение, что любое государство несет в себе зерна распада, подобно тому как жизнь заключает в себе возможность смерти.

Эту констатацию не следует рассматривать как повод для выводов в духе фатализма. Возможность еще не означает неизбежности. Неблагоприятным тенденциям можно противодействовать, но для этого необходим конкретный анализ конкретной ситуации. (И действие на основе такого анализа, но принятие практических решений – прерогатива не ученых, а политиков.)

Для естествоиспытателя не так уж важно, в какой стране он проживает. Если он занимается, например, изучением экзопланет, то не имеет значения, паспорт какой страны хранится в его бумажнике. У обществоведа положение иное: какими бы проблемами он ни занимался, его мысленный взор всегда прикован к реалиям социальной среды, в которую он погружен. Мы, проживающие на Дальнем Востоке российские обществоведы, естественным образом вовлечены в дела и заботы нашего региона. И потому проблема сепаратизма интересует нас не в общемировом масштабе, а конкретно, применительно к реалиям современного Дальнего Востока России.

Было бы преувеличением утверждать, что эта проблема является остроактуальной, что отрыв региона от материнской территории может произойти со дня на день или что сам регион в ближайшем будущем может претерпеть процесс распада. К счастью, дело обстоит не так. Гораздо более актуальна, например, проблема оттока населения с территории Дальнего Востока. Не менее злободневна проблема упадка здравоохранения. Но все эти острые, хотя и частные, проблемы, если их не решать, могут пробудить от спячки демонов сепаратизма.

В настоящем исследовании мы намерены сознательно следовать марксистской методологии, ибо только она, по нашему глубокому убеждению, дает возможность найти социальную закономерность в хаосе случайностей. Эта методология, в частности, требует рассматривать влияние естественных условий человеческой жизнедеятельности на социальные процессы. Географический фактор хоть и не определяет протекание этих

процессов, но значительно их модифицирует. Российский Дальний Восток занимает северо-восточный угол Евразии, для которого характерен суровый климат. Относительно благоприятна для проживания только южная окраина региона. Территория Дальнего Востока не просто велика, а огромна – она составляет почти 40 % территории нашей страны. Сама по себе огромность территории бросает вызов способности центральной власти контролировать протекающие на ней процессы. В истории было немало примеров государств, занимавших большую территорию, которые не смогли сохранить свое единство: империя Чингисхана, Омейядский халифат, Испанская империя в XVI-XVII вв. и др. Конечно, в те времена не было ни самолетов, ни интернета; и управляющие импульсы из центра доходили до исполнителей на местах спустя дни, недели или даже месяцы. Однако и в наши дни, несмотря на весь прогресс транспорта и средств коммуникации, управление большим государством остается гораздо более сложным делом, чем управление государством малым. Кроме того, следует учесть исключительное разнообразие природных условий на территории Дальнего Востока, ее расчлененность, сложный рельеф, меридиональную ориентацию горных хребтов, сильно затрудняющую транспортное сообщение. Поэтому природа как бы подталкивает человеческие сообщества, проживающие на этой территории, к фрагментации, к дезинтеграции.

Однако не следует придавать определяющего значения географическому фактору. Он, конечно, способен затруднить задачу удержания территории под властью политического центра и в указанном смысле служит предпосылкой сепаратизма, но эта предпосылка является, по существу, абстрактной. Принципиальная возможность возникновения сепаратистских устремлений не исключается, но и только. Чтобы абстрактная предпосылка превратилась в конкретную, необходимо присоединение к ней ряда других факторов, прежде всего экономических. Дело заключается в том, что географические условия в общественной жизни влияют на социальные процессы не непосредственно, а опосредованно – через действие законов экономики. Позволим себе использовать такую метафору: экономика играет в обществе такую же роль, какую в природе играет сила тяготения. Само по себе обретение Россией Дальнего Востока явилось актом, в сущности, политическим. В середине XIX в. Российская империя воспользовалась ослаблением Цинской династии и присоединила эти земли к своей территории. Но удержать их в своем составе Россия смогла только благодаря хозяйственному освоению. Экономический фундамент под обширные российские владения на востоке был подведен благодаря созданию Транссибирской магистрали и вместе с ней минимально необходимой инфраструктуры. Возникла экономическая заинтересованность центра в периферии, а периферии – в центре. Эта связь приобрела наибольшую прочность в советские времена, особенно в послевоенные годы, когда Москвой проводилась политика натиска на Север и Восток. С распадом Советского Союза ситуация изменилась, причем в неблагоприятную сто-

рону. Рыночная (т.е. капиталистическая) экономика ориентирована не на общенародную пользу, а на извлечение прибыли. И в этой системе экономических координат географические факторы, ранее не игравшие решающей роли в хозяйственном освоении территории, приобрели совершенно иное значение. Транспортные издержки, как и издержки, связанные с климатом, которые в плановой экономике имеют подчиненное значение, стали труднейшим препятствием для экономического развития. Так появился реальный повод для сепаратистских устремлений.

Любопытен такой факт. В 2002 г. в США и Великобритании была опубликована книга с характерным названием «Дальний Восток России: регион риска» [6]. Характеризуя эффекты, связанные с переходом дальневосточной экономики на рыночные рельсы, ее авторы пишут: «<…>Несмотря на образование свободных экономических ассоциаций, российские регионы оказались не способны наладить тесные кооперативные связи друг с другом. Вертикальные связи, доминировавшие при советской власти, все еще продолжают преобладать» [6, p. 48]. В такой ситуации ослабление власти центрального правительства естественным образом вызывает тенденцию к отпадению (secession) окраин. Американские авторы указывают также на то обстоятельство, что дальневосточная экономика испытывает сильнейшее внешнее влияние, прежде всего японское и китайское [6, pp. 48–50]. Таким образом, как показано в книге, силы экономической гравитации отрывают Дальний Восток от России. Эти же силы ведут к дезинтеграции самой дальневосточной территории. Таковы наиболее глубокие предпосылки сепаратизма. И чтобы они не были оформлены в соответствующие идеологические доктрины, а эти последние, в свою очередь, не стали программой действий политических организаций, необходимо стремиться к обеспечению экономической связности российской территории. Конечно, это вовсе не отменяет необходимости бороться с проявлениями сепаратизма с помощью тех инструментов, которыми располагает государство, – как идеологических, так и политических. Но эффективность этой борьбы определяется тем, насколько успешно идут дела в экономике. И мерило успеха в данном случае достаточно простое – возрастание степени экономической целостности территории страны.

Уровень экономической связности территории в немалой степени зависит от инфраструктуры. Когда в середине XIX в. Россия приступила к хозяйственному освоению Дальнего Востока, там существовала самая примитивная инфраструктура, соответствующая условиям доиндустриального общества. Втягивание дальневосточного региона в орбиту Русской цивилизации потребовало колоссальной созидательной работы, плоды которой пожинают ныне живущие поколения. Но при всех позитивных результатах проделанной огромной работы никуда не деться от того факта, что товары приходится перевозить по суше, а не морским путем. А это означает, что в экономическом смысле Корея, Китай, Япония для дальневосточников ближе, чем расположенные к западу российские регионы. Эта несправедливость географии не может быть устранена волевым способом, тут нужен комплекс взаимосвя-

занных мер, требующих огромных вложений. Так, для дела укрепления единства страны (и, соответственно, для предотвращения сепаратистских вожделений) было бы чрезвычайно полезно построить сверхскоростную железнодорожную магистраль, связывающую западную часть страны с Дальним Востоком. Однако в реальных условиях современной России, пережившей (а по менее оптимистичным оценкам еще переживающей) период масштабной дезиндустриализации, выдвигать такую цель в качестве непосредственной практической задачи нет никакой возможности. Парадокс ситуации заключается в том, что меры, призванные преодолеть тяжелое наследие 90-х гг. прошлого века и способствовать тем самым экономическому подъему Дальнего Востока, объективно повышают риск возникновения сепаратистских устремлений. На эту сторону дела обращают внимание О.В. Лобода и И.Ф. Ярулин. «Экономическая эффективность свободных зон, – отмечают они, – создает иллюзию их абсолютной полезности для страны. В действительности же они объективно подрывают государственный суверенитет, способствуют ослаблению барьерной функции державы. В том случае если такие зоны будут создаваться в таких обособленных и удаленных регионах, как Сибирь и Дальний Восток, они могут послужить дополнительным фактором, ослабляющим центральную власть и создающим предпосылки для деятельности сепаратистских сил» [3, с. 47]. Нам трудно разделить мнение, согласно которому свободные экономические зоны подрывают государственный суверенитет. Если над ними обеспечен надлежащий государственный контроль, никакой угрозы подрыва суверенитета не существует. Другой вопрос, что наладить контроль в свободной экономической зоне намного сложней, чем на остальной территории страны. Но с тем, что такие зоны *могут* (при определенных обстоятельствах) служить точкой кристаллизации сепаратистских настроений, мы, пожалуй, согласимся. Такого рода факторы мы можем причислить не к общим, а к конкретным предпосылкам сепаратизма.

Объективные общественные законы реализуются через действие социальных субъектов (акторов, как их любят называть иные любители словесных красивостей). Поскольку сами эти субъекты возникают не по произволу, не случайно, а в силу объективных причин, мы вправе рассматривать их как объективную, т.е. не зависящую от нашей воли, данность. В качестве таких сообществ выступают, в частности, этнические группы того или иного вида и ранга и региональные сообщества. Поэтому вполне закономерен вопрос о том, какой потенциал дезинтеграции связан с существованием этих социальных общностей. Сначала о возможности этносепаратизма.

В упоминавшейся выше коллективной монографии американских авторов Россия квалифицируется как слабое государство, а «существование любого слабого государства с необходимостью порождает потенциал дезинтеграции» [6, p. 48]. (Впрочем, не менее справедлив тезис о том, что такой потенциал есть у любого государства в любой период его развития безотносительно к его реальной силе и прочности. Достаточно взглянуть на карту современной Европы, чтобы в том убедиться.)

Констатировав наличие в России потенциала дезинтеграции, американские авторы не сочли необходимым дать ему конкретную оценку: насколько он велик? Какова вероятность его реализации? В какие сроки он может себя проявить? Их внимание сосредоточено на другом вопросе: кто является субъектом, способным реализовать потенциал дезинтеграции? Имеет смысл привести их суждения на этот счет . В первую очередь они отрицают возможность возникновения дальневосточного сепаратизма на этнической почве. Процитируем соответствующее высказывание: «Дальний Восток России является в значительной степени славянским, поэтому этнический импульс к сепаратизму, порожденный развалом Советского Союза, для него не актуален» [6, p. 48]. Известный российский специалист в области этнополитики А.М. Кузнецов склонен не соглашаться с позицией американских авторов: «В силу <…> ряда <…> причин [дальневосточный] регион остаётся *полиэтничным* по составу населения с низким уровнем консолидации отдельных его групп. Поэтому вывод американских специалистов о том, что «регионы Дальнего Востока России являются в основном славянскими, поэтому здесь нет стимула для развития этнического сепаратизма, в своё время приведшего к распаду Советского Союза, – представляется не вполне корректным» [2, с. 68–69].

Это расхождение мнений заслуживает того, чтобы на нем специально остановиться. Прежде всего, можно ли действительно считать Дальний Восток России регионом полиэтничным? Разумеется, ибо на его территории проживают десятки этносов. В то же время не подлежит сомнению, что ядро дальневосточного социума образуют народы славянской группы, в первую очередь русские. Согласно общедоступным официальным данным, по переписи 2002 г. русское население составляло 81,74 %, а славянское (т.е. русские, украинцы и белорусы) 86,45 %. Перепись 2010 г. зафиксировала определенные изменения: доля русских снизилась до 77,18 %, а славян до 80,73 %. За 9 лет, что прошли с тех пор, ситуация также изменилась, но также не кардинально. Да, этнический сдвиг на Дальнем Востоке – факт его новейшей истории [3], однако общее преобладание славянского (по преимуществу русского) населения в регионе сохраняется. И потому фактическая сторона отражена в позиции американских авторов верно. Сомнение вызывает интерпретация факта. Как это ни парадоксально, доминирование русского элемента в регионе – фактор, отнюдь не препятствующий возникновению сепаратистских устремлений. Вопрос заключается не в том, какой этнос в том или ином регионе преобладает, а в том, существует ли достаточно консолидированная группа, имеющая желание отделиться от государства. В Чечне такой группой оказались чеченцы, но России в ее недавней истории пришлось столкнуться и с проявлениями сепаратизма иного типа. Например, с провозглашением в 1993 в Екатеринбурге Уральской республики и в том же году в Челябинске Южно-Уральской республики. И в Свердловской, и Челябинской области русское население численно преобладает, но это обстоятельство вовсе не помешало про-

буждению там желания отделиться от России. В.В. Гайдук и Ю.А. Демьяненко в этой связи утверждают следующее: «В действительности наиболее близки к отпаду от остальной страны не те регионы, где возможен рост национализма какого-либо народа, а те, где сформировалась устойчивая общая идентичность, отличная от всероссийской (неважно этническая или просто региональная)» [1, с. 89]. (Заметим в скобках, что мы бы предпочли написать не «отпад», а «отпадение».) Несогласие А.М. Кузнецова с точкой зрения американских авторов может означать только одно: он считает, что «стимулы для развития этнического сепаратизма» в дальневосточном регионе России все-таки имеются. Но какие? Какая конкретно этническая группа может выступить инициатором дезинтеграционных процессов? Ответа на этот вопрос в упомянутой статье А.М. Кузнецова мы не находим. Но определенные высказывания на этот счет имеются в работе Ю.В. Морозова [4]. Процитируем наиболее показательное из них: ««Если в 1989 г. якуты составляли 33 % населения республики, то в 2012 г. их доля выросла до 50 %. Причиной этого, прежде всего, является значительная миграция русских из Якутии в западные регионы РФ (которые в быту до сих пор именуются «материком»), вызванная как социально-экономическими факторами, так и этнократическим давлением. Аналогичная ситуация сложилась и в Туве. Таким образом, ***«вымывание» русских из окраинных республик и отдаленных областей РФ*** представляет потенциальную угрозу целостности страны. В то же время ***образование этнической однородности в автономиях РФ –*** одна из предпосылок для консолидации в них на этнической основе титульных наций, что, в свою очередь, усиливает центробежные процессы в России» [4, с. 44]. Таким образом, согласно Ю.В. Морозову, определенные условия для этносепаратизма на Дальнем Востоке России все-таки существуют, во всяком случае, находятся в процессе созревания. Аналогичные суждения высказывают О.В. Лобода и И.Ф. Ярулин: «<…> На Дальнем Востоке весьма велика вероятность дальнейшего укрупнения китайской диаспоры, которая в настоящее время и так весьма значительна. Это означает возможность появления очага сепаратизма в бассейне Амура со стороны компактно проживающего китайского населения на российской стороне. Другим фактором, способствующим возникновению сепаратистских движений, можно считать проблему усиления миграции на российский Дальний Восток корейцев, образования там их диаспор. Существует также угроза сепаратизма отдельных районов, населенных монголами, уйгурами и другими этносами» [3, с. 46]. Мы не считаем данные суждения совершенно беспочвенными, но хотели бы подчеркнуть, что вероятность реализации сепаратистских устремлений в настоящий момент довольно мала. Наша оценка основана на том факте, что тема самоопределения этнических общностей, проживающих на Дальнем Востоке, в публичном политическом дискурсе никем не поднимается. Не присутствует она и в неформальном информационном пространстве интернета.

Кратко остановимся на вопросе о сепаратизме региональном. В настоящий момент об этом последнем можно говорить лишь как об абстрактной возможности. Наше суждение базируется на том простом факте, что на Дальнем Востоке России не существует политических сил или иных консолидированных групп, которые выступали бы под знаменем сепаратизма. Так, правящая в современной России партия Единая Россия идеологически заряжена против сепаратизма, что подчеркивается даже в ее названии. Условно оппозиционные системные партии Справедливая Россия и Либерально-демократическая партия России фактически выступают в роли младших партнеров Единой России. КПРФ последовательно отстаивает принцип общероссийского (а не местного) патриотизма. Кроме упомянутых массовых партий, есть и небольшие политические группировки, тяготеющие к разным полюсам политического спектра. Но ни одна из них (по крайней мере, в последние 20 лет) не выдвигала сепаратистских лозунгов.

Есть еще один противодействующий региональному сепаратизму фактор, который не очень заметен внешнему наблюдателю. Речь идет вот о чем. Как известно, желание отделиться от материнской территории возникает там и тогда, где и когда выгоды от отделения (подлинные или мнимые – другой вопрос) перевешивают выгоды от пребывания в составе большого государства. Такова логика поведения субъектов исторического действия. Но следует принимать во внимание тот факт, что эти субъекты состоят из отдельных личностей, каждая из которых имеет интересы, отличные от интересов целого. И эти личности в ситуации нестабильности могут искать для себя выход не в коллективной борьбе за общие цели, а в индивидуальном выживании. Специфика дальневосточной ситуации состоит в том, что здесь очень многие жители имеют, так сказать, запасные аэродромы в западной части страны. Практически у всех есть там родственники, многие приобрели квартиры или имеют возможность их приобрести… Дальний Восток не воспринимается этими людьми в качестве территории, за которой для них земли нет. Ввязываться в борьбу за отделение Дальнего Востока от России трудней и сложней, чем воспользоваться запасными аэродромом.

И так будет до тех пор, пока ситуация в стране в целом будет стабильной. Хотя в экономике развиваются неблагоприятные тенденции и уровень жизни населения в течение последних пяти лет неуклонно снижается, политическую стабильность в стране власть сохраняет. Сенсационные результаты губернаторских выборов 2018 г. в некоторых регионах можно при желании расценивать не как грозный симптом надвигающегося системного кризиса, а как досадный сбой в работе прекрасно отлаженной машины. Но если власти не удастся переломить ситуацию, если руководство страны не сможет избавить Россию от проклятия сырьевой экономики, если жизненный уровень народа продолжит снижаться, то подобных «сбоев» будет все больше и больше. И может наступить такой момент, когда общество попадает в зону социальной турбулентности. В настоящее время дальневосточник может надеяться на то, что ему удастся решить свои личные про-

блемы путем миграции в западную часть страны. Однако если плохо будет не только на Дальнем Востоке, а везде, неизбежно начнутся поиски выхода на путях «обретения независимости от России».

Итак, мы приходим к выводу, что ситуация на Дальнем Востоке в решающей степени зависит от ситуации в стране. При благоприятном сценарии развития страны будет совершен мобилизационный рывок, проведена новая индустриализация, Россия превратится в одного из мировых лидеров технологического прогресса, существенно повысится жизненный уровень населения и возрастет степень экономической связности территории. Дальний Восток России станет динамично развивающимся регионом, притягательным для жителей всей страны. В этом случае у демонов сепаратизма не будет ни малейшего шанса на пробуждение. Альтернативный сценарий выглядит довольно мрачно: системная деградация, утрата важнейших компетенций в области технологий, падение жизненного уровня народа, экономическая дезинтеграция территории. Понятно, что в этом случае сепаратизм из абстрактной возможности превратится в конкретную. И эта последняя вполне может стать действительностью. Для реализации оптимистического сценария нужны глубокие системные изменения. Если же по-прежнему рынок будет рассматриваться как единственный возможный метод решения экономических проблем, то Россия, по нашему мнению, обречена оставаться сырьевой периферией мировой экономической системы (где бы ни находился ее центр – в США, как сейчас, или в Китае, как, похоже, произойдет в недалеком будущем). Есть еще один фактор, повышающий вероятность реализации неблагоприятного сценария. У подходящей к завершению эпохи развитого путинизма (мы не придаем этому термину никакого оценочного значения) есть две главные опоры: курс на социальную стабильность как на основную цель и стремление сохранить во что бы то ни стало с таким трудом выстроенную вертикаль власти. Но, как показывает исторический опыт, стабильность хороша до того предела, за которым она не переходит в застой. Застой не позволяет своевременно реагировать на вызовы времени и таит в себе опасность свалиться в социальный штопор. Поддержание вертикали власти, обеспечивая решение сиюминутных задач, не дает возможности правильно выстраивать стратегию. В сущности, современная Единая Россия является калькой с позднесоветской КПСС, только лишенной идеологической мотивации. Но мы знаем, как завершилась история той некогда многочисленной и могучей партии. Единая Россия рискует разделить ее судьбу. Поэтому мы приходим к парадоксальному выводу: риск сепаратизма в гораздо меньшей степени связан с деятельностью каких-либо маргинальных политических сил, чем с практикой самой власти и Единой России как ее опоры.

Кратко сформулируем наши основные тезисы.

1. Географические условия Дальнего Востока России благоприятствуют возникновению сепаратистских устремлений, однако эта предпосылка носит очень общий, абстрактный характер. В этом смысле ситуация в нашем регионе вряд ли чем-нибудь отличается от положения на Урале или в Сибири.

2. Главная сила, удерживающая территорию от дезинтеграции, – экономический интерес. Действие экономических факторов в обществе подобно действию силы взаимного тяготения в природе. Профилактика сепаратизма заключается в обеспечении экономической связности территории. Дальний Восток России находится в зоне действия таких мощных центров экономического притяжения, как Китай, Япония, Республика Корея. В силу недостаточного развития инфраструктуры региона влияние этих центров является объективной предпосылкой сепаратистских устремлений.

3. В настоящее время на Дальнем Востоке отсутствуют сколько-нибудь заметные общественные группы, открыто выдвигающие сепаратистские лозунги. Это касается как этнических общностей, так и политических партий и групп. Однако некоторые тенденции эволюции этнической структуры дальневосточного населения создают почву для появления таких групп. В Якутии и Туве это связано с возрастанием доли лиц, принадлежащих к титульному этносу. В других местах – с консолидацией этнических диаспор. Возможность возникновения русского сепаратизма в ближайшем будущем представляется абстрактной.

4. Исходя из сказанного, можно заключить, что в настоящее время существуют лишь общие предпосылки сепаратизма; что же касается конкретных предпосылок, то они находятся в процессе становления.

5. Импульс дезинтеграции сдерживается политическим центром страны благодаря линии на обеспечение социальной стабильности, важнейшим инструментом которой выступает вертикаль власти. Такая политика имеет ограниченный ресурс, так как создает препятствия для гибкого реагирования на меняющуюся обстановку. Общество, не способное ответить на вызовы времени, рискует попасть в зону социальной турбулентности, и тогда находятся политические силы и группы, которые ищут выход из сложившейся ситуации на путях сепаратизма.

Список литературы

1. Гайдук, В.В. Региональные интересы и проблемы политической децентрализации / В.В. Гайдук, Ю.А. Демьяненко // Вопросы политологии. – 2013. – № 2 (10). – С. 83–92.

2. Кузнецов, А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С.67–78.

3. Лобода, О.В. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России / О.В. Лобода, И.Ф. Ярулин // Регионалистика. – 2014. – Т.1, № 1. – С.33–48.

4. Морозов, Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском дальнем Востоке и в Китае / Ю.В. Морозов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 7 (244). – С.44–59.

5. Хенкин, С.М. Сепаратизм и его разновидности в Испании / С.М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 3. – С. 194–222.

6. Russia's Far East. A Region at Risk / ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. – Seattle and London: University of Washington Press. 2002. – 498 p.

УДК 325.1:323.1(571.6)

Мотрич Е.Л.*, г. Хабаровск, Россия

МИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Статья посвящена проблемам формирования населения на Дальнем Востоке России; показана роль миграции в его воспроизводстве; рассматривается характер взаимоотношений между гражданами страны выхода (пришлого населения) и местными жителями; показано отношение трудовых мигрантов к присвоению статуса российского гражданина; отмечено, что местное сообщество отличается высокой толерантностью.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, регион, население, миграция, респондент, межэтнические отношения, межнациональные отношения.

Motrich E.L., Khabarovsk, Russia

MIGRATION AND ETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST

The main idea of the article is devoted to study of the Russian Far East's population formation problems; the role of migration in population reproduction is shown; the nature of the relationship between citizens of the country of exit (alien population) and local residents is considered; the attitude of labor migrants to the assignment of the status of a Russian citizen is shown; It was noted that the local community of the region is highly tolerant.

Key words: Russia, the Far East, region, population, migration, respondent, interethnic relations, interethnic relations.

Дальний Восток – это территория, с которой связано будущее развитие России. Президент России В. Путин назвал развитие Дальнего Востока приоритетом для страны на весь XXI в. Это задача общенационального масштаба. Дальний Восток должен выходить на опережающие темпы роста и в экономике, и в социальной сфере, и в демографическом развитии. Однако население региона в настоящее время стремительно сокращается под воздействие естественной убыли и миграционного оттока. Дальний Восток оказался в числе «лидеров» по сокращению численности своего населения (табл. 1).

Но при этом основополагающую роль в процессе сокращения численности населения играет миграционный отток, который стал отрицательным

* **Мотрич Екатерина Леонидовна,** д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН.
Motrich Ekaterina Leonidovna, Doctor of Economic Sciences, Senior Research Officer at Economic Research Institute FEB RAS.
E-mail: motrich@ecrin.ru

** Дальний Восток рассматривается в границах до 01.01.2018 г.

в регионе с 1989 г. Дальний Восток испытывает все тренды миграционных связей: внутрирегиональная миграция, межрегиональная и внешняя (со странами СНГ и дальним зарубежьем).

Таблица 1. Численность населения в субъектах Дальнего Востока, на начало года, тыс. чел

Субъекты Дальнего Востока	1991 г.	2019 г.	Изменение численности	
			Абсолютное	в %
Дальний Восток – всего	8056,6	6140,3	-1916,3	-23,8
Республика Саха (Якутия)	1108,6	967,5	-141,1	-13,8
Камчатский край	472,8	314,9	-157,9	-33,4
Приморский край	2299,6	1903,3	-396,3	-16,8
Хабаровский край	1619,7	1321,4	-298,3	-17,2
Амурская область	1073,7	793,6	-280,1	-26,1
Магаданская область	384,5	141,0	-243,5	-63,7
Сахалинская область	717,5	489,4	-228,1	-31,8
Еврейская автономная область	231,0	160,0	-71,0	-30,8
Чукотский автономный округ	149,2	49,2	-100,0	-67,0

Источники: [5; 6, с. 13].

Внутрирегиональная миграция оказывает свое воздействие только на численность населения отдельных субъектов внутри региона, не в целом на формирование населенческого потенциала всего региона.

Межрегиональная миграция способствует сокращению численности населения на Дальнем Востоке и в общих миграционных потоках занимает значительную долю. Так в 2018 г. межрегиональная миграция (-25,1 тыс. чел.) превысила общее для региона отрицательное миграционное сальдо (-21,1 тыс. чел.) [2]. Как бы парадоксально это не выглядело, Дальний Восток из региона-«реципиента» превратился в регион-донор практически для всех федеральных округов. Чрезвычайная региональная контрастность – экономическая, социальная, финансовая умножают силу притяжения населения Дальнего Востока к полюсам экономического развития России. Субъекты Дальнего Востока находятся в числе 68 из 85 субъектов РФ по сокращению населения в результате миграционного обмена с другими регионами России и среди них в настоящее время занимает худшие позиции по коэффициенту и рангу миграционного прироста среди федеральных округов России. Наиболее интенсивно дальневосточное население поглощается в Центральном, Северо-Западном и Южном Федеральных округах. Дело в том, что эти федеральные округа значительно опережают дальневосточный регион по качеству жизни. Субъекты Дальневосточного федерального округа в рейтинге регионов России по качеству жизни занимают от 30 (Хабаровский край) до 80 (Еврейская автономная область) места [1, с. 26–30].

Положительное миграционное сальдо дают Дальнему Востоку страны СНГ. Но и в этом направлении возникают проблемы с закреплением ми-

грантов. Если, к примеру, в 2015 г. миграционное сальдо составило +8207 чел, то в 2018 г. уже +6668 чел., т.е. уменьшилось на 17,3 % Страны дальнего зарубежья в миграционном взаимодействии с российским Дальним Востоком вообще подошли к отрицательному сальдо миграции. Если в 2015 г. миграционное сальдо было положительным (+445 чел), то в 2018 г. миграционный отток стал отрицательным (-2711 чел.) [4; 5].

В условиях уменьшения численности населения и продолжающегося его оттока Дальневосточный регион заинтересован в привлечении мигрантов, поскольку в регионе, благодаря планам его ускоренного развития, возрастает потребность в ресурсах труда. Обеспеченность региона трудовыми ресурсами относится к числу важнейших предпосылок для его социально-экономического развития.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. Как указывалось выше, миграционный прирост на Дальнем Востоке положительный только за счет стран СНГ. Наиболее активное участие в движении на восток занимают представители Узбекистана, Таджикистана, Украины.

Современная миграционная политика в России предусматривает от привлеченных граждан знание языка и культуры территории вселения, то вполне понятно, что необходимо для принимающей стороны мигрантов быть в курсе складывающихся взаимоотношений пришлого и местного населения.

На примере г. Хабаровска, где проведено экспертное социологическое исследование трудовых мигрантов в 2018 г., можно дать объективную оценку ситуации этого плана. В проведенном экспертном социологическом исследовании трудящихся – мигрантов были преимущественно граждане Узбекистана; Таджикистана и Украины. Результаты исследования показали, что респонденты в своем большинстве родным считают язык страны выхода. Но при этом 9,8 % из них понимают русский язык, но не говорят на нем и не пишут; 15,7 % – понимают русский язык, говорят на нем, но писать затрудняются; 25,5 % понимают русский язык, говорят на уровне бытового общения, могут писать. Поэтому не случайно, что респонденты – участники опроса вне работы общаются со своими земляками – гражданами страны выхода. Из общего числа опрошенных трудовых мигрантов 25,5 % могут общаются с гражданами разных стран. При этом 17,6 % респондентов данного исследования практически ни с кем не общаются вне работы.

Причинами пребывания трудовых мигрантов в Хабаровске являются отсутствие работы по прежнему месту жительства (41,7 %), отсутствие перспектив в их жизненной стратегии (11,8 %). 17,7 % респондентов отметили, что причиной покинуть прежнее место жительства послужили война и военные действия. Респонденты проведенного социологического опроса отметили, что на Дальнем Востоке, в частности в Хабаровском крае, легче найти работу (37,3 % респондентов), выше, по сравнению с местом выхода, заработная плата (39,2 %) и уровень жизни (29,4 %), понятен русский язык

(25,5 %) и не требуется виза. Но при этом респонденты отметили, что их зарплата меньше, чем у российских граждан (41,2 %), Несколько больше респондентов (47,1 %) уверены, что у них и россиян уровень зарплат одинаков, а 11,8 % респондентов считают, что россияне получают даже меньше.

Безусловно, интересно было выяснить, хотели бы мигранты, живущие в настоящее время на российском Дальнем Востоке, стать гражданами России. Выразили свое желание стать гражданами России 43,1 % респондентов, участвующих в исследовании; но все-таки значительная их доля (33,3 %) высказали свою отрицательную позицию. К сожалению, стоит признать, что эта та часть мигрантов кто не интегрируются в наше социокультурное пространство, не всегда понимают и принимают наши обычаи, традиции и культуру.

В условиях присутствия мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья возникают вопросы о межэтнических отношениях в регионе. Для Дальнего Востока, в том числе и для Хабаровского края, характерна высокая толерантность. Респонденты высказались о том, что проблем не возникает во взаимоотношении с окружающим их населением. Более половины (53,5 % ответов) считают отношения нормальными и доброжелательные с местным населением (при необходимости могут оказать помощь). Но при этом все-таки 9,3 % трудовых мигрантов в Хабаровске отмечают, что имеют место некоторые споры и незначительные конфликты; 4,7 % говорят, что живут в постоянном напряжении, часто возникают конфликты. В связи с этим в субъектах Российской Федерации необходимо работать над тем, чтобы все члены разных национальностей, в любом уголке страны и региона чувствовали себя как дома.

Одно из социологических исследований 2018 г. было посвящено выяснению мнения местного населения о их отношении к присутствующим представителям стран Восточной Азии. В результате выявилось довольно позитивное отношение местного населения к представителям стран Восточной Азии, которые посещают нашу территорию. Так при общении с корейцами чувства отторжения не проявляют 76,9 % респондентов из числа местного населения, при общении с вьетнамцами – 78,2 %, с японцами чувства отторжения не оказалось у 85,7 %, с китайцами у 75,5 % участвующих в опросе. По мнению участвующих в опросе местных жителей пониманию иностранцев и сближению с ними мешает язык (63,9 %), манеры поведения (27,4 %), различия в культуре (23,1 %). Часть респондентов (19,0 %) отметила, что пониманию иностранцев и сближению с ними ничего не мешает. Результаты мониторинга 2017–2018 гг. показали: в регионе высока доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений – 75,8 % [3, с. 495].

Одним из важных вопросов исследования 2018 г. было выявление у местных жителей мнения о проблеме возможных угроз для безопасности России от увеличения численности иностранных граждан на Дальнем Востоке (табл. 2).

Таблица 2. Ответы на вопрос: Представляет ли угрозу для безопасности России увеличение граждан иностранных государств на Дальнем Востоке?

Государство	ДА	Скорее ДА	Скорее НЕТ	НЕТ	Затруднения с ответом
КНР	27,9	22,4	15,6	20,4	6,1
Республика Корея	8,8	9,5	29,3	34,7	19,0
КНДР	11,6	9,5	27,2	32,7	19,0
Япония	6,1	9,5	27,9	42,2	18,4
Вьетнам	8,2	4,8	25,9	40,8	19,7
Республики Средней Азии	24,5	24,5	18,4	18,4	13,6
Государства Кавказа	26,5	25.2	19,0	16,3	13,6

Приведенные данные свидетельствуют о том, что названные страны, скорее всего, не представляют угрозу для безопасности России на Дальнем Востоке. Но все же четверть респондентов считают, что угрозы могут исходить при увеличении численности мигрантов из Республик Средней Азии и Государств Кавказа.

Резюмируя межэтнические отношения местных жителей, можно утверждать практически с уверенностью – они спокойно относятся к пребыванию на нашей территории иностранцев стран Восточной Азии. А если это еще и трудовые мигранты, то регион способен с их помощью преодолевать нехватку собственных трудовых ресурсов, недостающих для социально-экономического развития территории.

Список литературы

1. Зубрицкий, А. Статистика не дает корректного представления о масштабах оттока / А. Зубрицкий // Дальневосточный капитал. – 2018. – № 6 (214).

2. Миграция населения в России по регионам: коэффициент и численность человек. – URL: http:///www.statdata.ru/migraciya-naseleniya-v-rossii-po-regionam

3. Мотрич, Е.Л. Возможности мониторинга этнокультурного многообразия в Хабаровском крае / Е.Л. Мотрич // XIII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов (Казань, 2–6 июля 2019 г.) / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 516 с.

4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. Стат. бюлл. ФСГС (Росстат). – Москва, 2016. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm/

5. Численность населения РФ на 1 января 2019 г. – URL: https://realnoevremya.ru/attachments/1043/

6. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации // Стат. бюлл. Госкомстат России. – Москва, 1992.

УДК 323.11(571.6)

Прокофьева Г.П.[*], **Прокофьев А.А.**[**], г. Хабаровск, Россия

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

В период сильных миграционных движений, характерных для российского Дальнего Востока, обостряются не только экономические, политические, но и этнические проблемы. В настоящее время нарастает комплекс задач, связанных с проблемой как количества, так и качества населения региона. Не последней является задача определения идентичности дальневосточников. В статье с помощью исторического подхода показано, что обсуждаемые аспекты не являются конъюнктурными, осмысление этнической идентичности дальневосточников – это сложная фундаментальная задач.

Ключевые слова: идентичность дальневосточников, этническая идентичность, мигранты, интеграция мигрантов.

Prokofieva G.P., **Prokofiev A.A.**, Khabarovsk, Russia

THE RUSSIAN FAR EAST CITIZENS' ETHNIC IDENTITY

During the period of strong migration movements in the Russian Far East, not only economic, political, but also ethnic problems are exacerbated. Now the complex of the tasks connected with a problem of both quantity, and quality of the population of the region increases. The task of determining the identity of the Far Eastern citizens is not insignificant. Using the historical approach, the article shows that the discussed aspects are not opportunistic. It is shown that understanding the ethnic identity of the Far Eastern citizens is a complex fundamental task.

Key words: identity of the Far Eastern citizens, ethnic identity, migrants, integration of migrants.

Понятие этнической идентичности является дискуссионной темой межпредметных областей знания. С одной стороны, понятие отражает этнопсихологический смысл, с другой – это особый вид социальной деятельности, а также своеобразный аспект национальной, политической, точнее этнополитической деятельности. В научной литературе этническая идентичность – это процесс сопоставления и сравнения субъекта данной этниче-

[*] **Прокофьева Галина Петровна,** канд. филос. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Prokofieva Galina Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: galaprokofyeva@mail.ru
[**] **Прокофьев Александр Алексеевич,** канд. экон. наук, доц., доцент кафедры «Финансы и бухгалтерский учёт» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Prokofiev Alexander Alekseevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Accounting at Far Eastern State Transport University.
E-mail: galaprokofyeva@mail.ru

ской группы с субъектами своей и другой группы. Можно сказать, что это осознаваемое «чувство принадлежности» субъекта, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений [1]. Анализируя понятие этническая идентичность, можно предположить, что оно является аспектом этнического самосознания. Особенно в контексте современной этнополитики и принятой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Где в контексте этнической идентичности употребляются понятия: многонациональный народ Российской Федерации, российская нация; сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием; гражданское единство и пр. [7, п. 4–2].

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два уровня: когнитивный и аффективный. Для нашей работы интерес представляет когнитивный уровень, а именно знания, представления об особенностях собственной группы на основе определенных характеристик. Тем самым этническая идентичность представляется духовным образованием, осознанием коллективной отличительности, представлением о единой территории проживания, едином происхождении, языке и культуре, исторической памяти, этнических стереотипах, и т.д. [9]. Это особенно важно, так как в поликультурном российском Дальнем Востоке этнические идентичности транслируют уникальный культурно-адаптивный опыт автохтонных и переселяемых народов в единый духовно-ценностный элемент цивилизационного пространства. Основываясь на конструктивистском подходе можно заключить, что этническая идентичность есть продукт социальной деятельности людей, результат их социальных отношений.

На Дальнем Востоке этническая идентичность формируется в результате миграционных процессов. Заселение и развитие Дальнего Востока во все исторические периоды осуществлялась путем консолидации и интеграции этнокультурных общностей. В качестве механизма регуляции межэтнических отношений, который основывается на принципах взаимных интересов и ответственности, для дальневосточников исторически характерен интеркультурализм [5, с. 79].

К моменту появления русских землепроходцев и экспедиций в середине XVII в. Дальний Восток населяли несколько десятков тысяч аборигенов, относящихся к различным языковым семьям. Особое место в истории Приамурского края занимает деятельность Ерофея Павловича Хабарова. В результате его походов Е.П. Хабарова приамурское население приняло русское подданство, а Приамурье стало быстро осваиваться русскими. Первым экспедициям на Амур поручалось приводить местное население в российское подданство «не боем», а «ласкою» и обещать им защиту.

Только в случае «непослушания» разрешалось применять силу («ратный обычай»). Хабаров и «лаской», и силой, сжигая укреплённые городки дауров, привёл местное население под «высокую государеву руку» [4]. Нестабильная обстановка и военные действия в ходе русско-манжурской войны, от которых страдало не только русское население, но и коренное население Приамурья, способствовали их вынужденному, но добровольному объединению.

Элементом, конструирующим социальную реальность ее понимания и общения, выполняет язык. Поэтому, важным явлением данного периода колонизации Дальнего Востока и этнической идентичности было формирование общности языка. Язык является знаковой системой, средством передачи и хранения информации, способом создания картины мира. «Каждый этнос по-своему воспринимает действительность окружающего мира, трактует общие понятия, исходя из особенностей своего языка» [2, с. 32].

Следующий этап освоения дальневосточных земель начался в середине XIX в. По инициативе Николая Николаевича Муравьёва, в дальнейшем получившего почётное «прибавление» к фамилии «Амурский», была создана самостоятельная Забайкальская область. Население которой состояло из казаков, потомков землепроходцев XVII в. и зачисленных в казачье сословие крестьян-первопоселенцев (в том числе бурят).

1884 г. можно считать годом, когда российский Дальний Восток официально был признан отдельным краем страны, образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей с центром в городе Хабаровске. К этому времени население российского Дальнего Востока было крайне малочисленным, по этническому составу численность коренного населения составляла всего 11,7 тыс. (в том числе: 4 тыс. гольдов, 1,7 тыс. ороков, орочей и удэгейцев, 2,1 тыс. тунгусов и 3,9 тыс. гиляков). Следовательно, заселение присоединённых земель стало важнейшей задачей российской власти и приобрело свои особые черты, оно осуществлялось «по вызову правительства». В результате с 1858 по 1860 гг. на Амур было переселено более 3 тысяч человек, преимущественно из государственных крестьян Сибири. А гарантируемые Указом 1861 г. экономические и социальные льготы для переселенцев на Амур миграционные потоки из центральной части Российской империи. Особую группу в заселении дальневосточных земель составили раскольники-староверы, которые в условиях дальневосточного политеизма не испытывали религиозных притеснений. Толерантное отношение российских властей к старообрядцам способствовало тому, что в 1905–1906 гг., примерно 3 тысячи староверов из Румынии и Австро-Венгрии переселились на русский Дальний Восток [8, с. 365].

Наконец, существовала и ещё одна категория переселенцев – ссыльные и ссыльно-каторжные. Власти достаточно широко использовали ссыльных при освоении края, исходя из того, что если они погибнут, то их не жалко, при этом обходятся они значительно дешевле, чем вольные по-

селенцы. Еще Н.Н. Муравьёв-Амурский так напутствовал ссыльных, отправляя их на Амур: «С Богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте её русским краем...» [6, с. 65].

Следующий этап заселения Дальнего Востока приобрел значительные масштабы в результате деятельности премьер-министра П.А. Столыпина.

Итак, в 1912 г. население Дальнего Востока составляло 662 тыс. чел. Первое место по численности занимало русское (великорусское) население (47,3 %), второе – украинцы (15,8 %), третье – китайцы (11,2 %). Примерно 30 тысяч составляли аборигенные этносы, из них примерно 18 тысяч – коренные жители Приамурья и Приморья. Кроме того, в крае поселились 60 тысяч корейцев и, примерно, 43 тысячи маньчжуров. Ещё 10 % составляли старообрядцы из Тамбовской губернии, столько же выходцы из белорусской Могилевской губернии, 5 % – забайкальские старообрядцы, 4 % – выходцы из сибирских губерний, 3 % – из губерний Поволжья). Проживали на Дальнем Востоке уроженцы всей Российской империи. Так, выходцы из Финляндии стали организаторами китобойного промысла. Во Владивостоке образовалась небольшая по численности община переселенцев из стран Западной Европы.

Особенностью заселения края являлось то, что значительная часть переселенцев оседала в городах. К 1915 г. в Приморской области было более 6,3 тыс. населённых пунктов. В них проживало 316,3 тыс. чел., из них 43,5 тысяч человек – в Хабаровском уезде. Дальневосточные города сосредотачивали у себя значительную часть местного населения. Так население Хабаровска в 1884 г. достигало менее 5 тыс. чел., в 1897 г. – уже 15 тыс., в 1917 г. – около 50 тыс. чел.

Этническая идентичность дальневосточников была отражена в заметках русских и зарубежных путешественников, побывавших на Дальнем Востоке. Так А.П.Чехов, посетивший Хабаровку, был поражён не только красотой и дикостью амурских берегов, но и подвижничеством тех, кто связал с ними свою судьбу. В своих путевых заметках он назвал эту местность «краем дерзких людей», где «не боятся говорить громко». Авторы подчёркивали бросающиеся в глаза отличия дальневосточных городов от российских с их патриархальным бытом. Уровень грамотности переселенцев с самого начала был довольно высок. Совместные усилия местных властей и общественности в деле развития народного образования имели результаты. По данным переписи 1897 г., уровень грамотности в Приморской области был 24,7 %, в Амурской – 24,3 %, т.е. превышал показатели как в Европейской России (22,5 %) так и в Сибири (11,5 %). Большое значение имело открытие в 1899 г. во Владивостоке первого в крае высшего учебного заведения – Восточного института. В крае действовали миссионерские школы для детей коренных народов. Показателем распространения грамотности свидетельствовал тот факт, что в 1917 г. выходило 200 газет и журналов [3, с. 147].

Таким образом, при заселении Дальнего Востока происходит усиление мозаичности народонаселения региона при большой вариативности социокультурных, языковых и религиозных стандартов.

В XX в. Дальний Восток приобрел важное стратегическое значение, геополитический оплот на Тихом океане. С 1922 г. в советской России была заложена плановая основа переселения на Дальний Восток. С конца 20-х г. государством поощрялась миграция коллективная, что было обусловлено процессами коллективизации в стране.

Кроме добровольного осуществлялось и принудительное переселение, в частности, в структурах ГУЛАГа. На Дальний Восток было отправлено большое количество заключённых. По данным спецпереписи 1937 г., на Дальнем Востоке заключёнными числилось 544 тыс. чел., треть из которых были несовершеннолетние. Основная доля заключённых размещалась в Хабаровском крае и районах Крайнего Севера. Таким образом, переписью населения 1939 г. в границах Дальнего Востока было зарегистрировано 2 562 тыс. чел. Следовательно, примерно за двадцать лет в результате массовых переселений как добровольных, так и принудительных, население Дальнего Востока возросло в 2,6 раза.

В те же годы происходили и другие миграции, серьезно изменившие этнический состав населения региона. В 1937 г. с Дальнего Востока выселили более 170 тыс. корейцев и китайцев. Из приграничных, наиболее благоприятных для жизни районов на север отправили тысячи семей раскулаченных и «политически неблагонадежных» лиц. На Дальнем Востоке СССР постоянно держал крупные воинские подразделения армии и флота. Все планы развития региона подчинялись в первую очередь стратегическим, а лишь затем хозяйственным интересам. Всё это приводило к сложению особого менталитета дальневосточников. В результате различных переселенческих мероприятий между переписями 1939 и 1959 гг. численность населения Дальнего Востока – на 60 %, а с 1959–1989 гг. произошло увеличение населения Дальнего Востока более чем в 1,5 раза (с 4346,8 до 7941 тыс. человек). А всего в советский период заселения Дальнего Востока (1926–1989) население региона возросло в 5,1 раза.

В 1960–1980-х гг. на Дальний Восток ехали специалисты, стремящиеся к самореализации и карьерному росту. Для них немаловажное значение имело предоставление бесплатного жилья, повышенная оплата труда за счёт районных коэффициентов и надбавок за стаж, компенсация поездок в отпуск, что в советское время, было мощными стимулами для привлечения населения на Дальний Восток. Для развития науки и превращения региона в крупный центр развития высоких технологий с 1970 г. на Дальний Восток были направлены выпускники лучших советских вузов.

За период 1991–2007 гг. по отношению к численности населения на 1 января 2007 г. демографические потери дальневосточного региона составили свыше одного миллиона человек (1059,7 тыс.) или 8,6 % своего

населения. На Дальнем Востоке естественная убыль и миграционный отток непрерывно ведут к сокращению численности населения.

При этом, как и раньше, население Дальнего Востока достаточно высоко урбанизировано, городское население составляет более 3/4 общей численности населения. Возрастная структура населения Дальнего Востока долгое время формировалась под влиянием процессов миграции. Однако миграционные процессы заметно ухудшили дальневосточный социум, что проявилось в распространении асоциальных и девиантных форм поведения. В частности, в стремительном распространении наркомании и алкоголизма, росте социально обусловленных заболеваний.

Итак, XXI в. показал, что высокий уровень миграции обусловливает динамику этнодемографических процессов в регионе. При устойчивом доминировании русских в структуре народонаселения, все же она имеет высокую подвижность и сокращается. Так же как и продолжилось сокращение численности старожильческих этнических групп на фоне усложнения структуры иммиграции. В настоящее время десятку первых по численности этнических групп вошли народы Средней Азии и Закавказья. Они поступательно наращивали численность в дальневосточном регионе. Высокая динамика численности среднеазиатских и закавказских диаспор меняют качественные характеристики населения региона. Формируется неэквивалентный миграционный обмен, результатом которого становится снижение показателей развития человеческого потенциала.

Интенсивная трансформация этнодемографической структуры и высокая динамика обновления населения обусловливают этнокультурную мозаичность дальневосточной территории с риском формирования закрытых обособленных этнотерриториальных сообществ. На территории складываются места компактного проживания мигрантов на окраинах и в местах расположения рынков. К местам интенсивного вселения мигрантов относятся районы частного сектора, которые населены цыганами, азербайджанцами, узбеками, таджиками, киргизами, узбеками, армянами, грузинами и другими группами. Городские окраины превращаются в зоны экономической и социокультурной активности этнических мигрантов. В этих зонах формируется замкнутая инфраструктура, удовлетворяющая внутренние нужды общин, развивается этническое предпринимательство на основе земляческих связей и групповой солидарности, локализуется этническая преступность. При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политикой на период до 2025 г. легитимных практик интеграции мигрантов происходят стихийная сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку. Это формирует этносоциальные и этнокультурные риски, связанные с развитием Дальнего Востока.

С развитием миграционных процессов очевидным становится интенсивное изменение этнической идентичности: меняется этнический состав учащихся школ и вузов; появляются инокультурные по отношению к доми-

нирующему сообществу конфессиональные символы, ценности и традиции. При этом миграционные риски имеют двойственную природу. Категория риска в связи с оценкой человеческого потенциала в равной степени применима и к мигрантам, и к принимающему сообществу. В отношении мигрантов оценка рисков развития человеческого потенциала связана с невозможностью реализации в полном объеме традиционной структуры идентичностей (включая культурный, языковой и конфессиональный уровень) и их слабой интегрированностью в принимающее сообщество.

Риски, формулируемые принимающим сообществом относительно социально-экономической сферы, имеют гипотетический характер. Но нельзя исключить роста конфликтности в этой области по мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и сфере занятости. Как социальный феномен этническая специализация зависит от стажа мигрантов и укоренения диаспоры в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Специализация с низкой квалификацией свойственна в настоящее время для большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов (работа в ЖКХ, подсобные работы, кустарный пошив одежды и пр.). Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города.

Таким образом, полиэтничность накладывает отпечаток на всю культуру и быт дальневосточников. А в условиях реэтнизации общества особую значимость приобрел фактор этнической идентификации. Возникла непростая задача перед этническими общностями – сохранить этническую идентичность.

Список литературы

1. Икилиян, С.Г. Этническая идентичность и роль языка в ее формировании и сохранении / С.Г. Икилиян // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2. – С. 22.

2. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – Москва : Изд-во. ЧеРо, 2003. – 350с.

3. Культура Дальнего Востока России. Книга 1. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2012. – 147с.

4. Лебедев, С. Там, где багряное солнце встает / С. Лебедев. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/05/05/.

5. Паин, Э.А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализ-му / Э.А. Паин // Вестник Института Кеннана в России. – МОСКВА, 2011. – № 20. – С. 78–85.

6. Сибирь в составе Российской империи / ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – Москва : Новое литературное обозрение, – 2007. 368 с.

7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/

8. Тюрин, А. Русские – успешный народ. Как прирастала русская земля / А. Тюрин. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 384 с.

9. Шахбанова, М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования / М.М. Шахбанова // Вестник ИИАЭ. – 2013. – № 1. – С. 135–147.

УДК 323.174

Рудецкий О.А.*, г. Хабаровск, Россия

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются концептуальные основания этнической политики России конца XX – начала XXI вв. Даётся критическая оценка современной российской этнополитики. Рассматриваются её общенациональный и региональный аспекты.

Ключевые слова: этническая политика, этнос, этничность, нация, российская нация, Россия, Дальний Восток.

Rudetsky O.A., Khabarovsk, Russia

NATIONAL AND REGIONAL ASPECTS OF ETHNIC POLICY OF MODERN-DAY RUSSIA

The article analyzes the conceptual foundations of ethnic policy of Russia in the late XX – early XXI centuries, gives a critical assessment of contemporary Russian ethnopolitics and considers its national and regional aspects.

Key words: ethnic policy, ethnos, ethnicity, nation, Russian nation, Russia, Far East.

На фоне острых политических и экономических проблем в современной России наблюдается повышенное внимание власти и общества к этнокультурной проблематике. В фокусе общественного интереса оказываются вопросы самоопределения российской нации как полиэтнического образования; сохранения этнических культур; регулирования этномиграционных процессов; развития механизмов гармонизации межэтнических отношений и пр. В этом плане справедливо замечание В.А. Ачкасова, открывающее введение к книге «Этнополитология» (М., 2015): «Убеждать кого бы то ни было в злободневности этнополитической проблематики уже нет необходимости, поскольку этническая окрашенность многих социальных противоречий и конфликтов в современном мире явно бросается в глаза» [3, с. 5].

В то же время, *обсуждение этнополитической повестки не должно уводить нас в сторону от решения экономических и социальных проблем*, грозящих упадком и политической дестабилизацией. Этнополитика, как отмечают В.И. Жуков и Г.Т. Тавадов, должна быть сопряжена с различными

* **Рудецкий Олег Андреевич**, канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС.
Rudetsky Oleg Andreevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: rudetsky@mail.ru

видами государственной политики такими, как экономическая, социальная, культурно-образовательная, демографическая политика [10, с. 398]. Проблемы этнополитики представляют собой лишь часть сложного комплекса взаимосвязанных проблем современной России.

Успех этнополитики определяется силой политической воли, контекстом управленческих решений и чёткой логикой достижения этнического согласия. Если первое и второе носит прагматический и стратегический характер, то последнее имеет в своей основе концептуализацию, т.е. научную и философскую обоснованность базовых идей и принципов, «введение онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных» [16], позволяющий говорить об этнополитике как о «своеобразном искусстве управления» (М.А. Фадеичева). Иными словами, этническая политика может оказаться неэффективной / провальной даже в условии блестящей концептуализации. Справедливо и обратное замечание. Более того, удерживаясь в рамках научного и философского дискурса, *обсуждение этнополитики не должно превращаться в схоластический спор о понятиях*. Многочисленные рассуждения о российской нации не создадут российскую нацию, даже, если учёное сообщество придёт к консенсусу в части терминологии, а власть утвердит специальный закон о российской нации. Тысячи слов об этнической миграции бессильны в решении этнодемографических проблем, если отсутствуют действенные механизмы её регулирования и стратегическое видение. Так называемый «этнический ренессанс» останется красивой фразой в отсутствии прагматического подхода и без должной институциональной поддержки: стихийная политизация процессов этнокультурного возрождения – ключ к саморазрушению государства.

Сложнейший вопрос – оценка современной российской этнополитики. Отметим особенности её исторического контекста в конце XX в.

1. Этническая структура российского общества оказалась принципиально иной, нежели структура советского – *значительно увеличилось в процентном отношении количество этнических русских*. На момент Всесоюзной переписи 1989 г. доля этнических русских в СССР составляла 50,8 % от общей численности населения, в масштабах же РСФСР – уже 81,5 % [7]. Соответственно, на момент следующей переписи населения (2002 г.) этот показатель был равен 79,8 % [6]. На фоне негативных экономических и демографических процессов «русский вопрос» оказался чрезвычайно болезненным.

2. *За короткий период произошёл слом привычного уклада жизни народов бывшего СССР*. Новой гранью высветилась проблема этнокультурных и этнопсихологических различий. Не лишним будет подчеркнуть значимость исходного мировоззренческого отношения «человек – мир» [2, с. 174], образующего средоточие этнического самосознания. По мнению В.В. Воронова, в условиях рынка такие ценности традиционного трудового общества, как коллективизм, семья, терпимость, социальная справедливость подавляют-

ся и искажаются. В свою очередь ценности рыночного общества, включая индивидуализм, прагматизм, стяжательство получают широкое распространение. К новому экономическому порядку легко адаптировалась только часть народов, «где в силу исторических условий сложилось отношение к торговле как к одному из наиболее уважаемых дел» [5, с. 28].

3. С конца 1990-х гг. *возникает глубокий кризис идентичности россиян, когда общегражданская идентичность не сформирована* и часто противопоставляется этнической. Ввиду этого этнический фактор стал активно использоваться как инструмент в борьбе элит за власть и ресурсы [11, с. 122].

4. *Обострение межэтнических противоречий и возникновение очагов этнополитической напряжённости* лишний раз подводит к вопросу об угрозе распада новой России – распада по этнокультурным и цивилизационным границам. Среди учёных и политиков сомнению подвергается концепт дружбы народов. Интересно, в этом плане замечание В.А. Тишкова: «Зеркальным ответом на проявления конфликтного этнического поведения становится … эссенциалистская формула "дружбы народов", через которую старая наука и нынешняя власть пытаются преодолеть "обострение межнациональных отношений". .... Если желательна "дружба народов", тогда почему не воспользоваться возможностью раздружиться? Если можно "любить народ", тогда почему нельзя его ненавидеть?» [19, с. 21].

5. *Девальвация коммунистических идей сопровождает парадигмальные сдвиги в этнографии* (*этнологии*). В этнологическом дискурсе обострённым становится противостояние представителей примордиализма и конструктивизма. *Возникает ситуация методологической неопределённости концептуальных оснований этнополитики*, следствием чего становятся многочисленные противоречия в тексте основных документов и в механизмах реализации управленческих решений. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. была далека о совершенства. Фактически в ней читались размытые представления о путях решения этнополитических проблем [23, с. 25]. По мнению специалистов, Концепция не отвечала насущным проблемам и устарела за короткий период времени [17, с. 9–10], многие её положения банально не выполнялись [26, с. 71].

Современная Россия исторически – наследница СССР. Однако каким образом её этнополитика связана советской? В качестве теоретического допущения В.С. Малахов рассматривает «национальную политику» как реликт советской эпохи: она представляет собой форму политического поведения, феномен политической речи, нежели политической практики [15, с. 144]. На таком *символическом* уровне мы и сегодня видим «преемственность» в деле этнической политики. Характерно в этом плане смешение западных концептов с советской терминологией. Например, один из тезисов в Послании Президента Федеральному Собранию (20 февраля 2019 г.) звучит следующим образом: «Для нашего общества, для *многонациональ-*

ного народа именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом» [18]. Понятие *многонациональный народ*, использованное в этом отрывке, соответствует тексту Конституции РФ, её преамбуле, и в историческом плане восходит к теоретическим основам советской нацполитики. В концептуальном же плане термин многонациональный народ противоречит концепту российской нации, фигурирующему в Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 г., и восходящему к западному гражданско-политическому толкованию нации.

Если же отвлечься от практики политической коммуникации, придётся признать следующее: *российская этнополитика по факту не выстроена концептуально*, и в этом её принципиальное отличие от советской этнополитики. Конструкция последней имела определённую логику, опору на марксистско-ленинскую философию и идеологию. Даже, несмотря на «колебания» политического курса (образно выражаясь, «колебания маятника» [25]), советская «нацполитика» имела ясную направленность и была прозрачна в части использования ключевых терминов.

Ещё раз отметим научно-философский фундамент советской «нацполитики». Так называемому «национальному вопросу» уделяли значительное внимание ещё основоположники марксизма, о чём свидетельствует целый корпус работ К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, В.И. Ленина, И.В. Сталина и др. Подчёркивалось историческое значение Октябрьской революции в решении этого вопроса. Она, как отмечается в «Кратком философском словаре» 1954 г., должна была положить начало периоду «уничтожения капитализма и ликвидации национального гнёта, налаживания дружбы и братского сотрудничества народов СССР», стать периодом «формирования новых социалистических наций» [13, с. 391]. Понятен был и оптимизм в вопросах этнополитики, характерный вплоть до 1980-х гг. Так в 1983 г. создатель советской теории этноса Ю.В. Бромлей писал: «На фоне межнациональных конфликтов в капиталистическом мире особенно очевидны достижения в области национальных отношений в нашей стране и других странах социалистического содружества, убедительно подтверждающие известный тезис основоположников марксизма, что с исчезновением антагонизма классов «падут и враждебные отношения наций между собой» [4, с. 338]. Даже факт массовых межэтнических конфликтов в те же 1980-е гг. не смог серьёзно пошатнуть здание советской этнологической теории, хотя они по-разному оценивались советскими учёными [1, с. 231]. Лишь с распадом СССР идеологический каркас отечественной этнополитики был демонтирован.

К сожалению, *российская этнополитика сегодня это преимущественно декларирование благородных целей вроде «сбережения народа» и «сохранения культурного многообразия»*. Далека от совершенства оказалась не только Концепция 1996 г., но и Стратегия государственной наци-

ональной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена 19 декабря 2012 г.). В особенности, это касается проблемы определения российской нации. В области же управленческих решений постсоветская Россия только начинает активизировать работу по организации этнической политики. Показательны слова руководителя Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринова (ноябрь 2018 г.): «Почти 20 лет национальная политика пребывала в некотором забвении с точки зрения полноценного государственного управления. Вопросы, которые сегодня мы относим к сфере регулирования национальной политики, были разбросаны по министерствам и ведомствам и крайне слабо решались в силу приоритета иных целей и задач» [8].

Выделим основные концептуальные проблемы современной отечественной этнополитики.

1. *Чрезвычайно затруднительным остаётся консенсус относительно парадигматики этнологии*. Советская «нацполитика» основывалась на эссенциалистских представлениях об этносе и нации как объективной исторической и культурной «данности». Такая теоретическая установка далеко не всегда позволяла дать точный анализ этнических процессов, предполагала игнорирование ряда субъективных и инструментальных факторов. Однако крен современной отечественной этнологии в сторону конструктивизма тоже может оказаться контрпродуктивным: понимание нации как формы коллективного самосознания уводит от анализа социальной онтологии этноса и этничности.

2. *Сосуществование двух различных толкований нации* (как исторический тип этнической общности и как согражданство с выраженным менталитетом) *явным образом тормозит развитие идеи российской нации*. Отметим укоренённость этих представлений в отечественной культуре, когда на уровне языка возможны обороты русская нация, татарская нация и пр. Рациональным может показаться предложение В.А. Тишкова провести «инвентаризацию идейно-смыслового багажа отечественного россиеведения, выработать научную концепцию российского национального проекта как государства-нации со своей историей и собственными национальными интересами, составляющей в то же время часть мировой» [20, с. 411]. Однако как быстро этот ещё не состоявшийся «проект» воспримет само общество? легко ли оно откажется от концепта этнонации?

3. *В силу полиэтничности российской нации требуется концептуальное обоснование взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, механизмов сохранения культурного многообразия при условии национального единства*. Отметим, что в Стратегии государственной национальной политики РФ (2012 г.) такие механизмы просто не проработаны [17, с. 12]. Интересна в этом плане идея актуализации национальной идентичности через этнокультурное самоопределение. По мнению С.А. Мадюковой и О.А. Персидской «при сохранении политического, эко-

номического и правового единства российского общества этнокультурное многообразие в стране не является фактором угрозы и раздробленности страны, но, наоборот, выполняет функцию определенного механизма «распознавания себя» российским сообществом через выбор собственных этнокультурных традиций» [14, с. 129].

4. *Взвешенной научной оценки требует русский фактор формирования российской нации*, включая роль русского языка и культуры в сохранении общегражданского единства. Учитывая значимость этого фактора в этнодемографических процессах, необходимо подчеркнуть риски радикальных трансформаций этнической структуры российского общества – от всплеска крайних националистических настроений до проявлений открытого сепаратизма. Игнорирование «русского фактора» в жизни России такая же опасная затея, как и романтизация «русского бунтаря».

5. *Переосмыслению подлежит особое наследие советской нацполитики – ассиметричный федерализм*, как способ решения «национального вопроса» в Советской России и «спящий институт» (А.А. Захаров). Стоит согласиться с мнением специалистов, о безальтернативности такой формы государственного устройства для поликультурной России. Однако, как подчёркивает Р.В. Енгибарян, открытым остается вопрос о целесообразности национально-территориального принципа организации Российской Федерации [9, с. 8].

6. «Культурная мозаика» России и существенные различия в жизни отдельных регионов должны придать планированию этнополитики характер многовекторности. Иными словами, *фундамент концептуализации отечественной этнополитики в перспективе должен обеспечивать гибкое использование различных стратегий*. По мнению М.А. Фадеичевой в России актуальны три стратегии этнополитики, а именно этнополитическое дистанцирование, этнонационализм и этническое согласие. При этом автор подчёркивает, что ни одна из них «не может быть универсальной, так как межэтнические отношения специфичны не только в различных государствах и группах государств регионов, они существенно отличаются в пределах различных территорий одного и того же государства» [22, с. 49]. На уровне общественного сознания *переосмысления требует национализм* как «амбивалентный феномен» (В.А. Ачкасов) и *мультикультурализм* как совокупность устоявшихся практик гармонизации межэтнических отношений в ряде зарубежных стран.

Возможна ли в современной России региональная этнополитика? Ряд специалистов высказывает скептическое отношение в ответе на данный вопрос, в частности: «Региональная национальная политика», – данное слово нельзя употреблять без кавычек. Это оксюморон, литературный приём, предполагающий сочетание не сочетаемых свойств и качеств предмета или явления, типа: живой труп или холодная теплота» [21, с. 217]. Региональная этнополитика носит условный характер и не может являться самостоятель-

ной*: в условиях жёсткой вертикали власти правильно говорить лишь о реализации государственной этнополитики в регионах*. Заметим, что, если она не выстроена концептуально в национальном масштабе, не будет она выстроена и на региональном уровне.

Дальневосточный вектор этнополитики требует особого внимания российской власти ввиду геополитического положения региона и огромного потенциала развития. *Региональный контекст управленческих решений включает множество негативных факторов. Их игнорирование делает бессмысленными любые государственные усилия в области этнополитики*. Среди этих факторов, выделим следующие:

1) на протяжении всего постсоветского времени *наблюдается катастрофическое «обезлюдевание» Дальнего Востока России*. Только за период от переписи 1989 г. до переписи 2010 г. дальневосточный регион потерял около 1/5 населения. Никакая форма локального патриотизма сама по себе не способна переломить эту тенденцию на фоне социальных и экономических проблем. Кроме того, политика закрепления дальневосточного населения должна исходить из приоритета прав «старожилов» [24, с. 59];

2) происходит *радикальная трансформация этнической структуры дальневосточного региона*, включая сокращение численности этнических русских. Отметим в этой связи, что любой «этнический сдвиг» (И.Ф. Ярулин) предполагает риски конфликтогенного плана. Ким А.С. подчёркивает необходимость развитие системы раннего предупреждения этнических конфликтов, совершенствования форм взаимодействия между старожильческим населением и мигрантами [12, с. 75].

Список литературы

1. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
2. Арутюнян, М.П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ / М.П. Арутюнян. – Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 336 с.
3. Ачкасов, В.А. Этнополитология / В.А. Ачкасов. – Москва : Юрайт, 2015. – 495 с.
4. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 416 с.
5. Воронов, В.В. Взаимосвязь демографической, этнической, социальной политики в регионах России / В.В. Воронов // Власть. – 2015. – № 12. – С. 28–36.
6. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1
8. Глава ФАДН рассказал о новом законе об адаптации мигрантов в России. – URL: https://iz.ru/816891/2018-11-27/ekspert-rasskazal-o-novom-zakone-ob-adaptatcii-migrantov-v-rossii (дата обращения: 12.11.2019).
9. Енгибарян, Р.В. Нуждается ли российский федерализм в модернизации и в какой? / Р.В. Енгибарян // Право и управление. XXI век. – 2018. – № 3. – С. 3–10.

10. Жуков, В.И. Большой этнологический словарь / В.И. Жуков, Г.Т. Тавадов. – Москва : Изд-во РГСУ: Омега-Л, 2010. – 924 с.

11. Зорин, В.Ю. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002 гг.) / В.Ю. Зорин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 3. – С. 122–154.

12. Ким, А.С. Этническая и миграционная политика: проблема институционализации (на примере Дальнего Востока России) / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 70–76.

13. Краткий философский словарь / под. ред. М. Розенталя, П. Юдина. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 704 с.

14. Мадюкова, С.А. Государственно-гражданская и этническая идентичности как детерминирующие факторы этнонациональной политики / С.А. Мадюкова, О.А. Персидская // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 122–131.

15. Малахов, В.С. Настоящее и будущее национальной политики в России / В.С. Малахов // Прогнозис. – 2006. – № 3(7). – С. 144–159.

16. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Книжный Дом, 1999.

17. Попков, Ю.В. Региональные особенности этнонациональной политики / Ю.В. Попков // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 4. – С. 9–28.

18. Послание Президента Федеральному Собранию. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 12.11.2019).

19. Тишков, В.А. Культурная мозаика и этническая политика в России / В.А. Тишков // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 7. – С. 9–32.

20. Тишков, В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы / В.А. Тишков // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 4. – С. 408–412.

21. Фадеичева, М.А. Парадигмальные основания этнической политики неопостсоветской России / М.А. Фадеичева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 215–225.

22. Фадеичева, М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти / М.А. Фадеичева // Социум и власть. – 2013. – № 2(40). – С. 45–49.

23. Фадеичева, М.А. Tabula rasa российского этнического законодательства / М.А. Фадеичева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 2(41). – С. 25–28.

24. Фалалеева, И.Н. О парадигме российской национальной политики / И.Н. Фалалеева // Власть. – 2011. – № 10. – С. 57–60.

25. Щербак, А.Н. История советской национальной политики: колебания маятника? / А.Н. Щербак, Л.С. Болячевец, Е.С. Платонова // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100–123.

26. Ярощук, Н.З. К вопросу о национальной форме социального бытия / Н.З. Ярощук // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 65–73.

УДК 327(51)

Смоляков В.А.[*], **Захарова Т.И.**[*], г. Хабаровск, Россия

ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИЙ МИР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье на примере политического развития стран Восточной Азии и процессов экономической интеграции рассматривается проблема соотношения универсальности восточноазиатского мира с нивелирующими различия глобальными трендами.

Ключевые слова: Восточная Азия, уникальность, глобализация, экономическая регионализация, политические режимы.

Smolyakov V.A., **Zakharova T.I.**, Khabarovsk, Russia

EAST ASIA WORLD: THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES

The article deals with the problem of correlation between the universality of the East Asian world and the global trends leveling differences by the example of the political development of East Asian countries and the processes of economic integration.

Key words: East Asia, uniqueness, globalization, economic regionalization, political regimes.

Восточная Азия является одним из самых динамичных и разнообразных регионов мира. В данной статье рассматривается проблема соотношения культурной уникальности Восточноазиатского мира и универсалистских трендов, порождаемых глобализацией. Анализируются также пути дальнейшего углубления Восточноазиатского регионализма, который развивается на базе углубляющейся экономической интеграции и поиска общей восточноазиатской идентичности. Поставленная проблема является продолжением старого спора между сторонниками универсализма в историческом развитии человечества, с одной стороны, и сторонниками самобытности или уникальности национальных путей развития – с другой стороны.

Интерес к социально-экономическим, политическим и культурным аспектам Восточноазиатского мира привлекает внимание исследователей с 1960-х гг. Непосредственным фактором, поставившим Восточную Азию в

[*] **Смоляков Владимир Александрович,** д-р полит. наук, проф., профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.
Smolyakov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Khabarovsk State University of Economics and Law.
E-mail: smolyakov46@mail.ru

[**] **Захарова Татьяна Ивановна,** канд. полит. наук, доц., председатель правления АНО «Стабильность и прогресс».
Zakharova Tatiana Ivanovna, Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of the Autonomous non-profit organization «Stability and progress».
E-mail: tatyanazaharova@mail.ru

фокус всеобщего интереса, стало «экономическое чудо», начавшееся в Японии, затем продолженное «четырьмя азиатскими тиграми»: Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом и Сингапуром. За ними последовал «второй эшелон» стран с высокими темпами экономического роста, включающий Таиланд, Малайзию, Индонезию и Филиппины. Выбор внутренней политики в пользу модернизации превратил Китай во вторую по ВВП страну мира, а также в главного геополитического конкурента Соединенных Штатов Америки. К 2049 г. коммунистические лидеры КНР планируют превратить свою страну в сверхдержаву. Однако, возможно, это произойдет еще раньше. Достижения в экономике заставили пересмотреть старые евроцентристские взгляды на роль конфуцианства (М. Вебер) и других восточноазиатских ценностей и приступить к поиску культурологических факторов.

Первая позиция изначально была представлена марксизмом с его теорией всеобщих законов истории и последовательной сменой социально-экономических формаций во всемирном масштабе. В марксистской парадигме выделяется конечная станция развития человечества – полный коммунизм. В конце XX в. в политической теории активно развивается новый либерализм, предшественником которого можно считать И. Канта, который выразил свою позицию в эссе 1784 г. «Идея универсальной истории с космополитической точки зрения». Кант предположил, что история имеет конечную цель и конец. Через 200 лет американский философ и политолог Френсис Фукуяма опубликовал статью и затем книгу – "Конец истории". Фукуяма утверждал, что распространение свободной рыночной экономики и демократической политики – это процесс, который гарантирует все большую гомогенизацию всех человеческих обществ, независимо от их исторического происхождения или культурного наследия. Это также «подрывает традиционные социальные группы, такие как племена, кланы, расширенные семьи, религиозные секты и так далее» [4, p. xiv]. Распространение демократии – хотя и в различных формах, параллельно с экономическим развитием, как кажется, способствует этому.

Однако у теории единого линейного развития истории есть принципиальные критики, которые указывают на то, что она недооценивает значение других факторов, а именно, коренящихся в культуре внеэкономических мотиваций. Среди них отметим позиции С. Хантингтона и Л. Пая [3, с. 26; 7, p. 234].

Культурологические подходы в социальных науках не новы. Еще Макс Вебер сделал знаменитые выводы относительно влияния силы протестантской и католической культур для экономического роста.

Необычайный экономический рост, наблюдаемый в восточноазиатских странах, поставил политические и социальные механизмы этих стран в центр внимания. Успех этих стран в связи со спадом западной экономики и трениями, возникшими в связи с торговым протекционизмом, экономическими условиями, демократией и правами человека способствовали тому, что с 1990-х гг. началась дискуссия по поводу «азиатских ценностей».

«Азиатские ценности» противопоставили «западным ценностям» – такой же неоднозначной концепции. В частности, эта идея была решительно поддержана бывшим премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом и бывшим премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю в 1995 г. [5].

Концепция «азиатских ценностей» основывается на ряде положений, имеющих серьезные методологические изъяны. Фактически выражение «азиатские ценности» подразумевает, что социальные, экономические и политические характеристики восточноазиатских стран основаны на общей системе ценностей, которая является с достаточной отчетливостью идентифицируемой и к тому же исключительной, и которая выходит за рамки национальных, религиозных и идеологических различий, существующих между отдельными странами. В этом тезисе утверждается, что культурные ценности лежат в основе чрезвычайно высоких темпов роста стран Восточной Азии и обусловливают положительные социальные и политические характеристики региона. При этом Восточная Азия представлена как система ценностей в контексте дихотомии Восток-Запад. В данном контексте экономическому ренессансу Востока противопоставляются социально и экономически деградирующие западные общества. Сторонники «азиатских ценностей» склонны поддерживать авторитарные режимы азиатского типа, утверждая, что они больше подходят для региона, чем западная демократия.

Весь комплекс этих идей вызывает ряд вопросов. Насколько однородны «азиатские ценности»? Можно ли методологически обосновать эти допущения причинности и детерминизма? Могут ли данные ценности послужить основой для общей восточноазиатской идентичности, что должно по идее привести к породить «единую Восточную Азию» и др.?

В данной статье не представляется возможным рассмотреть все эти вопросы. Мы ограничимся показом того, как происходящая конвергенция политических и экономических практик проявляется через уникальную культуру стран Восточной Азии. Для этого мы обратимся к двум наиболее значимым сферам – политическому развитию и экономической интеграции. Произведенный авторами данной статьи анализ тенденций политического развития стран Восточной Азии свидетельствует о наличии отчетливо проступающей региональной парадигмы [6, p. 40].

В чём же политическая специфика Восточной Азии? Обобщенно, главная особенность восточноазиатского внутриполитического процесса заключаются в преобладании авторитарных или гибридных режимов в сравнении с другими регионами мира. Демократические институты создавались в Азии в той же последовательности, в какой эти государства начинали свой экономический подъём.

В табл. 1 представлен сравнительный анализ состояния и динамики политических и гражданских свобод в регионах мира, на основе оценок, поставленных Домом Свободы. Эти цифры показывают, что среди всех регионов мира Восточная Азия по степени авторитарности уступает только странам «мусульманского ядра».

Таблица 1. Рейтинг свободы в регионах мира в 2015 г.

Регионы	Восточная Азия	Европа	Латинская Америка	Ближний Восток, Центральная Азия и Северная Африка
Количество стран	17	41	24	20
Средний интегральный балл (от 1 до 7)	4,1	1,7	2,7	5,5

Данные таблицы свидетельствуют, что из восемнадцати стран Восточной Азии «не свободными» являются – семь; «частично свободные» – шесть стран; а «свободные» только пять. При этом уровень гражданских прав и политических свобод оценивается в баллах от 1 (высший балл), до 7 (низший балл), и соответственно выводится усреднённый балл по региону, полученный путём деления суммы баллов на общее количество стран в регионе [1, с. 38].

Политическая власть в Восточной Азии является, во-первых, моноцентричной, а не диффузной как в плюралистических демократиях; во-вторых, во многих странах персонифицированной; в-третьих, осуществляется или монолитной партией, или коалицией политических, бюрократических и экономических элит. Государство обладает большой властью и контролирует различные формы жизнедеятельности, ограничивая слабое и фрагментированное гражданское общество. Это ставит вопрос о необходимости демократизации политической жизни в странах Восточной Азии. Факт устойчивости авторитарных и гибридных режимов, как представляется, коррелирует с территориальными межгосударственными спорами, возрождением национализма в ряде стран, а также с межэтническими конфликтами. Демократические институты в Восточной Азии представляют собой главным образом верхний слой общества. В глубине находятся довольно архаичные отношения и патриархальная культура, охватывающая основную массу граждан. Если суммировать особый, «азиатский стиль демократии» то можно выделить следующие его черты: неразвитость политической сферы, которая не отъединена от других форм общественной жизни; преобладание отношений патрон-клиент над публичной политикой; отсутствие чёткой грани между официальными и неформальными отношениями, между гражданскими и военными властями; отсутствие публичной состязательности; наличие партийной системы с одной доминирующей политической партией в большинстве государств; относительно слабое гражданское общество [1, с. 176–185].

Восточная Азия успешно осуществляет экономическую интеграцию, извлекая уроки из опыта Европейского Союза. Однако путь к региональной интеграции в Восточной Азии далек от европейского. Правительства стран Восточной Азии выбрали свою модель региональной интеграции [2, с. 51–52]. Эта модель регионализма отличается от европейской модели слабыми международными институтами и весьма ограниченной наднациональной

властью международных организаций. Приоритет взят на создание сети двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле. Если в Европе процесс интеграции развивался сверху, т.е. путём соглашений между правительствами, то в Азии этот процесс пошел снизу. Движущей силой регионального сотрудничества в Восточной Азии стал рыночный механизм. Наибольших успехов добились страны АСЕАН, которые выбрали модель, получившую название «Путь АСЕАН». Институциональное строительство «АСЕАН» имеет возможность повести за собой региональную интеграцию. Однако, в отличие от Европы, в Восточной Азии вряд ли мы увидим отказ от суверенитета вместе с институционализацией наднациональных рамок. Сочетание сетей зон свободной торговли и гибкого субрегионального сотрудничества стало ключом к региональной интеграции в Восточной Азии. В табл. 2 представлен сравнительный анализ регионализации стран Восточной Азии и ЕС.

Таблица 2. Две логики регионализации Восточной Азии и Европы

Критерии регионализации	Европа (ЕС)	Восточная Азия
Характер политических режимов	Только либеральные демократии, санкции против стран с тенденциями к авторитаризму	Преобладание авторитарных или гибридных режимов, незрелость электоральных демократий
Территориальные споры и политические конфликты	Практически отсутствуют или блокируются	Сохраняются или обостряются
Национализм и этнополитические конфликты	Политика поддержки национальных меньшинств	Конфликты с участием государства
Общие политические и духовные ценности	Общая цивилизационная идентичносность, либерализм	Цивилизационнаяя разнородность, отсуствие традиций либерализма и очень слабая общая идентичность
Формы экономической интеграции	Единое экономическое пространство	Зоны свободной торговли (ЗСТ)
Ограничение суверенитета или вмешательство во внутренние дела	Институционализированы	Полный суверенитет, вмешательство не допускается
Политическая интеграция	Развивается по пути федерализации	Элементы политического сотрудничества, политическая интеграция не планируется
Соотношение экономики и политики	Органичное единство	Экономика «отделена» от политики
Государства-лидеры	Сотрудничают	Соперничают
Взаимозависимость экономик	Очень высокая	Высокая

В качестве вывода можно констатировать следующее. Восточно-Азиатский мир не является абсолютно уникальной цивилизацией, находящейся вне столбовой дороги, по которой движется человечество. Во всех странах Восточной Азии действуют те же тренды, что и в остальной части мира. Это рыночная конкуренция, экономическая интеграция и развитие демократических институтов. В то же время страны региона выбирают такие формы и методы решения общественных проблем, которые органично связаны с их историей и культурными традициями.

Список литературы

1. Смоляков, В.А. Политическое развитие стран Восточной Азии / В.А. Смоляков, Т.И. Захарова. – Хабаровск, 2016. – 208 с.

2. Смоляков, В.А. Азитско-Тихоокеанский регион: противоречивые взаимодействия геополитики и геоэкономики / В.А. Смоляков, Т.И. Захарова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, Вып. 2. – С. 51–52.

3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2005.

4. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – New York : Praeger, 1992.

5. Lee Kuan Yew. Society vs. the Individual // Time. – 14 June 1993.

6. Lawson, S. Politics and Cultural Myths: Democracy Asian Style versus the West / S. Lawson // The Asia-Pacific Magazine. – June 1996. – P. 40.

7. Pye L., M. W. Pye. Asian Power And Politics: The Cultural Dimensions Of Authority. – Cambridge, Massachusetts: Belknap Press Of Harvard University Press, 1985.

8. Tang James T.H. A Clash of Values? Human Rights in the Post-Cold War World. – URL: wsc/speakers/JamesTANG.pdf

УДК 325.1(571.6)(091)

Стремилова О.В.[*], **Стремилов Д.С.**[**], г. Москва, Россия

Абатурова Л.Г.[***], г. Хабаровск, Россия

МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

В статье рассматривается процесс заселения Дальнего Востока. В работе представлены этапы формирование дальневосточного социума.

Ключевые слова: миграция, колонизация, миграционные потоки, мигранты, беженцы.

Stremilova O.V., **Stremilov D.S.**, Moscow, Russia

Abaturova L.G., Khabarovsk, Russia

MIGRANTS IN THE FAR EAST (HISTORICAL JOURNEY)

The article deals with the process of settlement of the Far East. The paper presents the stages of formation of the far Eastern society.

Key words: migration, colonization, migration flows, migrants, refugees.

Миграция значительно повлияла на формирование населения Дальнего Востока. В период активного освоения Дальнего Востока мигранты обеспечивали прирост населения, формировали молодую возрастную структуру, заполняли труднодефицитные ниши, способствовали активизации естественных факторов роста численности российских дальневосточников. Миграция как форма воспроизводства населения благоприятствовала промышленному освоению, развитию образования, науки, созданию собственных кадров [7]. На протяжении всего периода развития региона под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, менялись и количественные, и качественные характеристики миграционных потоков.

[*] **Стремилова Ольга Владимировна**, канд. социол. наук, доц., доцент кафедры «Социальная педагогика и психология» Московского педагогического государственного университета.
Stremilova Olga Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department «Social pedagogy and psychology» at Moscow State Pedagogical University.
E-mail: olga-stremilova@yandex.ru

[**] **Стремилов Дмитрий Сергеевич**, аспирант кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государсвенного университета путей сообщения.
Stremilov Dmitry Sergeevich, Postgraduate at the Department of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: srs@festu.khv.ru

[***] **Абатурова Людмила Григорьевна,** канд. экон. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государсвенного университета путей сообщения.
Abaturova Lyudmila Grigoryevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: srs@festu.khv.ru

На восточной окраине зарождение дальневосточного социума проходило под влиянием специфических исторических и социально-экономических, обусловленных особенностями освоения края.

Исторический анализ выявил, что колонизация на Дальнем Востоке воплощалась посредством двух направлений: первое – за счет передвижения собственных российских граждан из густонаселенных мест на восточную окраину; второе – за счет вселения на колонизируемую территорию граждан других государств, которые могли получить российское подданство или оставались гражданами своего государства. В первом случае речь идет о внутренней колонизации и главном ее средстве – переселении, во втором случае – о внешней колонизации посредством иммиграции.

В зависимости от социального состава переселенцев можно выделить формы колонизации дореволюционного периода: военную, казачью, крестьянскую, промышленную, криминальную [8].

Военная колонизация была самой ранней формой освоения дальневосточного региона.

В целях быстрого заселения края царское правительство предприняло попытку задержать демобилизованных на Дальнем Востоке. С помощью системы льгот (досрочное освобождение от 25-летней службы, наделение землей, денежные пособия и ссуды, оказание помощи в перевозке семей на восток) администрация сумела оставить в крае лишь незначительную часть из числа отставных нижних чинов.

Однако этот источник заселения края надежды не оправдал. В 1906 г. здесь осталось лишь три сотни демобилизованных.

Казачья колонизация на Дальнем Востоке имела свои особенности: выделялись три потока переселения казачьих семей.

Первое казачье переселение осуществилось в 1855–1862 гг. принудительным способом. Оно преследовало две цели: основную – заселение и хозяйственное освоение новых территорий по Амуру и Уссури, обеспечение их обороны от азиатских соседей; дополнительную – увеличение численности казачьего населения, образование нового казачьего войска.

Второе казачье переселение осуществилось в 1879 г., когда половина казачьего населения, проживающего на Уссури, переселилось в Южно-Уссурийский край и разместилось на границе с Китаем.

В 1895 г. началось третье казачье переселение, которое отличалось от прежних составом переселяющихся. На этот раз переселенцами в Приморье были казачьи семьи из Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского войск. Казаки обеспечивали охрану территории вдоль строящегося полотна железной дороги.

Таким образом, во второй половине XIX в. на восточной окраине сформировались Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Казаки явились одними из первых исследователей края. Они были земледельцами, ремесленниками и первыми пограничниками на восточных российских рубежах.

Крестьянская колонизация с 80-х гг. XIX в. стала ведущей формой освоения Дальнего Востока.

Первые государственные крестьяне из Забайкалья переселились в низовья Амура еще в начале 50-х гг. XIX в. Вместе с теми, кто прибыл сюда из центральных губерний до 1901 г., они составили старожильческое население «стодесятинников». Среди старожилов был высокий удельный вес зажиточных крестьян, которые имели исключительно благоприятные условия землепользования. Им выделялся 110-десятинный надел (109 га), предоставлялась возможность по выбору осваивать любые участки, расселяться в наиболее благоприятной для земледелия местности [9].

В числе крестьян-переселенцев находились те, кто стремился на восток по причине религиозных гонений. Они уходили от властей в глухие места. В тайге селились молокане из Таврической и Самарской губерний, старообрядцы – из Пермской губернии, даже из Румынии и Австрии, духоборы – из Енисейской губернии, семейные староверы – из Забайкалья.

Земля приобреталась в частную собственность главным образом в предпринимательских целях. В крае складывался фермерский тип развития капиталистических отношений.

Промышленная колонизация на восточной окраине не получила широкого развития, поскольку дореволюционная Россия не имела опыта промышленной колонизации отдаленных территорий.

Ведущими отраслями хозяйства дальневосточной окраины были транспорт, металлообработка и судоремонт, добыча золота, руд и угля, производство строительных материалов, добыча рыбы и морепродуктов. Эти отрасли находились либо в полном ведении государства, либо – капиталистических монополий.

Специфической особенностью развития промышленности края являлось создание большого количества мелких заведений, называемых «заводами» и «фабриками», а по сути являвшихся мелкими кустарными производствами. В 1908 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 1 932 фабрично-заводских предприятия и кустарных заведений [1].

Численно дальневосточный рабочий класс был небольшим по сравнению с рабочим классом Центральной России. Ввиду своей малочисленности в заселении и освоении края существенной роли они не сыграли.

Криминальная колонизация осуществилась за счет ссыльных.

Ссыльные заложили на Сахалине основы хозяйственного развития, так как содержали сами себя. После отбытия срока каторжане становились ссыльнопоселенцами и стремились покинуть остров. Многие из них переводились в крестьянское звание и оседали на нижнем Амуре, в Южно-Уссурийском крае.

Как уже отмечалось, наряду с российскими переселенцами Дальний Восток осваивали выходцы из других стран.

Азиатская иммиграция из Кореи, Китая и Японии внесли разную лепту в хозяйственное освоение Дальнего Востока. Вторую родину приобрели здесь корейцы. В отличие от других иммигрантов они переселялись семьями, получали российское подданство и оставались навсегда. На прежней родине корейцы испытывали голод и разорение, здесь же – наряду с русскими они получили землю.

Незначительную роль в заселении Приамурья сыграли китайцы. Известно, что в момент заключения Айгунского договора китайского населения на Амуре не было, если не считать 300 фанз, разбросанных по просторам неосвоенной земли. Это объяснялось, скорее всего, просуществовавшим до 1878 г. запретом китайских властей на переселение своих граждан из центральных районов на северо-восток [11].

Оценивая результаты государственной колонизационной политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в., целесообразно выделить ее главное достижение – безлюдный Дальневосточный край, простирающийся от Байкала до берегов Тихого океана, от Амура и Уссури до Северного Ледовитого океана, был заселен. В 1910 г. на его территории проживало 875 тыс. человек, среди которых по приблизительным подсчетам 500 тыс. приходилось на мужчин, 375 тыс. – на женщин [1].

С установлением советской власти своеобразно шло формирование маргинального социума на восточной окраине.

Во-первых, из дальневосточных сел в города уходили крестьяне с надеждой заработать средства на жизнь и получше устроиться. Власти не препятствовали этим желаниям.

Во-вторых, поднимать индустрию без кадровых рабочих, специалистов в этой области все же не представлялось возможным. Направление на Дальний Восток выдвиженцев от заводов, фабрик, учреждений и организаций стало основным в деятельности комсомольских организаций страны.

В-третьих, в практике комплексного освоения особо трудных районов Дальнего Востока сложилась специфическая форма крупных строительных организаций на базе принудительного труда осужденных. Советская власть поставила это дело на более широкую ногу, создав в регионе крупные единые организации и наделив их функциями управления на отдаленных территориях. Таким примером может служить «Дальстрой» (1931 г).

В-четвертых, в отличие от запада на востоке власти решали проблему промышленных кадров за счет демобилизованных воинов Красной Армии. Так, в 1926 – 1927 гг. 700 бывших военнослужащих остались работать в народном хозяйстве края, через год 843 человека последовали их примеру. Трудиться на Дальнем Востоке оставались не только представители рядового состава демобилизованных, но и уволенные из армии командиры.

В-пятых, власти решали вопросы трудовых ресурсов за счет национальных переселений. Так, начиная с 1928 г., на Дальний Восток по идеологическим мотивам высылались евреи. В удобном для сельского хозяйства Амуро-Бировом междуречье им была выделена земля.

В 80-е гг. началось строительство БАМа и продолжилось интенсивное развитие производительных сил Дальнего Востока, наращивание его экономического потенциала и связанное с этим дальнейшее заселение региона и интенсивные миграционные процессы [6].

В современном российском обществе миграционные процессы характеризуются рядом следующих черт: изменилось направление миграционных потоков с окраины в центральные районы; в структуре мигрантов появилась новая составляющая – беженцы и вынужденные переселенцы; миграция почти полностью утратила трудовой характер [5]. В Хабаровском крае число беженцев и вынужденных переселенцев в 2002 г. составляла 880 человек, в 2003 г. – 752 человека, в 2004г. – 503 человека, в 2005 – 332 человека, в 2006 г. – 245 человек [10].

Миграция затрагивает различные области социальной жизни и вызывает значительные и множественные потери, не ограничиваясь лишь экономической и социальной сферами. Данных индивидов традиционно включают в разряд маргинальных групп. Они исключены не только из рынка труда, но также из социального контекста, из социальных сетей, они оторваны от поддержки и помощи. Значительная нисходящая мобильность, неопределенный правовой статус, недостаток ресурсов для жизнеобеспечения, невозможность применить профессиональные знания и опыт создают также переходность социальной позиции. Совокупность этих характеристик, являющихся важнейшими элементами структурной маргинальности, дает основание рассматривать данные социальные группы как маргинальные [2].

Вместе с тем необходимо отметить, что в 90-е гг. началось разрушение демографического и трудового потенциала на Дальнем Востоке. В условиях резкого падения промышленного производства, сокращения объемов добычи природных ресурсов, отсутствия инвестиций, потребность в трудовых ресурсах сократилась. Уровень благосостояния населения упал, факторов, компенсирующих неблагоприятные условия жизни, не осталось, что привело к оттоку населения в другие регионы. Критическое состояние экономики, спад производства практически во всех сферах деятельности, распространение безработицы привели к тому, что Дальний Восток перестал быть привлекательным для жителей других регионов[3].

В исторической перспективе формирование населения региона шло в основном за счет миграционных потоков. И потому большая часть населения Хабаровского края является миграционной.

Список литературы

1. Васильченко, Э.А. Женский социум на Дальнем Востоке (1860–1940) / Э.А. Васильченко. – Иваново : Юнона, 2000. – 215 с.

2. Маргинальность в современной России : коллективная моногр. / [Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлуцкая и др.]. – Москва : МОНФ, 2000. – 208 с.

3. Мотрич, Е.Л. Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич ; отв. ред. П.А. Минакир; Ин-т экономических исследований ДВО РАН. – Владивосток – Хабаровск : ДВО РАН, 2006.

4. Попова, И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе / И.П. Попова // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 62–71.

5. Регент, Т.М. Миграция в России: Проблемы государственного управления / Т.М. Регент. – Москва, 1999. – 304 с.

6. Рыбаковский, Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л.Л. Рыбаковский. – Москва, 1990. – 138 с.

7. Стремилова, О.В. Маргинальные слои в социальной структуре российского общества (на примере мигрантов Хабаровского края) монография / О.В. Стремилова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2011.

8. Стремилова, О.В. Мигранты как фактор формирования маргинального социума на Дальнем Востоке в дореволюционный период / О.В. Стремилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 17. – С. 171–176.

9. Стремилова, О.В. Маргинальные группы населения в социальной структуре Хабаровского края / О.В. Стремилова // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI в. – 2011. – Т. 5. – С. 10–13.

10. Хабаровский край в 2005 г. Статистический ежегодник : стат. сб. – Хабаровск: Хабаровскстат, 2006 г.

11. Шрейдер, Д.Н. Наш Дальний Восток / Д.Н. Шрейдер. – Санкт-Петербург, 1897.

УДК 331.556(571.6)

Фещенко Н.В.[*], г. Хабаровск, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Миграция населения является сложным социально-экономическим процессом, влияющим на многие аспекты жизнедеятельности людей. Одним из важных ее моментов выступает проблема воспроизводства трудоспособного населения. Сознательно организованная перегруппировка трудового потенциала содействует оптимальному распределению рабочей силы по территории страны, вовлечению в экономический оборот новых природных ресурсов, эффективному режиму воспроизводства трудовых ресурсов, сбалансированности основных факторов общественного воспроизводства.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовые ресурсы, численность трудоспособного населения, территориальная мобильность, трудовой потенциал.

Feshchenko N.V., Khabarovsk, Russia

MIGRATION PROCESSES AS A FACTOR FOR LABOR RESOURCES FORMATION IN THE FAR EAST

Population migration is a complex socio-economic process that affects many aspects of human life. One of the most important points is the problem of reproduction of the working-age population, both in the country and in the regions. A deliberately organized regrouping of labor resources ensures the optimal distribution of manpower across the country, participation in the economic turnover of new natural resources, an efficient regime for reproducing workforce and balancing the main factors of social reproduction.

Key words: migration processes, labor resources, able-bodied population, territorial mobility, labor potential.

Миграция населения является сложным социально-экономическим процессом, влияющим на многие аспекты жизнедеятельности людей. Одним из важных ее моментов выступает проблема воспроизводства трудоспособного населения. В настоящее миграционные процессы анализируют посредством системы показателей, каждый их из которых позволяет установить конкретный аспект этого явления: масштабы, направления, результативность, эффективность территориальных движений. И здесь важным является то, что она приводит к перегруппировке трудовых ресурсов, поскольку их доля в общей численности мигрирующего населения составля-

[*] **Фещенко Николай Васильевич,** канд. экон. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Feshchenko Nikolai Vasilyevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: fnv4217@yandex.ru

ет примерно 65–75 %. Перегруппировка трудоспособного населения с точки зрения формирования равновесного состояния трудового потенциала в отраслевом и территориальном аспектах представляет собой, с одной стороны, результат, а с другой, фактор развития производительных сил. Как результат перегруппировка трудовых ресурсов предопределена обогащением научно-технического прогресса, производительных сил, общественного разделения и изменениями в содержании, характере и условиях труда, а также иными, не маловажными обстоятельствами. Как фактор развития производительных сил сознательно организованная перегруппировка трудового потенциала содействует оптимальному распределению рабочей силы по территории страны, вовлечению в экономический оборот новых природных ресурсов, эффективному режиму воспроизводства трудовых ресурсов, сбалансированности основных факторов общественного воспроизводства.

Дальний Восток исторически являлся районом миграционного притока. Его заселение в целом и по отдельным территориям осуществлялось по разному в различные промежутки времени, но оставался один общий характерный признак – имелись количественные и качественные составляющие, а также механизмы для проведения данной политики. Цель которой – обеспечение национальной безопасности дальневосточного региона через перераспределение социально-экономических и политических ресурсов.

Таблица 1. Динамика населения регионов Дальнего Востока в 1926–2018 гг. [2, с. 105]

Регион ДФО	Годы							
	1926	1939	1959	1979	1989	2002	2010	2018
ДФО	1572	2976	4835	6820	7941	6694	6295	6164
Приморский край	637	888	1381	1978	2258	2071	1957	1913
Хабаровский край	147	549	980	1376	1609	1437	1344	1328
Амурская область	414	634	718	937	1058	903	830	798
Еврейская АО	36	109	163	190	216	191	177	162
Сахалинская область	12	100	649	655	710	547	498	490
Камчатский край	19	109	221	379	466	359	322	316
Республика Саха	287	414	487	839	1081	949	959	964
Магаданская область	7	152	189	333	385	183	157	144
Чукотский АО	13	21	47	133	158	54	51	49

Перераспределение трудовых ресурсов в макроэкономическом разрезе является важным моментом интенсивного типа воспроизводства совокупного работника, что позволяет эффективнее использовать трудовой потенциал страны, ибо формирует предпосылки для установления необходимых соотношений между личным и вещественными факторами производства как в местах выхода, так и местах вселения мигрантов. В результате чего в первом случае эффективнее функционирует живой труд, во втором – овеществленный.

Непосредственным результатом перегруппировки населения и трудовых ресурсов является рост или сокращения численности трудоспособного

населения на той или иной территории, населенном пункте и т.д., которое, в конечном итоге, влияет на их социально-экономическое развитие. Однако это влияние носит двоякий характер: либо ускоряет, либо его замедляет.

Таблица 2. Динамика численности населения регионов ДФО в 2000–2016 гг., на 1 января соответствующего года, тыс. чел. [2, с. 69]

Регион ДФО	Годы									Отношение 2016 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
ДФО в целом	6913	6538	6320	6285	6266	6252	6227	6211	6195	89,6
Республика Саха (Якутия)	963	953	959	958	956	956	955	957	960	99,7
Камчатский край	372	344	323	322	320	320	320	317	316	84,9
Приморский край	2141	2028	1965	1953	1951	1947	1938	1933	1929	90,1
Хабаровский край	1474	1397	1349	1343	1342	1342	1340	1338	1335	90,6
Амурская область	936	874	835	829	821	817	811	810	806	86,1
Магаданская область	202	174	159	156	155	152	150	148	146	72,3
Сахалинская область	569	530	501	497	495	494	491	488	487	85,6
Еврейская АО	195	186	178	176	175	173	171	169	166	85,1
Чукотский АО	61	52	51	51	51	51	51	51	50	82,0

Отток населения из регионов Российской Федерации оказал серьезное влияние на половозрастную, образовательную и профессиональную структуру страны, что в свою очередь привело к некоторому дефициту квалифицированных кадров, необходимых для решения социально-экономических и социально-политических задач.

Таблица 3. Динамика эмиграции лиц с высшим и послевузовским образованием из регионов Российской Федерации в 2012–2017 гг., чел.

Годы	Общая численность эмигрантов		В том числе численность эмигрантов с высшим образованием		В том числе численность эмигрантов с ученой степенью	
	Выезд на постоянное место жительство	Выезд на временное трудоустройство	Выезд на постоянное место жительства	Выезд на временное трудоустройство	Доктора наук	Кандидаты наук
2012	122 751	64 370	13 990	26 614	40	194
2013	186 382	61 119	19 845	26 908	52	225
2014	310 496	58 093	29 164	26 700	96	231
2015	353 233	57 138	36 889	27 775	227	444
2016	313 210	59 999	43 516	30 262	121	223
Итого	1661 204	300 719	211 400	138 259	536	1 317

Источники: Труд и занятость в России 2012, 2013, 2014, 2015, 2016. – Москва : Федеральная служба государственной статистики (Росстат) 2013, 2014, 2015, 2016,2017 гг.; Численность и миграция населения Российской Федерации 2002–2016 гг. – Москва : Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2002–2017 гг. [2, с. 44].

Из таблицы следует, что при росте числа эмигрантов, их образовательная структура остается относительно стабильной. Доля выехавших с высшим образованием не превышает 14 %, в том числе доля лиц, имеющих ученую степень – менее 1 %. В период 2012–2016 гг. на каждые 10 тыс. эмигрантов приходилось по 3–6 эмигрантов-докторов наук и 7–16 – кандидатов наук.

Таблица 4. Доля эмигрантов с высшим образованием и ученой степенью в общей численности эмигрантов из Российской Федерации, 2012–2016 гг., % [2, с. 45]

Годы	Выезд на постоянное место жительства				Временная трудовая миграция	
	всего	из них с высшим образованием	в том числе		всего	в том числе с высшим образованием
			с ученой степенью кандидата наук	с ученой степенью доктора наук		
2012	100	11,4	0,03	0,16	100	41,35
2013	100	10,6	0,03	0,12	100	44,03
2014	100	9,4	0,03	0,07	100	45,96
2015	100	10,44	0,06	0,13	100	48,61
2016	100	13,89	0,04	0,07	100	50,44

Следует заметить, что характеристика притока или оттока населения и трудовых ресурсов не может быть однозначной в различных районах и в разное время. Например, увеличение (приток) трудовых ресурсов на конкретную территорию не всегда является положительным. Подобно этому и сокращение (отток) трудоспособного населения не всегда является негативным процессом. Эффективным может быть как приток, так и отток. В данном случае критерием для оценки является то, насколько данные процессы позволяют создать оптимальные предпосылки для эффективного использования трудового потенциала общества, предусматривающие соответствующие пропорции между трудовыми ресурсами, с одной стороны, производственно-техническим потенциалом и природными ресурсами – с другой. Если в одном варианте эти пропорции складываются в результате оттока, а в другом – в результате притока, то оба варианта перегруппировок трудовых ресурсом можно назвать оптимальным.

Результативность миграции выражается посредством системы показателей (профессионально-квалификационный, образовательный, социальный и т.д.), характеризующих качественный состав «сальдовых» мигрантов. Территориальная мобильность в качественный состав трудовых ресурсов вносит существенные изменения, как в местах их выхода, так и в места их вселения: средний уровень качества трудоспособного населения либо повышается, либо понижается. Таким образом, мы можем говорить, что сопоставление качественных показателей у прибывшего населения с качественными характеристиками выбывшего позволяет определить меру влияния миграционной подвижности на качественный состав трудовых ресурсов на той или иной территории.

Таблица 5. Распределение иностранных граждан на территории Дальневосточного федерального округа, имевших действующее разрешение на работу по профессиональным группам

Показатель	Годы		
	2012	2014	2016
Всего иностранных граждан, человек	81786	70939	30135
в том числе по профессиональным группам:			
руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	2108	2015	1904
специалисты в области естественных и инженерных наук	1441	1951	1970
специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	1055	1320	661
средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	2621	1349	903
работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	2621	1783	658
продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	569	382	286
квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	6296	4788	2213
рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	29971	29857	10514
рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	5410	4465	1239
другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий	5570	5165	2250
операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	2795	2789	850
операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования	3228	2681	1673
водители и машинисты подвижного оборудования	5009	5058	1698
неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	8702	3571	1006
иные профессионально-квалификационные группы	4390	3765	2310

Источник: Федеральная служба государственной статистики России (Росстат). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_36/Main.htm [2, с. 76].

Положительная количественная и качественная результативность миграции для конкретной территории вовсе не означает, что она является эффективной с точки зрения социально-экономического прогресса. Миграционные процессы эффективны, если оптимизируют качественные и количественные параметры между личными и вещественными факторами производительных сил и в местах вселения и в местах выхода мигрантов. Сами по себе эти показатели еще не отражают степень эффективности миграции, потому что установление оптимальных соотношений между субъективными и объективными элементами производительных сил создает только необходимые условия для роста эффективности функционирования живого труда.

Таблица 6. Динамика показателей миграции из зарубежных стран на территории Хабаровского края, чел. [2, с. 168]

Годы	Прибывшие, всего	Из них из зарубежных стран	Доля прибывших из зарубежных стран, %	Выбывшие в зарубежные страны	Сальдо миграции с зарубежными странами
2000	29464	1559	5,3	1909	-350
2001	26593	752	2,8	1331	-579
2002	25034	717	2,9	1079	-362
2003	27457	673	2,5	858	-185
2004	23876	561	2,3	787	-226
2005	23020	741	3,2	741	–
2006	22135	743	3,4	731	12
2007	26380	4327	16,4	814	3513
2008	24760	2763	11,2	724	2039
2009	20389	1776	8,7	552	1224
2010	21993	1425	6,5	1098	327
2011*	39708	2612	6,6	708	1904
2012*	52318	7105	13,6	2875	4230
2013	57256	6005	10,5	6342	-337
2014	55847	8879	15,9	5555	3324
2015	54521	9883	18,1	7969	1914
2016	57047	11458	20,1	8591	2867
2017	55463	10835	19,5	10372	463
Накопленное сальдо					19778

Особое место в миграционном процессе занимает социальная составляющая, т.е. миграция может быть выражена посредством социальной эффективности. Ее можно выразить исходя из содержания и характера основных социальных функций, к которым, в частности, следует отнести права и свободы личности в сфере труда и занятости.

Следует также отметить, что экономическая и социальная эффективность миграционных процессов имеет относительную независимость и самостоятельность. Их объединяет некое внутреннее единство, т.е. экономическая эффективность предполагает социальную, а социальная – экономическую, и существование одной без другой, в принципе, невозможно.

Таким образом, совокупность этих элементов образуют социально-экономическую эффективность, которая является агрегатной формой выражения эффективности миграционной мобильности трудовых ресурсов, что в свою очередь предопределяет эффективность воспроизводства населения и трудовых ресурсов общества.

На современном этапе социально-экономического развития страны наиболее актуальной и острой проблемой является проблема использования трудоспособного населения.

К числу основных тенденций, способствующих наиболее эффективному использованию трудоспособного населения, можно отнести: а) снижение объемов переселения и убыли жителей в другие регионы; б) миграцион-

ный приток высокопрофессиональных трудовых ресурсов на территории края; в) повышение качества подготовки рабочей силы; г) применение стимулирующих факторов, нацеленных на оптимальное распределение трудовых ресурсов по района края и отраслям экономики.

Таблица 7. Возрастная структура населения по территориям Дальнего Востока, % [2, с. 101]

Территории	население в возрасте					
	моложе трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	2002 г.	2017 г.	2002 г.	2017 г.	2002 г.	2017 г.
РФ	18,1	18,3	61,3	56,7	20,5	25,0
ДФО	19,8	19,6	64,8	58,4	15,4	22,0
Республика Саха (Якутия)	26,5	24,8	63,5	58,8	10,0	16,4
Камчатский край	19,2	18,7	68,7	61,0	12,1	20,3
Приморский край	17,9	17,6	64,2	58,1	17,9	24,3
Хабаровский край	18,1	18,3	65,1	58,9	16,8	22,7
Амурская область	20,2	20,3	63,6	57,1	16,2	22,6
Магаданская область	19,0	18,7	69,8	60,4	11,2	20,8
Сахалинская область	18,6	19,2	66,5	57,7	14,9	23,1
Еврейская АО	20,9	21,0	63,2	56,5	15,9	22,5
Чукотский АО	23,2	22,9	70,1	63,2	6,7	13,9

Список литературы

1. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. – Москва, Центр стратегических разработок, 2017, 71 с. – URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf

2. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. : распоряжение правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р. – URL: http://government.ru/docs/28228/

3. Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально- экономическое развитие Дальнего Востока : сборник трудов II Междунар. научно-практич. конф., 4–5 июня 2018 г. / под общ. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2018. – 266 с.

4. Население субъектов Российской Федерации. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. – URL: http://habstat.gks.ru

6. Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / [Е.А. Бурлаев, В.Н. Дьяченко, Е.Л. Мотрич и др.] / под ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2018. – 71 с.

7. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_36/Main.htm

8. Фещенко, Н.В. Российский Дальний Восток в вопросе экономических связей Азиатско-Тихоокеанского региона / Н.В. Фещенко // Дальний Восток на перекрестке культур: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (Хабаровск, 19–20 мая 2016 г.) В 2 т. Т.2 / под ред. Ю.М. Сердюкова, С.А. Кудрявцева, О.А. Рудецкого. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 125–129.

9. Фещенко, Н.В. К современной модели экономической интеграции российского дальнего востока и стран азиатско-тихоокеанского региона / Н.В. Фещенко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4(52). – С. 60–64.

УДК 331.556.4

Шкуркин А.М.[*], **Луценко Е.Л.**[**], г. Хабаровск, Россия

ВОЗДЕЙСТВИЕ СТРУКТУРНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ РЫНКА ТРУДА НА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ТОВАРА «ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА», ПОСТАВЛЯЕМОГО ЧЕРЕЗ ТРУДОВУЮ ИММИГРАЦИЮ

В статье исследуются факторы и условия формирования структурных диспропорций на рынке труда. Исследуются взаимодействия между рынком труда и иммиграционными трудопотоками, в том числе иностранной рабочей силы. На примере российского Дальнего Востока рассмотрены особенности и каналы продвижения китайской иностранной рабочей силы.

Ключевые слова: Дальний Восток, рынок труда, иммиграция, иностранная рабочая сила.

Shkurkin A.M., **Lutsenko E.L.**, Khabarovsk, Russia

LABOUR MARKET STRUCTURAL DISPARITIES AND THEIR INFLUENCE ON «EXPAT WORKFORCE» PRODUCT POSITIONING SUPPLIED BY LABOUR IMMIGRATION

The article examines the factors and conditions of formation of structural imbalances in the labor market. Interactions between the labor market and immigration labor flows (including foreign labor) are investigated. On the example of the Russian Far East, the features and channels of promotion of Chinese foreign labor are considered.

Key words: Far East, labor market, immigration, foreign labor force.

Рынок труда является не просто структурно неоднородным, но и кластеризуется на относительно устойчивые сегменты, а, следовательно, экономические и социальные взаимодействия по поводу продажи и покупки рабочей силы являются нелинейными имеет важное значение для исследования трудопотоков и трудовой мобильности в целом. Значительная роль в при этом отводится *структурным диспропорциям рынка труда*, под которыми будем понимать такие качественные характеристики разбалансированности между спросом на труд и его предложением, которые обуславливаются структурными несоответствиями подсистем внешней среды и формируют относи-

[*] **Шкуркин Анатолий Михайлович**, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Shkurkin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: shkurkinam@mail.ru

[**] **Луценко Екатерина Леонидовна**, канд. социол. наук, доц., доцент кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Lutsenko Ekaterina Leonidovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of International Communications, Services and Tourism at Far Eastern State Transport University.
E-mail: luce-ekaterina@yandex.ru

тельно устойчивые сегменты рынка труда. Причем, если при классическом сегментировании, применяемом в маркетинге, предполагается, что критерии сегментирования определяются исходя из эффективности позиционирования товара, то нами принята иная методологическая предпосылка. Мы исходим из того, что сегментация рынка труда является уже сложившейся, а критериями такой сегментации являются структурные диспропорции внешней среды. Другими словами, в совокупном рынке труда страны-импортера иностранной рабочей силы будут формироваться под воздействием структурных диспропорций особые сегменты (сегмент) иммиграционного труда.

Формирующиеся структурные диспропорции рынка труда влияют на входящие, выходящие и внутренние трудопотоки. Сопоставление величины, качества и продолжительности трудопотока на «входе» в тот или иной рыночный сегмент и на его «выходе» позволяет оценить характер и особенности структурных диспропорций на рынке труда.

Это же справедливо и относительно преобладающих, типичных доминирующих иммиграционных трудопотоков. Тем самым можно говорить о существовании определенной технологической схемы позиционирования особого товара, каким является иностранная миграционная рабочая сила.

На рисунке представлена принципиальная схема воздействия рынка труда на процесс позиционирования на нем иностранной миграционной рабочей силы.

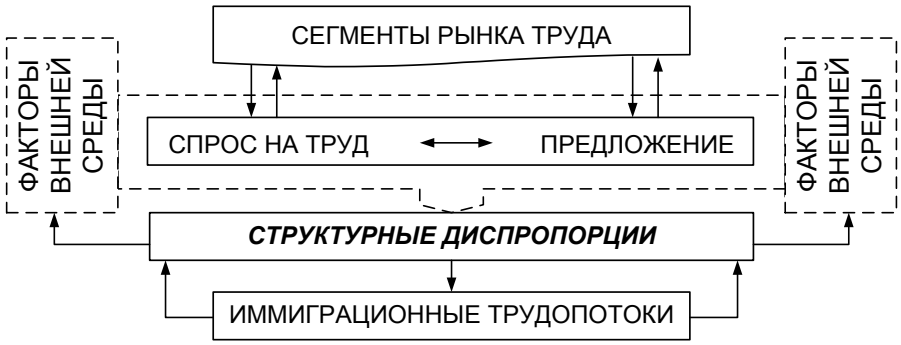

Рисунок. Взаимодействие между рынком труда
и иммиграционными трудопотоками

В самом общем смысле в маркетинге под позиционированием товара понимается процесс, в результате которого выбирается наилучший способ представления товара на рыночном сегменте по отношению к конкурентам [3, с. 258]. «Позиция» товара – это, прежде всего рейтинговое место товара. Применительно к особому товару, каким является «миграционная рабочая сила» процесс его позиционирования сводится к тому, чтобы, в конечном счете, определить его место (позицию) на вполне определенном рыночном сегменте, на котором спрос на этот товар будет наиболее высоким. Обычно для этих целей используют комплекс маркетинговых средств, с помощью которых можно создать у потребителя рабочей силы представления о предпочтительности позиционируемого товара, его качестве, потребительной стоимости, более высокой конкурентоспособности.

В отличие от классических маркетинговых моделей позиционирование товара «рабочая сила» имеет ряд особенностей, которые изменяют всю технологическую маркетинговую цепь.

Прежде всего, отличия заключается в числе продавцов, позиционирующих товар на рыночные сегменты. Обычно цель позиционирования заключается в выборе ниши – узкого места, которое недостаточно используется конкурентами и в идеальном варианте один продавец определяет потребителей своего товара. Если позиционирование проводится на целевые сегменты, то и в этом случае число конкурирующих друг с другом продавцов минимально.

Совсем иначе обстоит ситуация при позиционировании товара «рабочая сила». Поскольку собственником рабочей силы является индивид, его позиционирование осуществляется работником, предлагающим различным покупателям свою способность к труду. Но, как известно, характерной чертой рынка труда является то, что условия занятости определяются не отдельным работником и/или работодателем, а общим взаимодействием многих участников (субъектов) рыночного процесса. Это, с одной стороны, означает, что применительно к позиционированию товара «иностранная миграционная рабочая сила» речь должна идти о множестве продавцов, а позиционирование товара осуществляется по качеству предлагаемой рабочей силы.

Представление рынка о потребительной стоимости товара «иностранная рабочая сила» не всегда соответствует действительному положению. Так, например, два товара могут быть очень разными, а потребитель воспринимает их как полностью взаимозаменяемые [3]. Иными словами качественно позиционировать рабочую силу означает воздействовать на те точки в представлениях потребителя об идеальном работнике, которые заставляют его идентифицировать свой идеал с предлагаемой способностью к труду [4]. В этом смысле можно говорить о позиционировании «миграционной рабочей силы», которая по своим конкурентным возможностям и качеству будет противопоставляться предложениям «местной рабочей силы». С другой стороны, данный подход, не означает, что рынок труда есть постоянное взаимодействие всех работников со всеми работодателями. Для реальной взаимозависимости достаточно возможности такого взаимодействия, потенциальной мобильности субъектов на рынке труда. Именно по этой причине имеет смысл структурировать совокупный рынок труда на отдельные сегменты.

С целью позиционирования товара на рынке рабочей силы можно использовать самые разные подходы для построения сегментной структуры рынка [4, с. 62]: на основе определенных преимуществ в профессионально-квалификационной характеристике работника, т.е. основного предназначения рабочей силы; на основе расширенных или специфических характеристик рабочей силы; через категорию потребителей; в сравнительном плане содержания потребительной стоимости; путем точного разграничения представлений о конкретном товаре «рабочая сила» от других подобных; путем идентификации предлагаемого товара с другими подобными; на основе требований специального потребления.

При позиционировании миграционной рабочей силы целесообразнее использовать принципиально иные критерии сегментирования рынка – складывающиеся структурные диспропорции в конъюнктуре рынка труда. Именно по этой причине существенную роль при позиционировании миграционной рабочей силы будет играть не только анализ товарного потока (трудопотоков) на «входе» в рынок труда, но и на «выходе» из него.

В различных типах товарных потоков, можно наблюдать в чем-то общую зависимость с рассмотренными нами потоками рабочей силы. Например, можно говорить не только о «входе» на товарный рынок Японии автомобилей, но и об их «выходе». Как известно, бывшие в употреблении автомобили пользуются большим спросом в России. Основное отличие рабочей силы от всех иных товаров состоит в том, что только рабочая сила на «выходе» в отмеченном нами смысле может обрести более высокое качество, чем на «входе» в рынок. Понятно, что после эксплуатации автомобиля, его качество может только снизиться. Использование рабочей силы может существенно повлиять на ее качество в результате повышения профессионально-квалификационного и образовательного уровня, улучшения психологической устойчивости, изменения мотивационной структуры, целей, ценностей человека, условий жизнеобеспечения, качества жизни в целом. Более того, можно говорить об определенных различиях в качестве иммиграционных трудопотоков на «входе» в рынок и на «выходе» из него. На Дальнем Востоке эта особенность трудовой мобильности существует практически еще с периода его освоения. Дальневосточные территории всегда считались своеобразными школами подготовками кадров для бывшего СССР.

К сказанному следует добавить еще одно отличие позиционирования иностранной рабочей силы от других товаров. Существенное значение в этом процессе играет временной фактор, отражающийся в характере занятости: сезонности, дискретности труда, маятниковом характере включения в сферу труда на одних и тех же производствах. Для миграционной (особенно иностранной) рабочей силы характерной особенностью является сезонный характер ее включения в рынки труда, формирующий определенную цикличность предложения иммиграционного труда. Например, по оценкам современников движение китайцев на российские территории Дальнего Востока в начале XX в. имело сходство с «весенним и осенним перелетом птиц». В летний период численность китайцев резко возрастала, а в зимний – столь же заметно сокращалась. Только за 1906–1910 гг. в дальневосточный регион прибыло через различные миграционные каналы свыше 550 тысяч китайцев, т.е. в среднем 110 тысяч человек в год [1, с. 17]. С учетом этой сезонной составляющей отмеченные статистические данные, видимо, можно удвоить. Такие же корректировки для оценки общего числа мигрантов, в том числе нелегально включенных в различные сферы труда, необходимо производить и в современных условиях.

Кроме того, характер продвижения миграционной (особенно иностранной) рабочей силы связан с различными каналами. Подобно тому, как су-

ществуют различные размеры каналов сбыта товаров (интенсивный, ограниченный, выборочный и т.д.), имеются они и при позиционировании иммиграционного труда. Достаточно распространенным на Дальнем Востоке, как в конце XIX – начале XX в., так и в современных условиях было и остается интенсивное, т.е. сравнительно большими партиями, продвижение рабочей силы. Размеры каналов движения иностранной рабочей силы на рынки труда существенно влияют на характеристики трудопотоков, продолжительность их функционирования, воздействие на рынки труда страны-реципиента, на его экономику в целом.

Например, в конце XIX – начале XX в. для добычи женьшеня на российском Дальнем Востоке часто случалось так, что китайского промысловика нанимали еще в Китае богатые купцы. В этом случае он был обречен на то, чтобы в суровых таежных условиях проводить многие годы, получая за свой изнурительный труд жалкие гроши. В эти же годы заработная плата китайских рабочих была сравнительно более низкой, чем у русских рабочих. Но даже при самых скромных потребностях китайского рабочего на руки он получал еще более низкий гонорар, оставляя почти 50 % своего заработка в руках китайских подрядчиков, старшин и переводчиков на их содержание.

Ряд экспертов в наши дни отмечают жестокую эксплуатацию китайцев, занятых в строительстве и сельском хозяйстве, своими же соотечественниками. Обычно российские работодатели, нанимающие китайских работников на строительные или сельскохозяйственные работы, имеют дело с их руководителями-бригадирами. По данным социологических опросов чаще всего бригадиры не выдают своим подчиненным на протяжении всего контрактного периода даже минимальной заработной платы [2, с. 110]. По существу именно руководители-бригадиры во многих случаях являются покупателями рабочей силы своих китайских соотечественников, труд которых они сдают в аренду российским компаниям.

Конъюнктура на том или ином реальном сегменте рынка труда существенно зависит от воздействия внешних факторов. Этот момент нами рассматривался в начале данного подраздела. Вопрос состоит в том, какие именно факторы внешней среды обусловливают именно те структурные диспропорции на рынке труда, которые влияют на формирование типичных иммиграционных трудопотоков «входа» – «выхода», на их качество и на соотношение между ними.

Список литературы

1. Васильев, В.П. Описание Нингуты / В.П. Васильев // Записки ИРГО – 1857. – Вып. 12.

2. Витковская, Г. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России / Г. Витковская, Ж. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. – Москва : Гендальф, 1999. – С. 80–121.

3. О' Шонесси, Дж. Конкурентный маркетинг: стратегический подход / Дж. О Шонесси. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 864 с.

4. Саруханов, Э.Э. Маркетинг рабочей силы: социально-экономический анализ / Э.Э. Саруханов, С.И. Сотникова. – Санкт-Петербург : СПбУЭФ, 1995.

УДК 316.7:323.1(571.6)(091)

Аргудяева Ю.В.[*], г. Владивосток, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ РУССКИХ И КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Освещается межкультурная коммуникация коренных народов и русских в Приамурье. Рассматриваются взаимодействия в хозяйственной деятельности, материальной культуре, семейно-брачных отношениях. Характеризуется влияние русских, православной религии и её миссионеров на изменение социальной организации, норм обычного права, многожёнства и повседневного быта у аборигенного населения.

Ключевые слова: аборигены, русские, межкультурная коммуникация, Приамурье.

Argudyaeva J.V., Vladivostok, Russia

INTERCULTURAL COMMUNICATION OF RUSSIAN AND INDIGENOUS PEOPLE LIVING ON THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST (SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

The intercultural communication of indigenous peoples and Russians in Priamurya is covered. Interactions in economic activity, material culture, family-marriage relations are considered. It is characterized by the influence of Russian, Orthodox religion and its missionaries on changing social organization, customary law, polygamy and everyday life in the aboriginal population.

Key words: Aboriginal, Russian, intercultural communication, Priamurye.

Изучение на юге Дальнего Востока России, в том числе в Приамурье взаимодействия культур коренных и пришлых народов, к числу которых относятся и русские, по-прежнему остается актуальным и перспективным в этнографической науке.

Коренное население южной части российского Дальнего Востока было известно русским еще задолго до воссоединения этих земель с Россией. С середины XIX в., после воссоединения Приамурья и Приморья с Россией по Айгунскому, Тяньцзинскому и Пекинскому трактатам, взаимодействия русских с аборигенами этой территории получили дальнейшее развитие.

[*] **Аргудяева Юлия Викторовна,** д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
Argudyaeva Julia Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Reseacher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.
E-mail: argudiaeva@mail.ru

С появлением русских в низовьях р. Амур, у нанайцев (гольдов), нивхов (гиляков), ульчей начинает перестраиваться экономика, значительно расширяются торговые отношения, развивается денежное обращение. Деньги коренные народы получали как за продажу продукции своей деятельности, так и в качестве платы за услуги лоцманов, доставленные дрова, сено и др. Это позволяло на вырученные деньги покупать в лавках разнообразные русские товары, приобщаться к иной культуре.

От русского населения коренные жители р. Амур стали перенимать опыт ведения огородничества. Русская администрация поощряла такие занятия аборигенов и способствовала их развитию. В течение ряда лет по ее распоряжению в поселения коренных народов весной безвозмездно завозили семенной картофель и необходимые орудия труда [10, с. 22]. Навыки огородничества прививали местному населению русские крестьяне, учителя, священники-миссионеры [5, с. 290].

Известно, что прибывшие в 1850–1860-е гг. на Амур русские крестьяне-земледельцы практически не были знакомы с рыболовством. Но в связи с тем, что землепашество в этой местности, в силу местных природных условий, не оправдало себя [1, с. 18–19], крестьянам пришлось осваивать новые занятия, в частности рыболовство, внося в промысловый процесс определенные изменения: усовершенствования традиционного заездка нивхов и техники лова, введение в обиход «махалок» для подледного лова с использованием рыбок из металла, с несколькими крючками и др.

Основные заимствования у русских в области охотничьего промысла народами Приамурья первоначально ограничивались огнестрельным оружием, а также распространением различных ловушек падающего типа на пушного зверя, добыча лосей петлями и др. В свою очередь и русские применяли традиционные способы охоты аборигенов на соболя, в частности, «слопцы» (давящие ловушки на бревне) [7, с. 93], и добычу этого зверька сеточкой-рукавчиком.

С приходом русских произошли и определенные изменения в материальной культуре приамурских аборигенов, в том числе в развитии транспорта: распространение более усовершенствованной упряжки собак и так называемой «восточносибирской», или «русской», с вертикальной дугой нарты, вмещавшей много груза. В то же время и русские заимствовали у коренных жителей транспортные средства, необходимые прежде всего для промысловой деятельности: ручную охотничью нарту и камусные лыжи. Почти в каждом русском хозяйстве получили распространение амурские плоскодонные лодки, хотя русские использовали и килевые лодки; берестяные лодки-оморочки коренных народов постепенно вытеснялись дощатыми оморочками. У русских было заимствовано использование лошади. Этому, отчасти, способствовало сокращение масштабов ездового собаководства. Последнее в свою очередь произошло по мере роста товарности рыболовства, появления способа консервации (засолки) рыбы, периодически повторявшимися плохих ходов лососевых рыб – основного корма для собак.

У русских практически все народы Приамурья научились строить более совершенные хозяйственные постройки и жилища срубного типа из толстых бревен – «в лапу» и «в угол» (приемы срубной техники у русских. – *Ю.А.*), с потолками, с окнами из стекол [4, с. 297]. У некоторых зажиточных гиляков появилась, как и у русских, внутренняя перегородка, разделявшая жилище на две половины – «черную» и «белую», с обогревом их железным камином. Все чаще стали появляться и у других амурских народов дома русского типа: срубные, с крышей на стропилах, с потолком и полом, с железными печами и плитами. В начале XX в. в зажиточных домах можно было увидеть полы и наличники окон, окрашенных масляной краской, зеркала, лампы с абажурами и другую русскую обстановку [11, с. 213–214]. Постепенно прививалась и санитария: полы в жилищах подметались; появились полотенца [6, с. 193].

Взаимовлияния в одежде стали проявляться на Амуре уже с 1850–1860 гг. Первоначально это были подаренные или приобретенные на ярмарках различные предметы готовой русской одежды: сапоги, картузы, кафтаны, головные женские платки и т.п. Под влиянием распространения русских тканей выходили из употребления отдельные традиционные элементы одежды, так как их изготовление из местных материалов (шкур, кож) требовало много времени и труда. Однако зимняя одежда и обувь, особенно промысловая, оказавшаяся удобнее славянской в местных природных условиях, сохранялась повсеместно и была заимствована русскими.

Под влиянием русских большие изменения произошли и в других сферах жизнедеятельности коренных народов. В социальной организации стали нарушаться кровнородственные связи, их стали заменять территориальные. Патриархальное рабство после прихода русских постепенно уничтожалось. Шел процесс развития классовых отношений; появилось имущественное неравенство, которое приводило к нарушению традиций, норм обычного права. Размыванию этих норм и развитию культурного уровня коренных народов во многом способствовала православная церковь через свои духовные миссии и священников-миссионеров, особенно тех, кто знал местные языки [3, с. 311, 315].

Деятельность миссионера среди аборигенов южной части Дальнего Востока проходила в довольно сложных условиях. Прежде всего, он совмещал ее со службой приходского священника, что не позволяло ему из-за приходских обязанностей посещать аборигенов в то время, когда они были дома. Аборигены же, ведя полубродячий образ жизни, связанный с особенностями их хозяйственной деятельности, не всегда бывали в местах постоянного обитания или находились там не все члены одной семьи. К тому же священнику, жалованье которого было довольно скромным, чтобы не сидеть в холодное время года голодным, приходилось, во время рунного хода лососевых вместе с остальными жителями села запасаться рыбой.

Посещая стойбище, священник-миссионер с помощью переводчика и нередко в присутствие сопровождавших его крестьян проводил среди або-

ригенов беседы, в том числе о насущных вопросах жизни, разрешал споры, непременно совершал молебен, различные требы: крестил, отпевал умерших и др. Миссионер оказывал и определенную медицинскую помощь, которая выражалась как в раздаче лекарств, для чего имелись специальные аптечки, так и в оспопрививании. По мнению руководства Камчатской епархии медицинская помощь коренным народам Дальнего Востока во многом «...способствовала восстановлению желательных отношений между пастырем и пасомыми… Больные, открывая свои язвы телесные, открывают часто и духовные» [2, с. 287].

Православные миссионеры наряду с распространением христианства создавали для детей миссионерские церковноприходские школы, финансируемые православной церковью и созданным в ее рамках Православным миссионерским обществом. В школах миссионеры видели одно из средств «..поднять уровень религиозной и нравственной жизни...» [5, с. 297] коренных народов. В конце XIX в. в таких школах обучалось несколько десятков детей аборигенов [3, с. 309]. Для лучшей организации дела в миссиях были организованы так называемые «гиляцкий» и «гольдский» отделы, в каждый из которых входили по несколько миссионерских школ. В ряде школ обучались вместе дети коренных и русского народов, среди школьников преобладали мальчики [8, с. 210–218]. Совместное обучение детей коренных и русского народов Закона Божьему, чтению, письму, арифметики и церковному пению, безусловно, способствовало взаимовлиянию культур, приобщению аборигенов к русскому языку и русской культуре с детских лет.

В некоторых школах были открыты ремесленные отделения, где, в том числе, русские крестьяне, обучали детей аборигенов бондарному и отчасти сапожному мастерству. Часть детей из-за отдаленности от миссионерских станов стойбищ, где находились школы, жила в интернатах или семьях русских крестьян. Проживание в русских семьях, в иной этнокультурной среде, безусловно, способствовало приобщению детей коренных народов Амура к русскому языку и русской культуре.

Отметим, что начавшаяся с 1860-х гг. христианизация коренных народов юга российского Дальнего Востока первоначально ими почти не воспринималась. Первоначально крещённые аборигены надевали крестики только во время приезда священников, и в церковь, они ходили в основном из любопытства. Иконы обычно хранили в ящиках для утвари, доставая их как во время устраиваемых в селе молебнов, так и во время традиционных промысловых молений, полагая, что это отнюдь не повредит промыслу, а помочь может [11, с. 216–217].

Основанные на анимистических верованиях шаманский и промысловый культы, семейные обряды оказались очень устойчивыми, правда иногда они сочетались с христианскими или заимствовалась часть того или иного православного обряда. Так, в начале XX в. нанайцы еще помещали своих умерших в амбары, предварительно завернув во что-либо. В 1912 г., без-

условно, уже под влиянием русской традиции, они клали покойника в гроб, предварительно поместив туда несколько халатов, деньги, и закапывали неподалеку от стойбища [12, с. 156]. Частично привились и некоторые другие семейные обряды русских.

В межэтнических связях и взаимодействии культур особая роль принадлежит семье. В конце XIX – начале XX в. структура и численность аборигенных семей юга Дальнего Востока не намного отличалась от русских; но в отличие от русских аборигены покупали себе жену или несколько жён. Различия у русских и аборигенов во внутрисемейных взаимоотношениях и во взаимоотношении женщины с обществом были настолько велики, что в дореволюционный период гетерогенных браков между ними практически не было, однако они выступали друг у друга восприемниками при крещении младенцев при гомогенных браках. Менталитет мужчин и женщин, в вопросах брака и семьи постепенно, менялся, особенно у тех, кто принял христианство. Православная церковь стремилась защитить свою паству из числа коренных народов, если были определенные недоразумения в семейном быту аборигенов [9, л. 143–145].

Приведенные материалы показывают, что аборигенные народы южной части российского Дальнего Востока в середине Х1Х – начале XX в. интенсивно общались с пришлым славянским населением. Многообразные контакты особенно с русскими крестьянами и православными миссионерами, естественно, сказывались на жизни этих народов во всех проявлениях, обогащая и развивая как традиции, так и новации в их традиционной культуре.

Список литературы

1. Аргудяева, Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.) / Ю.В. Аргудяева. – Москва : ИЭА РАН; ИИАЭ ДВО РАН, 1997. – 315 с.

2. Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 14.

3. Камчатские епархиальные ведомости. – 1895. – № 15.

4. Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 14.

5. Камчатские епархиальные ведомости. – 1897. – № 14.

6. Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 11.

7. Пржевальский, Н.М. Путешествие в Уссурийском крае / Н.М. Пржевальский. – Москва : Географиздат, 1947. – 312 с.

8. Протодиаконов, А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1898 г. / А. Протодиаконов // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1899. – № 13. – С. 210 – 218.

9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 977. – Л. 143–145.

10. Смоляк, А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем / А.В. Смоляк. – Москва : Наука, 1966. – 290 с.

11. Смоляк, А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. / А.В. Смоляк. – Москва : Наука, 1975. – 232 с.

12. Тихвинский, С. Записки миссионера / Тихвинский С. // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 6–7. – С. 153–157.

УДК 39:111.11

Арутюнян М.П.*, г. Хабаровск, Россия

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ЛОГИКЕ ЦЕЛОСТНОСТИ И РАЗРЫВОВ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Аналитика этнического самосознания становится сегодня достаточно напряженной проблемой и своеобразной реперной точкой в исследовании онтологии этноса – как сложной саморазвивающейся системы. Обращение к глубинной природе этноса как «мира малого» и культурно историческим форматам трансформации этнического самосознания может стать своеобразной аналитической моделью изучения логики самосохранения форм целостности бытия и предотвращения его экзистенциальных разрывов в условиях современности.

Ключевые слова: этнос, этническое самосознание, целостность и разрывы экзистенции, традиция, «социокод», «мир малого», мировоззрение.

Arutyunyan M.P., Khabarovsk, Russia

ETHNIC IDENTITY IN LOGIC OF CONSISTENCY AND DISCONTINUITY OF EXISTENCE

The analysis of ethnic self-consciousness is becoming today a rather tense problem and a kind of reference point in the study of the ontology of ethnos – as a complex self-developing system. The appeal to the deep nature of the ethnos as the "world of small" and the cultural and historical formats of transformation of ethnic consciousness can become a kind of analytical model for studying the logic of self-preservation of forms of integrity of being and preventing its existential breaks in modern conditions.

Key words: ethnos, ethnic self-consciousness, integrity and gaps of existence, tradition, "sociocode", the world of "small", worldview.

Феномен этнического самосознания все в большей мере становится объектом пристального внимания политиков и идеологов, а также исследователей в самых разных областях научного знания – и теоретических, и практико-ориентированных, включая этнографию, историю, культурологию, политологию, философию, социологию, социальную психологию, и др. Междисциплинарный интерес и трансдисциплинарный подход в осмыслении природы этноса и этнического самосознания вызван, прежде всего, необходимостью решения практических задач этнической идентификации, этнической мобилизации и стабилизации, сложных процессов этнической и межэтнической

* **Арутюнян Маргарита Павловна**, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Тихоокеанского государственного университета.
Arutyunyan Margarita Pavlovna, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences, Pedagogical Institute of the Pacific State University.
E-mail: mpa@email.su

коммуникации; необходимостью, как отмечается в литературе, осмысления роли и места в этих процессах ментальных феноменов. Особо актуализируется в реалиях роста межнациональной, межконфессиональной, межэтнической напряженности современного глобального мира изучение онтологического потенциала и глубинной природы целостности этносов как «миров малого» [2], механизмов функционирования этнического самосознания в формировании позитивных межэтнических отношений [11; 15; 18].

Началом исследования феномена «этнического» через призму этнического самосознания стала работа Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография». Этническое самосознание в ней рассматривается в составе важнейших этнообразующих признаков. В данной работе, отмечает Е.А. Ерохина, ученым вводятся понятия «этносоциального организма (ЭСО) и «этникоса» и подчеркивается особый статус определяющего признака для этникоса – его этнического самосознания. В ходе исторического саморазвития, как показано автором, этникос способен перерасти в нацию, – т.е. стать «этносоциальным организмом», дающим жизнь собственной государственности, национальному рынку, своей письменной культуре, и т.д. Этническое самосознание, таким образом, исторически трансформируясь, может стать самосознанием национальным [8, 11, с. 69–70].

Современный дискурс «этнического самосознания» в изучении феномена «этнического», его истории, социо-культурных оснований и онтологической природы, идет по линии прояснения со-относимостей этнического самосознания с «семейно-родственными» (Л. Виттгенштейн) ему понятиями, такими как: «этническая идентичность, «национальное самосознание», «этническая ментальность», и др. [7; 8, 11; 15]. И погружается в условиях глобального мира в контексты глобальных проблем, рисков и вызовов современного цивилизационного развития. Особенное звучание и значение в этих процессах приобретают вопросы цивилизационных судеб этносов, риски деструкции их жизненных оснований и саморазрушения в логике складывающихся в саморазвитии цивилизации приоритетов «одномерности» (Г. Маркузе) – общества, человека, ментальных факторов «одномерной политизации» и плоского идеологического конструктивизма. В результате в условиях унификации и стандартизации культур, жизненных укладов народов нарастают объективные процессы отчуждения человека от его этнических истоков, этнической сущности. Им нередко сопутствуют – рост бездуховности, нарушения форм целостного мировоззрения, явления экзистенциальной дезориентации. Вместе с процессами этнической диверсификации и мультикультурализма набирают свою силу риски национальной ассимиляции и дискриминации. Со всей очевидностью заявляют о себе и проявляются в таких условиях и противоположные тенденции – консолидации этнокультурных групп с их устремленностью к укреплению традиционных жизненных устоев, культуры, основ своей идентичности. Гипертрофированное самовыражение этих тенденций в свою очередь может

привести, и в действительности нередко приводит, к разрушительным крайностям ксенофобии и национализма.

В этом плане аналитика этнического самосознания, будучи сегодня достаточно напряженной проблемой, может рассматриваться и своеобразной реперной точкой в исследовании целостности этноса – его онтологической природы как сложной саморазвивающейся системы. Обращение к глубинной природе этноса, онтологическим основам его целостного бытия, к культурно историческим форматам трансформации этнического самосознания может стать, вместе с тем, своеобразной аналитической моделью изучения логики самосохранения форм целостности и предотвращения экзистенциальных разрывов бытия современных условиях.

В истоках социокультурной истории человечества этническая идентификация происходила и воспринималась человеком естественным образом, без каких-либо внутренних побуждений к любой форме «овнешненной» логики самосознания. Непосредственно вплетенная в практические структуры образа жизни, она являла себя непроизвольными состояниями «этнического» в форматах целостного мировоззрения – мировосприятия, мироощущения и мироотношения, основанного на мифологии культурно-исторических архетипов сознания (в целостностях и гармонизации «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности). Становящаяся родовая этническая идентификация осуществлялась контекстах практических воплощений жизненных традиций организационной культуры и форм социальной коммуникации – форматами языка, обычаев, ритуалов, быта, семьи, досуга, и т.д. [2; 3; 5; 10; 12; 15; 16]. В условиях самосохранения территориальной целостности этносов основополагающим и системообразующим фактором консолидации этнического становился культурно-исторический социокод, ответственный за перманентное воспроизводства социальности, исторической памяти, исторического опыта и исторической традиции.

В современных условиях цивилизационного развития экзистенциальные контуры техногенного мира свидетельствуют о разрушениях традиционных механизмов самосохранения и воспроизводства цивилизационного культурно-исторического социокода. Особенно остро и отчетливо проблема социальной и личностной идентификации заявляет себя в переходные исторические эпохи, периоды коренных преобразований социо-культурных традиций, кризисные состояния жизни. Знаковым в этом плане стал исторический рубеж перехода традиционного уклада жизни к техногенному обществу. Соответственно, сопутствующие этой трансформации острые экзистенциальные проблемы, фиксирующие «угасание» качества жизни, не ушли и от внимания исследователей. Дело в том, что тотальное наступление техногенной цивилизации в корне меняет субъективный мир. Переживания человека, становятся соразмерными, отмечает Д.В. Пивоваров, экзистенциальным переживаниям *отчуждения*, – как гнетущего чувства бессмысленности жизни; утраты самоуправления и ощущения бессилия перед подавляющими обстоятельствами внешнего воздействия. Эти пережива-

ния становятся созвучными состояниям аномии (Э. Дюркгем) – обостренного чувства одиночества, беспомощности, заброшенности; утраты ощущения общности; равнодушного или даже негативного отношения к социальным нормам; поглощая человека, они все белее и более утверждают его в позициях индивидуализма. Неприятие существующих культурных ценностей и «тоска одиночества», в свою очередь, сопровождаются деперсонализацией и самоотчуждением, ощущением ирреальности себя или внешнего мира, разрывом связи со своим «я» [13, с. 68–69]. Во многом это происходит именно тогда, когда человек не находит для себя социальной опоры, не ощущает принадлежности к своей этнической группе, причастности к данному обществу [12, с. 66]. Таким образом *самосознание человека, как способа рефлексивной практики его осуществляющегося самобытия*, серьезно осложняется самой техногенной реальностью. Реальностью с признаками хаотичности, нестабильности, кризисов, многомерных онтологических «подмен», «симуляций» и разрывов экзистенции.

Вместе с тем, осознание себя в таком мире с необходимостью актуализирует вопросы «экзистенции к трансценденции» – вопрошание человека к мирам трансцендентного в поисках надежных онтологических оснований устойчивости, цельности и гармонии жизнедеятельности. Экзистенция, как «трансценденция к бытию» (Н. Аббаньяно) в этом плане характеризуется установками на его «подлинность», целостность и воспроизводимость в социокультурных реалиях повседневности непреходящих духовных ценностей. Экзистенция, устремляющаяся к трансценденции, становится в самосознании человека устойчивым ориентиром и ответственностью за ценностный выбор форм одухотворенного бытия. И в логике такого вопрошания «трансценденции к бытию» является бесценным экзистенциальный опыт целостности этнического бытия. Этническая историческая память, разумеется, не является универсальной матрицей для копирования, но может нести в себе контуры устойчивой онтологической модели воспроизводства экзистенциальной целостности через восприятие этноса как «мира малого». *Историческая память*, организующая хронотоп онтологического конструкта «мира малого» на уровне этнического самосознания, фундирует «о-граничивание» его социального бытия, воздвигая препятствия разрушающим воздействиям извне. Она укрепляет «этническое» своей открытостью онтологически значимому этой форме социальности – ее Иному. Сохраняет в «социальном» необходимые грани бытия, выходящие за его собственные рамки и пределы. Этнос, укорененный своей исторической памятью в традиционалистский тип культуры, онтологически открыт, с одной стороны, Универсуму Мира Природы и, с другой, – Духовному Потенциалу его Культуры, сферам Трансцендентного. И эта открытость, образующая и культивирующая «социальное» закрепляется мощной силой *инерции этнического исторического опыта*. Прорыв «этнического» к сферам абсолютного, вечного и бесконечного в исторической памяти закрепляется *культурной традицией* – устойчивым стержнем *целостного мировоззрения.*

Список литературы

1. Абрамова, Н.Т. Возможно ли единство разнообразия: модели идентичности и догматизм сознания / Н.Т. Абрамова // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – Москва : ИФРАН, 2010. – С. 168–197.

2. Арутюнян, М.П. Онтология этноса как «мира малого» / М. П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 71–78.

3. Арутюнян, М.П. Целостность мировоззрения как экзистенциальная мера гармонизации бытия и качества жизни в проекции этнического / М. П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 16–24.

4. Ахутин, А.В. Поворотные времена / А.В. Ахутин. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 743 с.

5. Баксанский, О.Е. Когнитивные медиаинструменты сохранения культурного многообразия / О.Е. Баксанский // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – Москва : ИФРАН, 2010. – С. 98–126.

6. Бездверный, С.А. Дальневосточные этносы в мире глобализации: проблема целостности и разрывов бытия / С.А. Бездверный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 79–82.

7. Бобков, А.И. Разрыв этнического самосознания с религиозным опытом как технология ксенократического преодоления патриотизма / А.И. Бобков // Научные ведомости. – 2016. – № 17 (238). – Вып. 37. – С. 116–120.

8. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1973. – 283 с.

9. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 480 с.

10. Гонтмахер, П.Я. Нивхи: Этнографические тетради / П.Я. Гонтмахер. – Хабаровск: ХГПУ, 1999. – 416 с.

11. Ерохина, Е.А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен / Е.А. Ерохина // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – С. 66–83.

12. Олескин А.В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – Москва : ИФРАН, 2010. – С. 51–75.

13. Пивоваров, Д.В. Онтология религии / Д.В. Пивоваров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 244 с.

14. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. – 334с.

15. Рудецкий, О.А. Феномен этнического как форма социального бытия / О.А. Рудецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 103–112.

16. Скоринов, С.Н. Мифология и обрядовая культура нивхов. Историко-культурные очерки / С.Н. Скоринов. – Хабаровск : Дальневост. гос. науч. б-ка, 2004. – 464 с.

17. Смолик, С.В. Семья как форма целостности (на примере коренных малочисленных народов Дальнего Востока) / С.В. Смолик // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 123–127.

18. Сыроедова, А. Мир малого. Опыт описания локальности / А. Сыроедова. – Москва : ИФ РАН, 1998. – 121 с.

УДК 37.035.6

Бельды О.А.[*], г. Хабаровск, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПЕДАГОГИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ БИОЭТИКИ)

В статье рассматриваются некотрые аспекты преподавания дисциплины «Биоэтика» (включая цели и задачи изучения, педагогические методы) в контексте целостного образовтельного процесса.

Ключевые слова: этнопедагогика, биоэтика, образование.

Beldy O.A., Khabarovsk, Russia

TOPICAL ISSUES OF ETHNOPEDAGOGY (THE CASE OF TEACHING BIOETHICS)

The article discusses some aspects of teaching the discipline «Bioethics» (including the goals and objectives of the study, pedagogical methods) in the context of a holistic educational process.

Key words: ethnopedagogics, bioethics, education.

Идея целостного педагогического процесса, основанного на гуманистических началах, является одной из актуальных идей современных поисков в области преподавания и совершенствования высшего образования, существенного повышения его эффективности.

Гуманитарное обучение в вузе осуществляется на основе междисциплинарного подхода в преподавании, обеспечивает взаимное обогащение культурных компонентов, направленных на развитие индивидуальных особенностей студентов в условиях учебного процесса.

В настоящее время проблематика этнической педагогики (этнопедагогики) приобретает актуальное значение в образовании и формировании гражданской позиции студентов вуза. Актуальность этнопедагогики продиктована многообразными проявлениями этничности в жизнедеятельности человека, сфере межнационального общения и межэтнических коммуникаций.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. По данным Всероссийской пе-

[*] **Бельды Ольга Александровна**, канд. культурологии, старший преподаватель кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета.
Beldy Olga Alexandrovna, Candidate of Culturology, Senior Lecturer at Far Eastern State Medical University.
E-mail: olga_beldy99@mail.ru

реписи населения 2010 г. на территории нашей страны проживают представители 193 этнических общностей.

Одним из самых многонациональных регионов России является Хабаровский край. Проживание в нем представителей 145 народов постоянно ставит перед государственной властью и общественностью вопросы регулирования в сфере межнациональных отношений в полиэтническом пространстве.

В медицинских вузах России наблюдаются попытки решать проблему подготовки толерантных специалистов для сферы здравоохранения. Решение данной проблемы осложняется недостаточной разработанностью целевых установок, принципов, дидактических средств, определяющих профессиональную культуру и правовые установки будущих врачей, что дополняет тяжесть кадрового кризиса в отрасли.

В рамках учебного процесса в вузе решаются следующие задачи:

– развитие познавательной и творческой активности студентов;

– формирование междисциплинарных связей;

– формирование умения работать индивидуально и в коллективе;

– возрастание уровня самостоятельной исследовательской работы;

– саморазвития, самообразования и расширения знаний о культурном наследии, истории, праве;

– дальнейшее развитие коммуникативной компетенции;

– формирование чувства гордости и уважения к истории и культуре Хабаровского края, Дальнего Востока России, а для жителей – своему родному городу Хабаровску, своему народу, своей стране.

В целях развития дружбы и сотрудничества этносов, популяризации традиций и обычаев народов, проживающих на территории Хабаровского края, национальные и религиозные объединения Хабаровского края проводят различные мероприятия, например, праздничные мероприятия «Фестиваль национальных традиций, посвященный Дню матери», «День семьи, любви и верности», «Сабантуй» и др. Организатором праздничные мероприятия «Фестиваль национальных традиций, посвященный Дню матери», «День семьи, любви и верности» является АНО «Дружба без границ». В ряде мероприятий активное участие принимают студенты.

Проводимые мероприятия наглядно демонстрируют разнообразие культурных традиций и обычаев разных народов и, таким образом, способствуют этнокультурному образованию населения в регионе.

Итак, всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что в Хабаровском крае власти и общественность находятся в постоянном поиске различных форм сотрудничества, направленных на сближение народов, сохранение мира и согласия в обществе. Но этого явно недостаточно для развития и гармонизации межэтнических отношений, предупреждению межнациональных конфликтов и профилактики национального и религиозного экстремизма в Хабаровском крае.

В процессе преподавания дисциплин «Биоэтика» и «Основы биоэтики» рассматриваются правовые аспекты медицинской деятельности, проблема справедливости в медицине и здравоохранении, деятельность этических и биоэтических комитетов, этические проблемы проведения экспериментов на людях и животных, этические и морально-правовые проблемы, связанные с развитием новых медицинских технологий и пр.

Главными задачами Организации Объединенных Наций являются утверждение прав человека, выполнение целей ООН нового тысячелетия по достижению устойчивого развития, сотрудничеству цивилизаций, сохранению биологического разнообразия мира и др. [6, с. 1]. Автор данной публикации в 2015 г. был участником Программы стажировок для коренных народов в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Москва, Женева) и в процессе преподавания дисциплины «Биоэтика» включает фундаментальные документы ООН (Всеобщая декларация прав человека; Конвенция о правах ребенка; Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации и др.).

Изучение студентами дисциплины «Биоэтика» позволяют понять цель дисциплины: формирование у студента представления о специфике биоэтики как философии и науки выживания человечества, приблизить их к пониманию проблематики исторического развития и необходимости применения полученных знаний для формирования представления о специфике биоэтики.

Достигнуть поставленной цели возможно при решении задачи развития у студентов способности эффективно анализировать и разрешать этические проблемы, возникающие в профессиональной деятельности медицинского работника, в том числе в клинической практике.

Цели и задачи совершенствования профессиональной подготовки кадров на основе компетентностного подхода обусловливают необходимость разработки и применения инновационных образовательных технологий. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования предполагают, в частности, увеличение объема и роли самостоятельной работы студентов, широкое применение активных методов обучения, широкий спектр оценочных средств. Активные методы обучения стимулируют познавательную деятельность и творческие способности учащихся. Современные активные методы обучения – это методы, направленные на активизацию мышления обучаемых, характеризующиеся высокой степенью интерактивности, мотивации и эмоционального восприятия учебного процесса, и позволяющие:

– активизировать и развивать познавательную и творческую деятельность обучаемых;

– повышать результативность учебного процесса;

– формировать и оценивать профессиональные компетенции;

– особенно в части организации и выполнения коллективной работы.

Учащийся в таком случае является активным участником процесса обучения. Актуальны активные методы для развития самостоятельности, самовоспитания, но они практически не учат работать в группе. Педагог применяет творческие способности и коммуникативную толерантность.

В основе активных методов лежит диалог, как между преподавателем и студентами, так и между самими студентами. В процессе диалога развиваются коммуникативные способности, умение решать проблемы коллективно, развивается речь студентов. Активные методы обучения направлены на привлечение студентов к самостоятельной познавательной деятельности, вызывают личностный интерес к решению каких-либо познавательных задач, возможность применения студентами полученных знаний.

Методы активного обучения могут использоваться на различных этапах учебного процесса:

1-й этап – первичное овладение знаниями. Это могут быть проблемная лекция, эвристическая беседа, учебная дискуссия и т.д.;

2-й этап – контроль знаний (закрепление), могут быть использованы такие методы как коллективная мыслительная деятельность, тестирование и т.д.;

3-й этап – формирование профессиональных умений, навыков на основе знаний и развитие творческих способностей, возможно использование моделированного обучения, игровые и неигровые методы.

Активные методы обучения, направлены на формирование умений и навыков, обеспечение выполнения студентами тех задач в процессе решения, которых они самостоятельно овладевают умениями и навыками.

В результате внедрения в практику информации по дисциплине «Биоэтика» были сформулированы следующие выводы.

Недостаточный уровень знаний студентов о роли правовой информации в жизни общества компенсируется в процессе проведения лекций, семинарских занятий и самостоятельной работы.

Применение на семинарских занятиях таких прогрессивных технологий как КСО (коллективный способ обучения), ТРИЗ – педагогика (теория решения изобретательских задач), эвристическое обучение с передачей собственного опыта врача сделали процесс преподавания курса более интересным, разнообразным и личностно окрашенным. В процессе обучения используются новые формы презентации и подачи информации: интерактивные и мультимедийные технологии, решение ситуационных задач.

Методика преподавания дисциплины «Биоэтика» находится в стадии становления и развития, складывается в стройную систему. Безусловно, она имеет свои особенности в связи со спецификой освещаемых проблем, которые следует учитывать при проведении лекций и семинаров. Междисциплинарное содержание курса требует по-новому взглянуть на процесс преподавания, используя не только традиционные педагогические подходы, но и использование новых технологий, пересмотра организации процесса обучения, не теряя при этом духовно-нравственных ориентиров.

От молодых дипломированных специалистов сейчас требуется не только владение системой теоретических знаний, но и сформированность профессиональных умений, способность ставить и решать задачи, принимать решения, уметь работать в коллективе и с коллективом, обладать толерантными качествами. В условиях интенсификации взаимодействия в обществе, когда стресс и конкуренция активно включаются в человеческое бытие, роль такого толерантности личности приобретает особую актуальность. Все это требует коренного изменения в подготовке будущих специалистов.

Современный студент должен обладать не только определенными знаниями, но и различными компетенциями, умением использовать полученные знания в жизни, умением добывать информацию, вести исследовательскую и поисковую работу, способность к сотрудничеству, межкультурному взаимодействию.

В целях осуществления безопасности российского образования представляется целесообразным выработать комплекс мер по предупреждению экстремизма и межэтнических конфликтов. Основу превентивной деятельности должны составлять не только теоретико-методологические разработки, в нее должны включаться методики и технологии интерактивного характера (научно-образовательные семинары, диспуты, дискуссии, дебаты, мультимедийные проекты).

Список литературы

1. Бельды, О.А. Этнокультурное образование в полиэтническом пространстве Хабаровского края / О.А. Бельды // Этнокультурное образование в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации : коллективная моногр. / сост. У.А. Винокурова, С.С. Семенова. – Якутск : Медиа-холдинг «Якутия», 2015. – С. 279–291.

2. Бережнова, Л.Н. Этнопедагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Л.Н. Бережнова, И.Л. Набок, В.И. Щеглов. – Москва : Академия, 2013. – 240 с.

3. Бим-Бад, Б.М. Педагогический энциклопедический словарь / Б.М. Бим-Бад. – Москва, 2002. – С. 329–330.

4. Борисов, С.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности. Монография / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко ; отв. ред. С.В. Борисов. – Москва : Юриспруденция, 2015. – 258 с.

5. Завалишин, А.Ю. Студенческая молодёжь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А.Ю. Завалишин, Н.Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 83–93.

6. Приветственное слово Ришарда Коменды, Старшего советника по правам человека при системе ООН в Российской Федерации // Программа стажировок Управления Верховного комиссара ООН по правам человека для представителей коренных народов: опыт и результаты стажеров. – Москва, 2014. – С. 1.

УДК 902.2:738

Габрильчук М.А.*, г. Хабаровск, Россия

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ РАННЕГО КОНДОНА (ЭПОХА НЕОЛИТА. НИЖНЕЕ ПРИАМУРЬЕ)

Работа посвящена классификации форм керамических сосудов ранней поры среднего неолита Нижнего Приамурья (вторая половина VII тыс. до н.э. – вторая половина VI тыс. до н.э.). В статье собрана воедино актуальная информация о морфологии ёмкостей разных памятников раннекондонской культуры, представлена статистика о размерных рядах посуды.

Ключевые слова: раннекондонская культура (ранний кондон), керамические комплексы, типология форм керамических ёмкостей, Нижний и Средний Амур.

Gabrilchuk M.A., Khabarovsk, Russia

THE CLASSIFICATION OF THE EARLY CONDON CERAMIC VESSELS (THE NEOLITHIC ERA. THE LOWER PRIAMURYE)

The work is devoted to the classification of the forms of ceramic vessels of the early pore of the middle Neolithic of the Lower Amur region (the second half of VII Millennium BC – the second half of VI Millennium BC). The article brings together current information on the morphology of the capacities of different monuments rannemongolskoi culture, presented statistics on the dimension series of dishes.

Key words: early Condon culture (early Condon), ceramic complexes, typology of forms of ceramic containers, Lower and Middle Amur.

Керамический комплекс раннекондонской культуры – один из первых в истории Нижнего Амура, в котором изготовление посуды из обожженной глины приобрело черты массовости, разнообразия в декорировании поверхностей и форм, придаваемым ёмкостям.

Производство керамики ручной лепки было известно ещё с осиповского времени, но небывалого расцвета получило именно в раннюю пору среднего неолита (вторая половина VII тыс. до н. э.).

Необычным кажется то обстоятельство, что при наблюдаемом уровне гончарного производства, очевидно, связанным с общим высоким развитием материальной культуры, количество найденных памятников остаётся крайне низким. Речь идет, прежде всего, о поселениях с сохранившимся культурным слоем.

* **Габрильчук Михаил Анатольевич**, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии и палеогеографии ХКМ им. Н.И. Гродекова.
Gabrilchuk Mikhail A. Researcher, Research Laboratory of Archaeology and Paleogeography, Khabarovsk Regional Museum after N. Grodekov.
E-mail: mastervx2957@mail.ru

Долгое время классификация сосудов раннекондонской культуры оставалась скрытой за понятием «кондонская культура», которую, как нам кажется, на основании ряда причин следует признать конгломератом разных культур и (или) комплексов [2–8].

Ранний и поздний кондон не следует объединять по принципу культурной преемственности, поскольку это не только разные хронологические варианты в рамках одной культуры [12], но, и, очевидно, разные культуры. По этой причине нельзя примерять известные формы сосудов т.н. позднего кондона к посуде раннего кондона, поскольку это совершенно некорректно. Поэтому последний в самом начале своего «открытия» оказался в некоторой информационной изоляции, в силу тех обстоятельств, что разработка, по-существу, новой культуры находилась на ранней стадии, где морфология сосудов была не разработана.

Открытие памятников Князе-Волконское-1 (Хабаровский р-н) и Харпичан-4 (Солнечный р-н), позволили частично снять напряжённость с озвученного вопроса и ко многим неизвестным добавить фактов. Так, раскопки древнего поселения Харпичан-4 в 2006 г. привнесли в типологию сосудов раннего кондона несколько целых и археологически целых форм [10] (рис. 1). Работа на поселении Князе-Волконское-1 в 2006 и 2009 гг. оказалась менее успешной в этом плане и поначалу представление о формах конкретных ёмкостей во многом строились на основе крупных фрагментов, а также аналогии с сосудами руднинской культуры Приморского края.

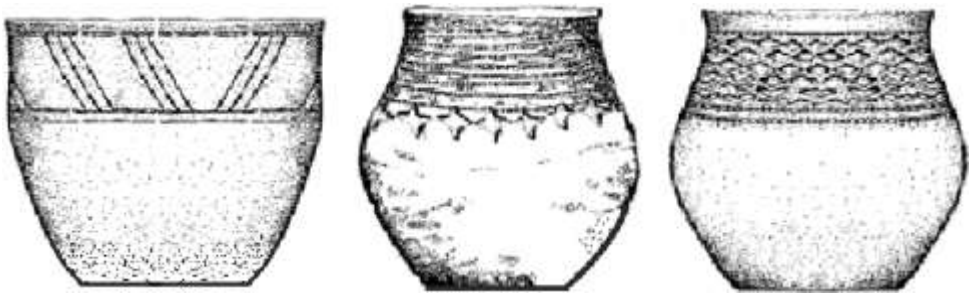

Рис. 1. Сосуды раннекондонской культуры поселения Харпичан-4

В 2016–2018 гг. экспедициями под руководством автора работы исследовалось поселение Петропавловка-5 (Хабаровский р-н Хабаровского края). Общая площадь вскрытия грунта составила 60 м^2. Памятник многослойный и многокультурный. Слой ранней поры среднего неолита зафиксирован примерно на 30 м^2. Исследованные древние поверхности включают в себя зоны организации пространств наземного типа, округлой формы, незначительно впущенных в грунт. Один из результатов исследований неолитического горизонта – получение четырёх сосудов раннего кондона близких к археологически целым формам.

Сосуд № 1. Плоскодонный сосуд, слабопрофилированной формы открытого типа. Плоскодонный. Орнаментирован тремя поясами наклонных двузубчатых оттисков в подвенечной зоне. Венчик слегка отогнут наружу (рис. 2, *а*).

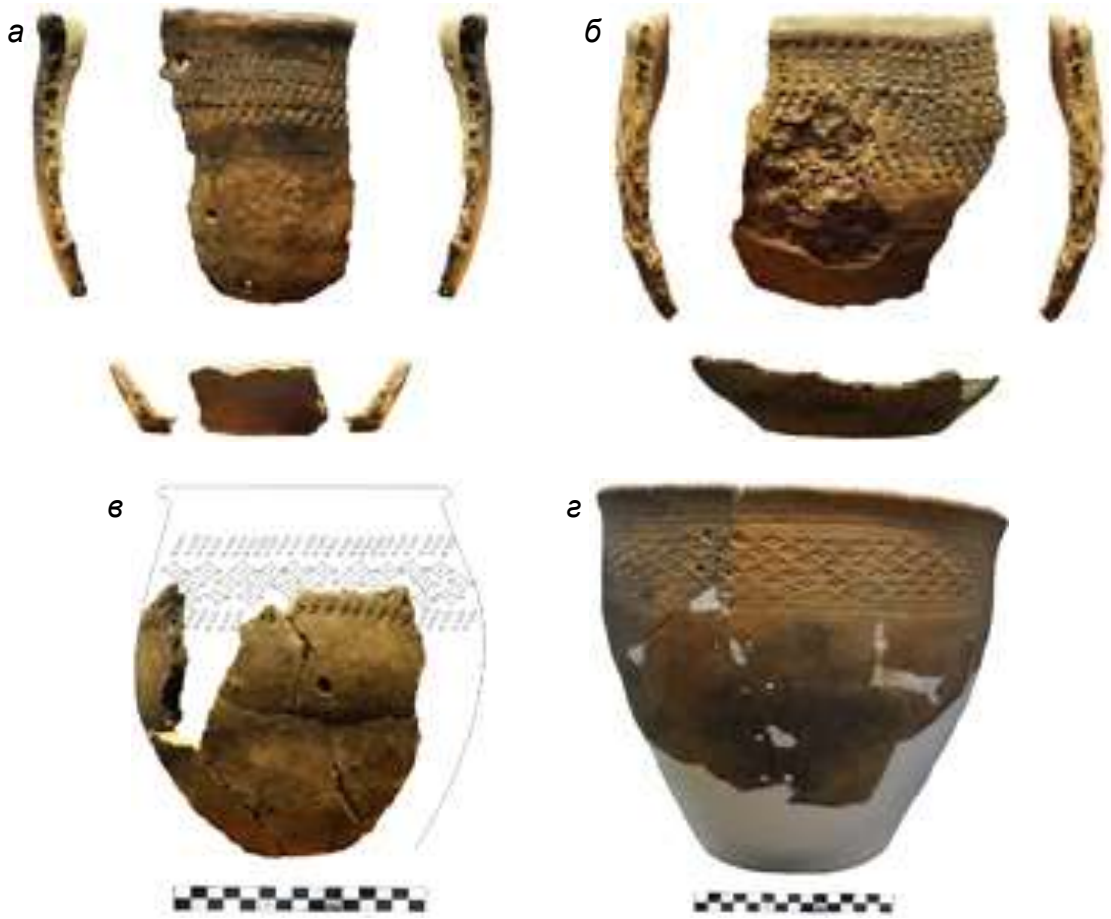

Рис. 2. Керамические сосуды раннего кондона
поселения Петропавловка-5 (2017–2018 гг.)

Сосуд № 2. Плоскодонный профилированный сосуд закрытого типа. Тулово средней выпуклости, приближенное к сфероиду. Намечена горловина, венчик без изгиба. Орнаментирован тремя поясами оттисков зубчатого штампа вертикальных и наклонных позиций (рис. 2, *б*).

Сосуд № 3. Плоскодонный профилированный сосуд закрытого типа. Верхняя часть реконструирована по аналогиям. Орнаментирован оттисками ромбического штампа в обрамлении наклонных зубчатых оттисков (рис. 2, *в*).

Сосуд № 4. Плоскодонный сосуд, слабопрофилированной (ведрообразной) формы открытого типа. Орнаментирован ромбическими оттисками в обрамлении поясов наклонных оттисков зубчатого штампа. Придонная часть реконструирована по аналогиям (рис. 2, *г*).

В 2018 г. на поселении Бижан-4 (низовья р. Унгун, Ленинский р-н ЕАО) заложен небольшой разведывательный раскоп (3×3 м), где также обнаружены материалы, согласующиеся с раннекондонскими комплексами Нижнего Амура. Удалось сделать реконструкции трёх археологически целых сосудов и близких к ним формам.

Сосуд № 1. Открытая ёмкость баночного типа с плоским дном, прямым в профиль корпусом, без изгибов кромки венчика. Керамическое тесто за-

песочено, гранулы песка мелкие, поверхности хорошо заглажены. Сосуд орнаментирован поясом рисунка в подвенечной зоне из круглых вдавлений. Аналоги подобного сосуда имеются на поселении Князе-Волконское-1 (рис. 3, *а*).

Сосуд № 2. Археологически целый сосуд. Плоскодонный профилированной (ведрообразной) горшок открытого типа. Ёмкость с узким дном. Венчик несколько отогнут наружу. Керамическое тесто с большой примесью песка и характерным блеском кварца. Стенки достаточно тонкие. Сосуд орнаментирован поясом ромбических оттисков (с фигурным заполнением ложа), расставленных в шахматном порядке. Плотность орнаментации небольшая. Зона орнаментации – верхняя часть тулова (рис. 3, *б*).

Сосуд № 3. Плоскодонный профилированной (ведрообразной) горшок открытого типа. Близок к археологически целому. Сохранились фрагменты верхней части, большей части тулова, придонной части и дона. Материала оказалось достаточно для графической реконструкции сосуда. Керамическое тесто идентично сосуду № 2. Орнамент складывается из наклонных кротких шнуровидных оттисков по внешней кромке венчика (рис. 3, *в*). Аналогии шнуровому декору внешних стенок бижданских сосудов имеются в сергеевском комплексе руднинской культуры Приморья – общей с ранним кондоном «культурной области» [1, с. 112]. На памятнике Шекляево-7 отмечается орнамент, выполненный верёвочным штампом [1, с. 83].

Рис. 3. Сосуды поселения Бижан-4 (1918 г.)

Отдельная часть исследования морфологии сосудов раннего кондона опирается на данные статистики, полученные на основе работы с разнообразным материалом опорного памятника раннекондонской культуры – поселения Князе-Волконское-1.

Первый этап графической реконструкции сводился к определению диаметров у фрагментов венчиков и донных частей ёмкостей (таблица).

Таблица. Сводная статистическая информация о реконструкции диаметров венчиков и донных частей сосудов раннекондонской культуры поселения Князе-Волконское-1

Диаметр, см	Раскоп 1, 2009 г.				Раскоп 2, 2006 г.				Раскоп 1, 2006 г.			
	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек
3		I	1	I							2	I
4	1	I	3	I							0	I
5		I	7	I							3	I
6	1	I	8	I			2	I	2	I	4	I
7	5	I	17	II	1	I	5	II	5	I	10	II
8	11	I	17	II	1	I	8	II	2	I	6	II
9	19	II	11	II	2	I	1	II	3	I	7	II
10	26	II	23	II	5	II	4	II	10	II	12	II
11	17	II	4	III	2	II	1	II	9	II	7	II
12	31	II	13	III	5	II	2	II	10	II	4	III
13	19	II	5	III	7	II	1	II	11	II	3	III
14	18	II	13	III	8	II	1	II	11	II	4	III
15	34	II	5	IV	2	II			12	II	3	III
16	14	II	6	IV	6	II			13	II	2	III
17	25	II	2	IV	2	II			9	II	1	III
18	30	II	2	IV	5	II			10	II	0	IV
19	17	II	2	IV	2	II			8	II	0	IV
20	28	II	3	IV	4	II	1	III	18	II	0	IV
21	17	III	1	IV	1	III			10	II	1	IV
22	15	III			2	III			5	III		
23	17	III			4	III			5	III		
24	17	III			3	III			8	III		

Продолжение таблицы

Диаметр, см	Раскоп 1, 2009 г.				Раскоп 2, 2006 г.				Раскоп 1, 2006 г.			
	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек
25	16	III			5	III			7	III		
26	13	III			1	III			6	III		
27	17	III			3	III			8	III		
28	10	III			1	III			5	III		
29	11	III			1	III			3	III		
30	8	III			5	III			10	III		
31	2	IV			2	III			6	III		
32	5	IV			1	III			8	III		
33	4	IV			4	III			3	III		
34	2	IV			2	III				III		
35	6	IV			3	III			9	III		
36					1	III			1	IV		
37	2	IV			3	III			4	IV		
38	3	IV			1	III			3	IV		
39	1	IV							1	IV		
40	3	IV							3	IV		
41	4	IV							3	IV		
42	2	IV							3	IV		
43	1	IV							3	IV		
44	1	IV			1	IV			2	IV		
45	1	IV			1	IV			1	IV		
46	1	IV							2	IV		
47		IV			2	IV			0	IV		

Окончание таблицы

Диаметр, см	Раскоп 1, 2009 г.				Раскоп 2, 2006 г.				Раскоп 1, 2006 г.			
	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек	Венчики (количество)	Группы венчиков	Донышки (количество)	Группы донышек
48		IV							1	IV		
49	3	IV			1	IV			0	IV		
50	1	IV							3	IV		
51		IV										
52		IV			1	IV						
53	1	IV										
54		IV							1	IV		
55	1	IV							1	IV		
56		IV										
57		IV							2	IV		
58		IV							1	IV		
59		IV										
60	1	IV							1	IV		
61		IV										
62	1	IV										
63									1	IV		
64–69												
70									1	IV		
71–74												
75									1	IV		
76–89												
90									1	IV		

Параметры приводимых табличных значений позволяют сделать следующие выводы. Первое, происходит концентрация диаметров венчиков и донных частей по размерным группам (I-IV).

Раскоп 1, 2006 г.

Венчики:	Донышки:
I группа 6 – 9 см. = 12 шт.	I группа 3– 6 см. = 9 шт.
II группа 10– 21 см. = 131 шт.	II группа 7 – 11 см. = 42 шт.
III группа 22 – 35 см. = 83 шт.	III группа 12 – 17 см. = 17 шт.
IV группа 36 – 90 см. = 40 шт.	IV группа 20 см. = 1 шт.
Всего: 266 шт.	Всего: 69 шт.

Раскоп 2, 2006 г.

Венчики:	Донышки:
I группа 7 – 9 см. = 4 шт.	I группа 6 = 2 см. шт.
II группа 10 – 20 см. = 48 шт.	II группа 7 – 10 см. = 15 шт.
III группа 21 – 38 см. = 43 шт.	III группа 11 – 14 см. = 5 шт.
IV группа 44 – 52 см. = 6 шт.	IV группа Max 20 см. = 1 шт.
Всего: 101 шт.	Всего: 23 шт.

Раскоп 2009 г.

Венчики:	Донышки:
I группа 4 – 8 см. = 18 шт.	I группа 3 – 6 см. = 19 шт.
II группа 9 – 20 см. = 278 шт.	II группа 7 – 10 см. = 68 шт.
III группа 21 – 30 см. = 141 шт.	III группа 11 – 14 см. = 35 шт.
IV группа 31 – 62 см. = 46 шт.	IV группа 15 – 21 см. = 21 шт.
Всего: 483 шт.	Всего: 145 шт.

Вторая и третья группы венчиков и донных частей самые многочисленные, что косвенно указывает на потребность в производстве посуды этих размеров на исследуемом поселении.

Группы венчиков и донышек коррелируются по цифровым показателям. Так, самой многочисленной в количественном выражении группе венчиков II соответствует я группа донышек номер II.

В итоге этих приблизительных расчётов взаимозависимость диаметров венчиков и донышек выражается средним соотношением 2:1, 2,5:1.

Наибольшее распространение на поселении получили ёмкости диаметром венчика 10–20 см. (около половины от всех найденных венчиков) и 20–30 см (треть от всех найденных венчиков).

Совокупность статистической информации с учётом привлечённых ёмкостей и крупных фрагментов, позволили понять, как выглядели в профиль некоторые сосуды поселения Князе-Волконское-1.

С использованием статистической информации в графической реконструкции удалось получить следующие результаты.

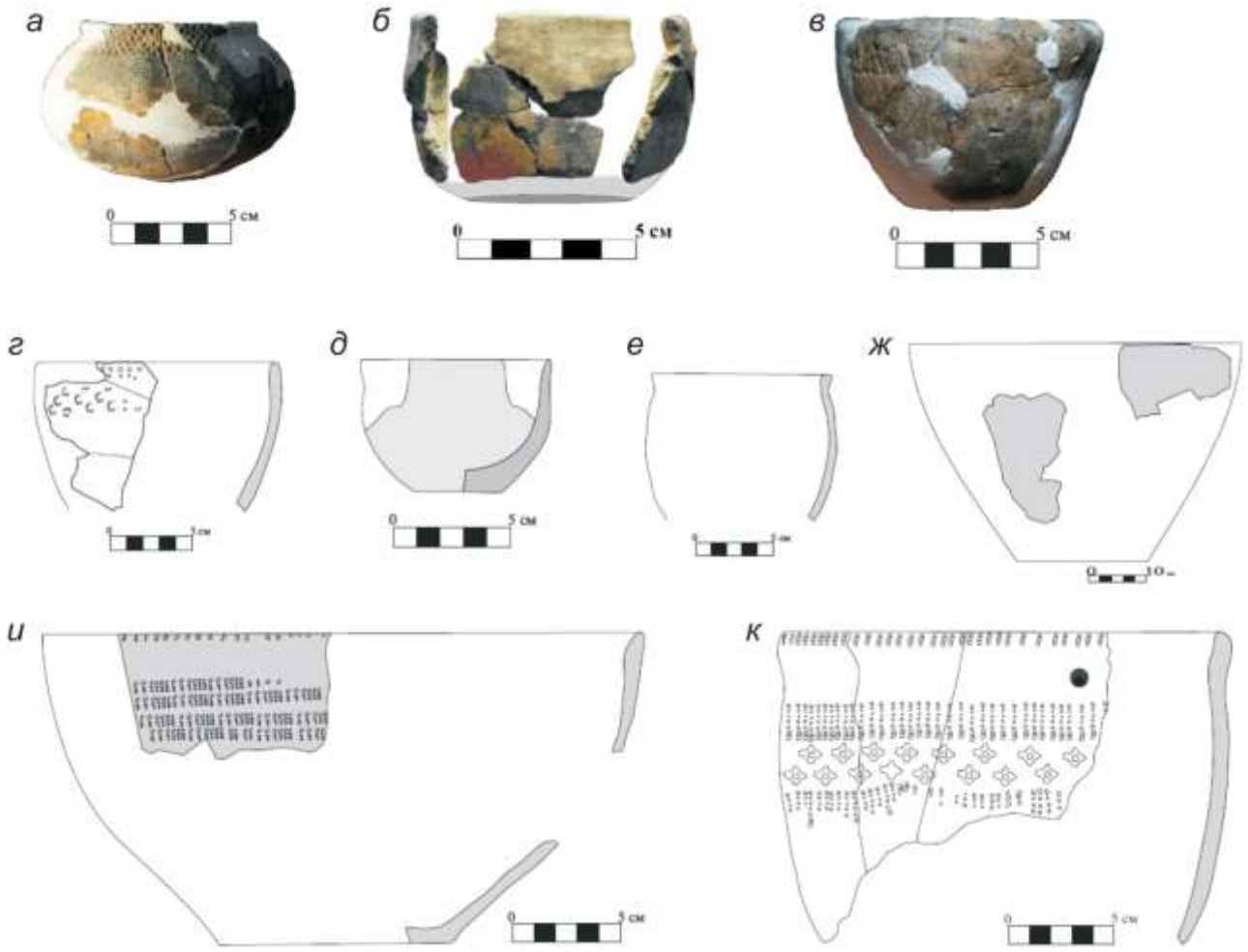

Рис. 4. Графические реконструкции сосудов поселения КНВ-1

Сосуд № 1. Плоскодонная сферическая ёмкость небольшого размера. Относится к закрытому типу сосудов. Орнаментирован поясом мелких округлых вдавливаний в подвенечной зоне в обрамлении прочерченных линий и округлыми оттисками по внешней кромке венчика, расставленными в шахматном порядке (рис. 4, *а*).

Сосуд № 2. Плоскодонная чашеобразную ёмкость небольшого размера открытого типа. Донце отсутствует. Восстановлено по перегибу стенок придонной части и дна. Орнамента нет (рис. 4, *б*).

Сосуд № 3. Плоскодонная чашеобразную ёмкость небольшого размера открытого типа. Донце отсутствует. Восстановлено по перегибу стенок придонной части и дна. Орнамент замыт, просматриваются вертикальные ряды узких (зубчатых?) оттисков в верхней части сосуда (рис. 4, *в*).

Сосуд № 4. Небольшая плоскодонная профилированная ёмкость открытого типа. Ширина больше высоты. Линия экватора приходится на верхнюю часть тулова. Примерное соотношение венчика и диаметра донца = 2:1. Донная часть отсутствует. Орнаментирован вертикальным поясом зубчатых оттисков по внешней стенке сосуда, под ним – «полыми» округ-

лыми вдавливаниями, расположенными в шахматном порядке, занимающими верхнюю часть тулова сосуда (рис. 4, *г*).

Сосуд № 5. Плоскодонная чашеобразная ёмкость небольшого размера открытого типа. Археологически целый сосуд. Примерное соотношение диаметра венчика и донца = 2:1. Орнамента нет (рис. 4, *д*).

Сосуд № 6. Небольшой плоскодонный профилированный горшок открытого типа. Имеет небольшой изгиб венчика. Донце и придонная часть отсутствует. Орнамента нет (рис. 4, *е*).

Сосуд № 7. Большой плоскодонный профилированный горшок открытого типа. Имеет небольшой изгиб венчика. Донце и придонная часть отсутствует. Орнаментирован по корпусу сосуда поясом ромбических оттисков в обрамлении вертикальных оттисков зубчатого штампа, по кромке внешней стенки – поясом вертикальных зубчатых штампов (рис. 4, *ж*).

Сосуд № 8. Плоскодонная чашеобразная ёмкость открытого типа с профилированными стенками тулова. Состоит из двух больших фрагментов верхней и нижней части большого сосуда. Орнаментирована поясами зубчатых оттисков вертикального и наклонного штампа у внешней кромки венчика и верхней части тулова (рис. 4, *и*).

Сосуд № 9. Плоскодонная чашеобразная ёмкость открытого типа с профилированными стенками тулова. Примерное соотношение диаметра донца и венчика = 1: 2.5. Экватор сосуда приходится на обрез устья. Сосуд орнаментирован тремя поясами вертикальных зубчатых штампов по верхней части тулова. Выше – в подвенечной зоне неорнаментированный пробел, на внешней кромке венчика – зубчатые оттиски (рис. 4, *к*).

Как видно, реконструкция форм, восстановление морфологии археологически целых и близких к ним ёмкостей, позволяют вплотную подойти к разработке классификации форм сосудов раннекондонской культуры.

Классификационный ряд ёмкостей раннекондонской культуры на данный момент состоит из следующих типов сосудов (рис. 5).

Группа открытых сосудов без горловины.

1. Ведрообразные. Плоскодонные. Без горловины или с горловиной, отогнутой в разной степени. Широкое устье и сравнительно узкое дно. Экватор располагается по линии обреза сосуда или чуть ниже, в приустьевой части. Венчики с плоской, округлой и скошенной внутрь кромкой (рис. 5, *а*).

2. Баночной формы (рис. 5, *б*).

3. Высокие миски (чаши) (рис. 5, *в*).

4. Закрытые ёмкости сферических форм (рис. 5, *г*).

Группа закрытых сосудов с горловиной.

5. Хорошо профилированные ёмкости, в том числе с короткой, плавно отогнутой наружу горловиной и фигурной кромкой (рис. 5, *д*).

6. Сосуды с выраженной горловиной (рис. 5, *е*).

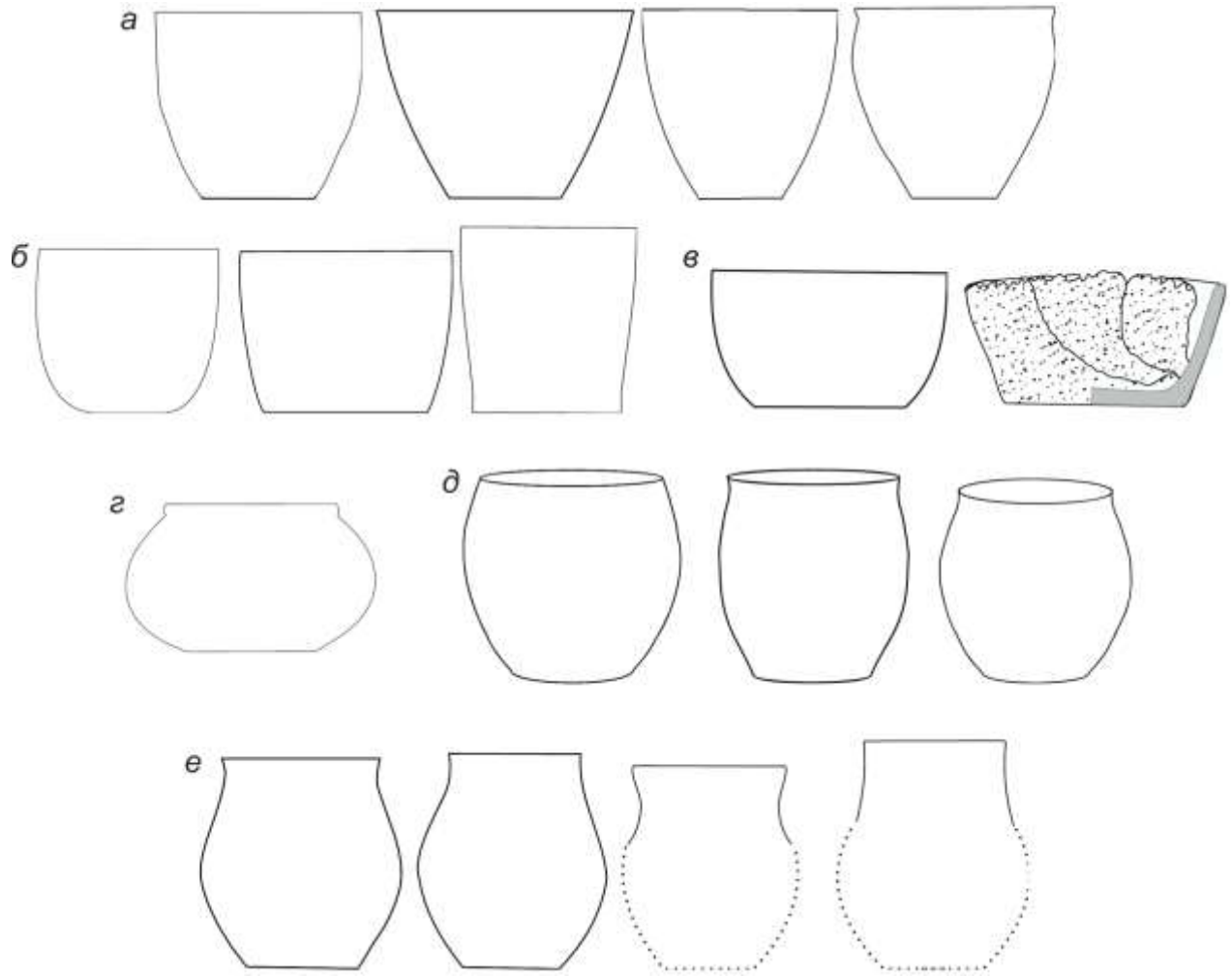

Рис. 5. Классификация сосудов раннекондонской культуры).

Таким образом, наблюдаемая классификация керамических ёмкостей раннего кондона демонстрирует достаточно широкий спектр форм, интересных по мимо всего прочего тем, что здесь присутствуют как более архаичные формы (ведрообразные), так и те, которые можно считать развитыми (профилированные и сильно профилированные). Это обстоятельство, как представляется, связанно с изменениями, происходящими по мере развития культуры, где в общие черты, объединяющие её памятники, вносится местное своеобразие. В основе последнего – фактор географической удалённости поселений, возможное взаимодействие с инокультурными компонентами, хронологическая дискретность комплексов, проявляющаяся даже в рамках опорного поселения Князе-Волконское-1, где общий хронометраж радиоуглеродных дат составляет около 1000 лет.

Список литературы

1. Батаршев, С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье : монография / С.В. Батаршев ; отв. ред. Н. А. Клюев. – Владовосток : Рея, 2009. – 200 с.

2. Габрильчук, М.А. Биджан-4. Новый памятник периода среднего неолита в ЕАО / М.А. Габрильчук // Восток Азии: Восток Азии: проблемы изучения и сохранения истори-

ко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – Санкт-Петербург : Восток, 2018. – С. 53–55.

3. Габрильчук, М.А. Вопросы интерпретации материалов кондонской археологической культуры (Нижний Амур) / М.А. Габрильчук // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 78–90.

4. Габрильчук, М.А. Главные мотивы орнамента сосудов поселений Князе – Волконское-1 и Харпичан-4 (кондонская археологическая культура) / М.А. Габрильчук // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. – 2018. – С. 180–194.

5. Габрильчук, М.А. Компьютерно-графические реконструкции сосудов раннего варианта кондонской культуры древнего поселения Князе-Волконское-1 / М.А. Габрильчук // Средневековые древности Приморья. – 2016. – Вып. 4. – 664 с.

6. Габрильчук, М.А. Кондонский конгломерат в свете современных исследований (Нижнее Приамурье) / М.А. Габрильчук // Записки Гродековского музея. Древняя история юга Дальнего Востока. – 2019. – Вып. 37. – 202 с.

7. Габрильчук, М.А. Раннекондонский слой поселения Петропавловка. Поселение – 5. Грунтовый могильник-1. Работы 2017 г. / М.А. Габрильчук // Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – Т. III. – С. 31–34.

8. Габрильчук, М.А. Ранний кондон. Поселение Петропавловка-5. Промежуточные итоги полевых работ 2016 – 2018 гг. / М.А. Габрильчук // Записки Гродековского музея. Древняя история юга Дальнего Востока. – 2019. – Вып. 37. – 202 с.

9. Габрильчук, М.А. Кондонский слой поселения Харпичан-4 (Солнечный район Хабаровского края). Исследования 2015 г. / М.А. Габрильчук, Фукуда Масахиро, В.М. Горшков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4(52). – С. 124–131.

10. Малявин, А.В. Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приамурье) / А.В. Малявин // Окно в неведомый мир : сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. – 2008. – С. 150–155.

11. Медведев, В.Е. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект) / В.Е. Медведев, И.В. Филатова ; отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 168 с.

12. Шевкомуд, И.Я. К вопросу о кондонской культуре в Нижнем Приамурье (исследования поселения Князе-Волконское-1в 2006 г.) / И.Я. Шевкомуд, М.В. Горшков // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы всероссийской конференции с международным участием, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. – 2007. – Т. 2. – С. 306–310.

13. Shizuo Onuki, Masahiro Fukuda, Igor Ya. Shevkomud, Kazunori Uchida, Toshiaki Kumaki. A Stady on the Formation and Transformation Process of Sedentary Food Gathering Society in Northeast Asia. – Tokoro Research Laboratory, Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo, 2011.

УДК 2-636(571.6):008

Дударёнок С.М.[*], г. Владивосток, Россия

«РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ЕГО КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Статья посвящена культурным последствиям «религиозного возрождения» на российском Дальнем Востоке. Кроме положительных результатов, выразившимся в активном поиске дальневосточниками своей культурно-национально-религиозной самоидентификации, значительное внимание уделено его антикультурным последствиям: широкому распространению нетрадиционных религий, появлению религиозной нетерпимости, атеистофобии и религиозного экстремизма.

Ключевые слова: религия, церковь, верующие, религиозное возрождение, нетрадиционные религии, иностранные миссионеры, религиозный экстремизм, свобода совести.

Dudarenok S.M., Vladivostok, Russia

«RELIGIOUS REVIVAL» ON THE RUSSIAN FAR EAST AND ITS CULTURAL COMPONENT

The article is devoted to thecultural consequences of «religious revival» in the Russian Far East. Cultural-national-religious self-identification, much attention is paid to its anti-cultural consequences: the widespread spread of non-traditional religions, the emergence of religious intolerance, athetheaphobia and religious extremism.

Key words: religion, church, believers, religious revival, non-traditional religions, foreign missionaries, religious extremism, freedom of conscience.

Бесспорно, религия является устойчивым фактором жизни современного российского общества, и ее позиции будут неизменно укрепляться. Этот процесс проходит неоднозначно, особенно в таких поликонфессиональных и многонациональных регионах как Дальний Восток, который, по мнению некоторых исследователей, и «к настоящему времени все еще по многим причинам представляет собой религиозно не оформившуюся территорию» [5, с. 188]. Во многом это определяется сложными процессами в духовной жизни, сопровождавшими процесс хозяйственного освоения дальневосточных земель, которые обживались людьми с полиэтническими и самыми разнообразными вероисповедными корнями.

[*] **Дударёнок Светлана Михайловна,** д-р истор. наук, проф., ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
Dudarenok Svetlana Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Officer at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.
E-mail: dudarenoksv@gmail.com

О последнем десятилетии XX в. принято говорить, как о «религиозном возрождении», характеризуемом значительным ростом религиозности российского общества. Этот процесс достаточно многосторонний и противоречивый и в нем, на наш взгляд, необходимо различать *внешнюю,* институциональную сторону, связанную с ростом числа религиозных объединений, церковных институтов, религиозной обрядности и т.п., и *внутреннюю,* духовно-нравственную, предполагающую рост религиозного самосознания, религиозно-мотивированной духовности у населения. Несомненно, как в России в целом, так и на Дальнем Востоке в частности, шел и идет процесс активного возрождения религиозных институтов, которой находит выражение в росте численности религиозных обществ и конфессий.

Относительно духовно-нравственной составляющей процесса «религиозного возрождения» нельзя сделать такого однозначного вывода. Нам представляется, что произошел не столько рост религиозности, сколько изменилось отношение в общественном мнении в пользу религии, захватившее даже людей, скептически относящихся к церкви. Это утверждение подтверждается социологическими исследованиями, проведенными в 1999 г. в Хабаровском крае, в 2002 в Амурской и Магаданской областях, в 2005 в ЕАО, в 2017 г. в Приморском крае [см.: 3, 4].

В интеллигентском религиозном движении 70–80-х гг. XX в. в России четко проявилась двойственность, которая была в дореволюционном движении к атеизму. С одной стороны, это – движение от принудительно навязываемого мировоззрения к свободе, с другой, – «элемент движения от одной нетерпимой идеологии к другой, зачастую тоже жестокой и нетерпимой» [7, с. 15].

Начавшийся в 1990-х гг. процесс культурно-национально-религиозного самоопределения нередко сопровождался и сопровождается конфликтами, особенно в поликонфессиональных и полиэтнических регионах, к которым традиционно принадлежит российский Дальний Восток.

На процесс религиозного самоопределения дальневосточников значительное влияние оказали негативные последствия реформирования российского общества в 90-х гг. прошлого века. Для дальневосточного региона последствия «перестроечных» лет были более негативны, чем для центральных регионов страны: начался и продолжается отток интеллектуальной элиты в европейскую часть России и в страны АТР; обострилась проблема демаркации границы; не до конца решен вопрос разграничения полномочий федерального центра и местных администраций; продолжается кризис военно-промышленного и энергетического комплексов, усугубленных в Приморье в 1990-е гг. многолетним конфликтом краевой и городской администраций. Все это привело к тому, что возрождение религиозной жизни в регионе сопровождалось и сопровождается постоянными конфликтами [см.: 1].

В дальневосточном регионе миссионерская деятельность, осуществляемая под лозунгом религиозного ренессанса, нередко поощряла культурное и национальное возрождение этнических групп населения. Это нашло

отражение в работе с немецкой, польской, корейской диаспорами, претворялось в жизнь посредством создания или активизации деятельности уже существующих культурных центров и церквей, ориентированных на определенную национальную категорию граждан. В целях воспрепятствования естественным процессам ассимиляции национального меньшинства, особенно молодежи, миссионеры обучают их национальному языку, знакомят с культурой и искусством и тем самым укрепляют религиозные и иные связи с родиной предков. В регионе, где проживают представители более 120 народов России, культурно-конфессиональная самоидентификация способствует как сохранению национальной самобытности, так и поиску основ межконфессионального и межэтнического диалога.

Кроме того, секулярность подавляющего большинства дальневосточного региона, отсутствие прочных религиозных традиций способствовало активной деятельности на данной территории миссионеров различных «нетрадиционных религий». В Приморском и Хабаровском краях конфессиональное разнообразие подобных новообразований значительно и включало в себя в начале XXI в. не менее 30–40 наименований [см.: 2].

Анализируя причины возникновения, нельзя обойти вниманием тот факт, что по своему характеру новые религиозные движения, как бы их не оценивали, представляют *контркультурные феномены.*

В нашей стране новые религиозные движения, различные культы и секты сформировались отчасти самостоятельно, на почве богоискательства, отчасти проникли к нам из-за рубежа. В результате современная Россия стала ареной повсеместного распространения разнообразных нетрадиционных религий, что можно рассматривать в качестве закономерности, свойственной большинству цивилизованных стран.

Хотя ряд факторов, порождающих религиозные новации одинаков, но несомненно, что определяющую роль в широком распространении в постсоветской России нетрадиционных религий сыграли особые обстоятельства. Сказалась неблагоприятная социальная и духовная атмосфера 1970-х – начала 1980-х гг., ее негативное воздействие на настроения в обществе подтачивало высокие нравственные ценности, присущие народу. В этой ситуации движение к «церкви и религии становится совершенно естественным – так же, как до революции было совершенно естественным движение к атеизму» [7, с. 13].

«Религиозное возрождение» привело к возникновению в России и таких явлений как: атеистофобия, религиозная нетерпимость и религиозный экстремизм.

Неприятие атеистического мировоззрения и религиозную нетерпимость чаще всего демонстрируют представители (священники и верующие, в том числе и представители государственной власти) господствующей религиозной традиции. Данные явления проявились даже на законодательном

уровне. Например, в 2013 г. был принят закон «О защите религиозных чувств верующих» [6].

Но наиболее сильным антикультурным следствием «религиозного возрождения» является религиозный экстремизм, значительно усилившийся в ходе культурно-национально-религиозной самоидентификации и миграционных процессов.

В последнее десятилетие понятие «религиозный экстремизм» употребляется все шире, и под ним понимается антигуманная деятельность, исходящая от религии.

Во многих, если не во всех, конфессиях можно обнаружить религиозные представления и соответствующие им действия верующих, которые имеют *антиобщественный характер*, т.е. в той или иной степени выражают неприятие светского общества и других религий с позиций того или иного религиозного вероучения. Это проявляется, в частности, в желании и стремлении приверженцев определенной конфессии распространить свои религиозные представления и нормы *на все общество.*

Основная цель религиозного экстремизма – *признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий* через их принуждение к своей системе религиозной веры.

Не существует ясного определения религиозного экстремизма. Это сложное комплексное социальное явление, существующее в трех взаимосвязанных формах: *как состояние сознания* (общественного и индивидуального), которому свойственны признаки: гиперболизации религиозной идее, придание свойств целого части социального явления; нигилизм и фанатизм; *как идеология* (религиозная доктрина, характеризующаяся однозначным объяснением проблем существующего мира и предложением простых способов их решений, разделением мира на «добро» и «зло»); приданием доминирующего положения одному из аспектов бытия не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей, игнорированием, нивелированием других норм); *как совокупность действий* по реализации религиозных доктрин.

Религиозный экстремизм имеет свои формы проявления: *внутриконфессиональный* (направлен на глубокую деформацию конфессии); *иноконфессиональный* (направлен на устранение других конфессий); *личностно-ориентированный* (направлен на деструктивную трансформацию личности); *этнорелигиозный* (направлен на преобразование этноса); *религиозно-политический* (направлен на изменение политической системы).

Экстремистские настроения получают подпитку в призывах создания в пределах нашего общества неких государственных образований с преимуществом одной религии – будь то православная Россия или мусульманский регион. Между тем именно *равенство и свободное развитие* этноконфессионального своеобразия всех народов, связавших свою историческую судьбу с Россией – залог сохранения уникальной российской цивилизации. Её специфика требует осмотрительности при любом обсуждении,

а тем более принятии решений по вопросам, затрагивающим интересы этноконфессиональных групп и общностей.

В 2016 г. в Российской Федерации был принято антитеррористическое законодательство, получившее название «Пакет Яровой-Озерова» или просто «Закон Яровой».

«Пакет Яровой-Озерова» внес путаницу в законодательство в сфере религиозной политики. Существовавший до июня 2016 г. закон устраивал все религиозные объединения, а сейчас лидеры и прихожане самых разных церквей и движений недоумевают: что это за государство, которому доставляет удовольствие через полицейских и ФСБ штрафовать баптистов, пятидесятников, индуистов и пр., депортировать иностранцев, которые решили помолиться в России?

Поправка к ФЗ-125 в виде 24 статьи была включена в антитеррористический пакет «Закона Яровой» и в контексте этого пакета должна служить делу борьбы с террористами и экстремистами. Практика же применения этой поправки показала, что она применяется, причем противоправно, к организациям, не имеющим ничего общего с экстремизмом и терроризмом – в основном к протестантам и новым религиозным движениям.

Законодатели утверждали, что принятые нормы будут, помимо борьбы с экстремизмом, защищать чувства всех верующих, но создается впечатление, что защищают чувства лишь определенных верующих, а чувства остальных оскорбляют терминами «секта», «деструктивный культ», «тоталитарная секта» и т.п.

В настоящее время уголовное преследование за веру, сопровождающееся грубыми обысками и арестами законопослушных граждан, происходит в 7 из 8 регионов Дальневосточного федерального округа, а именно: в Республике Саха (Якутия), в Амурской, Магаданской и Еврейской автономной областях, Приморском, Хабаровском и Камчатском краях. Правоохранители ошибочно принимают совместное вероисповедание граждан за участие в экстремистской организации.

Можно по-разному относиться к Свидетелям Иеговы и любым другим религиям, но всех нас должно серьезно беспокоить, что в России начались посадки за «неправильную» веру, за «создание отрицательного образа церковнослужителей РПЦ». СМИ цинично преподносят эти посадки как «борьбу с экстремизмом». Ситуация особенно абсурдна ввиду того, что, согласно постановлению Верховного суда от 28 июня 2011 г., критика других религий не может считаться экстремизмом.

Решение Верховного Суда РФ в отношении организации Свидетели Иеговы вынуждает последних обращаться за защитой в международные суды, вести миссионерскую деятельность за пределами страны (дальневосточные Свидетели активно проповедую в Республике Корея), что, безусловно, не служит формированию положительного имиджа нашей страны в глазах мирового сообщества. Кроме того, загнанные в подполье верующие вряд

ли захотят когда-либо еще легализовать свою деятельность в России, а для других религиозных организаций, на которые навешивают ярлык «нетрадиционные», этот пример может стать поводом к отказу от официальной деятельности, т.е. отказу от регистрации в какой-либо форме.

Еще одна проблема «Закона Яровой» связана с ведением в КоАП санкций за нарушение требований по маркировке литературы для религиозных организаций. Совершенно непонятно, как отделить личную религиозную литературу от литературы религиозных организаций.

Отсутствие в Российской Федерации единой концепции государственно-конфессиональных отношений приводит к тому, что трактовка поправок к религиозному законодательству по-разному производится в различных регионах и ведомствах, что приводит к росту межконфессиональной напряженности и повышению уровня социально-политической опасности, исходящий из современной религиозной ситуации в России.

Подводя итог нашим рассуждениям необходимо отметить, что так называемое «религиозное возрождение» помимо положительных породило значительно количество отрицательных культурных последствий, с которыми наша страна ранее не сталкивалась.

Список литературы

1. Дударёнок, С.М. Конфликт и толерантность в религиозной сфере постсовесткой России: проблемы и перспективы / С.М. Дударёнок // Религия и гражданское общество в России: преодоление стереотипов и социальное служение : материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России (преодоление нетерпимости и экстремистских тенденций)» (Москва, 7 июня 2011 г.) / под ред. А.А. Красива, Р.Н. Лункина. – Москва : Издат. дом «Юриспруденция», 2012. – С. 39–57.

2. Дударёнок, С.М. Нетрадиционные религии на российском Дальнем Востоке: история и современность / С.М. Дударёнок. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2004. – 532с.

3. Дударёнок, С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветских период / С.М. Дударёнок // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – Вып. 52. – С. 323–345.

4. Дударёнок, С.М. Религиозная жизнь российского Дальнего Востока и свобода совести / С.М. Дударёнок // Религиозная жизнь российских регионов и предотвращение религиозного экстремизма : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт- Петербург, 2–3 октября 2018 г.) / сост. и науч. ред. М.Ю. Смирнов. – Москва : Перо, 2019. – С. 45–68.

5. Трофимчук, Н.А. Экспансия / Н.А. Трофимчук, М.П. Свищев. – Москва, 2000.

6. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан : федер. закон [от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ, Принят Гос. Думой 11 июня 2013 г. Одобрен Советом Федерации 26 июня 2013 г.]. – Москва. – URL: //https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html (дата обращения: 01.09.2019 г.)

7. Фурман, Д.Е. Религия, атеизм и перестройка / Д.Е. Фурман // На пути к свободе совести. – Москва, 1989. – С. 15.

УДК 339.522(571.6)(091)

Зеленская С.Ю.[*], г. Хабаровск, Россия

ИНОСТРАННЫЕ КОНСУЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Консульское учреждение – это зарубежная государственная структура, которая осуществляет свою деятельность не на территории всего государства пребывания, а на территории его одной или нескольких административно-территориальных единиц. Наличие иностранного консульского учреждения на территории того или иного региона иностранного государства может сказать о многом: об экономическом интересе определенного государства к данной территории, о посещаемости ее гражданами этого государства, о культурной общности представляющего государства и государства пребывания.

Ключевые слова: консульство, консульское учреждение, торговое представительство, консульская конвенция, трактат, консульские функции, Дальний Восток, функции консульств, исторический аспект.

Zelenskaya S.Y., Khabarovsk, Russia

FOREIGN CONSULATES IN THE RUSSIAN FAR EAST: HISTORICAL ASPECT

A consular office is a foreign state structure that carries out its activities not on the territory of the entire receiving state, but on the territory of its one or several administrative-territorial units. The presence of a foreign consular office in the territory of a particular region of a foreign state can say a lot: about the economic interest of a certain state to this territory, about the attendance of its citizens of this state, about the cultural community of the representing state and the receiving state.

Key words: Consulate, consular institution, trade representation, consular Convention, treatise, consular functions, Far East, functions of consulates, historical aspect.

В настоящее время Российская Федерация поддерживает консульские отношения более чем со 170-ю различными странами. Это означает, что, с одной стороны, большое количество российских консульских учреждений работает на территории иностранных государств, с другой стороны, множество иностранных консульств осуществляют свою деятельность на территории России, так как консульские связи устанавливаются на основе взаимности.

Консульское учреждение – это зарубежная государственная структура, которая осуществляет свою деятельность не на территории всего государ-

[*] **Зеленская Светлана Юрьевна**, старший преподаватель кафедры «Таможенное право и служебная деятельность» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Zelenskaya Svetlana Yurievna, Senior Lecturer of the Department of Customs Law and Official Activities at Far Eastern State Transport University.
E-mail: potina.rohan@yandex.ru

ства пребывания, а на территории его одной или нескольких административно-территориальных единиц. Территория, на которой работает консульство, называется консульский округ.

В круг полномочий консульства входят следующие функции: защита интересов граждан и юридических лиц своего государства за рубежом; налаживание культурных, экономических и научных связей; обязанности регистратора актов гражданского состояния и органа опеки; паспортно-визовая работа; представительство своих граждан в судах и государственных учреждениях государства пребывания; надзор за судами и самолетами, имеющими национальность своего государства [7, с. 103–143].

Таким образом, наличие иностранного консульского учреждения на территории того или иного региона иностранного государства может сказать о многом: об экономическом интересе определенного государства к данной территории, о посещаемости ее гражданами этого государства, о культурной общности представляющего государства и государства пребывания и т.д. В этом плане достаточно показательна история деятельности иностранных консульств на территории российского Дальнего востока.

Дальневосточной окраиной России традиционно больше интересовались государства, расположенные неподалеку, т.е. в северной части азиатско-тихоокеанского региона. Самым «старшим» документом, это подтверждающим, является Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Соединенными Штатами Америки 6 (18) декабря 1832 г. [1, с. 230–258].

Положение, содержащееся в статье 8 названного трактата, позволяет предположить, что это первый документ, юридически закрепляющий консульские отношения России и Америки: «Той и другой из договаривающихся Сторон предоставляется право иметь в обоюдных своих портах Консулов, Вице-Консулов, Агентов или Комиссаров по своему выбору…». Однако, фактически консульские связи, скорее всего, существовали и ранее.

Трактат был заключен в 1832 г., что дало возможность сразу открывать консульские учреждения в европейской части Российской Империи, а вот в дальневосточной ее части все произошло несколько позже. Самым первым консульским, даже не учреждением, а постом стало торговое агентство в городе Николаевске, расположенном в устье Амура. До 1880 г. Николаевск был административным центром Приморской области. Торговое агентство функционировало с 1856 по 1874 г., а в 1874 г. американский консул был назначен в город Петропавловск. Как звали этого человека, добрался ли он до места службы, данных не сохранилось [10, с. 2].

Следующим американским консульским должностным лицом на территории Дальнего Востока стал Уильям Б. Мортон, первый иностранный консул, начавший свою работу в городе Владивостоке. Именно американцам принадлежим «пальма первенства» в «дипломатическом открытии» российского Дальнего Востока. Мортон был назначен на должность 11 марта

1875 г. Он не имел консульского аппарата и больше выступал не как дипломат, а как торговый представитель. 12 августа 1876 г. он по неизвестной причине вынужден был прекратить свои полномочия. Пост американского консула во Владивостоке был ликвидирован на 22 года [8, с. 3].

21 мая 1898 г. во Владивосток был назначен новый консул Ричард Т. Гринер, статус которого вскоре был изменен. В декабре 1898 г. по настоянию русского правительства, которое не захотело допускать деятельности иностранных консулов в Сибири и к востоку от нее, Гринер стал коммерческим агентом. Этот статус мешал ему исполнять консульские обязанности: государственный департамент Соединенных Штатов не разрешил ему выдавать паспорта и визы. Гринер был отозван в США в ноябре 1905 г.

20 ноября 1905 г. во Владивосток прибыл коммерческий агент Роджер С. Грин. Русское правительство признало его как консула в июне 1906 г., разрешив открыть на базе коммерческого агентства американское консульство, но в конце марта 1907 г. он был переведен в более важное, с точки зрения торговых интересов США в северо-восточной Азии, место – в город Дальний. На смену Грину пришел Пол Нэш, исполнявший обязанности консула с 8 июня 1907 г. по 8 марта 1908 г. Его преемником стал Лестер Мэйнард, вступивший в должность 15 марта 1908 г. [8, с. 3].

Мэйнард проявил большую активность в изучении Приморья и всего русского Дальнего востока, содействовал привлечению американских фирм к развитию торгово-экономических отношений с Сибирью и Дальним востоком. Владивосток, благодаря его усилиям, стал форпостом США в России: через него шел весь экспорт и импорт различного сырья и товаров. Учитывая объем работы, госдепартамент увеличил штат консульства: были введены должности вице-консула, секретаря и переводчика.

Однако 31 августа 1911 г. Мэйнард был переведен в Харбин на аналогичную должность. Его сменил консул Джон Ф. Джуэлл, приступивший к исполнению своих обязанностей в ноябре 1911 г. и продолжавший свою службу до конца августа 1914 г. С 6 сентября 1914 г. по сентябрь 1920 г. американским консулом во Владивостоке был Джон К. Колдуэлл, который осуществлял свою деятельность на фоне первой мировой войны, февральской и октябрьской революций 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке России. При нем штат консульства был увеличен еще на двух человек [8, с. 3].

Штат был увеличен в связи с тем, что увеличился объем консульской работы. Предшествующие консулы оказывали услуги местному американскому сообществу, которое исчислялось несколькими сотнями, а вот господину Колдуэллу пришлось взять на себя дополнительные функции. С января 1918 г. в портах Владивостока была размещена американская морская эскадра, в состав которой входили и британские военные суда, а 3 августа того же года американские войска, при участии небольших контингентов британских и французских войск, общей численностью 9000 че-

ловек начали высадку в городе [4, с. 2]. Считается, что решение президента США Вильсона о высадке экспедиционного корпуса во Владивостоке принято на основании донесений Колдуэлла в госдепартамент. Данные донесения содержали информацию, искажающую реальную политическую ситуацию на Дальнем Востоке. Официальной версией, оправдывающей вторжение, была объявлена защита находящихся здесь американских граждан, но фактически США создавали противовес Японии, которая имела притязания на территорию российского Дальнего Востока.

Японские военные суда появились вблизи Владивостока в одно время с американскими, но японские военные моряки сошли на берег «для защиты японских граждан» уже 5 апреля 1918 г. Общая численность японского военного контингента в Сибири и на Дальнем Востоке составила 70000 человек. Он был выведен в октябре 1922 г. Американцы покинули российский Дальний Восток в апреле 1920 г.

Юридическое оформление консульских связей с Китаем ознаменовано целым рядом соглашений, следующих одно за другим: Торговый трактат, заключенный в Кульдже (или) 25 июня 1851 г. с Китаем (Дайцинским государством) [2, с. 258–270]; Трактат, заключенный в Тянь-цзине 1 июня 1858 г. [3, с. 271–290]; Дополнительный договор, заключенный в Пекине 2 ноября 1860 г. [4, с. 292–300]; Договор с Китаем от 12 февраля 1881 г. [5, с. 305–320].

Первый документ декларирует возникновение консульских отношений между Россией и Китаем, остальные конкретизируют эти отношения. «Для наблюдения за делами русских подданных определяется со стороны России Консул, а за делами китайского купечества чиновник из Илийского главного управления…» [2, ст. 2]. Далее, «Китайское Правительство может… назначать своих Консулов в столицах и других городах Российской Империи» [4, ст. 8]. Однако, первый китайский консул, а не торговый чиновник, был назначен на должность только 5 января 1916 г., когда китайскому посланнику в Петрограде было предписано из Пекина донести до сведения русского правительства, что на учрежденную в Иркутске по соглашению России и Китая должность консула назначен Гуань Шан-бин [9, с. 83].

Самым «молодым» по времени возникновения соглашением, относящимся к стадии становления консульских связей российского Дальнего Востока, является Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Японией 27 мая 1895 г., в котором, среди прочего, говорится, что «каждая из Высоких договаривающихся сторон будет иметь право назначать Генеральных Консулов, Консулов, Вице-Консулов, Проконсулов и Консульских агентов во всех портах, городах и местах другой стороны, за исключением местностей, где допущение Консульских чинов оказалось бы несоответственным» [6, ст. 15].

Однако, несмотря на то, что указанный Трактат был подписан в 1895 г., в 1876 г. во Владивостоке уже было открыто японское коммерческое агентство, выполнявшее некоторые консульские функции, деятельность

которого продолжалась примерно до 1898 г. [10, с. 2]. После чего консульские связи России и Японии были, предположительно, прерваны.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. интересы Японии во Владивостоке представлял американский консул или коммерческий агент Ричард Т. Гринер. Известно, что, по сведениям японского МИДа, к началу 1916 г. в Восточной Сибири проживало 40.554 японских подданных. Такое количество населения нельзя было оставить без консульского обслуживания [9, с. 144].

Свои коммерческие агентства во Владивостоке с 1898 г. имели также Австрия, Бельгия, Германия,

Октябрьская революция 1917 г. внесла коррективы в международные отношения. На территории бывшей Российской империи появилась Советская Россия – государство-правопреемник. Иностранным государствам необходимо было решить поддерживать или нет отношения с новым государством, в том числе и консульские связи.

Список литературы

1. Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Соединенными Американскими Штатами 6 (18) декабря 1832 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 230–258.

2. Торговый трактат, заключенный в Кульдже 25 июня 1851 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 258–270.

3. Трактат, заключенный в Тянь-цзине 1 июня 1858 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 271–290.

4. Дополнительный договор, заключенный в Пекине 2 ноября 1860 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 292–300.

5. Договор с Китаем от 12 февраля 1881 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 305–320.

6. Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Японией 27 мая 1895 г. // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами (издано по распоряжению министра иностранных дел). – Санкт-Петербург : Тренке и Фюсно, 1902. – С. 322–332.

7. Венская конвенция о консульских сношениях и факультативные протоколы от 24.04.1963 // Действующее международное право. Т. 1. – Москва : Изд-во Московского независимого института международного права, 1999. – С. 103–143.

8. Буяков, А. США: 120 лет с Владивостоком / А. Буяков. – Владивосток, 1995. – С. 3.

9. Сборник по истории Китая, Монголии, Японии. – 1916. – 152 с.

10. Флойд, Д.М. Краткая история американского консульства во Владивостоке / Д.М. Флойд. – Владивосток, 1997. – С. 2.

УДК 111.12:130.122

Лушкина Т.А.*, г. Хабаровск, Россия

ПРОБЛЕМА САМОПОЗНАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется проблема самопознания в контексте восточных культур, исследуются вопросы стабилизации психоэмоционального состояния сознания, саморегуляции, медитативных практик.

Ключевые слова: самопознание, саморегуляция, медитация, самосозидание осознанная экзистенция, мировоззрение, интуиция.

Lushkina T.A., Khabarovsk, Russia

THE PROBLEM OF SELF-KNOWLEDGE IN ORIENTAL PHILOSOPHY

The article deals with self-knowledge as the basis of the Eastern worldview, stabilization of the psycho-emotional state of consciousness, self-regulation, meditative practices, conscious reflection as a way of self-improvement.

Key words: self-knowledge, self-regulation, meditation, self-creation conscious existence, worldview, intuition.

Успешная социализация индивида (усвоение норм и образцов, принятых в обществе), важна для цивилизованного государства, так как она является механизмом преобразования индивида в личность. Повышение уровня сознания, когнитивная целостность личности – залог успешного развития общества в целом. Но не только социальные институты ответственны за формирование личности. Самосознающий субъект через собственную реализацию и саморегуляцию способен выстраивать смысложизненные ориентиры, ведущие к успеху. Каждому из нас близка и понятна глубинная душевная неудовлетворенность, которая зовет открывать и исследовать свое внутреннее пространство. Мы познаем себя слабо, поверхностно. Эрих Фромм писал в книге «Бегство от свободы»: «Наивысшая сила индивидуума состоит в максимальном развитии его личностного потенциала, что подразумевает, прежде всего, всестороннее понимание собственного «Я». «Познай самого себя» – сила человека состоит в том, насколько глубоко он смог познать себя. Постижение себя, своей теневой стороны дает человеку энергию и бесценное знание о самой жизни, избавляет от иллюзий. Это трудный путь, но другого пути саморазвития нет. Стремление к истине и саморазви-

* **Лушкина Татьяна Алексеевна,** канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Lushkina Tatiana Alekseevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: tlushkina@list.ru

тию предполагает озарение бессознательных глубин личности; именно таков один из магистральных путей психотерапии» [9]. Ясперс осуждает тенденцию рассматривать любые психические события как нечто, наделенное по существу соматической природой, так как соматический предрассудок – это обсуждение в терминах анатомии, т.е. с точки зрения соматических, физических функций. Но «душа – не есть объект, она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Душа – это становление, развертывание, различение, в ней нет ничего окончательного и завершенного» [9].

Человек обладает волей, способностью и свободой преобразовывать и изменять мир, хотя и в известных границах. Нужно только понять, какие мотивы и стимулы побуждают человека развиваться и изменять поведение. Вся деятельность возникает из способности человека направлять свою волю на определенную цель и работать до тех пор, пока цель не будет достигнута. Его способность применять свои силы подобным образом является потенцией. Если человек из-за слабости, страха, некомпетентности или чего-то подобного не в состоянии действовать, то это приводит к разрушению внутреннего равновесия, и человек не может принять состояния полной беспомощности без того, чтобы не попытаться восстановить свою способность к действию. Созидание жизни, конкретное действие помогают человеку избавиться от невыносимых страданий пассивности. Продуктивное ориентирование способствует развитию. Цель моральных усилий состоит в том, чтобы укрепить жизнеутверждающую сторону в человеке, принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Это напряженная работа мысли и стремления познать окружающий мир и самого себя, осознанная рефлексия, самопознание и самосозидание. Это возможность и понимание экзистенциальной перестройки собственного внутреннего пространства каждого человека. Самоопределение и работа над собой, самоконтроль и целеустремленность, осознание своей самости может способствовать формированию полноценной личности, валоризации сознания все большего количества людей, улучшению нравственности в обществе. Методы самопознания и саморегуляции, лежащие в основе восточного мировоззрения дают конкретные способы понимания действительности и помогают справиться со стрессом, а значит, обрести здоровье и долголетие. Стремление познать себя и научиться саморегуляции заставляет современного человека обращаться за помощью к источнику вечной мудрости – к философии Древнего Востока. Доктрины Древнего Китая и Древней Индии рассматривают человека не просто как материально-телесное существо, а видят в нем биоэнергоинформационную систему, рассматривают человека в неотрывной связи с природой и Космосом.

Даосизм (дао цзяо) – китайская национальная религия опирается на трактаты «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Основой религиозного учения даосизма является учение о бессмертии и путях его достижения, которое утверждает, что человек не способный владеть своим телом, не может обрести Путь и им

владеть. (Ле-цзы VI–V вв. до н. э.). Идея постижения Пути, предполагает, что «второе рождение» начинается с воспитания привычки, взращивания характера, а в конечном счете достижения судьбы (Ле-цзы VI–V вв. до н. э.) [1].

Небезызвестно, что европейская культура стремится постичь смысл и содержание древнего искусства *кэмпо,* которое по сей день, остается сокровищницей знаний и уникальной возможностью попытаться осмыслить механизмы сознания и бытия человека. Японское слово *кэмпо* обозначает то же самое, что китайское *цюань-фа – «Учение кулака» или наука рукопашного боя.* Чтобы приблизиться к пониманию культурного феномена *кэмпо,* необходимо принимать во внимание историко-философские и религиозные источники Древнего Китая и Древней Индии [9].

Искусство *тайцзи-цюань* относится к даосской ветви *кэмпо*. Иногда Тайцзи-цюань, Ба гуа-чжан, Син-и и все прочие «внутренние» школы *(нэй-цзя)*, так называемого мягкого, или внутреннего, направления, объединяются понятием Удан-пай (направление Удан). *Кэмпо* акцентирует внимание на развитии энергетических способностей организма, и на управлении биоэнергией *Ци,* позволяющей усилить приемы рукопашного боя и создать внутренний энергетический каркас тела человека, что способствует здоровью и долголетию. «Древние даосы призывали «не смотреть глазами и не слушать ушами», одним словом – не искать опоры в чувственном восприятии и побороть привычку опираться на так называемый здравый смысл. Отказываясь от внешних – обманных – ориентиров, сбрасывая с себя тяжкое бремя общепринятого знания, навязываемое «цивилизованным обществом», и так возвращаясь к первозданной чистоте своей природы, мы счастливым образом обретаем способность быть как раз адекватными действительности». Очищение сознания, Пустота сердца (духа) лежат в основе мирпонимания *тайцзицуань,* соединяющего в себе даосские медитативные практики с искусством рукопашного боя. Это особое искусство, развивающее чувствительность к телесному опыту, это попытка соединить духовную практику и жизнь. Афоризм из Дао дэ цзин сообщает: «Мудрый развязывает все узлы до того, как они завяжутся» [5, с. 25–30].

Человек есть микрокосм. Достижение гармонии с Природой, внешним миром и самим собой – задача сложная и не вполне понятная для современного западного человека. С точки зрения даосизма в мире происходит постоянное взаимодействие Инь и Ян, которое проявляется через круговорот и взаимодействие пяти стихий. Трактат о внутреннем («Нэй-цзин») утверждает, что в человеческом организме имеется 12 жизненно важных органов, а точнее систем, которые тесно связаны с психической деятельностью человека. Обмен веществ и энергии происходит благодаря многократному и многообразному взаимодействию 6 органов «Инь» и шести органов «Ян» с определенными первоэлементами, что составляет огромное количество конфигураций. В графическом изображении взаимодействие внутренних органов представляет собой гексаграммы («Книга Перемен»).

Жизнедеятельность органов протекает благодаря энергии Ци, двигающейся по меридианам, и от нее зависит тонус, жизненность. Залогом здоровья и душевного равновесия служит уверенная циркуляция энергии в теле: «пропорция жизненной энергии Ци» (в индийской философии – «прана»).

К уравновешиванию энергии ведут занятия даосской йогой, гимнастические упражнения цигун, тайцзи-цуань, где смешиваются метафизические представления с медицинскими практиками акупунктуры, физиологии, психологии, аутогенной тренировки и гипноза. Ограничение в питании, тренировка дыхания и гимнастика – все это разрабатывалось в различных школах боевых искусств. Целью восточных боевых искусств является не преобразование внешнего мира, а преобразование себя. «В практике боевых искусств нашла применение «внутренняя» алхимия (нэй дань), которая представляет собой форму своеобразного йогического психофизического тренинга, направленного на радикальное преобразование психосоматических характеристик человека, или по-другому, на создание бессмертного тела и соответствующего ему просветленного сознания» [2]. Внешнее неотделимо от внутреннего. Несовершенное тело не станет обителью Духа. Но и дух не будет жить в слабом теле. Тело и дух должны быть едины. Целостность восприятия и мироощущения восточного мировоззрения предполагает отсутствие противоречий. Совершенствование тела и предельное развитие физических способностей должно было способствовать духовному очищению, ясности мысли, воспитанию гуманности, бесстрашия и решительности.

Осознанная экзистенция – путь к достижению блаженства. Как необходимое основание выбора, аргументации и обоснования личностной позиции убеждения, в качестве определенных способов внутренней самоорганизации, идентификации и адаптации человека в мире – восточная традиция просто бесценна. Сложный процесс самосовершенствования и саморегуляции предполагал нравственное очищение, искоренение пагубных соблазнов в душе, постижение нереального мира. Идея пустоты просветленного сердца (духа) служит стержнем как даосского, так и буддийского учения о познании. Лао-цзы характеризует пустоту как «максимум сосредоточенного достижения» человеческого духа. Чжуан-цзы – как «покой есть просветленность, просветленность есть пустота, пустота есть недеянье» [7, с. 30].

Задачи психотренинга Чань сводятся к осознанию Великой Пустоты, достижению состояния отрешенности (не -Я), к слиянию с мирозданием, к постижению нераздельности, недуальности бытия и относительности субъективных оценок, к взаимопроникновению субъекта (человека) и объекта, на который направлено его размышление и действие. Путь к Прозрению лежит через Созерцание и Действие. Осознание своего Пути достигается интуитивным прозрением. Практика психической саморегуляции с целью самосовершенствования, когда «отрегулированная» нервная система мобилизует все внутренние ресурсы организма для единого действия, повышая энерги-

тическую мощность организма. Дар бесстрашия – залог раскрепощения духа-разума и избавление от мирских невзгод. Господство над эмоциями и таким образом господство над миром.

Достижение особого психофизиологического состояния связывалось с сердцем человека, которое как чистое зеркало отражает все сущее. Состояние покоя и просветленности достигается в процессе медитации – дыхательной практики сосредоточения, направленной на достижение уравновешенности ума, расслабленности тела, отрешенности, молчания ума, как мы это находим у Шри Ауробиндо Гхоша – выдающегося индийского мыслителя и поэта, основоположника интегральной йоги. «…Наше внутреннее безмолвие обладает силой. Если вместо того, чтобы отвечать на приходящие вибрации, мы сохраним абсолютную внутреннюю неподвижность, то мы увидим, что эта неподвижность **растворяет** вибрацию; вокруг нас возникает нечто, подобное снежной стене, которая поглощает и нейтрализует все удары» [6, с. 61–62].

Дипак Чопра – всемирно известный лидер в области психотелесной медицины и человеческих возможностей объясняет нам Духовные законы Успеха. В нашей жизни состояние разума, озабоченность будущим, беспокойство, которое не покидает человека, не дают ощутить связь с полем потенциальных возможностей. Для обретения механизмов сознания необходима медитация как способ достижения универсального состояния чистого безмолвия, неподвижности сознания. Мысли человека, напоминают волны бушующего океана. Слабое намерение может вызвать лишь круги (как от брошенного камня) на поверхности универсального сознания. Энергия любви объединяет все в этом мире. Любовь усиливает потенциал человека. Если его желание дарить и отдавать доставляют радость и счастье, значит, все приумножается. Принятие настоящего и несопротивление происходящему действуют как закон наименьшего усилия (Дипак Чопра) или недеянья. Сопротивление текущему моменту – борьба со Вселенной, не позволяют вступить в силу открытости. Нас повсюду окружает энергия и информация. Нашему сознанию присуще внимание и намерение. Намерение – это желание, очищенное от беспокойства и ориентированности на конечный результат. Те, кто не привязан к своим желаниям и конечному результату, легко достигают желаемого. Намерение быстро реализуется, так как непривязанность опирается на полную уверенность в силе истинного «Я» человека. Это открывает истинное духовное «Я», выполняющее предназначение – служить всему человечеству. Таковы семь духовных законов успеха [8].

Осознание исчерпанности ценностно-нормативных систем общества заставляет переосмыслить прежние регулятивы человеческого существования. Мировоззрение находит свое выражение в системе ценностей и идеалов человека и общества. Идея, помогающая интегрировать усилия в одном направлении, и удовлетворяющая потребности в осмысленной жиз-

ни, очень нужна современному человеку. Излишняя рациональность, ориентирование на пользу ведет к смещению ценностного приоритета, к замещению добра полезностью. Логика морального мышления стала подменяться этикой целесообразности. Утилитаризм и материализм ведут к определению ценностей по принципу пользы при совершенном равнодушии к истине. Жизнь заполнена средствами к жизни, а человек действует в соответствии с заданными обществом моделями. Страдающий от разорванности бытия, хаотичности и нестабильности, человек успевает удовлетворить лишь сиюминутные потребности. «Люди слишком мало верят в дух, а речь идет именно о духе, когда кто-нибудь пытается совершить такое движение, речь идет о том, что оно не является неким односторонним итогом dira necessitas(необходимости); и чем больше это движение разделено, тем более сомнительным выглядит то, что оно осуществлено нормально» [4, с.13]. «Великая пустота» оказывается новым мировоззрением, видением мира, новым мироощущением, успокоением духа, его безмятежностью, независимостью от окружающих людей и обстоятельств.

Список литературы

1. Баландин, Р. Кто есть кто в мире техники / Р. Баландин. – Москва : Вече, 2012.

2. Ванденко, В.А. Истоки внутренних боевых школ / В.А. Ванденко // Философские и психологиеские аспекты восточных единоборство : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013.

3. Веды. Ригведа. Брихадараньяка-упанишада IV.4.5 Древнеиндийская философия. Начальный период. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1963.

4. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – Москва : Республика, 1993.

5. Малявин, В.В. Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство / В.В. Малявин. – Москва : КНОРУС, 2011.

6. Сатпрэм. Шри Ауробиндо, или путешествие сознания. – Бишкек : Изд-во Инкоцентр РИА Новости, МП «Глобус», 1992.

7. Серова, С.А. Зеркало Просветленного духа / С.А. Серова. – Москва : Наука, 1979.

8. Чопра Дипак. Семь Духовных Законов Успеха. Практическое руководство по осуществлению вашей мечты : пер. с англ. Н. Шпет. – Киев : София; Москва : Гелиос, 2003. – 160 с.

УДК 008:279

Любицкая Г.С.[*], **Шевнин И.Л.**[**], г. Хабаровск, Россия

МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье рассматриваются механизмы сохранения традиционной культуры старообрядцев, обеспечивающей успешную социализацию, результативную адаптацию к новым условиям. Выделены основные идентификационные признаки, обеспечивающие целостность старообрядчества. Показана роль церковной культуры в формировании групповой и индивидуальной идентичности.

Ключевые слова: идентификация, механизмы идентификации, старообрядчество, поповцы, беспоповцы, старообрядческая культура, церковная культура, адаптация.

Lyubitskaya G.S., **Shevnin I.L.**, Khabarovsk, Russia

CULTURAL IDENTIFICATION OF THE FAR EAST OLD BELIEVERS

The article discusses the mechanisms of preservation of traditional culture of old believers, providing successful socialization, effective adaptation to new conditions. The basic identification signs ensuring integrity of old believers are allocated. The role of Church culture in the formation of group and individual identity is shown.

Key words: identification, identification mechanisms, old believers, Popovtsy, bespopovtsy, old believer culture, Church culture, adaptation.

Цивилизационный кризис, который переживает современное общество, тесно связан с аномией, состоянием ценностно-нормативного вакуума, что приводит к социальной дезинтеграци. Культурный разлом, связанный с утратой системообразующих ценностей, нарушает механизмы идентификации личности, лишая ее защиты в условиях ускорения общественного развития. Идентификация – это процесс формирования тождественности в ходе социального и эмоционального самоотождествления личности с социальной группой, усвоение ею норм, ценностей, стандартов поведения общности, к которой она принадлежит. Идентификация обеспечивает результативность социализации, благодаря сознательному соотнесению личности к осваемому статусу. Механизмом ее реализации выступает культура. Операционализация механизмов идентификации, обеспечивающим защищенность личности, позволяет выделить: нормативную систему

[*] **Любицкая Галина Степановна**, канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Lyubitskaya Galina Stepanovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.

[**] **Шевнин Иван Леонидович**, преподаватель гимназии № 7 г. Хабаровска.
Shevnin Ivan Leonidovich, the Teacher of Gymnasium № 7 (Khabarovsk).

действий, которую необходимо выполнять. Важными индикаторами являются отношения, в которые встраивается личность, и стиль поведения, который нужно освоить. Необходимым компонентом, включаемым в механизм идентификации, выступает персонализация эталона.

История старообрядчества, которое существует более трех столетий, демонстрирует появление культуры, обеспечивающей формирование социальной общности, отличающейся твердостью духа, трудолюбием, умением налаживать разнообразные социальные связи с окружающим миром. История России свидетельствует о значительном влиянии старообрядческих религиозных общин на модернизацию российского общества. Они стали средоточием рационального хозяйства, способствовали зарождению и становлению российского капитализма, дали большое количество крупных купцов и промышленников (Рябушинские, Морозовы, Гучковы и др.), сосредоточивших в своих руках 64 % всех российских капиталов, являлись успешными колонизаторами российских окраин [7, с. 78].

Старообрядческая культура, будучи по своей природе традиционной и тесно связанной с охранительным консерватизмом, не является архаичной. За более чем трехсотлетнюю историю существования, традиция обеспечивала не просто механическое воспроизводство образцов поведения, а модифицировала передаваемое содержание. В повседневной жизни между людьми в формируемый ими опыт исключались архаические формы отношений, включались инновации, не разрушающие базовые основания жизнедеятельности. Не изменяя церковной традиции, сохраняя богослужебные практики, сформировавшиеся до XIV в., старообрядцы конструировали, социальную реальность, выстраивая отношения с социальными институтами, общественными организациями, инославными и представителями различных социальных групп. В этих условиях появились стандарты поведения и нормы, регулирующие связи старообрядцев с миром и формирующие устойчивые с ним отношения. Положение старообрядцев как хранителей древнеправославной религиозной традиции не исключало разнообразия моделей поведения в экономической и социальной деятельности.

Российское государство рассматривало старообрядчество как перспективный колонизационный элемент в заселении окраин России, в частности, в освоении территорий Дальнего Востока. Для решения этой задачи требовался высокий уровень культуры переселенцев. Сохранению русской культуры способствовала устойчивая религиозная идентичность и определяемые ею формы жизнеустройства в соответствии с религиозной традицией. Старообрядцы стали наиболее многочисленной группой русских жителей на юге Дальнего Востока, обладающих мощным адаптационным потенциалом в освоении новых земель [5, с. 128].

Религиозная организация дальневосточного старообрядчества представляла собою крайне пёструю картину: здесь были представлены основные старообрядческие согласия: беспоповцы, беглопоповцы, старообрядцы, приемлющие Белокриницкую иерархию (поповцы) и др.

Целью старообрядцев было сохранение и воспроизводство церковной жизни, что требовало общения с местной администрацией. В результате в новых социальных условиях старообрядцы приспосабливали свою систему действий и поведения к новым обстоятельствам. Характеристика поведения определялась ценностнорациональными действиями: трудовая деятельность, социальные связи подчинялись главной цели: выбрать место для поселения с последующим восстановлением образа жизни в соответствии с религиозными ценностями. Хозяйственная этика старообрядцев, несмотря на схожие признаки с протестантской этикой, – трудолюбием и бережливостью, строились на других идейных и мировоззренческих основах. Для старообрядцев характерно сохранение древнеправославного богослужения и, соотвественно, жизненного уклада. Протестанты ориентировались на преодоление средневекового универсализма и изменение религиозной традиции. Сотериологические установки старообрядцев, связанные с идеей спасения души, были направлены на благотворительность, добрые дела, которые способствуют обретению спасения. Для протестанта должным поведением выступают добросовестный труд и бережливая жизнь, которые и обеспечивают спасение человека. Природа хозяйственной деятельности старообрядцев хотя и была не лишена прагматизма, но ее целью являлось создание условий для восстановления религиозной жизни и соответствующей ей условий жизнедеятельности.

Старообрядчество нельзя воспринимать как реликтовую группу, которая сохранила средневековую древнерусскую идентичность. Данный социальный феномен сложился под воздействием внешних условий – гонений на староверов, что обеспечило реакцию строгой самоизоляции. Вследствие напряжения сложились оптимальные условия для сохранения верования, основных признаков быта, связанных с верой, и качественных сдвигов в структуре личности. Данные обстоятельства способствовали появлению культуры, которая обеспечила механизм идентификации социальной общности, отличающейся от других представителей российского этноса.

Проблема религиозной идентичности старообрядцев анализируется многими авторами. В работах Аргудяевой Ю.В. [1; 2], Данилко Е.С. [3], Поздеевой И.В. [7], Матющенко В.С. [6] рассматриваются основные механизмы сохранения целостности группы, ее воспроизводства в условиях иной культуры без неизбежной в таких ситуациях элементов ассимиляции. Особое внимание уделяется взаимоотношениям с внешней средой, моделям адаптационного поведения. Данилко Е.С. указывает на духовные и хозяйственные механизмы сохранения целостности старообрядцев на территории Южного Урала. Поздеева И.В. обращает внимание на охранительный консерватизм старообрядцев, позволяющий им без разрушения традиционных устоев внедрять инновации в старообрядческую среду. Аргудяева Ю.В. рассматривает условия формирования адаптационных механизмов старообрядчества на Дальнем Востоке.

Все исследователи сходятся в том, что к главному идентификационному признаку, сохраняющему традиционное поведение общности, относится соотнесение себя со своей культурной традицией через дихотомию «мы (свои) – они (чужие)», что позволяет ограничивать и создавать пространство, где обеспечиваются условия для формирования модели поведения, ориентированной на старообрядческую культуру [3, с. 9]. Считая себя «истинно верующими» старообрядцы дистанцируются от «мирских» и «никониан». Последнее понятие более узкое и относится к представителям официального православия. Отношения с ними строятся на основе правил Православной церкви, регламентирующих контакты с еретиками [3]. Подобные отношения характеризуют и взаимодействие между поповцами (старообрядцы, приемлющие священство Белокриницкой иерархии) и беспоповцами (после религиозного раскола, не приемлющими священство): существуют канонические запреты на совместную молитву, не приветствуются межконфессиональные браки. Субконфессия беспоповцев отличается большей закрытостью от мира. Это приводило к их постоянной миграции в поисках районов, где бы они не соприкасались с иноверцами и с представителями местной администрации. Поведение беспоповцев отличалось большей приверженностью к сохранению древнерусских традиций. Они осваивали места, удаленные от наиболее заселенных территорий, способствуя глубокому освоению Дальнего Востока.

Анализ механизмов идентификации старообрядцев позволяет выявить ее основные ориентации: духовные, социальные, хозяйственные. Ядром старообрядческой культуры является ее духовная составляющая – церковная культура. Именно она определяет формирование религиозного мировоззрения. Главным идентификационным признаком выступает богослужебная традиция: форма богослужения, отношение к таинствам, почитание святых. Она проявляет себя в обрядах крещения, венчания, погребения, которые являют собой не только внешнее соответствие древнему благочестию, но связь со всей многовековой канонической традицией православия. Обряды выступают главным идентификационным признаком понимания и принятия догматов христианства и определяют групповые границы. В такой системе любое нарушение обряда означает отступление от религиозной традиции, и это касается как церковной, так и внецерковной сферы. Нарушение «правильного» облика и поведения индивида в повседневной жизни осознается как утрата благочестия и принадлежности к конфессиональной общности.

К канонам церковной традиции, отличающим старообрядческую форму богослужения, относятся использование старинных книг, крюкового пения, характерного для древнеправословия, дореформенных икон. Они выступают совокупностью этноконфессиональных символов, позволяющим старообрядцам идентифицировать себя с истинным православием.

Богатые социальные связи в хозяйственно-бытовой сфере не затрагивали религиозную традицию, но ограничивались ею и способствовали органической интеграции инноваций, обеспечивающих успешность адаптации старообрядческих общин.

В местах поселения на Дальнем Востоке старообрядцы оказались среди аборигенов: удегейцев, нанайцев, нивхов и других народов-язычников, опыт взаимодействия с природой которых они использовали в хозяйственной деятельности. В отличие от китайцев и японцев, общение которых с аборигенами строились на неравноправных отношениях, старообрядцы ценили умения и знания об окружающей природе коренных народов[1]. С другой стороны, данное соседство способствовало усилению противостояния себя как истинно верующих иноверцам и укрепляло этническое самосознание, отождествляемое с религиозным. Это противостояние не приводило к конфликтам. Будучи закрытой группой, противясь новинам, старообрядцы обеспечивали социодинамику культуры, обогащая ее в ходе внутриэтнической ассимиляции. Культура старообрядцев Дальнего Востока складывалась в процессе длительных миграций через азиатскую Россию, благодаря взаимодействию с единоверцами, проживающими по всей России. Этому способствовало и переселение на Дальний Восток зарубежных старообрядцев из Румынии, Австрии, Турции, Болгарии. Особенно это было характерно для бытовой сферы: проявлялось в разнообразной кухне, одежде, включающей этнические элементы разных народов и т.д.

Семейно-брачные отношения старообрядцев отличались особой жесткостью и разрешались только с единоверцами: даже браки между поповцами и беспоповцами не приветствовались, но, тем не менее, случались. При этом вступали в силу правила обычного права: жена должна была принять веру мужа. Взаимодействие старообрядцев из различных регионов, оказавшихся на Дальнем Востоке, содействовало обогащению этнокультурных процессов. Этому способствовали производственные отношения с аборигенами и восточно-азиатскими народами. Но при этом сохранялся религиозный традиционализм, основу которого составляла религиозная каноническая культура.

Дистанцируясь от мира, не поминая царя в молитвах, старообрядцы, тем не менее, считали себя подданными российского государства: законопослушность и ответственность характеризовали выполнение ими гражданского долга. Их успешным отношениям с миром способствовала высокая грамотность, что определяло их результативность в налаженном делопроизводстве хозяйственной деятельности. Для старообрядцев было характерно отношение к природе как объекту, сотворенному Богом, и поэтому требующему бережного отношения. И хотя природные объекты лишаются для христианина своей самоценности, выступают в качестве объекта прагматической деятельности, тем не менее, хищническое отношение к природе им не было свойственно [4].

Следует отметить, что на Дальнем Востоке, попав в места, где земледелие не могло обеспечить нормальное проживание семьи, они использовали все возможности, которые давала окружающая природа, например, быстро освоили мараловодство, приручая изюбров. Покинув СССР и оказавшись в Китае, они стали заниматься тигроловством, поставляя пойманных зверей в

зоопарки страны [2]. Переселившись на Аляску, занялись строительством лодок для ловли палтуса. Сегодня в поселке Николаевске (Аляска, США) ими организован туристический бизнес: ловля палтуса для туристов.

История старообрядчества показывает пример сохранения национальной самобытности, цивилизационной целостности в истории и способности к импульсу, обеспечившему органическое соединение традиционности и новаторства без подражательства на собственных социально-экономических стратегиях [7].

Современное общество риска (Бек) с его изменчивостью предлагает такие формы идентичности, которые ведут к конфликту между личностью и обществом. В современном мире с его повышенной социальной динамикой усложнение социального развития закономерно приводит к трудностям обретения социальной идентичности. Механизмы культурной идентификации, обеспечиваемые массовой культурой, приводят к появлению потребителя, ориентируемого на гедонистическую модель поведения. История старообрядчества демонстрирует процесс идентификации, формирующий модель поведения, выстроенный религиозной культурой. Стратегией поведения строилась по принципу сохранения и воспроизводства культуры, когда внедрение инноваций происходило без разрушения традиционных скреп культуры.

Список литературы

1. Аргудяева, Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева : материалы, комментарии / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток : ДВО РАН, 2007. – 272 с.

2. Аргудяева, Ю.В. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы / Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Дальнаука, 2013. – 428 с.

3. Данилко, Е.С. Механизм сохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07. 00.07 / Е.С. Данилко. – Москва, 2007.

4. Любицкая, Г.С. Религиозное мировоззрение старообрядцев и их социально-экологические практики / Г.С. Любицкая, И.Л. Шевнин // Власть и управление на Востоке России. – 2017. – № 4(81). – С. 223–229.

5. Любицкая, Г.С. Старообрядческая церковь (Белокриницкой иерархии) в первой четверти XX в. и адаптация к условиям Дальнего Востока России и Китая / Г.С. Любицкая, И.Л. Шевнин // Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. – Т. I. – С. 127–134.

6. Матющенко, В.С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области / В.С. Матющенко. – Благовещенск, 2014.

7. Поздеева, И.В. В поисках прошлого ради будущего. Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе : труды III Международной научной конференции (Мир старообрядчества. Вып. 9). – Москва : Археодоксия, НТК, 2019, С. 9–54.

8. Рябушинский, В. Старообрядчество и русское религиозное чувство / В. Рябушинский. – Москва : 2010. – 250 с.

9. Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря / под ред. С.Г. Вургафт, И.А. Ушакова. – Москва : Церковь, 1996.

УДК 352.075(091)(571.63)

Ляхов Д.А.*, г. Хабаровск, Россия

СТРУКТУРА ОРГАНОВ ВЛАСТИ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИМОРЬЕ (ФЕВРАЛЬ-НОЯБРЬ 1920 ГОДА)

Статья посвящена анализу политического устройства Приморья в период нахождения у власти Временного Правительства Приморской областной земской управы в феврале-ноябре 1920 г.

Ключевые слова: Дальний Восток, Гражданская война в России, правые социалисты, политическое устройство, Временное Правительство Приморской областной земской управы.

Lyakhov D.A., Khabarovsk, Russia

STRUCTURE OF AUTHORITIES OF BOURGEOIS-DEMOCRATIC STATE FORMATION IN PRIMORYE REGION (FEBRUARY-NOVEMBER 1920)

The article is devoted to the analysis of the political structure of Primorye during the period of the Provisional government of the Primorsky regional Zemstvo in February-November 1920.

Key words: Far East, Civil war in Russia, right-wing socialists, political structure, Provisional Government of Primorsky regional Zemstvo.

Сегодня руководство России в условиях мирового кризиса для адекватного ответа на вызовы времени вынуждено модернизировать не только экономические отношения внутри страны, но и ее политическую систему. В то же время различные оппозиционные группировки выступают с рядом своих предложений по данному вопросу. Выдвигаются многочисленные проекты реформ государственного управления от ультралевых до монархических.

В данном ключе, на наш взгляд, особенно интересны события Гражданской войны 1918–1922 гг. В ее ходе различные силы развернули борьбу за реализацию собственной модели постреволюционного устройства страны. В рамках изучения этого процесса большую значимость представляет исследование альтернатив политического развития Дальнего Востока в 1920–1922 гг.

Одним из наиболее интересных вариантов представляется попытка создания в Приморье правосоциалистического государственного образова-

* **Ляхов Денис Алексеевич,** канд. ист. наук, директор центра научно-методической работы и развития информационных технологий Государственного архива Хабаровского края.
Lyakhov Denis Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Director of the Center for Scientific and Methodological Work and Development of Information Technologies, State Archive of the Khabarovsk Krai.
E-mail: vispacem@inbox.ru

ния под эгидой Временного правительства Приморской областной земской управы (ВППОЗУ).

ВППОЗУ, которое возглавил А.С. Медведев, первоначально выдвинуло умеренную либеральную программу. В обращении к населению Приморской области от 31 января 1920 г. объявлялось, что новая власть будет стремиться к восстановлению народоправства, законности, правопорядка, политических свобод, народного хозяйства, мирному прекращению интервенции и Гражданской войны [1, л. 29]. Ему удалось добиться освобождения политзаключенных, взятых под стражу колчаковскими властями, и закрытия реакционных газет. При этом правые социалисты не собирались препятствовать оформлению и деятельности массовых организаций рабочих [1, с. 174–178].

Политическая структура Приморского земского государственного образования законодательно начала выстраиваться весной 1920 г.

20 апреля 1920 г. А.С. Медведев на совещании представителей общественных организаций и политических партий объявил ближайшие цели и задачи Приморского земского правительства, подтвержденные позднее в правительственных декларациях. В данных документах намечалась единая, «приемлемая всеми слоями населения», основа политического и экономического строительства нового государственного образования. «Основа эта – построение верховной власти на принципах народовластия, а в области хозяйственно-экономической жизни края – неуклонная защита справедливых интересов труда и предоставление широкой возможности для проявления здоровой частной инициативы капитала в области торговли и развития производительных сил на территории нашего Дальнего Востока» [3, л. 48].

В перспективе оптимальным вариантом политического устройства для объединенного Дальнего Востока согласно установкам правых социалистов виделась парламентская республика. Главную роль в системе государственного управления должно было играть избранное всем населением Народное собрание, которое должно было формировать правительство, несшее ответственность перед парламентом [3, л. 49].

В конце апреля 1920 г. началась разработка основных нормативных актов, юридически устанавливающих полномочия различных ветвей власти в рамках создаваемого буферного государства под эгидой ВППОЗУ.

Высшим законодательным органом власти должно было стать Временное Народное собрание Дальнего Востока. Его полномочия оговаривались в опубликованном 25 мая 1920 г. «Положении о выборах во Временное Народное собрание Дальнего Востока» [6, л. 1об.–3]. Согласно данному документу, депутаты Временного Народного собрания Дальнего Востока избирались от сельского населения по волостям, станичным округам и другим соответствующим административным единицам; от городского населения по городам и поселкам городского типа; от организаций торгово-промышленного класса (имелись в виду биржевые комитеты и торгово-промышленные палаты); от производственных и профессиональных рабочих союзов; от политических партий [6, л. 1об.].

Избрание по волостям производилось волостными земскими собраниями или другими представительными органами, заменяющими земские собрания; по станичным округам и другим административным единицам – соответствующими представительными органами самоуправления. От каждой сельской единицы предполагалось избрать по одному депутату. Если позволяли местные условия, то можно было провести прямые выборы непосредственно населением этих избирательных единиц на основе всеобщего избирательного права. Решение данного вопроса возлагалось на местные представительные органы самоуправления. В таком случае избирательным правом пользовались лица, имеющие право участвовать в выборах волостных земских гласных. Сами выборы производились на основе «Положения о выборах волостных земских гласных» от 21 мая 1917 г. с некоторыми изъятиями [6, л. 2об.].

В городах избрание депутатов производилось путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. От каждого городского поселения, в котором действовало поселковое управление по закону от 15 июля 1917 г., в Народное собрание избиралось по одному депутату. Число членов, подлежащих избранию от городских поселений, в которых было введено Городское Общественное Управление, определялось в зависимости от установленного законом числа гласных городских дум данного городского поселения и составляло 1/8 часть данного числа (округление производилось по правилам математики). От Никольска-Уссурийского (39 гласных) избиралось 5 депутатов, от Хабаровска (58 гласных) – 7 депутатов, от Благовещенска (67 гласных) – 8 депутатов и т.д. [6, л. 2]. При этом от Владивостока в качестве исключения избиралось 25 членов Народного собрания. Выборы от городских поселений производились согласно правилам о выборах гласных городских дум от 15 апреля 1917 г. с теми же изъятиями, что и при производстве выборов в сельской местности [6, л. 2об., 3].

От предпринимательских кругов избрание депутатов проходило на соединенных собраниях уполномоченных биржевых обществ, торгово-промышленных палат, советов, съездов горно- и золотопромышленников, советов представителей коммерческих кредитных учреждений, обществ рыбо- и лесопромышленников, союзов мукомолов по 5 депутатов от каждой из перечисленных групп. Как и в случае с числом депутатов от Владивостока, в качестве исключения от Приморской области организации «торгово-промышленного класса» избирали 10 членов собрания [6, л. 2].

Представительство от производственных и профессиональных союзов определялось областными советами (или объединениями) производственных или профессиональных союзов, а при их отсутствии – центральным бюро профессиональных союзов областного города по 5 депутатов от каждой области. Только от Приморской области избиралось 10 депутатов [6, л. 2].

Каждая политическая партия избирала по 1 члену собрания. Право на представительство партий, не включенных в специальный список, но дей-

ствующих на территории Дальнего Востока, определялось специальным постановлением Временного Народного Собрания [6, л. 2об.].

Таким образом, «Положение о выборах во Временное Народное собрание Дальнего Востока», созданное на основе избирательного законодательства Всероссийского Временного правительства 1917 г., предполагало комбинированное формирование Временного Народного собрания Дальнего Востока (на основе представительства от различных организаций и выборности депутатов от населения).

Полномочия депутатов приморского парламента определялись «Положением о Временном Народном собрании Дальнего Востока» [3, л. 54–58]. Временное Народное собрание, согласно этому документу, осуществляло законодательную власть совместно с Временным правительством Дальнего Востока. Ни один закон не вступал в силу без его принятия депутатами и без одобрения правительством. В «Положении» не оговаривалось, каким образом депутаты могли преодолеть такое правительственное «неодобрение». Право законодательной инициативы принадлежало парламенту и правительству. Законопроекты, вносимые на рассмотрение представительного органа по инициативе его членов, должны были быть подписаны не менее чем 10 депутатами [3, л. 54].

Во время перерыва сессий, а также в чрезвычайных обстоятельствах, делающих невозможным на неопределенное время созыв заседаний Временного Народного собрания, правительство имело право издавать за коллективной ответственностью управляющих ведомствами постановления, имеющие обязательную силу наравне с законом [3, л. 54].

Приморский парламент, как показывает анализ документов, носил временный характер и имел годичный срок полномочий.

Временное Народное собрание обладало следующими правами:

– рассматривать и принимать законы по всем вопросам государственной и общественной жизни, не исключая вопросов об изменении Положений о Временном Народном собрании и о выборах во Временное Народное собрание;

– осуществлять высший надзор за управлением, назначать парламентские комиссии;

– рассматривать и одобрять политические трактаты и торговые договоры с иностранными государствами;

– утверждать бюджет и рассматривать отчеты по его исполнению, установление налогов, пошлин и повинностей, утверждение новых займов и размеров эмиссии;

– решать все другие вопросы, которые предоставлены данным «Положением» и будут предоставлены специальными законодательными актами.

Народное собрание не имело права принимать законы о введении какой-либо государственной религии, отмене свободы печати, собраний, союзов и стачек, права граждан на неприкосновенность их личности, жилища и имущества [3, л. 57].

Депутаты Народного собрания имели значительные права. Они не подлежали никакой ответственности за высказанные мнения или голосование при исполнении своих обязанностей. Члены собрания имели право неприкосновенности. Их нельзя было подвергать судебному преследованию и аресту без разрешения парламента, если только депутат не будет схвачен на месте преступления. В таком случае по требованию Народного собрания арестованный мог быть освобожден, а судебное преследование приостанавливалось на все время, пока продолжались полномочия данного члена парламента по его специальному постановлению [4, л. 57–58].

Тем самым приморский парламент наделялся значительными полномочиями и мог реально влиять на политическую жизнь региона, в отличие от параллельно создаваемого в Восточном Забайкалье по приказу Г.М. Семенова Краевого Народного собрания Восточной окраины России.

В отличие от высшей законодательной власти, полномочия высшей исполнительной власти в Приморье не были четко определены нормативными актами. Организация и деятельность Совета управляющих ведомствами вообще не была юридически урегулирована.

Тем не менее, на основе анализа имеющихся документов можно сделать вывод, что ВППОЗУ принадлежала верховная исполнительная власть.

Законодательные полномочия правительства оговаривались в «Положении о Временном Народном собрании Дальнего Востока». Приморский парламент осуществлял законодательную деятельность совместно с правительством. Правительство в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах имело право издавать нормативные акты, которые депутаты могли впоследствии утвердить либо отклонить. Сфера законодательной деятельности правительства и Народного собрания не разграничивалась [3, л. 54].

Фактически ВППОЗУ играло роль коллективного главы государства и имело значительный объем полномочий: назначало высших должностных лиц; самостоятельно проводило внешнюю политику; обладало правом помилования преступников; ограничивало права и свободы граждан; принимало меры по борьбе с контрреволюционными элементами и т.д. [7, с. 39].

Правительство имело полномочия по созыву Народного собрания (в том числе на экстренные сессии) [3, л. 56]. Однако оно не обладало правом его роспуска. В «Положении о Временном народном собрании Дальнего Востока» отсутствовал пункт об ответственности высшей исполнительной власти перед Народным собранием. Последнее не могло выразить недоверие правительству или потребовать его ухода в отставку. Кроме того, отсутствовало положение о судебной ответственности членов правительства.

Временное правительство Дальнего Востока создало достаточно разветвленный административный аппарат. Он представлял собой совокупность различных государственных органов и должностных лиц, которые осуществляли функции управления под общим контролем правительства.

В феврале 1920 г. при ВППОЗУ был создан Юридический совет. На данный орган возлагались функции по подготовке правительственных за-

конопроектов; оказанию юридической помощи членам правительства; разработке мероприятий административного характера; представлению заключений по всем делам государственного управления [2].

Позднее были созданы и иные советы, носившие схожие функции: финансово-экономический, военный, по финансированию самоуправления и т.д.

В конце июня 1920 г. был образован Совет управляющих ведомствами (СУВ). Управляющие ведомствами, назначаемые и смещаемые правительством, обладали правами министров Всероссийского Временного правительства 1917 г. СУВ был сформирован на коалиционных началах [7, с. 322].

Управляющий конкретного ведомства направлял, координировал и контролировал деятельность всех служб своего ведомства. Его полномочия основывались на нормативных актах о министерствах еще царского времени. Внутренняя организация ведомства включала в себя специализированные управления, отделы, канцелярии и иные службы. Деятельность СУВ находилась под контролем парламента, перед которым Совет целиком и отдельные управляющие ведомствами были политически ответственны. За совершение должностного преступления члены Народного собрания имели право привлечь к ответственности любого управляющего ведомством [3, л. 54].

Таким образом, высшая законодательная власть в Приморье принадлежала Временному Народному собранию Дальнего Востока, высшей исполнительной властью обладало Временное правительство Дальнего Востока, Совет управляющих ведомствами являлся, в свою очередь, высшим исполнительно-распорядительным органом.

ВППОЗУ внесло значительные изменения в правовое положение земских учреждений. Земства, составившие систему местных органов власти, наделялись государственными правомочиями. Так, областные земские учреждения становились вышестоящими местными государственными органами власти. При этом без их ведома запрещались любые правительственные мероприятия на определенной территории. Полномочия земских учреждений расширились. Теперь они стали осуществлять общий надзор и контроль поступления государственных налогов, руководство местной промышленностью, разрешать вопросы продовольственного снабжения населения и т.д. [5, л. 1–3].

Система выборов уездных земских гласных также значительно изменилась. От прямого избрания этих лиц населением было решено отказаться. Они должны были избираться на волостных совещаниях и на собраниях городских дум. Главная причина заключалась в значительных трудностях при организации прямых выборов из-за продолжающейся в регионе Гражданской войны. Кандидаты выдвигались не менее чем 5 гласными. Избранными считались кандидаты, набравшие не менее 50 % гласных волостного собрания или городской думы. Положение о числе уездных земских гласных формулировалось нечетко. Утверждалось, что «число гласных будет зависеть от числа жителей. Число гласных будет пропорционально числу насе-

ления». Но точная пропорция не устанавливалась [5, л. 1–3]. На практике, однако, из-за изменившейся политической обстановки реализовать данные положения не представилось возможным. Разнообразие органов местного самоуправления в Приморье осталось неизменным.

Судебная система в Приморье создавалась на компромиссной основе с учетом опыта императорской России, Всероссийского Временного правительства 1917 г. и Советской России. В конце марта 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока опубликовало «Временное положение о судоустройстве и судопроизводстве в Приморской области». Данный нормативный акт закреплял достаточно сложную и громоздкую судебную систему, включающую в себя народные местные суды; съезды местных народных судей; окружные суды; судебную палату [7, с. 54].

Народные суды организовывались в целом по советской схеме, а окружной суд и судебная палата оставались буржуазными судебными учреждениями. Такая ситуация объясняется сложной политической обстановкой в регионе. В данных условиях было невозможно создать единую судебную систему.

Развитие политической обстановки к ноябрю 1920 г. показало, что предложенная ВППОЗУ буржуазно-демократическая модель политического устройства не нашла значительной поддержки среди населения Приморья. Коалиция различных социалистических группировок и кадетов, находившаяся у власти, распалась из-за непримиримых внутренних разногласий. Приморское земское правительство пыталось построить в регионе буржуазно-демократическое государственное образование европейского типа. Но, будучи слабыми в военном отношении, правые социалисты, составлявшие основу правительства, были вынуждены сотрудничать с большевиками. Такое положение не устраивало имевшие большое влияние в регионе торгово-промышленные круги и командование интервентов. Не сумев найти компромисс, в декабре 1920 г. Временное Правительство Приморской областной земской управы ушло в отставку [4, л. 166]. Таким образом, правосоциалистический вариант политического устройства Дальнего Востока в условиях продолжающейся гражданской войны оказался нежизнеспособен.

Список литературы

1. Беликова, Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП (б) в 1917–1922 гг.) / Л.И. Беликова. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. – 287 с.

2. Вестник Временного правительства Дальнего Востока. – 1920. – № 1.

3. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156.

4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. Р-534. – Оп. 2. – Д. 168.

5. РГИА ДВ. – Ф. Р-534. – Оп. 2. – Д. 174.

6. РГИА ДВ. – Ф. Р-534. – Оп. 2. – Д. 212.

7. Сонин, В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922) / В.В. Сонин. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1990. – 352 с.

УДК 39(=1.571.6-81)

Малакшанова В.Б.*, г. Хабаровск, Россия

ЭВЕНКИ ВЕРХНЕБУРЕИНСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 ГОДА)

Статья посвящена развитию этнокультурных контактов эвенков Верхнебуреинского района в конце XIX–XX вв. Исторические тесные контакты с якутами повлияли на культуру этих этносов. Во время активного промышленного освоения территории района и транспортного строительства процессы ассимиляции и аккультурации эвенков усилились, что повлияло на будущее эвенков.

Ключевые слова: эвенки, Верхнебуреинский район, национальные села, оленеводство.

Malakshinova V.B., Khabarovsk, Russia

THE EVENKIS OF VERKHNEBUREINSKY DISTRICT OF KHABAROVSK TERRITORY: ETHNOCULTURAL CONTACTS (FOLLOWING 2019 EXPEDITION)

The article is devoted to the development of ethnocultural contacts of Evenks of the Verkhnebureinsky district at the end of the XIX-XX centuries. Historical close contacts with the Yakuts influenced the culture of these ethnic groups. During the active industrial development and transport construction, the processes of assimilation and acculturation of Evenks intensified, which influenced the future of Evenki.

Key words: Evenki, Verkhnebureinsky district, national villages, reindeer husbandry.

Вопросы этнокультурных контактов и межнациональных отношений коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока становятся все более актуальными. Это связано с ростом национального самосознания, интенсивным промышленным освоением северных территорий, проблемами сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности. В этом отношении история Верхнебуреинского района Хабаровского края, обладающего крупными запасами каменного угля, золота, оловянной руды, бентонитовой кирпичной глины, строительного камня, минеральной воды, лесных ресурсов является показательной. Коренными жителями этой территории являются эвенки. По данным на 1 января 2019 г. их насчитывается 726 человек [4]. Однако из этого числа единицы знают родной эвенкийский язык и помнят, как их предки занимались оленеводством.

Во второй половине XIX в. по этой территории кочевали эвенки родов «бута» (Дьячковские, Еремеевы), «лалагир» (Семеновы, Поротовы), «эден» (Арсеновы), «бэтунг» (Петровы, Сафроновы), «мэнгэл» (Афанасьевы), «колил» (Диодоровы) [4]. К моменту прихода русских они находились в

* **Малакшанова Виктория Баторовна**, главный научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.
Malakshinova Victoria Batorova, Chief Researcher of Research Sector of Ethnography of the Khabarovsk Regional Museum after N. And. Grodekova.
E-mail: malak2801@mail.ru.

разных контактах с соседними народами. Этому способствовали торгово-экономические связи, в частности с якутами. В бассейне реки Буреи располагалась известная Ниманская ярмарка, являвшаяся для якутских купцов исходным пунктом в доставке товаров по всему Приамурью. К концу XIX в. это было целое селение с двумя десятками дворов насчитывающая до 500 человек (купцов и охотников) [1, с. 33]. Многочисленную группу якутов, постоянно проживавших на этих землях, подтверждают данные Краевого Статистического управления, зафиксировавшие в 1923 г. в Верхнебуреинском районе 330 тунгусов и 320 якутов [6, с. 42]. Следствием длительных тесных контактов становится смешанные браки, оседание части эвенков, переход от оленеводства к скотоводству и наоборот.

Другим фактором, повлиявшим на социально-экономическое положение коренного населения и привлекшее пришлое население, стало открытие золотоносных жил. Уже в 70-е гг. XIX в. началась их разработка. Это способствовало оседанию части кочевых эвенков вокруг приисков. Изменения, происходящие в хозяйственной жизни коренного населения в конце XIX в. отмечал чиновник особых поручений П.П. Шимкевич, побывавший на р. Нимане в конце XIX в. Он писал: «Инородец предпочел прииск трудному охотничьему промыслу, хотя по быту и занятиям остался бродячим, но охота сделалась ему уже побочным занятием, и тяготение продолжалось к золоту, и вот мы видим, как постепенно вырабатываются типы инородцев-проводников, подрядчиков, золотников, хищников и спиртоносов, и промысел этот пришелся многим настолько к лицу, что вкореняясь в инородца, сделал из бродячего охотника бездомного бродягу» [7, с. 12]. Перемены наступают с утверждением советской власти на Дальнем Востоке. Тяжелые годы гражданской войны, нарушение традиционных связей, прекращение регулярного снабжения продовольствием и продуктами, сокращение поголовья оленей ускорили уже начавший процесс оседания эвенков и облегчили установления новых административных границ, организацию колхозов.

Решением президиума Далькрайисполкома в 1927 г. был образован Верхнебуреинский туземный район народа эвенки (тунгусы) Амурского округа. В его состав вошли три туземных совета – Чекундинский, Тырминский, Усть-Ниманский, соответствовавших трем кочевым эвенкийским ареалам [3, с. 86]. Уже к 1930 г. были образованы первые колхозы в Кур-Урмийском районе, в него входило 30 хозяйств. В 1931 г. 4 семьи из этого колхоза переехали в верховья Амгуни в Верхнебуреинском районе и образовали колхоз «Негу Геван» и пос. Могды. Вскоре в этот поселок переехали и вошли в колхоз эвенки, кочевавшие по притокам Буреи и Амгуни [2, с. 140]. В этом же году были организованы три колхоза, со смешанным традиционным оленеводческим и сельскохозяйственным направлением: в пос. Тырма колхоз «Аланап», пос. Чекунда – «Красный охотник», пос. Усть-Ниман – «Путь Ленина». Они специализировались на земледелии, животноводстве, оленеводстве и охоте. Но с развитием в районе горнодобывающей промышленности эти колхозы просуществовали всего три десятка лет.

В 1932 г. Янковская геологоразведочная партия под руководством В.З. Скороходова установила, что земли Буреинского района хранят до 25 миллиардов тонн залежей угля. С началом строительства угольных шахт в 1933 г. и развертыванием Бурейстроя – треста главного управления угольной промышленности, к 1939 г. в районе насчитывалось 698 чел. эвенков и якутов и уже более 8 тыс. чел., русских и других национальностей [4]. Но, несмотря на резкое увеличение общей численности населения района жителями из других регионов и всеобщую унификацию культуры, русификацию языка благодаря компактному проживанию в колхозных селах и ведению традиционных видов хозяйственной деятельности эвенкам удавалось сохранить традиции, язык и передавать их молодому поколению. Примером этому служит последнее поколение эвенков проживавших в вышеназванных поселках перед их закрытием в конце 1960-х-начале 1970-х гг. В настоящее время дети, родившиеся и выросшие в поселке Могды в конце 1950–60-х гг., ныне живущие в поселках Герби, Солони, Чегдомын, Эльга практически единственные в районе свободно владеющие эвенкийским языком [4].

В 1961 г., в связи, с промышленным освоением, уменьшением численности поголовья оленей было принято решение объединить четыре национальных колхоза во вновь образованный Коозверопромхоз в рабочем поселке Средний Ургал и переселить население в другие населенные пункты. Последовало закрытие труднодоступных национальных поселков: Ниманчик, поселок Озерный. В этом же году был закрыт пос. Могды. Жители вертолетами были перевезены в с. Умальту, который через год также закрыли. Многие семьи, в том числе эвенкийские были расселены по всему многонациональному району. В настоящее время старшее поколение эвенков Верхнебуреинского района два раза в год съезжается на место, где располагалось Могды для того чтобы вспомнить о своих национальных корнях и поговорить между собой на родном языке [4]. С момента переселения у эвенков увеличивается количество смешанных браков с русскими, бурятами и представителями других национальностей, приехавших на строительство БАМа.

В 1974 г. началось создание Тындинского и Верхнебуреинского территориально-промышленных узлов. Стройка была объявлена всесоюзной ударной. Строительные отряды прибыли из разных республик Советского Союза. Так, Новый Ургал построен ССМП «УКрстрой», «Алонка» – ССМП «МолдавБамстрой», Солони – ССМП «Таджикстрой», Сулук – ССМП «Хабаровсктрансстрой БАМ», Этыркэн – ССМП – «КуйбышевБАМ строй». В 1980-х в Верхнебуреинском районе не зафиксировано ни одного однонационального брака среди эвенков [5, с. 109].

В настоящее время на 01.01.2019 численность проживающих в районе коренных малочисленных народов Севера составляет 798 человек: эвенки – 726, нивхи – 12, ульчи – 16, негидальцы – 1, нанайцы – 28, ненцы – 4, удэгейцы – 9, чукчи – 2. Эвенки проживают в населённых пунктах: р.п. Чегдомын – 186 чел., р.п. Новый Ургал – 156 чел., п. Софийск – 79 чел., в национальном посёлке Шахтинский – 59 чел., п. Сулук – 49 чел., с. Средний Ур-

гал – 47 чел., Герби – 51 чел, п. Солони – 44 чел., с. Аланап – 24 чел., п. Эльга и с. Чекунда – 17 чел. Однако, по данным 2000 г. в сельской местности района проживало только 270 эвенков, а в 2015 г. – 679 эвенков [4]. Такой прирост связывают с пробуждением национального самосознания и возможностью получения льгот от государства. Принадлежность к «коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока» дает людям специальные права на территории традиционного природопользования, возобновляемые биоресурсы, а также на исключительное востребованные сегодня образовательные, медицинские, политические ресурсы. Эти преимущества играют важную роль в определении идентичности сельским населением, имеющим аборигенные корни, и даже не имеющим их [5, с. 124].

Но, на сегодняшний день нигде в районе не проводятся занятия по родному языку, отсутствуют эвенкийские культурные центры. Силами ветеранов и энтузиастов созданы музейные уголки в клубах и школе. Районная ассоциация коренных малочисленных народов Севера ежегодно проводит эвенкийский фестиваль «Бакалдын» на собственные минимальные средства.

Таким образом, эвенки Верхнебуреинского района пытаются сохранить свою культуру и передать ее молодому поколению. Однако собранные данные отражают тенденцию снижения знания родного языка, культурных традиций и обычаев. Многие из опрошенных респондентов отмечают на важную социальную функцию села, места компактного проживания этноса и сохранения ее культуры, языка. Ведь это естественная среда сохранения родного языка органично прививающегося в процессе ежедневного общения, использования форм этнопедагогики, осуществления традиционных видов деятельности. Они считают, что при сохранении национальных поселков и колхозов, созданных в 1931 г. возможно жизнь их семей и следующих поколений эвенков района сложилась иначе.

Список литературы

1. Дьяченко, В.И. К вопросу об этнокультурных связях якутов и эвенков на юге Охотского побережья / В.И. Дьяченко // Новое в этнографии (Полевые исследования). – Москва : Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 31–38.

2. Дьяченко, В.И. Эвенки и Якуты юга Дальнего Востока XVII-XX вв. / В.И. Дьяченко, Н.В. Ермолова. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 160 с.

3. История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 334 с.

4. Полевые материалы экспедиции автора в Верхнебуреинский район в июле 2019 г. // Архив Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. – 2019.

5. Сирина, А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение / А.А. Сирина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва : Вост. лит., 2012. – 604 с.

6. Шавров, К. Проект сети маршрутов для обследования туземного населения северных окраин / К. Шавров // Статистический бюллетень. – Хабаровск : Дальневосточное Краевое Статистическое Управление, 1926. – № 1(6). – С. 37–43.

7. Шимкевич, П.П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни / П.П. Шимкевич // Приамурские Ведомости. – Хабаровск, 1895. – 12 марта. – Приложение. – С. 12.

УДК 39:7.031.3(571.6)

Маниковская М.А.[*], г. Хабаровск, Россия

МЕТАКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА: ПЛОДОТВОРНЫЙ РЕСУРС ЭТНОПОЛИТИКИ

Динамика усложнения этнических отношений на российском Дальнем Востоке неизбежно требует совершенствования этнополитики как за счет корректировки парадигмальных подходов, так и активирования недостаточно задействованных ресурсов. Автор статьи полагает и обосновывает, что таким ресурсом является метакультурный потенциал дальневосточного искусства, обладающий уникальной силой, способствующей взаимопониманию, духовному взаимообогащению и единению.

Ключевые слова: этнополитика, культурный код этнополитики, дальневосточное искусство, метакультурный потенциал.

Manikovskaya M.A., Khabarovsk, Russia

METACULTURAL POTENTIAL OF THE FAR EASTERN ART: THE PRODUCTIVE RESOURCE OF ETHNOPOLITICS

The dynamics of the complication of ethnic relations in the Russian Far East inevitably require the ethnopolitics improvement by adjusting paradigm approaches as well as by activating insufficiently used resources. The author of the article believes and substantiates that the metacultural potential of Far Eastern art is such a resource. It has a unique power that promotes mutual understanding, spiritual mutual enrichment and unity.

Key words: ethnopolitics, cultural code of ethnopolitics, Far Eastern art, metacultural potential.

Само существо этнополитики, призванной обеспечивать консолидированное совместное бытие больших общностей людей на одной территории, объясняет значимость и насущность образованного ею эпистимологического поля. Сегодня этнополитическая тематика актуализирована усложнением, а порой и обострением, межэтнических отношений, существующих в проблемном контексте, обусловленном как глобализацией, так и локальными экономическими, политическими, социальными, духовными детерминантами. Картина современной общемировой этнополитики конкретизируется, дополняется спецификой, особенностями конкретных регионов, стран, что, безусловно, требует тщательной аналитики, корректировки и,

[*] **Маниковская Мария Алексеевна,** д-р филос. наук, проф., профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государсвенного университета.
Manikovskaya Maria Alekseevna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences at the Pedagogical Institute, Pacific State University Pacific State University.
E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

возможно, изменения парадигмальных подходов. Об этом свидетельствует идущая в научном сообществе с активным включением политиков, государственных служащих дискуссия о смысле этнополитики, ее тождестве и различии с понятием национальной политики. Исследователи и эксперты, озабоченные сегодняшним динамично меняющимся состоянием этнических отношений, отмечают, что существующие основные концепции этнополитики: примордиализм, конструктивизм, инструментализм, обладая объяснительной теоретической силой, на прикладном уровне могут быть продуктивными в синтезе парадигм [4].

Характер этнических отношений на Дальнем Востоке России, формировавшийся в особых исторических, географических, демографических, социально-культурных условиях, имеет специфику, поэтому его отражение в «зеркале» этнополитики отличается «лица не общим выражением». При этом, принимая эпистемическую уместность продуктивной метафоры зеркала, нужно иметь в виду, что оно (зеркало) может быть мутным, грешить искаженным отражением. Именно это допущение побуждает заметить, что чистота, ясность зеркала зависит от валидности понятий «этнос», «этнополитика», но, которые, не являясь предметом нашего специального рассмотрения, при изложении результата исследования заявленной темы лишены развернутой экспликации и обозначены пунктирно. Рефлексивно оформленная позиция обращения к теме этнополитики актуализирует необходимость аналитики эффективности концепций, придающих новый импульс этой теме, либо выявления средств, способных высветить и активировать имеющиеся, но мало задействованные ресурсы. Нам представляется, что таким ресурсом, содержащим «плодоносный» (Бэкон) опыт, обладает метакультурная методология, раскрывающая метакультурный потенциал искусства, и в нашем случае – дальневосточного искусства.

Реализация замысла предпринятого исследования предполагает определение авторской позиции относительно используемого понятия политики, поскольку существуют различия в его интерпретации. Наряду с истолкованием политики через категорию власти, существуют и иные трактовки, отсылающие к смыслу древнегреческого слова *полис* «как сферы осуществления стремления к благой жизни» [9, с. 46], и как искусства производства совместной жизни [2].

Представляется конструктивной позиция, открывающая перспективу рассмотрения и *этно*политики, нацеленной на производство такого совместного бытия этносов, которое бы исключало насильственную ассимиляцию по принципу сильнейшего, формировало условия оптимального сопряжения этнических интересов во имя благой жизни. Вместе с тем необходимо учитывать противоречия между должным и возможным в осуществлении этнополитки. Воплощение теоретических конструкций в реальных отношениях оказывается опосредовано специфическими условиями, неучтенными обстоятельствами. Одним из очень существенных факторов, способных

влиять на этнополитику, является этномиграция, в том числе и на российском Дальнем Востоке, где усиливается процесс замещения коренного населения мигрантами из стран СНГ, где миграционная волна чревата изменением этнической структуры: она наполняет этнические группы, формирует новые, которые в соответствии с принципами равнодостоинства людей, декларируемыми демократическими конституционными государствами, имеют право на их реализацию и настаивают на его осуществлении не только в легитимных действиях, но и провоцирующих реакции коренного населения, не всегда вписывающиеся в нормативно-правовой порядок.

Поиски «плодоносной» парадигмы этнополитики свидетельствуют о необходимости прояснения и обоснования ее *культурного кода*. Этот исследовательский ракурс вполне логичен: он задан признанием культуры как важнейшего фактора, формирующего качественную определенность этноса. Культурный код представляет собой ценности, необходимые для этноса, обретающие экзистенциально-онтологический смысл. Они жизненно значимы как для самоидентификации этносов, так и для их интеграции, взаимопонимания, осознания общей судьбы, необходимости солидарных усилий в преодолении рисков, защиты от внешних вызовов и угроз. Нет сомнения, что культурный код этнополитики, отрефлексированный в современных научных исследованиях [5], и, включающий такие значимые базовые ценности как: историческая память, общая территория, язык, образование, религия, светское нравственное воспитание, будет неполным и уязвимым без искусства, поскольку именно этническое искусство является носителем феноменальных образцов этнической культуры. Отсюда *цель нашего исследования – выявление и философско-теоретическое обоснование метакультурного потенциала дальневосточного искусства как необходимого и эффективного ресурса этнополитики.* Исследовательское намерение не лишено амбиции, говоря словами П. Рикера, «перевоспитать наш глаз и переориентировать наш взгляд» на искусство, чтобы приблизиться к осознанию его равнозначности с другими составляющими культурного кода.

Достижение данной цели возможно при обязательном условии совершения читателем эпохе, феноменологической редукции по отношению к искусству: освободиться от сохраняющейся на обыденном уровне общественного сознания редукции этого феномена к развлечению, либо к чему-то необязательному, без чего можно обойтись без ущерба для жизни. Приходится в очередной раз акцентировать это обстоятельство, поскольку немало людей, говоря словами Ф. Ницше, «не в состоянии видеть в искусстве чего-либо бо́льшего, чем веселой побочности, или, пожалуй, звона бубенчиков, сопровождающего «серьезность существования», но, в сущности, излишнего» [8, с. 167]. Несомненна позиция немецкого мыслителя, утверждающего ничем не заместимую роль искусства. Мы с осмысленной готовностью разделяем его «взгляд на искусство, как на высшую задачу и собственно метафизическую деятельность этой жизни» [8, с. 167]. Такое

непреходящее значение искусства глубоко отрефлексировано философией и удостоверено духовным опытам человечества.

В горизонте заявленной тематики вполне оправдано представить анализируемый феномен в развороте, аутентичном этнополитической проблематике, утверждающем *власть* искусства. Власть культуры (и в ее составе – искусства) была тематизирована в проблемном поле неклассической философии. В творчестве Ф. Ницше и М. Вебера проблема соотношения культуры и власти представлена в ракурсе, отличном от традиционного подхода, рассматривающего влияние власти на культуру. Они высветили иную перспективу видения проблемы: властную функцию самой культуры, следовательно, и искусства. Согласно их представлениям, как бы ни было далеко искусство в своих рафинированных проявлениях от реальной политики, оно обладает властным потенциалом, утверждая определенное нормативное отношение к миру, людям. Данная проблема стала предметом философской рефлексии М. Хайдеггера, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, М. Фуко, Ж. Деррида и многих других видных представителей постклассической мысли XX в. Как видим, и сегодня эта проблема не только не утратила своей актуальности, но, напротив, ее усилила. Современные исследователи предлагают новые подходы, позволяющие понять и осмыслить властные полномочия искусства.

Власть искусства обладает такими специфическими особенностями, что позволяет характеризовать его как *уникальное явление* в ряду других феноменов, осуществляющих властные функции. Искусство относится к тем редким явлениям, власть которых не раздражает, не угнетает, не вызывает организованного протеста (что не исключает спонтанных реакций на авангардистские художественные произведения и масскульт, а также критику индустрии культуры, например, Т. Адорно), а, наоборот, является стабильной, признаваемой и почитаемой, не утратившей еще доверия.

Диапазон властных проявлений искусства очень широк: от организации, подчинения внешнего поведения до влияния на глубинные ментальные уровни. Особым образом влияя на человека, искусство расширяет и углубляет его духовность, креативный потенциал, творческое воображение и фантазию. По Канту, результатом воздействия художественных произведений является игра познавательных сил, которая приводит человека к самопревышению. При этом важно, что человек свободно вверяет себя власти искусства, право которого обусловлено его сущностным содержанием, неисчерпаемым потенциалом рационального и «нерационального» пространств. Гегель убедительно раскрыл причины доверия искусству: «Всеобщая потребность в искусстве проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное «Я». Сила притягательности искусства в том, что оно «призвано раскрывать истину в чувственной форме» [3, с. 38].

Власть искусства, его способность воздействовать на поведение людей, ментальные структуры личности, подчинять своей «воле» психологическое

состояние, эмоции, настроения эксплуатируется политикой. Способы, приемы и формы использования этого модуса искусства различаются в зависимости от цели, категории граждан, на которую рассчитан эффект воздействия.

Благодаря властным возможностям, обусловленным имманентными особенностями художественных ценностей, искусство становится важной политической силой, которая, как подчеркивает В. Беньямин, используется для эстетизации политики.

Плодотворной и по-новому акцентирующей властный потенциал искусства является метакультурная методология. Ее вычленение стало возможным благодаря развитию сравнительно нового понятия метакультуры. Эта концептуальная инновация оказалась релевантной вызову глобализации, контроверзы которой образовали проблемное поле, требующее действительно нового, радикального его осмысления и конструктивных путей его преодоления. Логика метакультуры ориентирует переключить анализ с мнимо объединяющих усилий на рефлексивную способность культур к взаиморазвитию благодаря обоюдной возможности дара. Метакультура не просто актуализирует и акцентирует значимость темы межкультурных отношений, а структурирует радикально новую семантику и благодаря новаторскому философско-методологическому содержанию этого понятия детерминирует несуществовавший прежде план аналитики общения культур и в их составе – искусств.

Из арсенала теоретико-методологических ресурсов, обеспечивающих метакультурное взаимодействие искусств различных этносов, живущих на российском Дальнем Востоке, и, свидетельствующих о его новой базовой парадигме, особо акцентируем понятия границы, дара.

Границу следует понимать не как препятствие, барьер, который необходимо преодолеть, а «как место события встречи и взаимного соразвития» [11, с.188].

Дискурс метакультурного общения манифестирует признание достоинства, значимости другого искусства, что роднит его с дискурсом межкультурного общения, который выстраивается на солидной основе общих фоновых убеждений, взаимных ожиданий по правилам, по меньшей мере, имплицитно признанным. В пространстве более или менее полных оснований межкультурного общения специфицируется дискурс метакультурного общения. Его порождают не просто культурные самоочевидности, а достижения, с потенциалом дарственного общения. Понятие дара, употребляемое в значении самоотверженности, призвано акцентировать смысл метакультурного общения, в котором торжествует не дающая культура, а упрочившаяся связь культур, общность, которая их взаимно обогащает. В динамике такого взаимного обмена художественными достижениями имеет основание процесс создания норм и правил метакультурного дискурса, артикулирующих не только признание инаковости другого искусства, но и добровольное намерение и способность сторон выстраивать отношения, исключающее одностороннюю экс-

пансию культурных ценностей, давление, насильственную ассимиляцию культур. Дискурс метакультурного общения специфицирует высказывания относительно своих объектов, делая их релевантными интерсубъективно разделяемым значениям. Речевая практика метакультурного общения утверждает и транслирует нормы и образцы бескорыстного взаимообмена произведениями искусства в «поле недискурсивных практик» (М. Фуко), где происходит их усвоение современниками и участниками этих практик.

Дальневосточный регион России, «край далекий», с богатой историей, природным разнообразием, множеством разных этносов, как заметил наш земляк поэт П. Комаров, «только в песне, да в сказке уместится». В отличие от других форм отражения действительности именно искусству подвластно выразить «души движение», напряженную жизнь духа с неустанными поисками смысла.

В дальневосточном искусстве, как дуб в желуди, сконцентрирован и ярко воплощен культурный код этнополитики. Это такое художественно-образное выражение базовых ценностей, в котором органично присутствует коммуникативная логика, благодаря которой происходит естественное сближение людей. Она создает основу «вовлечения другого» (Хабермас) в сферу своих ценностей и органичного признания их носителями иной культуры как своих. Эту силу искусства позволяет высветить ответ на вопрос, поставленный в ракурсе, подсказанном М. Хайдегером: можно ли дойти в опыте мысли до существа искусства, где зазвучало бы нечто, вытекающее из одного источника [10, с. 277]? Этот источник – способность искусства выявлять общечеловеческие ценности, кодировать их в семантически доступной символической форме, которые распознаются представителями другой культуры и принимаются как собственные. Разве может не изумлять и не трогать до глубины души редкой пронзительностью и своей беспафосной интимностью признание любви к Родине лирической героини Л. Миланич? Она не просит у жизни лишнего часа, но просит:

Как самого личного счастья –
Дай Родину разглядеть,
Чтобы на последней тропинке
Мне помнились до конца
Цветы ее и травинки,
Веснушки ее лица [7, с. 82].

Историческая память, являясь базовой ценностью культурного кода этнополитики, не просто хранит прошлое истории этносов, она удерживает, различает и воспроизводит экзистенциально-нравственные смыслы. П. Комаров в поэме «Серебряный кубок», которая, что исключительно важно, создавалась в годы Великой Отечественной войны, обращаясь к событиям, связанным с освоением Дальнего Востока, походом Василия Пояркого, в художественной форме утверждает глубокий философский смысл, позволяющий понять суть человеческого бытия как необходимую, неразрывную

преемственную связь прошлого, настоящего и будущего, как связь, обусловливающую бытийное единство и целостность. Серебряный кубок, из которого поярковцы напились амурской воды, это нетленный символ культурной памяти, многосмысловой символ эстафеты, духовно скрепляющую и единящую силу которой, пронесли и сегодня несут потомки русских землепроходцев, обживавших российскую дальневосточную окраину. В серебряном кубке, ставшем символом мужества и стойкости, они искали и черпали

И доблесть свою, и отвагу,
Что крепче железа стоит под огнем,
И верность российскому флагу [6, с. 74].

Ярко выраженный метакультурный потенциал искусства, созданный дальневосточными этносами, характеризует меру их способности, вступая в открытые взаимоотношения, обогащать друг друга, сохраняя при этом свою культурную и этническую идентичность. Именно такие отношения осознаются как надежная основа, обеспечивающая согласное совместное бытие различных этносов. Эту мысль хорошо выразил нанайский поэт Владимир Заксор:

Если птица отстанет от стаи –
Заплутается птица в тумане,
Ослабеет и пропадет.
Если птица найдет свою стаю –
Она снова сильною станет,
Она снова счастье найдет [1, с. 47].

Список литературы

1. Антология поэзии Дальнего Востока / сост. В. Пузырев, Ю. Иванов. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1967. – 478 с.
2. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000.
3. Гегель Г. Лекции по эстетике / Г. Гегель; пер. Б.Г. Столинер. – Москва : Юрайт, 2018. – 550 с.
4. Дадуев, М.А. Концептуальные основы этнополитики в современной России / М.А. Дадуев // Политические науки. – 2003. – № 2. – С. 169–174.
5. Дорофеева, Е.С. Культурный код этнополитики / Е.С. Дорофеева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 2(91). – С. 193–198.
6. Комаров, П.С. Серебряный кубок / П.С. Комаров. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1977. – С. 192.
7. Миланич, Л.И. Музыка нового дня / Л.И. Миланич. – Хабаровск : Хабаровское отделение Союза писателей России, 2005. – С. 175.
8. Ницше, Ф. Антихрист. Казус Вагнер. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Фридрих Ницше. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – С. 318.
9. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – Москва : Академия, 1995.
10. Хайдеггер, М. Из диалога о языке: Между японцем и спрашивающим / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Москва, 1993.
11. Ячин, С.Е. Состояние метакультуры / С.Е. Ячин. – Владивосток : Дальнаука, 2010. – С. 268.

УДК 271.2:130.2

Осипова М.В.[*], г. Хабаровск, Россия

ПРАВОСЛАВНЫЙ СЛЕД В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ АЙНОВ (НАЧАЛО XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматривается проблема христианизации (обращения в православие) аборигенного этноса Курильских островов и острова Сахалин – айнов. Христианизация коренного народа проводилась РПЦ в несколько этапов и длилась от нескольких лет до века. Несмотря на свидетельства русских морских офицеров о ее формальном характере, имеются сведения зарубежных путешественников и исследователей, что православие стало нормой жизни коренных жителей и в случае с курильскими айнами оно оставило заметный след в их духовной культуре. Сахалинские айны попали в зону влияния РПЦ на слишком короткий срок, но, несмотря на это, они осознано принимали православие. Однако возобновившееся после русско-японской войны японское влияние не позволило укорениться православной вере у этой этнической группы и особого влияния на их духовную культуру христианство не оказало.

Ключевые слова: аборигены, айны Курильских островов и Сахалина, христианизация, православие.

Osipova M.V., Khabarovsk, Russia

ORTHODOX MARK IN AINU SPIRITUAL CULTURE (BEGINNING OF THE XVIII – BEGINNING OF THE XX CENTURES)

The article deals with the question of the process of Christianity among the aborigines of the Kuril Islands Sakhalin – the Ainu. This process was carried out by the Russian Orthodox Church in several stages and lasted from several years to a century. The Russian Navy officers claimed that this process was formal but there are some facts given by the foreign researches and travelers, who wrote about the Orthodoxy as the norm of life of the Kuril indigenous peoples. The Sakhalin Ainu got the acquaintance with the Orthodoxy and the Russian Orthodox Church for a short period of time. Despite this circumstance they consciously accepted this faith. However, the Japanese influence after the War of 1905 did not allow to root the Orthodoxy in this ethnic group, and the Christianity did not have an effect on their spiritual culture.

Key words: indigenous peoples, Kuril and Sakhalin Ainu, the process of Christianity, the Orthodoxy.

Продвижение России на Восток в XVI–XVIII вв. было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. С точки зрения экономики страна нуждалась в притоке дополнительных средств, которые бы по-

[*] **Осипова Марина Викторовна**, канд. ист. наук, доц., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета.
Osipova Marina Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pacific State University.
E-mail: ainu07@mail.ru

крывали растущие военные и государственные расходы. Расширение территории государства и получение дополнительных ясачных сборов пушниной могло частично решить финансовые проблемы. Попутно на новых землях открывались залежи полезных ископаемых, среди которых были серебро и золото. В качестве политического фактора выступало желание России признания и укрепления ее позиций как мировой державы и развитие торговых отношений с соседними азиатскими государствами и Америкой.

Освоение территорий в зоне Тихоокеанской России имело определенную специфику. Здесь наблюдалось явное преобладание аборигенного населения. Роль проводника политики государства было возложено на Русскую православную церковь (РПЦ), которая рассматривала обращение аборигенного населения на вновь присоединяемых территориях в православную веру, во-первых, как способ воспитания верноподданнических чувств и полного подчинения новых подданных императору, «верховному защитнику и хранителю догматов господствующей веры, и блюстителю правоверия и всякого в церкви святой благочиния» [8, гл. 7, ст. 62]. Во-вторых, обращение в православие вносило свой неоценимый вклад в межэтнические взаимоотношения, сближая русских и аборигенное население и, в-третьих, церковь преследовала и свои интересы, распространяя православие как единственно верное религиозное учение.

На островах Курильской гряды и юге Сахалина проживал коренной малочисленный народ – айны. Первыми с основами православия познакомились жители Курил.

Процесс распространения православия на Курилах включал в себя три условных этапа: первый начальный этпа процесса христианизации айнов проходил с 1711 по 1745 гг. Второй этап, с 1745 г. по 1828 гг., можно назвать просветительским, когда на Курилах появляется школа для детей аборигенов. И третий этап – заключительный – это этап деятельности священников Атхинского прихода Камчатской епархии на островах включает временной период с 1828 по 1877 гг.

Первые сведения о крещении курильцев-анимистов, обожествлявших окружающую их природу, где каждый объект, явление, животные и сами люди выступали в роли божеств, относятся к 1734 г., когда Матвей Новограбленный, сборщик ясака, крестил 122 души. В 1741 г. дело Новограбленного было продолжено священником экспедиции М. Шпанберга о. Ермолаем Ивановым. При крещении айны получали имена и фамилии тех, кто их крестил. Так на островах появились Новограбленные, Шпанберги, Новиковы, Сторожевы, Соловьевы. Обряд крещения аборигенов проводил и священник экспедиции Беринга иеромонах Дамаскин и сами участники похода. Вскоре из-за размеров территории, на которой необходимо было отправлять религиозные обряды, трудности сообщения между островами,

суровые климатические условия, процесс дальнейшей христианизации местного населения замедлился, стала ослабевать роль церкви.

Несмотря на факт совершения крещения и русификаторскую деятельность церкви, это не означало, что аборигены-язычники сразу же становились христианами. Получив русские имена и фамилии и нося на шее кресты и образа, коренные жители Курильских островов с трудом воспринимали догматы Русской православной церкви, порой попросту не понимая того, что говорилось на незнакомом для них языке, хотя от обряда крещения они не отказывались. Для того чтобы вновь обращенные в православие молились осмысленно, нужно было дать им образование, а для этого необходимы были школы. Находившийся в это время на Камчатке Г. Стеллер отправляет в правительство записку с предложением открытия школ «для искоренения невежества среди аборигенов» [5, с. 23, 30–32; 7, с. 81, 89].

Помимо этой задачи, школа готовила бы и собственные кадры из числа местного населения, проповедников, сборщиков ясака, учителей. После просьбы крещеных жителей Шумшу школа на острове была открыта. Помимо обучения грамоте, ее учитель наделялся полномочиями священника. Присутствие православной церкви на островах ощущалось повсюду. К концу XVIII в. на Кетое, Симушире аборигены практически все были крещеные, причем уже не в первом поколении, знали молитвы, говорили по-русски, умели читать, осознавали свою принадлежность российскому государству и его монарху [4, с. 382–392]. Японский исследователь Могами Токунаи, участник правительственной экспедиции по обследованию Курильских островов, побывав на Итурупе в 1875 г. был обеспокоен тем процессом русификации айнского населения, свидетелем которого он стал во время своего путешествия на Курилы и главную роль в этом он отводил православной церкви [10, с. 9].

С 1828 г. начинается третий и, по сути, заключительный этап процесса распространения православия среди аборигенного населения Курильских островов. К этому времени крещеные жители столкнулись с проблемой невозможности отправления религиозных обрядов по причине отсутствия священника. На помощь курильцам пришла имевшая на острове Урупе факторию Русско-Американская компания, которая, по просьбе Камчаткой епархии причислила курильскую паству к атхинскому приходу, расположенному на территории РАК на Алеутских островах. В 1825 г. в Атху в качестве священника был отправлен Иаков (Яков) Нецветов, в чье ведение перешла паства Курильских островов. Он несколько раз побывал на островах, привезя с собой и собрав купленную на средства жителей Шумшу походную церковь, однако в просьбе прислать им постоянного священника, жителям было отказано. А в 1875 г. жизнь островитян резко изменилась. После подписания Россией Петербургского договора Курильские острова были переданы под юрисдикцию Японии. В этот промежуток времени по-

сещений православными священниками островов не было, хотя часовня действовала и после 1877 г., когда часть айнов была вывезены на Камчатку [13, с. 3–4, 11; 14, с. 18, 21–22; 16, с. 53–154; 2, с.169]. Большинство же аборигенов пожелало остаться на островах и стать японскими подданными. Но эти люди в количестве 97 человек были затем переселены в специально построенный поселок на о. Шикотан. Айны, православные не в одном поколении, сохраняя приверженность православной вере, при переезде на новое место жительства взяли с собой иконы из часовни, которые поместили в шикотанскую церковь. Последние сведения о православных богослужениях относятся к 1891 г., когда на остров приезжал русский православный священник из Хакодатэ. В исторической литературе есть свидетельства о сохранении православия среди курильских айнов вплоть до 1933 г., но, в основном, среди старшего поколения [11, с. 111].

Пришедший на смену веку XVIII стремительный XIX век принес с собой новые устремления. Уже не столько экономические причины заставляли развитые государства осваивать новые земли, сколько политические, борьба за влияние в том или ином регионе. Российская империя обратила свой взор на восток, и, в частности, на приграничные земли Нижнего Амура, Приморья и остров Сахалин, где с середины XIX в. начинается активное их заселение выходцами из центральных регионов России, а на Сахалине организуется каторга. Но и на этих территориях с древних времен проживали коренные народы, в том числе и сахалинские айны, которых необходимо было включить в состав народов Российской Империи, сделать полноправными гражданами страны, подчиняющихся законам Российской империи. Особая роль в этом процессе, как в случае с курильскими айнами, отводилась РПЦ. Однако стоит сразу сказать, что попытка обращения в православие айнов Сахалина, в отличие от айнов Курильских островов, успеха не имела. Это произошло по нескольким причинам. Дело в том, что со дня открытия Камчатской епархией в 1858 г. на Амуре первого миссионерского стана, на острове такого стана не было. Не был он открыт и после создания в 1899 г. Владивостокской епархии, учредившей Владивостокский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, и требы среди инородцев совершал приезжий священник. Эти поездки были сопряжены с большими трудностями и лишениями, тратились средства, а главное, были, в основном, краткосрочными. И если учесть то обстоятельство, что те немногочисленные миссионеры, окормлявшие инородческую паству острова, языками коренного населения не владели, а проповеди, произносимые на русском языке, понятны не были, то и обращение в православие и поддержание христианского учения в инородческой среде эффекта не имело [12, с. 156]. Еще одним обстоятельством, повлиявшим на то, что крещения сахалинских айнов были крайне редки, была их тесная и продолжительная связь с японцами, обеспечивавших аборигенов работой на рыбопромыслах. Принятие отдельными сахалински-

ми айнами православия началось лишь в 1881 г. и продолжались лишь до 1905 г. о чем свидетельствуют архивные документы. Однако отношение к тем, кто принимал крещение среди самих айнов, было неоднозначным. Б.О. Пилсудский (1866–1918) писал, что сородичи над крещенными потешались, называя их «нуця айну» («русский айн») [3, Ф.23-и. Оп. 1. ДД. 3, 54; 6, с. 97; 12, с. 97]. После окончания русско-японской войны юг Сахалина с его инородческим населением отошел Японии, власти которой стали стремительно «японизировать» коренное население. Людям были даны японские имена и фамилии, открыты школы, где преподавался японский язык, преподавание других предметов тоже велось на японском языке [1, с. 20; 9, с. 132]. Так закончился процесс распространения православия среди айнов Сахалина. В отличие от курильских айнов и, несмотря на свидетельства того, что сахалинские айны принимали православие осознанно, период, когда они от анимистических воззрений, перешли в православие, был слишком коротким, поэтому ни икон, ни знания молитв они не сохранили.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых осуществлялась миссионерская деятельность Русской православной церкви как на Курильских островах, так и на Сахалине, а именно, суровый климат, труднодоступность мест компактного проживания айнов, острая нехватка кадров священнослужителей и практически полное отсутствие церквей на островной территории, РПЦ выполняла свою миссию по христианизации жителей новоприсоединенных земель. Деятельность РПЦ способствовала процессу активного взаимодействия разных народов и установлению межнациональных контактов на означенных территориях, на Курилах церковь взяла на себя просветительскую функцию, организовав начальную школу. Деятельность РПЦ строилась, в основном, на добровольности и уважении к обращаемым в православие айнам, иначе курильцы не сохранили бы своей веры вплоть до середины XX в. К сожалению, в результате политических событий процесс интеграции айнской и русской культур был прерван.

Список литературы

1. Васильев, В. Краткий отчет о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина / В. Васильев. – Санкт-Петербург, 1912. – 24 с.

2. Вахрин, С.И. Предыстория Камчатской епархии / С.И. Вахрин // Краеведческие записки. – 1993. – Вып. 8. – С. 162–139.

3. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). – Ф. 23-и. Объединенный фонд церквей о. Сахалин. – Оп. 1. – ДД. 3, 54.

4. Головнин, В. М. Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. / В.М. Головнин // Путешествия вокруг света. – Москва : Дрофа, 2008. – С. 197–460.

5. Громов, П.В. Историко-статистическое описание Камчатских церквей: Слова и речи / П.В. Громов. – Санкт-Петербург, 1857. – 119 с.

6. Пилсудский, Б.О. Рассказ обрусевшего крещенного айна (Ивана Григорьевича) из с. Галкино-Враское (Сиянцы) на о. Сахалине о том, как его вылечили от любви / Б.О. Пилсудский // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 1. – С. 97–98.

7. Полевой, Б.П. Первооткрыватели Курильских островов: Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. / Б.П. Полевой. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 207 с.

8. Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1, р. 1. – URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/669/16/html (дата обращения: 18.08.2010).

9. Сергий (Тихомиров Г.А.) На Южном Сахалине / Сергий (Тихомиров Г.А.) // Краеведческий бюллетень. – 1991. – № 1. – С. 33–141.

10. Симадани, Р. Могами Токунай / Р. Симадани // Краеведческий бюллетень. – 2003. – № 1. – С. 3–19.

11. Сноу, Г.Д. Записки о Курильских островах / Г. Сноу // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 1. – С. 89–127.

12. Солярский, В.В. Современное правовое и культурное положение инородцев Приамурского края / В.В. Солярский. – Хабаровск, 1916. – 235 с.

13. Шубин, В.О. Курильские острова в период 1867–1877 гг. / В.О. Шубин // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 4. – С. 3–14.

14. Шубин, В. О. Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку / В.О. Шубин // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 4. – С. 15–36.

15. Шубин, В.О. Жизнь «курильцев» на Камчатке / В.О. Шубин // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 4. – С. 37–52.

16. Шубин, В.О. Миссионерская деятельность сподвижника И.Е. Вениаминова священника Якова Нецветова на Курильских островах / В.О. Шубин // Вестник Сахалинского музея. – 1999. – № 6. – С. 151–155.

УДК 355.13:796.853.42

Петров В.В.*, г. Хабаровск, Россия

ВЗГЛЯД НА ЯПОНСКУЮ КУЛЬТУРУ ОТНОШЕНИЯ К РОССИЙСКИМ ВОИНАМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БОЕВОГО ИСКУССТВА КЕНДО

Автор работы рассматривает традиции возвышенного отношения граждан Японии в воинскому искусству в целом и, непосредственно, к воинам, в том числе, к российским воинам, на примере почтения их памяти. Делается попытка анализа причин установки и содержания памятников русским воинам на местах их захоронений в Японии и Маньчжоу-го через призму личного опыта отношения к воинскому искусству, к философии Бусидо, к культуре отношений «ученик – учитель» со своими учителями кендо Шираищи Чихару и Канари Масухико. Воспитания своих учеников.

Ключевые слова: Япония, памятники русским воинам, кендо, воинское искусство, традиции, культура, воин, бусидо, казачество.

Petrov V.V., Khabarovsk, Russia

FRAMING THE ISSUE OF JAPANESE ATTITUDES TOWARDS RUSSIAN SOLDIERS FROM THE PERSPECTIVE OF KENDO MARTIAL ART

The author examines the traditions of the exalted attitude of Japanese citizens in military art in general and, directly, to the soldiers, including the Russian soldiers, on the example of reverence for their memory. An attempt is made to analyze the reasons for the installation and maintenance of monuments to Russian soldiers at their burial sites in Japan and Manzhou through the prism of personal experience with martial art, the Bushido philosophy, the student-teacher culture with his kendo teachers Shiraishi Chiharu and Kanari Masuhiko. Education of their students.

Key words: Japan, monuments to Russian soldiers, kendo, martial art, traditions, culture, warrior, bushido, Cossacks.

Вступление

Я родился на Дальнем Востоке России и воспринял восточные виды единоборств, в том числе, кендо (ныне – старший тренер сборной Российской Федерации по спортивной дисциплине кендо, педагог дополнительного образования (тренер) по физической культуре с использованием вида спорта кендо с 20-летним стажем, 4 дан кендо). Личный опыт, полученный от соприкосновения с культурой японских воинов, в моем случае, позволяет более точно и на практике понять культуру казачества, которое начало положительно восприниматься последние четверть века на государственном уровне [10; 14; 16].

* **Петров Виталий Владимирович**, руководитель Приморской краевой федерации кендо.
Petrov Vitaliy Vladimirovich, Head from Primorsky Regional Kendo Federation.
E-mail: primkendo@mail.ru

В 2014 г., во время своей поездки в г. Далянь, я имел возможность посетить русское кладбище, на котором имеются, в том числе, захоронения и памятник, посвященный русским воинам, погибшим в войне 1904–1905 гг., поставленный японцами. В 1988 г. русский мемориал в Китае объявлен памятником государственного значения и объектом, имеющим высокую культурно-историческую и художественную ценность. Открыт мемориал в сентябре 2010 г.

История создания погоста

Всему миру известен подвиг моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», который вызвал всеобщее восхищение. Даже японская пропаганда ставила в пример своим воинам наших матросов, поступивших, по их мнению, в чисто самурайском духе. По решению правительства Японии в Сеуле был создан музей памяти героев «Варяга», а капитан Руднев был представлен к награде орденом Восходящего солнца [6].

После прекращения военных действий, именно японские власти выступили с инициативой создать «Общество сохранения памятников войны» (далее – Общество), поддержанное японской общественностью, остро переживавшей гибель не только своих соотечественников в Манчжурии, но и русских людей. Позже к движению по увековечиванию памяти воинам, погибшим в этой войне присоединилось и правительство Российской империи.

Важно отметить, что первые три года проводилась работа не только по захоронению. Японцы продумали как создать цельный воинский мемориал, для напоминания потомкам о великом сражении и об уважении к воинам противоборствующей стороны.

Открытие и освящение Русского кладбища состоялось в 1908 г. Воинские почести были отданы японским полком и отрядом русских войск.

Немногим позже, японцы установили перед кладбищем большой щит, на котором сделали надпись на русском языке – «Русское военное кладбище. Сие кладбище устроено по Высочайшему Повелению Правительством Великой Ниппонской империи в октябре 1907 г. и тут покоится прах усопших русских военных»...

В городе Дальнем (Далянь) тогда же в одном из буддийских храмов был повешен колокол, отлитый на собранные пожертвования. К 1912 г. Русское кладбище в Порт-Артуре приняло законченный вид.

Японцы продолжали поиск останков погибших россиян на земле и под водой. И в дальнейшем не забывали отдавать дань памяти своим бывшим врагам. В 1913 г. для обустройства всех памятников Русско-Японской войны в Маньчжурии образовалось «Общество сохранения памятников войны в Маньчжурии». Различные памятники русским воинам имеются и на островной части Японии: в заливе Немуро (о. Хоккайдо), п. Хэда, г. Фудзи (памятник Е. Путятину), у подножия вулкана Фудзияма, в г. Иокогама (23 моряка с российских боевых кораблей), в г. Хакодате (герои Синопского

сражения и обороны Севастополя), в г. Нагасаки (92 захоронения до Русско-Японской войны и еще 160 скончавшихся в 1905 г.) и т.д. [5]. Не наблюдалось изменения отношения к могилам русских воинов в исторической перспективе, к примеру, после окончания Второй мировой войны, в которой Япония потерпела поражение. Причинно-следственные связи данных явлений и процессов следует искать в культуре и психологии японцев.

Современная российская общественность, в частности представители СМИ, считают постыдным то, что, в отличие от японцев, россияне менее почитают героев русско-японской войны начала XX в. [1].

Культура японского народа

Для того, чтобы понять европейскому человеку японскую культуру, причину установления памятников воинам вражеской стороны, необходимо проникнуть в особенности психологии японцев. Ярким примером сохранения и возрождения воинской культуры является история зарождения, рассвета, затухания и восстановление на государственном уровне японской культуры самураев. Восточные люди подходят к различного рода ремеслам и искусствам, в том числе и к боевому искусству, как к религии, буквально обожествляя их, создавая культ профессии. Такое отношение к накопленному культурному опыту предков в России, к сожалению, утрачено [13, с.12].

Специалисты отмечают, что в японском национальном характере рельефно выделяются такие черты, как приверженность традициям, этноцентризм, преданность авторитету, чувство долга и др. [12, с. 31]. В частности, в японском народе сформировалась и сохранилась в определенной степени по сей день воинская культура или кодекс воинской чести «*бусидо*» (в буквальном переводе с японского «*путь воина*», где *буси* – воин, *до* – путь) [13, с. 139].

Об отношении японцев к воинской культуре жители России узнали сравнительно недавно. Первая книга, рассказывающая о боевом искусстве кендо российского автора В. Савилова появилась в 1992 г. [13], а первый перевод на русский язык японского профессора университета наук г. Токио Хироси Одзава – лишь в 2000 г. [15].

Мое знакомство с культурой бусидо произошло в конце XX в., когда в на Дальнем Востоке РФ впервые появились представители кендо (японский национальный вид спортивного фехтования на тренировочных мечах, сделанных из бамбуковых пластин). Начало развитию кендо на территории Дальнего Востока России положил в 1997 г. мастер боевых искусств Сергей Александрович Степанской (1958 г.р.), житель с. Вольно-Надеждинское Надеждинского района Приморского края – выдающийся спортсмен ряда направлений спорта, таких как бокс (кандидат в мастера спорта), ушу, каратэ нескольких стилей (3 дан), тренер указанных видов спорта, участник ряда престижных международных соревнований [9, с. 24–25]. В 2002 г. им была создана Приморская краевая федерация кендо (далее – ПФК), при-

нимавшая участие в чемпионатах различного уровня, как российских, так и международных, неоднократно становясь чемпионами и призерами [4]. С 2009 г. куратором ПФК является мастер кендо 6 дана Чихару Широищи (Токио, Япония) [2].

Наш род по мужской линии является казачьим [11]. Культура бусидо оказалась созвучной традициями и культуре Казачества, потому была легки и гармонично принята, стала основой дальнейшей жизненной традиции, в том числе, понимание философских причин уважительного отношения японцев к воинам (к людям воинского сословия).

Понятие (слово) «бусидо», как и «самурай», вошло в западные языки как заимствованное слово, обозначающее «национальный, особенно военный, дух Японии; традиционные представления о рыцарстве старого самурайского сословия». Буквально оно означает «путь воина» и впервые появляется в конце XVI в. в сочинениях Тори Мототада (1539–1600 гг.) [3, с. 3].

В бусидо есть три первостепенных качества: верность, правильное поведение и храбрость. Мы говорим о верном воине, справедливом воине и храбром воине, и только тот, кто наделен всеми тремя добродетелями, является наилучшим воином [3, с. 13]. Ибо он обладает тремя качествами: верностью, преданностью и доблестью, а его славное имя останется в памяти потомков [3, с. 40].

Идеи бусидо отражены во многих произведениях японской литературы, в частности, в книге «Хагакурэ». В произведениях четко прослеживается тематика данной философии: честь, смерть, доблесть, преданность господину, самосовершенствование. Красной нитью в «Хагакурэ» проходит идея смерти, рядом с ней стоит доблесть: «Вы можете потерять свою жизнь, но честь – никогда» [12, с. 132–134].

О том, что бусидо является живой культурой японского народа, говорят данные исследований Института математической статистики Японии по проблеме «Национальный характер», проводившие исследования в 1961–1975 гг. На вопрос: «Как вы расцениваете поступок 47 самураев периода Токугава, отомстивших за смерть своего господина»? – 29 % ответили, что они этот поступок одобряют, 34 % – что это было правильно для того времени. Критически высказалось лишь 11 % из 2254 опрошенных [12, с. 140–141].

После буржуазной революции 1868 г. ношение меча в Японии было запрещено, самураи, как сословие, перестали существовать. С этого времени, кендо становится видом спорта. Если ранее изучать приемы фехтования строжайше разрешалось только самураям и членам их семей, то во второй половине XIX в. этот запрет исчез, по всей стране открывались и набирали популярность различные школы кендо. Кендо становится самым популярным традиционным национальным спортом в Японии, а культура бусидо – национальной идеей. Ныне во многих японских школах кендо является физкультурным предметом, а колледжах и университетах обяза-

тельно есть клуб кендо [13, с. 22]. По разным источникам кендо в Японии занимается от 7,5 до 10 млн человек.

Самураи в средневековой Японии были сословием, состоящим из знатных и не знатных воинов и находящихся на военной службе у господина. Их можно сравнить с европейскими рыцарями, проводивших всю жизнь в тренировках и битвах [13, с. 14]. Тоже самое можно сказать о казачьем народе и казачьем сословии в России.

Японский писатель Кан Кикутити накануне второй мировой войны пишет, что бусидо, будучи «путём война», стало путем всей нации. «Можно смело сказать, что все лица мужского пола в возрасте от 20 до 40 лет, являются войнами» [8]. Долин А.А. книге «Кэмпо – традиция воинских искусств» показывает, что, несмотря на то, что меч, которым можно биться, стал деревянным, но философия сохранилась [7, с. 179].

Именно в контексте культуры бусидо, этой вековой традиции почтительного отношения к доблестным воинам хочется рассмотреть (и следует, с моей точки зрения, рассматривать) отношения японцев к российским (русским) участникам Русско-Японской войны 1904–1905 гг.

В качестве вывода

Думается, что японские архивы имеют некоторое количество фотографий русского кладбища, равно как и документов, на основании которых принимались решения о создании Общества и сборе средств на строительство памятников. Помимо исторических документов, я полагаю, в Японии есть исторические публикации и воспоминания о времени создания кладбища и совместного с русскими, проведения торжественных мероприятий, которые представляют значительный научный интерес.

Список литературы

1. Алексин, В. Память о русских людях хранит Япония / В. Алексин. – URL: http://nvo.ng.ru/history/2000-09-01/5_memory.html (дата обращения: 27.09.2019).

2. Алембаева, С. Надеждинцы выбирают кендо / С. Алембаева // Утро России. – 2011. – № 21. – С. 3.

3. Бусидо. Военный канон самурая с комментариями / пер. с японского яз. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. – Москва : АСТ, 2016. – 336 с.

4. Вольных, Ю.П. Золото Надеждинского района / Ю.П. Вольных // Трудовая слава. – 2016. – № 51(10512). – С. 8–9.

5. Гузанов, В.Г. И праху близких поклониться …: русские воинские кладбища в Японии: ист. хроника / В.Г. Гузанов; об-во «Россия-Япония»; «Росзарубеж – центр» при Правительстве РФ. – Москва : Япония сегодня, 2000. – 128 с.

6. Две победы крейсера «Варяг». – URL: http://www.3rim.ru/news/dve-pobedy-krejsera-varyag (дата обращения: 25.09.2019).

7. Долин, А.А. Кэмпо – традиция воинских искусств / А.А. Долин, Г.В. Попов. – Москва : Наука, 1990. – 429 с.

8. Кан Кикути. События и дух бусидо / Кан Кикути // Восточное обозрение. – 1941. – № 6.

9. Кендо как новый вид физкультурно-спортивной деятельности в процессе воспитания школьников / автор-составитель В.В. Петров. – Большой Камень : Златоуст, 2018. – 56 с.

10. Петров, В.В. Государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта на примере Общественной организации «Приморская краевая федерация кендо» / В.В. Петров // Дипломная работа Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры». – Москва, 2019. – 102 с.

11. Петров, В.В. Роль этнического казака Степанского С.А. в развитии Гражданского общества Приморского края. Тезисы / В.В. Петров // Казаки: вопросы истории и развития этноса: мат-лы Межрегион. (с международным участием) науч.-практ. конф. – Чита, 2019.

12. Пронников, В. А. Японцы. Этнические очерки / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов – Москва : Наука, 1983. – 270 с.

13. Савилов, В. А. Кендо – путь к мужеству и благородству // Для учащихся ст. классов / В.А. Савилов. – Москва : Просвещение, 1992. – 144 с.

14. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества (с изменениями и дополнениями). – URL: http://base.garant.ru/188922/ (дата обращения: 28.09.2019).

15. Хироси Одзава. Кендо. Полное практическое руководство / пер. с англ. В. Пузанова. – Киев : София, 2000. – 192 с.

16. 15 июля 1992 г. президент России Ельцин подписал Указ о реабилитации казачества. – URL: http://ruskazaki.ru/-NoD5v (дата обращения: 28.09.2019).

УДК 316.614(=1.571.6-81)

Титорева Г.Т.*, г. Хабаровск, Россия

СОВЕТИЗАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭВЕНОВ ОХОТСКОГО РАЙОНА В 1920-Е ГОДЫ

Статья посвящена этнической истории эвенов Охотского района Хабаровского края в 1920-е гг. Рассматриваются меры органов советской власти по внедрению новых форм хозяйствования и самоуправления, по поддержке традиционных промыслов, мероприятия в области народного образования, медицинского и ветеринарного обслуживания. По архивным материалам прослеживается начало процессов советизации и социализации эвенов Приохотья.

Ключевые слова: охотские эвены, советское строительство, коренные народы Дальнего Востока, коллективизация.

Titoreva G.T., Khabarovsk, Russia

SOVIETIZATION AND SOCIALIZATION OF THE EVENES IN OKHOTSK DISTRICT IN 1920S

The article is devoted to the ethnic history of the Evens of the Okhotsk region of the Khabarovsk Territory in the 1920s. In the article discussed measures of the Soviet authorities to introduce new forms of management and self-government, to support traditional crafts, activities in the field of public education, medical and veterinary services. According to archival materials, the beginning of the processes of Sovietization and socialization of the Evens of Priokhotye is traced.

Key words: Okhotsk Evens, Soviet construction, indigenous peoples of the Far East, collectivization.

Становление советской власти на Охотском побережье проходило трудно, сопровождалось кровопролитным противостоянием и затянулось до 1923 г., когда отрядом под командованием С.С. Вострецова было разгромлено восстание армии генерала А. Пепеляева, а затем, в 1925 г., были подавлены выступления отрядов М. Артемьева и П. Карамзина.

В 1923 г. в Охотске был организован Охотский уездный революционный комитет, на смену которому в 1926 г. был создан исполнительный комитет Охотского районного Совета депутатов трудящихся. С первых лет своего существования в Приохотье советские органы власти стремились вовлечь в

* **Титорева Галина Теодоровна**, канд. искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.
Titoreva Galina Teodorovna, Candidate of Art Criticism, Head of the Research Sector of Ethnography of the Khabarovsk Regional Museum after N.I. Grodekov.
E-mail: mazo2005@mail.ru

процесс социалистического строительства и коренных жителей побережья – эвенов (ламутов) и эвенков (тунгусов). Однако необдуманная национальная политика в первой половине 1920-х гг., незнание особенностей местной этнической культуры, непосильное налоговое бремя привели к неприятию новой власти со стороны коренного населения. Понадобилось время, чтобы исправить политические ошибки, учесть печальный опыт Тунгусского восстания 1924–1925 гг., выработать формы и методы работы с «туземцами». РИК и районное бюро ВКП (б) старались учитывать интересы коренного населения, распространять практику самоуправления [13, с. 34, 40].

В августе 1925 г. состоялся Первый тунгусский съезд Охотского побережья, в котором приняли участие делегаты 22 тунгусских родов. На съезде обсуждались насущные для коренных жителей вопросы снабжения товарами первой необходимости, формирования сети учреждений образования, медицинского обслуживания и другие.

В Охотском районе в современных его границах проживают эвены[1].

По сведениям Приполярной переписи 1926/27 г. в Охотском районе насчитывалось 535 национальных хозяйств (из 588 с населением 2455 чел.). Подавляющее большинство из них занималось мелкотабунным транспортным оленеводством и охотой, постоянно кочуя за стадами оленей. Кочевой образ жизни эвенов, языковой барьер создавали определенные трудности в работе советских органов по политическому просвещению, социально-экономическому и культурному переустройству жизни «туземцев». Тем не менее, эти вопросы неизменно стояли в повестке заседаний Охотского РИКа и районного бюро ВКП (б), на которые приглашались представители коренного населения. Они выступали с докладами, принимали активное участие в обсуждении различных тем [5, л. 27; 6, л. 95, 96; 7, л. 14,16; 8].

Одной из первоочередных задач новая власть считала снабжение обитателей отдаленных стойбищ и кочевников боеприпасами, оружием и предметами первой необходимости. В крупных стойбищах были созданы магазины-фактории. С 1928 г. стала активно развиваться система кооперации. Было организовано Охотское интегральное кооперативное товарищество «Промысловик», в функции которого входило обеспечение эвенских оленеводов различными товарами. Значительная доля снабжения таежников и закупки пушнины принадлежала Акционерному Камчатскому обществу (АКО). Вопросами охотничьего промысла в районе и обеспечения его необходимыми материалами и орудиями занималось отделение Дальохотсоюза. Общий план по снабжению Охотского района на 1928/29 г. составил 1 261 480 руб. [11, л. 43]. Вместе с тем, работа по снабжению вызывала многочисленные нарекания со стороны таежных кочевников. Они

[1] В 1930 г. в результате административного районирования в рамках Дальневосточного края был образован Охотско-Эвенский округ, в который входили Аяно-Майский, Ольский, Охотский, Северо-Эвенский и Тугуро-Чумиканский районы. В 1934 г. Охотский район стал частью Нижнеамурской области, а с 1938 – Хабаровского края.

жаловались на нехватку необходимых товаров, на их качество и несоответствие спросу. Для координации и контроля над всеми снабжающими организациями, а также частными промышленниками и торговцами, для соблюдения качества доставляемых в тайгу товаров при РИКе была создана специальная торгово-кооперативная комиссия. В 1927/28 отчетном году наблюдалось снижение цен почти на все товары первой необходимости [11, л. 67].

Весной, перед отелом оленей, эвены съезжались из тайги на традиционные ярмарки. Советские органы власти и учреждения стали использовать их для встречи с кочевниками, осуществления идеологической, просветительской и экономической работы [11, л. 25]. Например, на Инской ярмарке 1928 г. было «собрано пушнины на 15 тысяч рублей… пополнены паи до 300 рублей. Выдано бонуса на 166 рублей. Дано в кредит 300 руб. Тунгусы более охотно принимали за пушнину серебро, чем кредитки…» [10, лл. 1–2; 11, л. 25]. Для развития традиционных промыслов эвенов, экономического подъема этнических хозяйств Советская власть, различные учреждения и общества активно использовали систему кредитования [6, лл. 37, 40, 97; 7, л. 20].

Важным решением советской власти было освобождение кочевников от всех налогов и старых долгов [5, л. 30]. И хотя для честных и законопослушных эвенов это нововведение было не совсем понятным, тем не менее, оно избавило их от кабальных отношений с коммерсантами и значительно облегчило материальное положение. Кроме этого, были отменены ограничения в правилах охоты, разрешена бесплатная ловля рыбы [12, с. 47]. Вместе с тем, выросли закупочные цены на пушнину.

В1926 г. в Охотском районе начали создавать Родовые Советы и Родовые Собрания, призванные обеспечить возможность самоуправления в традиционных этнических сообществах и установить связь районных органов власти с коренным населением [13, с. 41]. Придавая большое значение деятельности этих низовых звеньев структуры новой власти, было принято решение установить плату для председателей Родовых Советов в размере 50 рублей, а для председателей Родовых Собраний – 30 руб. в месяц [1, л. 59]. В 1928 г. Охотский РИК объединял 18 Родовых Советов [9, л. 7]. Выделялись средства на выезды сотрудников РИКа в таежные кочевья. Учитывая общую неграмотность оленеводов, в большинстве сельских туземных советов ввели штатную единицу технического секретаря [2, л. 130]. С целью активизации и оптимизации процессов самоуправления в среде эвенов в 1928 г. была начата работа по переходу от Родовых Советов к территориальным Туземным Советам и организация при них Туземных судов [8, лл. 42, 70об.]. К работе Туземных судов привлекались наиболее авторитетные представители эвенских родов.

Одной из основных задач нового государства была коллективизация хозяйства. В 1929/1930 г. на основе устава северной смешанной промысловой артели на Улье был организован первый эвенский колхоз «Хулан Эвен» («Красный эвен»), который впоследствии служил образцом для все-

го района. Он имел стадо из 400 оленей, большинство из которых было приобретено на средства долгосрочного кредита. Ульинские эвены одними из первых организовали и рыболовецкую артель [5, л. 129]. Советские органы власти стремились поддержать оленеводство в районе. Для этого существовал «оленный кредит», на средства которого приобретались олени для малоимущих эвенов. В 1927 г. на Арке начали создание питомника по разведению оленей. Регулярно из Охотска в стада оленей совершались выезды специалистов ветеринарной службы для осмотра животных и оказания необходимой помощи [1, лл. 78, 181].

В конце 1920-х гг. в национальных производственных коллективах большое значение придавалось развитию рыболовного промысла. Изначально им занималось, преимущественно, русское население района. Однако со временем и оленеводческие хозяйства освоили новый промысел, ставший наиболее прибыльным [14 с. 205]. Через Охотсоюз осуществлялось снабжение эвенов рыболовными снастями и закупка улова [8, л. 42 об.].

Экономическое развитие Охотского района требовало увеличения транспортных возможностей. Главным средством для пассажирских и грузовых перевозок в условиях северной тайги служили олени. Для транспортных работ использовали как колхозных оленей, так и личных. Работали на транспорте, в основном, эвены – опытные кочевники, хорошо знающие местность. Эта деятельность стала новой статьей дохода для коренного населения района [7, л. 14, 15].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в эвенских хозяйствах Охотского района начинают внедряться и другие новые отрасли хозяйства – огородничество и лесозаготовки. Был заложен опытно-показательный огород при Аркинском интернате и общественный огород на Улье [5, л. 70об.]. Эти направления деятельности были связаны с политикой «оседания», насаждаемой среди эвенов. Обустройство стационарных поселков, где располагалось Управление колхоза, требовало строительства жилья, школ, магазинов, фельдшерского пункта и т.п. [3, л. 21].

Помимо хозяйственно-экономических задач, советские органы уделяли большое внимание социализации эвенов, повышению их образовательного уровня и политической грамотности, медицинскому обслуживанию таежных кочевников. В 1927 г. была организована экспедиция отряда РОККа[2] в таежные стойбища и кочевья оленеводов. В ходе экспедиции было «привито от оспы 440 чел., принято больных – 307 чел., проведено бесед – 17, сделано докладов – 2». По результатам поездки на заседании РИКа ставились вопросы о необходимости открытия в национальных поселках Иня и Арка фельдшерских пунктов, снижении наценок на мыло, умывальники, палатки и печи, что позволит улучшить санитарно-гигиеническую остановку в семьях эвенов [5, л. 129]. Фактории Охотсоюза снабжались медикамен-

[2] РОКК – районное отделение Красного Креста.

тами первой необходимости. В летнее время, когда таежные кочевники выезжали к морю на рыболовный промысел, из Охотска направляли медработника или целый отряд Красного Креста для проведения обследования и оказания медицинской помощи [8, лл. 7, 42 об].

Важным в деле советизации коренного населения района было формирование национальных кадров, специалистов в различных областях социалистического строительства. Уже в середине 1920-х гг. для профессионального образования (фельдшеров, учителей и т.п.) в учебные заведения Хабаровска, Ленинграда направлялось 7–9 человек из числа коренных этносов, а в дальнейшем планировалось ежегодно отправлять на учебу из района до 30 человек «тунгусов и камчадалов» [4, лл. 9, 19]. Была начата работа по составлению русско-тунгусского словаря [8, л. 44].

Актуальными для развития Охотского района и вовлечение его коренного населения в социалистическое строительство были проблемы ликвидации всеобщей неграмотности. Для начального образования детей и взрослых, кочующих на удаленных территориях, было принято решение об организации передвижной школы [4, л. 19]. В конце 1927 г. в с. Арка был открыт интернат для детей оленеводов. Финансирование народного образования в Охотском районе год от года повышалось. Так, в 1925/26 г. оно составило 16538 руб., а в 1926/27 г. – уже 32852 руб. [7, л. 8]. В 1926–1927 гг. в национальных стойбищах Охотского района функционировало две избы-читальни и пять Красных уголков [1, л. 87]. Однако проблема ликвидации неграмотности среди кочевого населения еще долгое время оставалась не решенной.

В 1927 г. в Охотске был открыт Дом туземца, где могли останавливаться оленеводы во время поездок в районный центр, вестись культурно- и санитарно-просветительная работа, оказывались юридические консультации [5, л. 211]. Планировалось строительство аналогичного учреждения и в с. Иня [8, л. 42 об]. Были созданы кустарные артели для переработки сырьевых продуктов хозяйства эвенов и изготовления предметов широкого потребления – меховой одежды, обуви, ровдуги. К этой работе привлекались и женщины, что имело большое значение, поскольку эта социальная категория практически не была вовлечена в «строительство новой жизни» [8, л. 70].

Таким образом, 1920-е гг. послужили началом процессов советизации и социализации эвенов Охотского района, получивших более интенсивное и планомерное продолжение в 1930-е гг. Целью этой деятельности была реализация государственных планов по распространению новой власти в самых отдаленных уголках большой страны и вовлечении коренных малочисленных народов в общие социально-экономические преобразования. Кочевой образ жизни, самоизолированность этнических групп, тотальная неграмотность эвенов, сложные климатические и транспортные условия Охотского района значительно усложняли работу среди местного населения в достижении поставленных задач. Эвены не сразу восприняли новые формы общественных и хозяйственных отношений. Социалистическое пе-

реустройство жизни происходило в Приохотье значительно медленнее, чем в центральных районах страны. Тем не менее, усилия органов советской власти по внедрению новых форм хозяйствования и самоуправления, поддержка традиционных промыслов, мероприятия в области народного образования, медицинского и ветеринарного обслуживания, политика лояльности и патронажа в отношении к коренному населению имели реальные результаты в 1930-е гг. – на следующем этапе их этнической истории.

Список литературы

1. Муниципальный архив Николаевского района (МАНР). – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 5.
2. МАНР. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 9.
3. МАНР. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д.15.
4. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 1.
5. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 1б.
6. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 2.
7. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 2а.
8. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 2б.
9. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 3.
10. МАНР. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 5а
11. МАНР. – Ф. Р-43. – Оп. 1. – Д. 2б.
12. Мухачев, Б. Первый тунгусский съезд Охотского побережья / Б. Мухачев, А. Фетисов // Краеведческие записки. – Магадан : Книж. изд-во, 1966. – Вып. VI. – С. 33–49.
13. Пикалов, Ю.В. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг.: социальное развитие / Ю.В. Пикалов, А.А. Асеев. – Хабаровск : РИОТИП, 2009. – 240 с.
14. Титорева, Г.Т. Проблемы колхозного строительства в Охотском районе в 1930-е гг. / Г.Т. Титорева // Социальные и гуманитарные науке на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 202–206.

УДК 378.4(091)(571.6)

Трубич О.А.*, г. Уссурийск, Россия

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ВОСТОКОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1897–1899)

В статье рассматривается деятельность государственных структур Российской империи по созданию на Дальнем Востоке востоковедческого учебного заведения – Восточного института. Статья раскрывает основные этапы государственной дискуссии о проектах востоковедческого заведения, его местонахождении, статусе и др.

Ключевые слова: Восточный институт, восточные языки, Владивосток, АМ. Позднеев, Министерство народного просвещения, С.Ю. Витте.

Trubich O.A., Ussuriysk, Russia

ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN ORIENTAL STUDIES IN THE FAR EAST OF RUSSIA (1897–1899)

The article deals with the activities of state structures of the Russian Empire to create in the Far East a new type of institution – the Institute of Oriental Studies. The article reveals the main stages of the state discussion about the projects of the Institute of Oriental Studies, its location, status, etc.

Key words: the Institute of Oriental Studies, oriental languages, Vladivostok, A.M. Pozdneyev, Ministry of Public Education, S.Y. Witte.

В конце XIX в. Россия столкнулась с масштабными задачами на Тихоокеанском побережье – потребностью в освоении восточных окраин империи, где проживало не только русскоязычное население, но и китайцы, корейцы, японцы; важностью установления разнообразных контактов с соседними государствами – Китаем, Японией, Кореей, Тибетом и др. Для их решения требовалось наличие большого числа российских специалистов со знанием восточных языков.

Социально-политические преобразования, проводимые российским правительством на Дальнем Востоке в это время, требовали от государства решительных действий в деле организации подготовки востоковедов. В рамках решения этой проблемы в 1897 г. Министерство народного про-

* **Трубич Ольга Анатольевна,** канд. истор. наук, доц., старший преподаватель кафедры образования в области романо-германских языков Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.
Trubich Olga Anatolyevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Education in the Field of Romano-Germanic Languages of the School of Pedagogy at Far Eastern Federal University.
E-mail: trubich@mail.ru

свещения подготовило один из первых проектов Института восточных языков на базе Владивостокской мужской гимназии [2, с. 3]. Структура предполагаемого учебного заведения включала один подготовительный, семь общеобразовательных и три специальных класса. Общеобразовательные классы, начиная с третьего, делились на два отделения: гимназическое и восточное. Последнее в свою очередь являлось подготовительным курсом для специальных классов с двумя отделениями: китайско-корейско-японское и китайско-корейско-монгольское [6, л. 50]. Цель заключалась в том, чтобы за три года обучения дать выпускникам общее среднее и специальное востоковедческое образование, т.е. о высшем образовании речь не шла.

Открытие учебного заведения на востоке империи поддержал министр финансов С.Ю. Витте, внимательно изучивший данный проект и обсудивший его с представителями Министерства финансов. В письме к министру народного просвещения Н.П. Боголепову от 9 декабря 1897 г. С.Ю. Витте выделил несколько вопросов, которые, по его мнению, требовали особого внимания. В частности, подготовка специалистов должна была учитывать дисциплины экономического, юридического циклов. В дальнейшем эти знания становились применимыми в дипломатической, административной и торгово-промышленной областях [9, л. 88]. Кроме того, С.Ю. Витте беспокоило одновременное изучение сразу трёх восточных языков, каждый из которых был трудным. В этом случае обучение принимало теоретический характер, не имело значения в практической деятельности. Во избежание низкой результативности такой подготовки он предложил включить в учебную программу только два восточных языка: китайский и один из трёх по выбору (японский, корейский или монгольский) [10, л. 70].

В связи с тем, что в первоначальном проекте наблюдались недочеты, управленец государственного масштаба С.Ю. Витте заключил: «Затрудняясь поэтому согласиться с предложениями Министерства народного просвещения, я полагал бы необходимым, в виду сложности вопроса образовать особую комиссию из представителей Министерства народного просвещения и Министерства финансов вместе со специалистами из профессоров восточного и других факультетов с поручением ей обсуждения данного вопроса» [4, с. 107]. В 1898 г. такая авторитетная комиссия была создана. В ее состав вошли профессора Санкт-Петербургского университета: по кафедре монгольской словесности А.М. Позднеев, китайской словесности – Д.А. Пещуров, арабской словесности – барон В.Р. Розен и молодой начинающий приват-доцент по кафедре истории Дальнего Востока Д.М. Позднеев. [6, л. 110].

Деятельность комиссии на стадии обсуждения существенно изменённых, отредактированных документов об учебном заведении, о штатах, расписании занятий, программах и других вопросах нашла отражение в протоколах заседаний, состоявшихся в феврале, марте, апреле, мае 1898 г. [4, с. 107]. В них можно увидеть позицию высших чиновников и профессорско-преподавательского состава – вуз должен готовить не второстепенных

исполнителей, не толмачей и переводчиков, а образованных представителей российского государства для дальнейшего развития дальневосточной окраины. Требовались «люди, не только основательно знающие языки народов Дальнего Востока, но и культуру их, и притом люди с достаточно широким взглядом, который приобретается, главным образом, высшим образованием» [6, л. 142].

Комиссия сохранила название Восточный Институт, так как новые потребности меняли статус и структуру учебного заведения. Согласно второму проекту оно состояло только из высших классов. Курс обучения длился четыре года, со второго курса предусматривалась специализация на китайско-японском, китайско-корейском, китайско-монгольском отделениях [11, л. 156].

Важным являлось решение вопроса о дате открытия вуза. Министерство народного просвещения планировало его открыть в 1903 г. одновременно с окончанием строительства Китайско-Восточной железной дороги. Однако в таком случае первых выпускников института предстояло ждать ещё четыре года. Для стабилизации и сохранения своих международных позиций на Дальнем Востоке такое промедление для России являлось недопустимым. Открыть высшее учебное заведение, и в ближайшем будущем иметь нужных специалистов надо было как можно быстрее, т.е. в 1899–1900 гг.

Несмотря на то, что предусматривалось расположение вуза во Владивостоке, все же рассматривались три варианта: на территории Китая – Далянь-вань, на территории России – Владивосток и Иркутск. Однако Далянь-вань, как город, ещё не существовал. Его строительство планировалось начать, как минимум через 2–3 года после открытия института. Иркутск к концу XIX в. утратил прежние позиции центра, связывавшего Российскую империю со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [4, с. 107].

По поводу «практичности открытия Восточного института в городе Владивостоке» высказывались сомнения, так как могли сказаться малочисленность образовательных заведений и низкий культурный уровень населения [3, с. 3]. Действительно, в середине 1890-х гг. во Владивостоке проживало около 20 тыс. чел. Общее количество учащихся составляло 376 чел., что являлось недостаточным для наполняемости будущего учебного заведения. Привлечение потенциальных студентов из других городов страны представлялось невозможным по причинам удалённости Владивостока от центральных российских губерний, высоких цен на билеты и дорогое проживание [6, л. 107]. В такой ситуации «едва ли можно было рассчитывать, чтобы вновь учреждаемое высшее училище имело достаточное количество слушателей» и необходимое количество профессоров и преподавателей [4, с. 108]. Совершенно иных позиций придерживались руководители Министерства народного просвещения и профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев. Они считали, что присутствие иностранцев в городе давало бы студентам возможность общаться с

представителями азиатских стран, совершенствовать навыки разговорной речи, узнавать особенности быта, культуры. По этому поводу приводили красноречивый аргумент: «Владивосток в некоторых своих кварталах имел вид совершенно азиатского города, где среди массы корейцев, японцев, китайцев совершенно не было видно русского человека» [8, л. 80].

При окончательном решении вопроса о расположении института именно во Владивостоке решающую роль сыграл геополитический фактор. Территориальная близость города с восточными странами являлась идеальным местом для создания российской школы практического востоковедения. Определяя численность студентов, учитывалось, что большое количество слушателей может неблагоприятно повлиять на успешность преподавания, поэтому было принято решение ограничить число учащихся на первом курсе до 60 чел. [12, л. 57].

Активно обсуждался вопрос об образовательном цензе директора Восточного института. В результате комиссия пришла к выводу о том, что директор должен иметь учёную степень и желательно мог читать лекции по одному из предметов курса, так как «этой мерой усиливается нравственное влияние директора на профессоров через близкое соприкосновение с ним. Преподавая сам один из предметов, директор лучше может судить о результатах, достигнутых другими преподавателями» [14, л. 60].

Немало споров вызвала проблема об изучении в институте маньчжурского языка. Первоначально этот язык не входил в программу обучения. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков считал изучение маньчжурского языка необходимым для Дальнего Востока, тем более, что в Маньчжурии сохранилось делопроизводство на маньчжурском языке, что и представляло практический интерес для студентов во время заграничных командировок [8, л. 81-об]. Рассмотрением этой проблемы занялся декан факультета восточных языков В.Р. Розен, поддержавший точку зрения Приамурского генерал-губернатора. Однако включать маньчжурский язык на китайско-монгольском отделении виделось нецелесообразным, так как освоение одновременно нескольких восточных языков не могло привести к хорошим результатам. Члены комиссии разделяли точку зрения барона В.Р. Розена и высказали мнение за открытие ещё одного отделения с изучением маньчжурского языка и специального предмета по изучению политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной [8, л. 99]. В итоге ещё одно отделение пополнило Восточный институт.

Не остался в стороне вопрос финансового обеспечения вуза. Особое внимание уделялось оплате труда профессорско-преподавательского состава и сотрудников. Оклады в Восточном институте предусматривались несколько выше, чем оклады соответствующих должностных лиц в университетах России. Обосновывая данное положение, комиссия указывала, что «жизнь во Владивостоке чрезвычайно дорога». Высокий оклад директора Восточного института комиссия аргументировала его «весьма сложными

обязанностями как начальника совершенно нового по своему типу учебного заведения», который одновременно руководил ещё и гимназией при вузе [13, л. 25].

Кроме штатных сумм, отпускаемых на содержание института из государственной казны и пожертвований, предусматривалось взимание платы со студентов, посторонних слушателей и поступавших на вечерние курсы. Первым предложением по ежегодной стоимости обучения была сумма 100 руб. Однако не все члены комиссии были согласны, считая, что «плата в 100 руб. слишком высока, так как в первое время в институте будет ощущаться скорее недостаток в студентах, чем переполнение ими, высокая плата будет лишь удерживать многих от поступления в институт». В конечном итоге комиссия изложила данный параграф «Положения о Восточном институте» следующим образом: «Плата за обучение в институте взимается со студентов в количестве 25 руб. за полугодие» [4, с. 109].

Следующий этап организации востоковедческого образования на Дальнем Востоке связан с деятельностью Государственного Совета, где в 1899 г. на уровне соединённых департаментов государственной экономии и законов с привлечением представителей Министерств народного просвещения, юстиции, внутренних дел, финансов, военного и др. ведомств продолжилось изучение вопроса о Восточном институте. В ходе дискуссии мнения разделились. Член Государственного Совета М.С. Каханов, военный министр А.Н. Куропаткин, член совета министра финансов В.В. Верховский, министр народного просвещения Н.П. Боголепов, член Государственного совета барон Ю.А. Искуль, член совета Государственного контроля А.П. Иващенков, тайный советник Н.Э. Шмеман, заместитель министра финансов П.М. Романов отстаивали позицию, ориентированную на необходимости открытия Восточного института на Дальнем Востоке России [7, л. 15]. Другая группа – управляющий Морским министерством Н.М. Чихачёв, член Государственного Совета, Государственный контролёр граф П.Л. Лобко, члены Государственного совета Н.В. Шидловский, В.П. Череванский, А.П. Игнатьев – выступала против открытия вуза на Дальнем Востоке России [15, л. 106]. Именно по их мнению программа института являлась сложной, так как включала дисциплины экономического, юридического и исторического циклов. При таком подходе у студентов не хватало времени на основательное изучение восточных языков [1, л. 8]. С этим не был согласен министр финансов С.Ю. Витте, поскольку практическая составляющая заключалась в изучении восточных языков и дисциплин, раскрывавших особенности развития той или иной страны [6, л. 145]. А.М. Позднеев, активно участвовавший в разработке обсуждаемых документов, в своей специальной записке [14, л. 37] «противникам» создания Восточного института отмечал, что дисциплины, входившие в учебную программу, формировали полное представление о странах Азиатско-Тихоокеанского региона и способствовали «на благо служения интересам России на Дальнем Востоке» [9, л. 107].

Против открытия Восточного института выступало и Министерство иностранных дел (МИД), оставляя привилегию школам в Кульдже и Урге, где готовили переводчиков и толмачей для службы в Сибири и Туркестанском крае. Альтернативой также являлись коммерческие училища, средние и низшие школы для подготовки служащих на железной дороге, русско-китайские школы для подготовки низших должностей из числа иностранцев. Более дешёвый способ представлялся в учреждении с 1 июля 1899 г. специальных классов японского и корейского языков при Владивостокской мужской гимназии, что являлось «весьма практичным» [1, л. 8].

Сторонники Восточного института аргументировали свою позицию следующим образом. Именно МИД, который нуждался в специалистах с высшим образованием, редко принимал на службу выпускников школ Урги и Кульджи, даже если они имели звание «толмача». Их уровень подготовки давал возможность работать лишь в пограничных полицейских управлениях или учреждениях, выдававших билеты для проезда на территорию Китая. Как правило, они не могли перевести документы правового или экономического содержания [9, л. 107]. Рекомендуемые же курсы, как при учебном отделении МИДа, не знакомили слушателей ни с географией, ни с историей, ни с общественным строем изучаемых стран. Открытие школ в восточных странах не являлось целесообразным. Большую часть составляли «омонголившиеся и окитаевшиеся» учащиеся. Главным требованием виделось наличие контингента русских людей [1, л. 8]. Ещё один недостаток – сложность контроля учебного процесса. Меньше поставленным целям в подготовке востоковедов отвечали классы китайского, корейского, японского языков. По своему уровню они стояли даже ниже специальных курсов при учебном отделении восточных языков департамента МИД [6, л. 109-об.]. Восточный институт не ставил перед собой задачу готовить контингент для железной дороги, так как идея создания вуза преследовала широкие государственные цели.

Необходимо было выбрать нужное решение и определить, что в ближайшей перспективе будет наиболее выгодным: подготовка толмачей или квалифицированных востоковедов. С.Ю. Витте ещё раз настоятельно высказал мнение, что открытие Восточного института являлось важным и неотложным делом государственного значения. [16, с. 114].

В результате Восточный институт получил статус уже не среднего, а высшего учебного заведения, курс обучения составлял четыре года. Основу востоковедческого образования составляло профессиональное овладение восточными языками: китайским, японским, маньчжурским, монгольским. Их изучали на четырёх отделениях: китайско-японском, китайско-корейском, китайско-монгольском, китайско-маньчжурском. Языковая подготовка сочеталась с освоением экономики, истории, коммерческой географии, этнографии, политическим устройством азиатских стран. [5, с. 4].

10 мая 1899 г. общее собрание Государственного Совета вынесло решение представить на утверждение императору проект положения и штата Восточного института. 24 мая 1899 г. «Мнение Государственного Совета об учреждении Восточного института» было утверждено императором Николаем II.

Список литературы

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР АН). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 152.
2. Владивосток. – 1897. – 10 августа.
3. Дальний Восток. – 1899. – 20 октября.
4. Еланцева, О.П. Государственная политика в области высшего образования на Дальнем Востоке России (рубеж XIX – XX вв.) / О.П. Еланцева // Совершенствование качества высшего профессионального образования : сб. тр. Всеросс. науч.-метод. конф. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. – С. 105–110.
5. Правительственный вестник. – 1899. – 13 июня.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 813.
7. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 29. – Д. 55.
8. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 8. – Д. 29365.
9. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 151. – Д. 90.
10. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 153. – Д. 67.
11. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 155. – Д. 1213.
12. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 156. – Д. 270.
13. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 166. – Д. 564.
14. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 201. – Д. 300.
15. РГИА. – Ф. 740. – Оп. 44. – Д. 57.
16. Трубич, О.А. Государственная политика Российской империи по развитию востоковедческого образования на Дальнем Востоке / О.А. Трубич // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 2. – С. 111–115.

УДК 316.722:821

Сахатский А.Г.[*], г. Уссурийск, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО НАНАЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ИЗОБРАЖЁННЫЕ В РОМАНЕ-ТРИЛОГИИ ГРИГОРИЯ ХОДЖЕРА «АМУР ШИРОКИЙ»

Статья посвящена анализу системы образов романа Григория Ходжера «Амур широкий» с точки зрения отражения в ней социокультурных изменений традиционного нанайского общества, произошедших в первой половине XX в. Основой этого общества была религиозно-культовая его организация, в результате социокультурных изменений она была заменена принципом социально-экономических взаимосвязей людей.

Ключевые слова: социокультурные изменения, традиционное нанайское общество, религиозно-культовая организация общества, система образов романа Григория Ходжера «Амур широкий».

Sakhatsky A.G., Ussuriysk, Russia

SOCIO-CULTURAL CHANGES IN TRADITIONAL NANAI SOCIETY REPRESENTED IN GRIGORY HODGER'S «AMUR WIDE» TRILOGY

The Article is devoted to the analysis of the system of images of Gregory Hodger's novel «Amur wide» from the point of view of its reflection of socio-cultural changes in traditional Nanai society that occurred in the first half of the twentieth century. The basis of this society was its religious and cult organization, as a result of socio-cultural changes, it was replaced by the principle of socio-economic relationships of people.

Key words: socio-cultural changes, traditional Nanai society, religious and cult organization of society, the system of images of Gregory Hodger's novel «Amur wide».

Роман-трилогия нанайского писателя Григория Гибивича Ходжера (1929–2006) «Амур широкий», написанный в период с 1965 по 1973 г., включает в себя романы «Конец большого дома», «Белая тишина», «Амур широкий». Первая книга трилогии охватывает временные рамки начала XX в., вторая – события революции, гражданской войны в России и интервенции японцев и американцев на Дальний Восток, третья книга рассказывает о времени строительства социалистического общества и заканчивает повествование тридцатыми годами XX в. В центре повествования – судьба большой нанайской семьи, главой которой был охотник и рыболов Баоса

[*] **Сахатский Алексей Геннадьевич,** канд. филос. наук, доц., заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Приморской государственной сельскохозяйственной академии.
Sakhatsky Alexey Gennadievich, Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the Primorsky State Agricultural Academy.
E-mail: Shtilmanugpi@yandex.ru

Заксор. В судьбах главных героев романа отразились особенности социокультурных изменений традиционного нанайского общества, которые происходили по причине как внутренних противоречий самого этого общества, так и по причине революционных изменений в мире в первой половине XX в. О внутренних противоречиях традиционного нанайского общества ярко повествуют первая и вторая книги трилогии, в первую очередь это противоречия между традициями и обычаями, утверждавшими безоговорочную власть главы семьи над судьбой своих детей: Баоса Заксор выстраивает свои взаимоотношения с сыновьями на основе родовых законов, дающим право отцу решать все спорные ситуации во внутрисемейных конфликтах так, что его решения не могут быть подвергнуты сомнению. Однако, экономическая и психологическая дифференциация внутрисемейных отношений приводит к тому, что его сыновья Полокто и Пиапон уходят от него и начинают жить самостоятельными семьями. Кроме этого, у нанайской молодёжи возникает протест против договорных браков, когда невесту сыну выбирает глава семейства, а родителям невесты при выходе замуж родители жениха платят калым (по-нанайски – «тори»). Личные любовные чувства молодых людей никоим образом не учитываются родителями, и это толкает свободолюбивых молодых людей на побег из дома отца для создания собственной семьи по любви, а не по договору. Так поступает сын Баосы Пота, а большая нанайская семья распадается, законы традиционного общества подвергаются сомнению.

К числу внешних причин, повлиявших на начало процесса социокультурных изменений нанайского общества относится процесс развития товарно-денежных отношений, который включал в себя всё большее количество жизненных ситуаций героев романа, но самым губительным оказался случай соединения денежных отношений и религиозных верований нанайцев. Как показала в своей статье «Ю.А. Сем об общественно-культурной основе родовой организации у нанайцев» Т.Д. Булгакова [1, с. 92–99], нанайское традиционное общество в своей основе имело, прежде всего, религиозно-культовую организацию, а материально-экономическая и кровно-родственная его стороны имели не главное, а второстепенное значение. Григорий Ходжер сюжетной линией и системой образов своей художественной трилогии это ярко и убедительно показывает. Так гибель главы семейства Баосы Заксора в результате несчастного случая имеет причину в сильном стрессовом состоянии от того, что герой романа узнал о взимании его родственниками денег с других родственников при исполнении религиозных обрядов со священным жбаном клана Заксоров. Сюжетная линия, связанная с этим предметом религиозного культа, выглядит символичной, так как нарушение чистоты религиозной веры денежными отношениями – это только начало распада традиционной семьи Заксоров, а в конце романа, уже в послереволюционное время, этот процесс распада завершается окончательно тогда, когда один из младших Заксоров – ком-

сомолец Кирка отбирает священный жбан у главного шамана Богдано, чтобы отдать его в этнографический музей. И после этого большая семья Заксоров и весь клан Заксоров окончательно прекращают своё существование, на смену религиозно-культовой и кровно-родственной системе общества приходят социально-экономические связи создающегося нового общества техногенной цивилизации. И финал романа об этом говорит недвусмысленно: один из главных героев произведения, не относящихся к роду Заксоров, – старик Холгитон – спешит к себе домой, чтобы увидеть загоревшуюся первую в его доме электрическую лампочку. А перед таким финалом писателем была завершена сюжетная линия, связанная с шаманом Богдано, который стал жертвой эгоистических действий карьериста, сотрудника НКВД Дубского. Примечательно, что почти все герои романа, за исключением старшего поколения, без сожаления расстаются с традицией шаманизма, а Дубский, подозревая, что у шамана Богдано Заксора имеются настоящие тайны шаманизма, путём запугивания шамана арестом и обвинением в антисоветской деятельности надеется стать обладателем этих тайн. Но ни Дубскому, ни нанайцам молодого поколения, увлечённым строительством социализма, остаётся недоступной главная тайна шамана, которую он и не собирался хранить в тайне: молодое поколение не воспринимало всерьёз шаманизм, так как на смену шаманам пришла западная медицина, со всей убедительностью демонстрировавшая свою эффективность при лечении болезней тела, но шаман Богдано в романе откровенно говорит о том, что главное дело шамана заключается не в лечении болезней тела, а в лечении болезней души. «Все люди кроме обыкновенных болезней болеют еще внутренней, душевной болезнью – когда они не могут верить во что-нибудь. Это плохая болезнь. Я внушал людям веру в то, во что им хотелось верить», – говорит шаман Богдано в беседе с одним из главных героев романа Пиапоном, который в ответ ему говорит о силе веры в советскую власть и в то, что в своём большинстве люди являются честными. Однако, старый шаман в ответ ему говорит о недолговечности объединения людей на основе социально-экономических связей: «Когда люди одной семьи в большом доме, каждый беспокоится о сетках, неводах, и подсушит лучше и зашьет дыру. А когда соберутся люди разных родов, каждый будет надеяться на другого и делать всё в полсилы». Когда позже, много лет спустя, уже не в романе, а в жизни советского общества стала исчезать вера людей в социализм, кто тогда оказался бы прав в этом споре Пиапона с шаманом Богдано? Под «душевной болезнью» шаман Богдано понимал утрату мировоззрения, которое даёт человеку высший смысл жизни. Техногенная цивилизация, дав человеку смысл жизни в комфорте, сытости и независимости от стихийных сил природы, не может дать ему смысл жизни в контексте конечности человеческого существования. Однако, главных героев романа Григория Ходжера, относящихся к молодому поколению, это мировоззренческое обстоятельство не затрону-

ло, они с увлечением создают новое социалистическое общество, учатся, создают колхозы и верят, что социализм принесёт счастье, а смысл своей жизни видят именно в достижении этого простого жизненного счастья. Никто из них даже не задумывается о том, что же будет после достижения этого счастья. Единственный из персонажей, кто строит социализм, но одновременно с этим глубокомысленно всматривается в будущее и многого не может понять в этом будущем, – это Пиапон, но и он захвачен процессом мобилизационной экономики и не может на многое происходящее взглянуть со стороны.

Но что же безвозвратно теряют герои романа Григория Ходжера при всех положительных приобретениях нового индустриального общества эпохи строительства социализма (уважение к человеку труда, социальная справедливость, приобщение широких масс к культуре и образованию)? Нанайцы много столетий выстраивали сложный способ взаимоотношения человека и природы, в котором на первом месте было сходство всех форм живого на планете с человеком, человек и живая природа были едины, не противопоставлены друг другу. В таком мировоззрении человек брал от природы ровно столько, сколько ему было необходимо для выживания, и он понимал, что, если он возьмёт больше, то нарушит, говоря сегодняшними словами, экологическое равновесие, а это, в свою очередь, создаст серьёзные проблемы для выживания его рода в будущем. В романе-трилогии Григория Ходжера «Амур широкий» эта особенность мировоззрения людей традиционного нанайского общества показана ярко и образно: это и различные сцены охоты, и религиозные обряды, в которых человек общается с природой как с равной себе силой, пытается найти в этом общении компромисс, не усиливая и так очевидные противоречия. И в то же время контрастом на этом фоне показана история убийства на охоте тигра, который мешал не удачной охоте свободных нанайских охотников, а выполнению государственного плана, который должен был выполнить колхоз: убийство тигра нанайские охотники уже не воспринимают так, как это было в традиционном обществе, где подобное событие сопровождалось бы своеобразным религиозным чувством вины перед убитым тигром – хозяином тайги. Наоборот, охотник Холгитон охотно везёт труп тигра на автомобильном транспорте, охотно фотографируется журналистами с убитым тигром как герой. Человек начинает себя противопоставлять природе, и это с особой силой показано в сцене массовой гибели рыбы в результате непродуманных действий по рыбной ловле с помощью строительство заездка (способ запорного рыболовства). Если сознание человека традиционного общества в каждом природном объекте или существе пытается угадать родственное начало, то человек индустриального общества видит в природе материал для решения социально-экономических проблем, но не более того.

Не менее существенной потерей для нанайцев, изображённых в романе Григория Ходжера, стала утрата способности моделировать связи с

усопшими предками, сохранять память о них, сохраняя вместе с этим уникальность своей традиционной культуры. Наиболее вдумчивые молодые нанайцы, герои романа, эту проблему чувствовали, но не смогли осознать всю её глубину и важность. Так очень характерен в этом отношении образ нанайского комсомольца Ултумбы, вот сцена из романа, где Ултумба беседует с нанайскими охотниками:

«Охотники замолчали, задумались.

– Говорят, советская власть всех бачика (*православных священников* – примечание автора статьи) выгоняет, а шаманов как?

– Шаманы – это нанайские попы.

– Что, их тоже будут выгонять? Куда?

– Никуда не выгонят, просто запретят им шаманить.

Охотники заволновались, вполголоса заговорили между собой. Женщины позади мужчин заспорили во весь голос. Раздались возмущенные голоса.

– Бачика вредный, гоните. А шаманов нельзя гнать. Кто будет лечить больных?

– Доктора будут лечить.

– Кто будет отправлять души умерших в буни?

На этот вопрос Ултумбу не ответил. Это был единственный вопрос, на который он затруднялся ответить. Он знал свой народ, обычаи, знал, что родственники, не справившие религиозный праздник касан и не отправившие душу умершего в буни, берут на себя самый большой грех. Но как объяснить охотникам, что нет у умершего никакой души, что нет буни, что все это выдумка?

Богдан следил за Ултумбу. Лицо его оставалось спокойным, но глаза выдавали растерянность».

Если душа человека – это выдумка, как считает Ултумба, то и душа народа также не существует, но от чего же тогда болит душа современных нанайцев, которые пытаются вернуть утраченную связь со своими предками?

Литература

1. Булгакова, Т.Д. Ю.А. Сем об общественно-культурной основе родовой организации у нанайцев / Т.Д. Булгакова // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России : сб. научных статей / отв. ред. А.Ф. Старцев; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток : Дальнаука, 2016.

УДК 008:641(571.6)(091)

Чернов В.А.[*], г. Хабаровск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИИ ПИТАНИЯ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В ходе освоения Дальнего Востока переселенцы из разных частей России сталкивались с другими условиями жизни. В первую очередь, это касалось условий снабжения и производства продуктами питания, гастрономическими обычаями коренного населения и жителей соседних стран. Необходимость в адаптации к новым условиям привела к трансформации культуры питания.

Ключевые слова: культура питания, Дальний Восток, переселенцы, сельское хозяйство, производство продуктов питания.

Chernov V.A., Khabarovsk, Russia

ON NUTRITION ANTHROPOLOGY IN THE SOUTH OF THE FAR EAST

In the Russian Far East, during its development, large masses of people came from different parts of Russia, here they were faced with other living conditions. First of all, this concerned the conditions of supply and production of food, the gastronomic customs of the indigenous population and residents of neighboring countries. The need to adapt to new conditions has led to the transformation of food culture.

Key words: food culture, Far East, immigrants, agriculture, food production.

Освоение огромных территорий Дальнего Востока, вошедших в состав Российской империи, было сопряжено со многими трудностями, связанными с большой удалённостью от уже освоенных и обжитых территорий. Заселение новых земель для их освоения требовало и перемещения больших масс народа из других, кардинально отличающихся местностей. Эти местности отличались климатом, флорой, фауной, рельефом, условиями земледелия и прочими специфическими характеристиками. Поэтому на первых порах пришлое население не способно было сразу обеспечивать себя продовольствием, и требовалось обеспечивать его продуктами питания и орудиями их производства.

Это в корне меняло условия привычного быта, населению пришлось приспосабливаться к новым условиям, приобретать новые привычки и традиции. И в первую очередь это касалось как питания, так и способов его приобретения и производства.

[*] **Чернов Владислав Афиногенович,** канд. ист. наук, доц., старший научный сотрудник Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Chernov Vladislav Afinogenov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Far Eastern State Transport University.
E-mail: vl.af.chernov@mail.ru

Самая населённая часть Дальнего Востока – южная, которая была присоединена к России в середине XIX в. Юг Дальнего Востока, также как и северная его часть, значительно удалена от Европейской России, но его отличие состоит ещё в том, что он граничит с другими государствами: Китаем, Кореей, Японией. Не малую долю здешнего населения составляли и коренные малочисленные народы. Все эти условия влияли на вынужденную трансформацию не только культуры питания, но и разнообразия продуктов, его производства.

Север Дальнего Востока, освоение которого началось ещё в XVII в., характеризовался малочисленностью населения, практически отсутствием дорог и сложностью как снабжения населения продовольствием, так и его производством на месте. Например, хлеб на Камчатку доставлялся из Иркутска через Якутск в Охотск по местностям, где не было не только дорог, но даже и достаточного населения. Парусные суда, которые доставляли продовольствие, не всегда доходили до места назначения, и население оставалось без продовольствия. Некоренное население, неприспособленное к суровым условиям, зачастую гибло, в том числе от голода и болезней, связанных с нехваткой или отсутствием разнообразия в продуктах. Русское население из-за недостатка привычных продуктов питания утрачивало культуру русской кухни и переходило на традиционное питание коренного населения. Основной пищей у оседлого населения была рыба, мясо дикого зверя и птицы, съедобные стебли и клубни некоторых растений, ягода, у кочевого – оленье мясо. Огороды на Камчатке появились у русского населения значительно позже, когда была выяснена плодородность почвы у вулканов.

Что касается южной части российского Дальнего Востока, то он заселялся несколькими «волнами». Первой волной была необходимость обеспечения продовольствием значительного воинского контингента, переброшенного сплавами по Амуру во время Крымской войны (1853–1856) для защиты восточных рубежей нашей страны. Во время второго сплава (1855) вместе с войсками в низовье Амура были переселены забайкальские казаки. Во время сплава 1857 г. уже были образованы станицы по левому берегу Амура для обеспечения транспортной артерии и связи на протяжении всей реки.

Необходимо отметить, что всё побережье Охотского моря – это территория, в лучшем случае, рискованного земледелия. Все попытки «насаждения» хлебопашества ранее в Охотске или Удском остроге не привели к положительным результатам, урожай был крайне ничтожный, а в холодные годы посевы даже не всходили. На Амуре условия были получше, но хлеб в низовье не успевал вызревать, поэтому земледельцы перешли в основном на овощные культуры. Вся надежда оставалась на привозные продукты, так как в достатке здесь была только рыба.

С установлением судоходства на Амуре русские товары стали завозиться из Читы пароходами и баржами с момента вскрытия рек. В мае они

достигали Благовещенска – столицы Амурской области, образованной в 1858 г. на вошедших в состав России землях на левом берегу Амура. Пока баржи стояли у городской пристани население города и окрестностей спешило запастись продуктами, которых в другое время нельзя было достать. Распродав некоторую часть привезённого, баржи следовали вниз по Амуру до Николаевска.

В это время в быстро растущий Николаевск, начиная с 1857 г., потянулись представители различных торговых фирм, отечественных и иностранных. В конце 50-х гг. XIX в. здесь вели дело 35 купеческих фамилий. Иностранные торговцы имели в Николаевске свой собственный квартал. В 1857 г. в порту побывало семь иностранных судов, в 1858 г. – пятнадцать [10, с. 25]. Приведём описание Николаевска того времени: «*Николаевская пристань вся завалена бочонками, ящиками, тюками и с американскими надписями, и с японскими и китайскими иероглифами – везде видна жизнь и движение. Непривычное ухо поражается звуками гиляцкого и китайского языков; в общем ходу – английский, и все живущие в Николаевске ему скоро выучиваются*» [3, с. 605].

К сентябрю и октябрю в Благовещенск прибывали уже иностранные товары из Николаевска. В основном это были вина, сахар, сигары, мануфактурные изделия и т.п. Вообще в Приамурском крае был развит довольно большой спрос на заграничные изделия, естественно, в более состоятельной части общества. Но не все иностранные товары завозились на Амур через Николаевск, хлеб и скот подвозился маньчжурами с китайского берега Амура. Быки покупались благовещенскими купцами и отправлялись вниз по Амуру либо в виде живого товара, либо уже в виде солонины в бочонках.

Благовещенск славился также и маньчжурскими ярмарками, которые собирались ежемесячно и продолжались в течение двух недель. На эти ярмарки помимо горожан съезжались и окрестные жители.

В связи с неритмичностью завоза продуктов цена на них сильно менялась в зависимости от сезона. Особенно в дефиците были молочные продукты, так как они отсутствуют в азиатской кухне и, соответственно, молочный скот в соседней Маньчжурии не выращивался.

Переселенческая политика Российского государства способствовала постепенному увеличению населения на вновь приобретённых землях в Приамурье и Приморье. До 1880 г. основной поток переселенцев шёл через Сибирь, в 1880 г. Добровольный флот стал совершать регулярные рейсы на линии Одесса – Владивосток, а с 1895 г. «заработал» сквозной «паровой» (паровозно-пароходный) путь через Сибирь, который позволил большему количеству переселенцев добираться до восточных окраин стран без лишних тягот [9].

С ростом количества населения возникает необходимость производить и перерабатывать сельхозпродукцию на месте, и самые благоприятные условия для этого складывались в Амурской области, которая становится

сельскохозяйственным центром Дальнего Востока. Этому способствовали не только климатические и почвенные условия, но и удобное транспортное сообщение – Благовещенск был центром судостроения и судоходства, здесь осуществлялась пересадка и перегрузка с мелкосидящих пароходов и барж, следовавших из Сретенска в Забайкальской области, на уже крупные суда, ходившие до Николаевска-на-Амуре, сюда же приходили и торговые караваны из Маньчжурии. Благовещенск был и столицей Амурского казачьего войска, и центром золотопромышленности, которая потребляла большое количество продовольствия [6]. На полях области применялась современная по тем временам техника, в основном американская, завозимая через Николаевск-на-Амуре, – сеялки, веялки и даже трактора. По мукомольной промышленности в начале XX в. Благовещенск вышел на третье место в Российской империи [8].

С развитием предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства (пивоваренные заводы, винокурение, мукомольное) у российских предпринимателей возросла востребованность в дешёвом сырье, необходимом для производства. С этого времени складывается традиционная ориентация амурского купечества на торговлю с Китаем. Одним из первых купцов, начавшим эту деятельность, был Тифонтай, в 1870-е гг. организовавший специальные рейсы-сплавы по реке Сунгари для закупки сырья и скота [1]. Тифонтай содействовал хабаровским купцам в открытии своих представительств даже в Шанхае [7, с. 49].

Но надо отдать должное, что всё-таки основными производителями сельхозпродукции оставались китайские и корейские граждане, которые владели методами и технологией обработки земли в дальневосточном климате. Корейцы, покинув свою родину в годы лихолетий, срезали свою косу, получали российское гражданство, и с ним такие же права на землю, как переселенцы [9]. Также как и манзы (китайские граждане) они сеяли просо, ячмень, пшеницу, бобы, фасоль, разные овощи, коноплю кунжут (масленичное растение). Способ возделывания земли был такой же тщательный, как и в малоземельном Китае. Плодопеременная система, старательное удобрение и постоянное выкапывание сорных трав, давали возможность им ограничиваться небольшим участком земли, снимая ежегодно обильную жатву без истощения почвы.

Благодаря притоку не только корейского, но и российского населения в южные районы Приморья сельхозпроизводство стало развиваться и здесь бурными темпами. Переселенцы, осваиваясь на новых землях, сохраняли поначалу свои обычаи. Малороссы пахали лемехами на волах, а сибиряки подымали землю сохой. Малороссы ели и на новом месте галушки и борщ, а сибиряки – свои похлебки. Русские сеяли пшеницу, рожь, гречиху, в меньшем размере – овёс и просо. Огороды обыкновенно примыкали к усадьбе и в них выращивали все овощи, которые переселенцы растили на родине. Уроженцы южных губерний не обходились без бахчей, дынь и ар-

бузов и разводили сады, прививая дикие яблони и груши. Эти особенности постепенно сглаживались под влиянием местных условий и заимствований у соседей [4, с. 427–428]. Обилие покосов и пастбищ давало возможность развитию скотоводства и росту молочного хозяйства.

Смена места проживания активно влияла на национальную кухню, заставляя её активно адаптироваться к местным климатогеографическим условиям. Столкновение культур привело к обогащению национальных кухонь. Совместное проживание на территории различных народов, несомненно, вело к общению, взаимообмену кухнями, традициями, обычаями и культурой потребления различных блюд [2].

Список литературы

1. Ван, Ц.И. Тифонтай в истории развития русско-китайского сотрудничества / Цзин Ин Ван, В.А. Чернов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : матер. IX междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 29–31.

2. Веретенников, А.Н. Этнические кухни в городе Хабаровске / А.Н. Веретенников, Ж.Ж. Чимитдоржиев // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. Вып. 4. – С. 203–211.

3. Грумм-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области / Г.Е. Грумм-Гржимайло. – Санкт-Петербург, 1894. – 655 с.

4. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семёнова, вице-председателя Императорского русского географического общества. – Т. 12. Ч. 2. Восточные окраины России. Приморская и Амурская области. – Санкт-Петербург; Москва : Издат. т-ва М.О. Вольф, 1895. – 473 с.

5. Чернов, В.А. Иностранный персонал в индустрии гостеприимства русского Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. / В.А. Чернов // Дальний Восток на перекрёстке культур : матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 147–150.

6. Чернов, В.А. История становления и развития индустрии гостеприимства Благовещенска / В.А. Чернов // Культура и туризм в современном мире: направления и тенденции развития : матер. Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (18–19 ноября 2010 г., г. Хабаровск). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2010. – С. 140–152.

7. Чернов, В.А. Очерки истории туризма Хабаровского края / В.А. Чернов. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. – 88 с.

8. Чернов, В.А. Приамурская выставка 1913 г. – ярчайший пример событийного туризма / В.А. Чернов // Индустрия туризма и гостеприимства в контексте межкультурной коммуникации : матер. V Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2018. – С. 170–175.

9. Чернов, В.А. Пути сообщения как фактор становления выездного туризма на Востоке России в XIX веке / В.А. Чернов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 1 (25). – С. 35–40.

10. Чернов, В.А. Становление гостиничного дела на Дальнем Востоке России : вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чернов Владислав Афиногенович / Дальневост. гос. гуманитар. ун-т. – Хабаровск, 2012. – 251 с.

УДК 641.565:612.68

Чимитдоржиев Ж.Ж.*, г. Хабаровск, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ КУХНИ: ВАЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Питание в религии имеет важнейшее значение и имеет валеологические корни. Пища и эволюция религии идут вместе и усложняются в своем развитии. На современном этапе развития, идет засорение рядов адептов профанами, которые привносят элемент дискредитации религии. Пищевые ограничения и предписания ведут к оздоровлению человека, в век современных пищевых технологий и достижения пищевой химии.

Ключевые слова: религия, адепты, валеология, этническая кухня, религиозная кухня, повседневный быт, сакральный смысл.

Chimitdorzhiev J.J., Khabarovsk, Russia

RELIGIOUS CUISINES: VALEOLOGICAL ASPECT

The power of religion is essential and has healthy roots. Food and the evolution of religion go together and become complicated in their development. At the present stage of development, there is a clogging of the ranks of adepts by profane people who bring an element of discredit to religion. Food restrictions and regulations lead to the improvement of human health, in the age of modern food technologies and advances in food chemistry.

Key words: religion, adherents, valeology, ethnic cuisine, religious cuisine, everyday life, sacred meaning.

Питание как базовая потребность человека под влиянием социума претерпела существенные трансформации. Питание является одним важнейших проявлений быта. «Быт – это обычное проявление жизни в её реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас как воздух, и, как воздух, он заметен нам только тогда, когда его не хватает или он портиться» [10, с. 12]. И питание окружено в зависимости исторически-культурного развития этноса ритуальным поведением, обычаями, традициями, стилем жизни, определяющим распорядок жизни социального индивидуума и т.д. [10]. Одним из основных направлений социализации питания это придание сакрального смысла питанию, еде, приему пищи и т.д. Все религиозные конфессии активно эксплуатируют феномен питания для своих целей [1; 2; 4;

* **Чимитдоржиев Жан Жанович**, канд. мед. наук, доц., доцент кафедры экономики и управления на предприятиях торговли Хабаровского государственного университета экономики и права.
Chimitdorzhiev Jean Jeanovich, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management at Trade Enterprises at Khabarovsk State University of Economics and Law.
E-mail: jeanjean@mail.ru

11; 13; 16]. Как отмечает Кабакова Г.И., питание является одним из важных форм коммуникаций с потусторонним миром, начиная с примитивных верований и заканчивая современными религиозными направлениями. «Пища становиться даром, который делается либо в профилактических целях, чтобы обеспечить гармонию в мире, либо в катарсических целях, чтобы восстановить нарушенное равновесие» [5, с. 399]. Соответственно поминальный обед становиться сакральным ритуалом помогающий душе усопшего достигнуть пункта назначения. И другие ритуалы приема пищи, как правило, носят сакральный характер, и в современном мире большинство обывателей не понимают тех сакральных символов скрытых в еде и в правилах его приёма. Несомненно, недопонимание этого ведет к отсутствию коннативной составляющей восприятия приема пищи и не позволяет полностью раскрыть перед едоком смысла происходящего. С появлением у человека зачатков верований, возник вопрос, каким образом коммуницировать с духами и другими проявлениями верований этноса. С усложнением религиозного поведения и социальной жизни человека, усложнилась и пищевая культура. Как отмечают многие исследователи, пищевая культура этноса тесно переплетается с религиозной составляющей, взаимовлияя друг на друга, формируют уникальный мир религиозной кухни [6; 7; 12; 14; 15].

Нами была проведена пилотная работа по выяснению наличия в городе Хабаровске религиозных кухонь. В работе использовался метод интервьюирования и монографический метод, как нам представляется, достаточные для получения предварительного представления картины. Было проведено 4 интервьюирования. Мы понимаем, что в такой работе сложно охватить все эпистимеологические поля феномены, поэтому ограничимся реферативным подходом к исследованию проблемы и попытаемся понять валеологические истоки.

В городе присутствуют четыре основных конфессиональных направления питания: христианская (православная кухня), иудаистическая (кашерная кухня), исламская (халяльная кухня), буддиская (вегетарианская кухня). Общее представление о сакральном характере пищи можно выразить валеологическим девизом «В здоровом теле – здоровый дух». Это можно объяснить, тем фактом, что питание является одним из важнейших факторов здоровья человека. Современный мир полон пищи[3] и полон гастрономических соблазнов, что ведет к гиперпотреблению пищи и как следствие, нарушение обмена веществ и общий дисбаланс организма, как следствие различные заболевания и самое распространенное алиментарное ожирение [4]. Естественно, это вызывает серьезную озабоченность общественности, подключение к этой проблеме религиозного института несомненно, внесёт свой значительный вклад в оздоровление нации. Анализ литературы показывает, что, как правило, все религиозные каноны несут в себе пищевые ограничения и глубокие сакраль-

[3] Следует оговориться, что это характерно для развитых стран.

ные смыслы. Ограничение пищевого поведения позволяет развить у верующего дух и волю. Многие религиозные практики ведут к очищению и просветлению, довольно часто можно слышать от адептов о религиозном катарсисе на фоне пищевых ограничений. Посты ведут к очищению организма от токсинов и улучшению самочувствия. Процесс детоксикации организма приводит к улучшению мозговых метаболизмов и это вероятно одно из предпосылок развития катарсиса [1; 2; 4].

Все информаторы и источники утверждают, что религиозные кухни универсальны и нет запретов на другие религиозные кухни. Ad hoc можно думать о генетической связи религиозных течений, собратья по религии плохого не посоветуют. Религиозная пищевая культура имеет общий корень и нам представляется это валеология жизни.

Делая вывод к своему пилотному исследованию необходимо сказать, что редукция такого феномена как религия, является тупиковым путём и соответственно нашу тему необходимо рассматривать во всём его многообразии, во всех его связях и т.д. Пищевая культура является только небольшой частью этого богатого феномена, в тоже время это очень важная часть обыденной жизни человека. Как мне сказал в своем интервью один из информаторов, нельзя этого делать, брать только питание и пытаться понять религию. К сожалению, мы вынуждены констатировать, тот факт что, большинство адептов остановились на уровне профанов[4], и подменяют сакральные смыслы на моду, гигиенические факторы, валеологические факторы и т.д. Такое поведение можно объяснить просвещенностью обывателя и результат 70 летнего атеизма в Советском Союзе [8; 9]. Хотя необходимо отметить, что даже такое поведение адептов ведет к оздоровлению здоровья и возможно это такой особый путь к вере.

Список литературы

1. Бурят-монгольская кухня. 200 рецептов : сборник – Улан-Удэ : НоваПринт, 2018. – 240 с.

2. Вамош, М.Ф. Кухня Библейских времен. От Райского сада до Тайного вечери / М. Файнберг Вамош – Херлия, Израиль : Пальфот ЛТД, 2018. – 104 с.

3. Гримо де Ла Реньер, А. Альманах гурманов / А. Гримо де Ла Реньер ; пер. с фр., вступ. ст., прим. В.А. Мильчиной. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.

4. Зауали, Л. Исламская кухня / Л. Зауали – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 224 с.

5. Кабакова, Г.И. Русские традиции гостеприимства и застолья / Г.И. Кабакова. – Москва : ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2016. – 464 с.

6. Капкан, М.В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России : динамика исторических изменений в XIX-XX вв. / М.В. Капкан // Человек в мире культуры. – 2013. – № 3. – С. 15–26.

[4] В данном контексте мы имеем виду человека остановившийся на пороге.

7. Курукин, И.В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина / И.В. Курукин, Е.А. Никулина. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 519 с.

8. Лебина, Н.Б Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н.Б Лебина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 488 с.

9. Лебина, Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е гг. / Н.Б Лебина. – Санкт-Петербург : Крига; Победа, 2015. – 484 с.

10. Лотман, Ю.М. беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII– начала XIX в.) / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 608 с.

11. Павловская, А.В. От пищи богов к пище людей. Еда как основа возникновения человеческой цивилизации / А.В. Павловская. – Москва : Ломоносовъ, 2018. – 320 с.

12. Павловская, А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса / А.В. Павловская // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира : сборник статей. – Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. – Вып. II. – С. 64–75.

13. Павловская, А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. Т. 2 / А.В. Павловская. – Москва : СЛОВО/SLOVO, 2009. – 544 с.

14. Павловская, А.В. Русское гастрономическое самосознание и 5 мифов о русской кухне / А.В. Павловская // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира : сборник статей. – Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. – Вып. II. – С.49–63.

15. Похлебкин, В.В. Национальные кухни наших народов / В.В. Похлебкин. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 330 с.

16. Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва : Наука, 2017. – 773 с.

УДК 141.72:008(510)

Штейнберг А.Г.*, г. Хабаровск, Россия

ФЕМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА

Появление на Дальнем Востоке России все большего количества выходцев из Поднебесной требует анализа социокультурных особенностей их быта и менталитета. В статье рассмотрены философские основы и культурологические особенности гендерных отношений в Китае. Уделено внимание трансформации теории и практики женственности в зависимости от влияния на мировоззрение китайцев даосизма, конфуцианства и буддизма. Статья знакомит с классическими китайскими подходами к этическим нормам феминности.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, роль женщины, даосизм, Инь, Ян, женственность, конфуцианство, мужчина, семья, права, обязанности, правила поведения, служение мужу, буддизм, положение женщины.

Steinberg A.G., Khabarovsk, Russia

PHEMALE ASPECTS OF CHINESE ETHNIC CULTURE

The emergence in the Far East of Russia of an increasing number of people from the Celestial Empire requires an analysis of the socio-cultural characteristics of their way of life and mentality. The article discusses the philosophical foundations and cultural features of gender relations in China. Attention is paid to the transformation of the theory and practice of femininity depending on the influence on the worldview of the Chinese people of Taoism, and Confucianism and Buddhism. This article introduces classical Chinese approaches to ethical femininity.

Key words: Far East, China, the role of women, Taoism, Yin, Yang, femininity, Confucianism, man, family, rights, duties, rules of conduct, serving the husband, Buddhism, the status of women.

Дальний Восток России сегодня представляет собой перекресток многих культур. Этнокультурное многообразие нашего региона невозможно представить и нельзя анализировать, не принимая в расчет жителей Поднебесной. Оказываясь у нас, китайцы, казалось бы, незаметно обустраивают свою жизнь и быт. В целом принимая социально-культурные и правовые нормы страны пребывания, наши соседи бережно сохраняют и не поступаются своими. Не стоит здесь перечислять традиционные качества китайцев, которые не просто во многом отличают их от других этносов Даль-

* **Штейнберг Алексей Генрихович,** канд. социол. наук, доц., доцент кафедры «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Steinberg Alexey Genrikhovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transport University.
E-mail: shtein@festu.khv.ru

него Востока, а еще и дают представление, почему современный Китай, пожалуй, самая передовая и богатая страна мира.

Особенности менталитета и поведения китайцев имеют многовековые корни и зиждятся на древних традициях. Стоит заметить, что как в самом Китае, так и среди мигрантов не последнюю роль сегодня начинают «играть» женщины. А это, оказывается, находит свое объяснение в китайской социальной традиции. В данном случае даже обращение к великим философским и культурологическим концепциям для нас носит характер конкретной социальной направленности. Китайская философия и, самое главное, быт, носили ярко выраженный характер лояльности женственности. Женственность была важнейшей частью мировоззрения и практики наших соседей.

Даосская мировоззренческая концепция тесно связана с культурой южного Китая, которая обладала собственной космологической системой, ориентированной на Запад – часть света, связанную с бессмертием. Там, согласно преданию, находится волшебная гора Куньлунь, на которой живет великое женское божество – *Владычица Запада – подательница бессмертия.* В поисках вечной жизни, уединения, и, стремясь постичь Дао, необходимо было достичь горной резиденции Владычицы Запада, и получить от нее снадобье, дарующее бессмертие. Как считает Кравцова М.Е., здесь присутствует развитое «учение о женственности», согласно которому само Дао наделяется в «Книге о пути и добродетели» женской ипостасью [2, с. 338].

Китайский комментатор Ван Би пишет в связи с этим: «Все наличное исходит из отсутствующего. То, что не имеет формы и имени, есть мать всего сущего: оно растит, вскармливает и приводит к завершенности» [2, с. 65]. Сославшись на Малявина В.В., мы можем заключить, что понятия «начало» и «мать» довольно близки для китайца. Графически иероглиф «начало» является образом женского чрева. Со времен Хань Фея в китайской мировоззренческой традиции начинают отождествлять «мать всего сущего» с силой, вскармливающей все живое, и даже с самим Путем.

В мире есть начало,
Его можно считать Матерью Вселенной.
Тот, кто постигает мать, чтобы знать ее дитя,
И познает дитя. Чтобы держаться за мать,
До конца своих дней избежит опасности [2, с. 267].

Отождествление женского (материнского начала) Инь с самим путем Дао основано на акте сокрытия, движением эволюции, возвращением к истоку. Как известно из канонов даосизма, жизненная сила человека течет по определенному Пути, представляющему собой высшую степень организации природы. Живущий в согласии с природой накапливал большое количество *ци*-энергии, происходящей от взаимодействия космических сил Инь и Ян. «Прирост» ци приводил к увеличению «дэ»-добродетели. Так вот, у китайцев считалось, что женщина наделена необыкновенной силой «дэ». В период правления династии Хань выражение «нюй дэ» обозначало из-

начально «добродетельную женщину». Из «Исторических записей» Сыма Цяня ясно, что «дэ» означает силу женщины, с помощью которой она может привязать к себе мужчину в основном за счет своей «волшебной женской силы», обеспечивающей ей превосходство над мужчиной. В книге «И Цзин» отмечается, что половой акт – фундамент жизни Вселенной, триумф космических сил Инь и Ян. Именно здесь «одна Инь и один Ян» соответственно обозначают женщину и мужчину. Сексуальное единение символизирует гексограмма, состоящая из триграммы «кань» – («вода», «облака», «женщина»), находящейся сверху и расположенной снизу триграммы «ли» – («огонь», «свет», «мужчина»). Элемент «женщина» в изображении, символизирующем полную гармонию в отношениях полов, занимает верхнюю часть гексограммы. Этот факт не менее важен, чем отмечаемый специалистами факт того, что в биноме инь-ян, первое всегда ставится на первом месте. Сравнение женщины с водой, а мужчины с огнем указывает еще и на различную сексуальную практику и опыт полов.

Стоит отметить, что даосские мудрецы-отшельники преклонялись перед женщиной, считая, что она стоит ближе к великим силам, нежели мужчина, поскольку в ее чреве зарождается новая жизнь.

Конфуцианская мораль, утвердившись в Китае, закрепила в умах диалектику «семья-государство». Принято считать, что конфуцианство ставит мужчин выше женщин. Это, однако, не означает, что *каждая* женщина стояла ниже каждого мужчины. Например, институт главных жен, которые были очень влиятельными лицами и пользовались непререкаемым авторитетом у домочадцев. Вообще, женщина в Китае играла далеко не последнюю роль в политике и управлении. Многие князья получали могущество или теряли безопасность именно в свете заключенных или расторгнутых союзов. Только незамужние девушки были серьезно ограничены в свободах передвижения и контактов. Замужние женщины в древнем Китае (VII–IV вв. до н.э.) пользовались относительной свободой. В доме они могли встречать друзей и гостей мужа и участвовать в дискуссиях, стоя за ширмой. Их свобода часто позволяла им даже заводить романы на стороне. Женщина могла оказывать серьезное влияние на ход политических событий. Об этом можно прочитать в «Книге песен». Множество свидетельств гендерного влияния высокопоставленных женщин на карьеру, здоровье и жизнь мужчин, а так же их свободы в интимных вопросах мы находим в трактате «Чуньцю и Цзочжуань».

К сожалению, очень немного известно об отношении самого Кун-фу-цзы к женщине. Классическое изречение на эту тему мы находим в трактате «Лунь юй» в главе XVII, где женщины приравнены к людям низшего сословия, к которым нельзя относиться дружелюбно, ибо они становятся неуправляемы. Игнорировать же женщин тоже нельзя – обижаются.

Поэтому аналитики единодушны: конфуцианство утверждает полное и безоговорочное превосходство мужчины над женщиной, четко определяя

социальное положение каждого члена семьи, предписывая определенные обязанности мужчинам и женщинам. В этой связи женщина оказывалась в роли малозначимого, хотя и обязательного члена семьи. Альковные же отношения в мировоззрении китайца по-прежнему формировал даосизм, и здесь – в спальне, женщина традиционно была в роли Великой Наставницы, Хранительницы Великой Тайны.

В связи с развитием конфуцианского понимания женственности особо интересен период династии Восточная Хань. Именно в это время в Китае жила госпожа Бань Чао (умерла примерно в 116 г. н. э.) Она могла бы претендовать на роль первой, единственной, но великой феминистки в Древнем Китае. Она ратовала за то, чтобы девушки получали такое же начальное образование, как и мальчики. Сама Бань Чао, рано овдовев, полностью посвятила себя литературе, обладая отточенным слогом и великолепной эрудицией. Император Хо даже назначил эту знатную даму наставницей императрицы. Госпожа Чао написала одну из наиболее фанатичных конфуцианских книг «Правила для женщин», где и обосновывала необходимость образования для женщин. При этом она вполне русле ортодоксального конфуцианства считала, что хорошо образованные женщины будут лучше подчиняться своим мужьям.

Для ознакомления с работой госпожи Чао обратимся к трактату «Шо фу», собранию переизданий Тао Цзун, изданному около 1360 г. в переводе Роберта Ван Гулика [1, с. 507].

Правило 1. О низком и унизительном положении женщины. Быть униженной, уступчивой, почтительной и вежливой, ставить себя после других; не говорить о своих достоинствах, не спорить, когда речь идет о недостатках. Поздно ложиться спать, рано вставать, не избегать трудностей от зари до темноты, не говорить о личном. Вести себя чинно и прилично, служа мужу; быть спокойной и сдержанной, не жестикулировать и не смеяться – «быть достойной продолжить род мужа».

Правило 2. О муже и жене. Если муж недостойный человек, он не сможет вести жену, если недостойна жена, она не сможет служить мужу. В «Книге ритуалов» говориться, что обучение мальчиков начинается в 8 лет, а в 15 его отправляют в школу. Почему бы не утвердить такие же правила для девочек?

Правило 3. О том, как быть почтительной и осторожной. Мужчину чтят за его силу, женщину за ее слабость «Быть почтительной и покорной – золотое правило замужества». Развлечения в спальне приведут лишь к распутству, распутство – к пустым разговорам, пустые разговоры – к еще большей моральной распущенности, а моральная распущенность приведет в тому, что жена станет с презрением относиться к мужу. Корень этого зла – в неспособности женщины научиться быть смиренной. Мужу и жене следует показать, что они живут в согласии и что их союз основывается на чувствах.

Правило 4. О качествах женщины. У женщины 4 качества: женские знания, женская речь, женская внешность, женские навыки. Женщине совсем не нужно быть очень образованной. Ее речи не должны быть умными; ей совсем не обязательно быть красивой или изящной; ее практические навыки не должны быть выше среднего уровня. А вот оставаться нежной и спокойной, постоянной и тихой, сдержанной и послушной, осторожной в словах и поступках, полностью подчиняться правилам во всем, чтобы она ни делала, – вот это настоящие достоинства женщины.

Умываться и мыть руки, носить подходящую одежду, регулярно принимать ванну, чтобы тело было чистым – это и есть суть женской внешности.

Уделять внимание искусству прядения и ткачества, не жестикулировать и не смеяться, быть аккуратной при приготовлении еды и вина для гостей – вот истинно женские качества.

Правило 5. Об устремлениях сердца. В соответствии с ритуалами мужчина имеет право иметь больше одной жены, но женщина не может иметь двух мужей. «Женщина осуществляет все свои возможности, получая любовь одного мужчины; и если она это теряет, для нее это полное поражение». Женщина должна добиваться привязанности мужа.

Правило 6. Полное повиновение. Есть периоды, когда любовь вызывает отчуждение, а почтительное поведение приводит к разрыву. Если муж говорит, что любит жену, а его родители считают, что она не достойна их любви, – это значит, что почтительное поведение жены приводит к ее падению.

Есть лишь один способ завоевать любовь родителей мужа – полное повиновение. Следует повиноваться и не возражать свекрови.

Правило 7. Гармоничное единение с братьями и сестрами мужа. Если жена хочет добиться любви мужа, в первую очередь ей следует завоевать любовь его родителей. Для этого она должна сначала приобрести любовь его братьев и сестер.

Ничто не поможет завоевать расположение братьев и сестер мужа лучше, чем скромность и повиновение. Скромность – основа добродетели, повиновение – правильная линия поведения жены.

Надо сказать, что, к сожалению, образ идеальной жены, описанной госпожой Бань так и не был достигнут. По свидетельству поэта и ученого Фу Сюяна (217–278 г. н. э.) после замужества женщина должна кланяться и стоять на коленях бесчисленное количество раз, смирено вести себя даже со служанками и наложницами. Женщину продолжали обвинять во всем, что происходило не так, как надо. Китаянка должна было быть готова к тому, что через несколько лет ее нежное лицо изменится, а ее муж станет искать новой любви.

Основы конфуцианства были поколеблены к VI в. н. э., когда Китай испытал не долгое, но сильное влияние буддизма, которое несколько изменило мировоззрение китайцев. В дополнение к уже имеющимся постула-

там женщины-наставницы в искусстве секса, буддистские тексты предлагали считать женщину вообще равной мужчине.

Все это серьезно укрепило положение женщины в Китае. Многолетняя «борьба» даосизма, конфуцианства и буддизма вокруг социально-половых вопросов в определенном смысле закончилась с падением династии Мин. Все произошло как в древней китайской поговорке: «Прекрасная женщина может быть причиной падения империи». Ссора двух генералов из-за наложницы в канун маньчжурского вторжения привела ко второй оккупации Китая.

Столкнувшись с иностранным гнетом, китайцы возродили принципы конфуцианства, и принцип разделения полов во всех областях бытия стал соблюдаться с особой строгостью. Так, в какой-то степени, китайскому этносу удалось избежать ассимиляции.

Мы абсолютно согласны с Ван Гуликом, который пишет: «в случае Китая историческое исследование китайских сексуальных отношений, главной пружины жизни, заставляет утвердиться в убеждении, что первоначально существовало равновесие мужских и женских элементов, изученных в Китае еще в начале нашей эры, что вызвало постоянство китайской расы и культуры» [1, с. 471].

Китайская традиция отношения к женщине имеет не просто сложную историю, но и весьма диалектична по сути. Ее нельзя привести к единому (европейскому или азиатскому) знаменателю – свести к негативной или позитивной онтологии женственности. Ведь даже воззрения госпожи Бань Чао, воспринимаются действительно как негативные только в плоскости социального анализа, в отношениях неравноправия гендеров. В них есть много полезного и поучительного. Ведь быть тихой, внимательной, услужливой, тактичной, приятной всем и стремится любить одного мужа не так уж плохо, если разобраться. Все это может стать и становится серьезной альтернативой «оголтелому» феминизму в европейском менталитете. Все это может отрицаться только в ситуации диалектического противостояния прав и обязанностей мужчин и женщин в современной России. Где на пути к освобождению от «мужского доминирования» начинают утрачиваться исконные начала женственности, способные гармонизировать общественные отношения.

Только в контексте двойного стандарта «одним можно, другим – нельзя» ориентация женщины на любовь, мужа, семью, детей, тактичность и заботливость может восприниматься сегодня в контексте слабости и зависимости.

Список литературы

1. Гулик, Р.В. Искусство секса в Древнем Китае / Р.В. Гулик ; пер. с англ. Н.Г. Касьяновой. – Москва : ЗОА Центрполиграф, 2003. – 560 с.

2. Кравцова, М.Е. История искусства Китая / М.Е. Кравцова. – Санкт-Петербург : Лань, 2004. – 378 с.

УДК 82–54

Алексеева В.В.[*], г. Хабаровск, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В данной статье рассматриваются основные темы и ведущие коммуникативные стратегии и тактики политической речи на примере инаугурационных выступлений американских и российского президентов. В статье осуществлена попытка анализа модели эффективного публичного политического выступления в условиях предвыборных кампаний.

Ключевые слова: инаугурационная речь; эффективная модель публичного выступления; традиционные ценности; коммуникативные стратегии и манипулятивные тактики; прецедентный феномен; качество речи; лингвистический анализ.

Alekseeva V.V., Khabarovsk, Russia

INAUGURAL ADDRESSES OF AMERICAN AND RUSSIAN PRESIDENTS: GENERAL AND REMARCABLE

This article is based on the comparative approach and deals with the communicative strategy and tactics of inaugural speeches on the example of B. Obama, D. Trump and V. Putin's performances, lexical and stylistic features of texts are considered. The hypothesis of this research is that the inaugural speech as a policy statement reflects social and economic expectations, moral values and language tastes, first of all, of that part of society which voted for future president. The linguoculturological analysis of texts allows to define the leading communicative strategy in addresses of American and Russian presidents. In the article it was made the attempt to build the model of an effective public political statement during election campaigns.

Key words: inaugural address, effective model of public speech, traditional values, precedent phenomena, manipulative tactic, main themes, communicative strategy, lexical and stylistic means.

Политические речи всегда вызывают огромный интерес как у их адресатов, так и у лингвистов. Такие речи заключают в себе основные принципы политической коммуникации как внутри социума, так и на межкультурном

[*] **Алексеева Вера Валерьевна**, канд. пед. наук, доц., доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Alekseeva Vera Valerievna, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: vera20@mail.ru

пространстве. В данной статье рассматриваются ведущие тактики и стратегии инаугурационных речей американских президентов Барака Обамы и Дональда Трампа, а также сделана попытка дать лингвокультуроведческий анализ модели торжественной речи российского президента В. Путина.

В США политической риторике отводится особое место. Школа публичных выступлений в этой стране имеет свои давние традиции, и связано это, прежде всего, с развитием демократических основ управления государства. В России опыт устных выступлений наращивается с конца XX столетия, и со сменой однопартийной системы управления государством становится сферой профессиональных интересов спичрайтеров и ученых-лингвистов. Однако, несмотря на активные исследования в области политического дискурса на постсоветском пространстве, выступления лидеров российского государства и руководителей политических партий значительно отличаются от их политических коллег из США как по уровню социально-политического красноречия, так и по выбору коммуникативных стратегий и тактик. Инаугурационные выступления, или как их еще называют «тронные речи», – молодой жанр торжественной риторики в современной России. У него нет своей лингвистической школы и устоявшихся традиций. Формирование модели такой речи напрямую связано с многовековой историей становления ораторского искусства в мире и изучением накопившегося опыта в развитии политического дискурса в странах с открытыми политическими системами управления обществом.

Данное исследование относится к разряду лингвистических и **посвящено анализу инаугурационных речей американских президентов** Б. Обамы (2008 г.), Д. Трампа (2017 г.) и Владимира Путина (2018 г.) на содержательно-речевом уровне.

Цель исследования – попытка доказать мысль о влиянии языковых вкусов и социальных потребностей целевых аудиторий на выбор ораторами коммуникативных стратегий и речевых тактик в борьбе за власть.

Принцип выполнения общих требований к торжественным публичным выступлениям сохраняется и при выборе основных тем инаугурационных речей, которыми являются **верность нации традиционным ценностям, тема исторического прошлого и преодоление трудностей экономического развития.** Все ораторы обращаются к теме **прав молодых людей** на достойное и качественное **образование,** а всех сограждан – на доступное и качественное **здравоохранение. Тема ответственности президента страны за судьбу нации** находит отражение в словах клятвы. Для политического дискурса российской риторики слово «клятва» имеет синоним «присяга». С этой точки зрения интересен анализ речевых тактик, используемых президентами для ее произнесения. Так, клятва Б.Обамы служить народу и его интересам произносятся не от первого лица, а от лица всех американцев. В этом оратору помогают тактика солидаризации и ее рече-

вые маркеры – местоимение *we* и глагол *will*. “*And we will act…We will build... We'll restore science…”*

В речи же Д.Трампа клятва звучит от первого лица, используя тактику воздействия на чувства слушателей, президент завоевывает аудиторию и вызывает ее уважение.

В. Путин так же, как и Б. Обама, использует тактику солидаризации и единения с нацией, что позволяет говорить о выражении огромного доверия народу и вере в его силы. *«Мы должны идти в ногу с глобальными переменами, выстраивать свою повестку прорывного развития, чтобы никакие преграды и обстоятельства не мешали нам самим и только самим определять свое будущее, воплощать в жизнь самые смелые наши планы и мечты… Мы обязательно добьемся успеха!»*

Тема «человек и государство» во всех трех речах связана с признанием первенства интересов народа в его отношениях с властью.

Для эффективной коммуникации президенты используют все известные ведущие коммуникативные стратегии (КС), но приоритеты расставляют поразному.

Так, например, для Б. Обамы ведущими стали **КС самопрезентации и ценностно-ориентированная коммуникативная стратегия,** которая выражается через:

– модальный глагол must;

– обращение к ценностям семьи, к простым человеческим и родительским чувствам;

– развитие идеи исключительности американского народа: *«We remain the most prosperous, powerful nation on Earth» // Мы остаемся самой процветающей и могущественной нацией на Земле.*

Российский президент в качестве основных КС выбирает ценностно-ориентированную стратегию и стратегию формирования эмоционального настроя.

Для американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа характерены одинаковые ключевые слова: nation, American spirit, prosper, God.

Таким образом, сравнительный анализ инаугурационных речей американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа и президента России В. Путина позволяет сделать следующие выводы.

1. Для создания эффективной модели публичного политического выступления необходимо использование механизмов речи как инструмента воздействия на сознание электората.

2. Выбор разных приоритетов в использовании коммуникативных стратегий связан с разными ожиданиями целевых аудиторий президентов. В речи Д. Трампа – это восстановление права равенства и социальной справедливости по отношению к великому американскому народу; Обама – связь поколений и исключительности нации; Путин подчеркивает важность

разрешения противоречия между простым человеком и бюрократическим государством.

3. Можно предположить, что выбор несложных лексико-синтаксических и стилистических средств явился той манипулятивной тактикой, которая помогла объединить простую и небогатую Америку вокруг харизматичного миллиардера, а патриотическая лексика, административный жаргон и восклицательные конструкции в обращении В.Путина необходимы для целевой аудитории оратора – представителей силовых структур и органов управления, т.е. для тех, кто несет ответственность за национальную безопасность и благополучие нации.

Список литературы

1. Аниховская, Т.В. Риторика интеллективного общения (на материале телевизионных программ Би-Би-Си): дис. … канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 190 с.

2. Аникина, П.С. Стилистические особенности, тактики и функции в первой инаугурационной речи действующего Президента США Барака Обамы / П.С. Аникина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6(48). – Ч. 2.

3. Маркова, О.А. Лингвокультурологический анализ речей российских и американских президентов / О.А. Маркова, Т.В. Харламова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-rechey-rossiyskih-i-amerikanskih-prezidentov

4. President Barack Obama’s Inaugural Address // The White House Blog. – URL: http://www.whitehouse. gov/blog/inaugural-address

5. President Donald Trump's Inaugural Address // The White House Blog. – URL: http://www.whitehouse. gov/blog/inaugural-address

6. Инаугурационная речь В. Путина // Официальный сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57416

УДК 378.014:316.77

Казачук Н.В.[*], **Авдошкина О.В.**[**], г. Хабаровск, Россия

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье освещены сложные вопросы организации поликультурного пространства в рамках образовательного учреждения, ставшего следствием современного интеграционного процесса, а также показана работа педагогического коллектива с детьми мигрантов, вовлечение их в систему межкультурной коммуникации. Кроме того, на примере опыта работы конкретной школы рассмотрены действующие проекты, направленные на интеграцию этнических мигрантов в социальное и культурное пространство региона и города.

Ключевые слова: педагогический процесс, образовательная инновационная площадка, поликультурное образование, поликультурное пространство, межкультурная коммуникация.

Kazachuk N.V., **Avdoshkina O.V.**, Khabarovsk, Russia

THE POLICULTURAL AS A FACTOR FOR EFFECTIVE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article deals with the complex issues of the organization poly-cultural space within the framework of the educational institution resulting from the integration of modern process, and also shows the work of the teaching staff with migrant children, their involvement in the system of intercultural communication. In addition, the example of experience of a particular school are considered active projects aimed at the integration of ethnic migrants in social and cultural space of the region and the city.

Key words: Pedagogical process, educational innovation platform, multicultural education, multicultural space, intercultural communication.

Сегодня мировая культура выглядит многоликой панорамой национальных культур, представляя собой глобальный интеграционный процесс, в котором происходит смешение различных этнических культур. В результате человек (в педагогической ситуации это ученик и учитель) в современной социокультурной ситуации находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения к культурной идентичности других людей. Этнокультурный облик нашей

[*] **Казачук Наталья Владимировна,** директор МБОУ СОШ № 16 г. Хабаровска.
Kazachuk Natalia Vladimirovna, Director, General Educafion Shool № 16 (Khabarovsk).
E-mail: kazachuk.63@mail.ru

[**] **Авдошкина Ольга Владимировна**, канд. ист. наук, доц., доцент кафедры «Теория и история государства и права» ДВГУПС.
Avdoshkina Olga Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern State Transport University.
E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru

страны отличается огромным разнообразием. Отсутствие толерантности в отношениях разных этнических групп, как и конфликты на национальной почве, является следствием сложного комплекса социальных факторов, среди которых важнейшим представляется пренебрежение поликультурным образованием подрастающего поколения.

Поликультурное образование возникло в связи с запросом этнических меньшинств обеспечить гармоничное приобщение детей одновременно и к культуре большинства, и к собственным культурным традициям. Однако в последнее время педагогическим сообществом признаётся продуктивность поликультурного образования для всех обучающихся независимо от принадлежности к меньшинству или большинству [1; 2]. В таком ключе поликультурная образовательная модель становится основой формирования общегражданской идентичности обучающихся и воспитанников во многих современных обществах.

Российская Федерация является одним из наиболее активных участников миграционных процессов, происходящих сегодня в мире. Поэтому в настоящее время национальной доктриной является воспитание человека толерантной культуры, приверженного общечеловеческим ценностям, впитавшего в себя богатство культурного наследия прошлого своего народа и народов других стран, стремящегося к взаимопониманию с ними, способного и готового осуществлять межличностное и межкультурное общение.

Хабаровский край представляет собой характерную мозаику народов, культур, этносов, различающихся уровнем и интенсивностью внутренних связей, экономическими и социальными характеристиками, языком, культурой, национальным характером и менталитетом. Отметим, что для Хабаровска, города экономически привлекательного для трудовых мигрантов, на протяжении последнего десятилетия характерна высокая миграционная нагрузка. В результате в образовательных учреждениях краевого центра значительно увеличилось число детей, для которых русский язык является неродным. МБОУ СОШ № 16 г. Хабаровска не является исключением, поэтому проблема поликультурного образования стала для нас особенно актуальной. На сегодняшний день в школе обучаются дети 17 национальностей, которые принадлежат к различным конфессиональным группам и социальным слоям, говорят на разных языках, ориентируются на различные культурные ценности и нормы поведения.

Ещё 2013 г. в школе был проведён мониторинг на тему «Отношение учеников школы к этническим мигрантам», результаты которого наглядно высветили серьёзную проблему: доминирующая часть респондентов проявила недоверчивое отношение к этой категории населения. 79 % школьников указали на то, что именно к мигрантам из стран СНГ (таджикам, армянам, грузинам, азербайджанцам) они относятся скорее негативно, нежели терпимо; 20 % обучающихся негативно отнеслись к такой этнической группе, как цыгане. На наш взгляд, данный факт является закономерным процессом,

поскольку появление любого нового элемента в социальном организме представляет собой неизбежное нарушение сложившегося равновесия.

В рамках указанного мониторинга школьникам был задан вопрос, в каком, по их мнению, направлении следует развивать миграционную политику на территории РФ. Выяснилось, что 40 % респондентов настаивали на выселении всех приехавших мигрантов; 33 % предложили ограничить их въезд; 13 % участников опроса посчитали, что не следует отказывать в приёме мигрантов, но и специально их привлекать не надо. 13 % школьников отметили, что целесообразно проводить политику ограничения мигрантов в правах и только 7 % респондентов придерживались принципиальной позиции запрета въезда мигрантов с семьями на территорию Российской Федерации.

В представленных вариантах ответов о роли мигрантов на территории РФ доминирующей выступала позиция относительно того, что они работают там, где не желает работать местное население (67 % школьников). 33 % учащихся отметили, что мигранты повышают уровень преступности и социальных болезней. Отметим, что в целом, несмотря на существующие негативные тенденции в отношении мигрантов, обучающиеся принимающей стороны стараются не вступать в конфликты с детьми мигрантов.

В связи с наличием в нашем учреждении детей мигрантов, возникла насущная необходимость создания образовательной среды, способствующей их интеграции. В современных условиях именно образовательная среда, работающая со всеми участниками образовательного процесса, призвана построить данный образовательный процесс так, чтобы этническая идентификация школьников не была противоречивой, а, наоборот, помогала справиться с посттравматическими расстройствами, минимизировала эффект культурного шока, а также способствовала развитию умений и навыков конструктивного взаимодействия с представителями других культур и происходила в контексте становления гражданина поликультурного общества. Всё это и поставило на повестку дня необходимость разработки и осуществления специальных программ работы с разными группами детей, в том числе и с детьми мигрантов.

В этих условиях перед администрацией школы остро встал вопрос, насколько готов учитель к решению педагогических задач в работе с детьми разных национальностей. Кроме того, результаты диагностик обусловили необходимость проектирования и реализации модели поликультурной образовательной среды, которая призвана, в первую очередь, повысить и педагогическую культуру. С декабря 2013 г. наша школа стала муниципальной инновационной площадкой, и педагогический коллектив приступил к специально организованной работе по теме «Социальная и культурная интеграция детей мигрантов» в целях создания условий для социальной и культурной интеграции детей мигрантов в российское общество. Для успешной реализации указанной целевой установки необходимо было обеспечить готовность педагогов к работе с детьми-мигрантами, их интеграции в образовательный процесс и городское сообщество, отразить эту

деятельность в образовательной программе школы, создать условия для освоения детьми-мигрантами русского языка, основ культуры и истории России, поведенческих норм и образа жизни. Кроме того, было важно также разработать и внедрить в образовательный процесс систему социально-психологического сопровождения обучения и воспитания детей-мигрантов, взаимной адаптации педагогов и школьников.

Серьёзной проблемой оказалось и взаимное приспособление детей различных национальностей друг к другу и интеграция мигрантов к сложившимся школьным традициям. Большую роль в решении этого вопроса сыграли педагоги, чья воспитательная работа на протяжении длительного времени была направлена на формирование у обучающихся навыков межкультурной коммуникации, культуры межнационального общения, интереса и уважения к российской культуре и истории, чувства сопричастности с российской культурой и российским обществом. Был также взят курс на содействие обучающимся из семей международных мигрантов в изучении ими родного языка и культуры своего народа.

Культурная разнородность состава обучающихся заставила педагогический коллектив решать важный для осуществления эффективной профессиональной деятельности вопрос, следует ли в образовательном процессе учитывать культурное многообразие общества и социокультурные особенности обучающихся, оставаться нейтральными или игнорировать их. Перед администрацией и педагогами и совершенно новые задачи: максимально учесть в образовательном процессе проблемы адаптации мигрантов; создать наиболее эффективные условия психолого-педагогического взаимодействия; выбрать оптимальные стратегии для развития поликультурной образовательной среды.

Отметим, что на развитие образовательной системы нашего образовательного учреждения оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. С одной стороны, школа функционирует в социально-культурной среде страны, региона и города, взаимодействует с социальными, культурными, научными и образовательными учреждениями. С другой стороны, школа имеет свой внутренний потенциал развития, определяемый уровнем подготовленности и профессиональной мобильности педагогического коллектива, степенью внедрения инновационных форм и технологий в образовательный процесс, материальным оснащением, готовностью коллектива к переменам в соответствии с социальным заказом общества. В этой связи администрации школы пришлось озаботиться проблемой организации подготовки самих педагогов к работе с детьми мигрантов.

Анализ результатов диагностики нам позволил выделить ряд серьёзных противоречий и проблем. Оказалось, что у педагогов практически отсутствовало понимание типологии обучающихся мигрантов, что в значительной степени осложняло процесс обучения с позиций дифференцированного подхода к их обучению, развития способностей и коррекции. Имела место и недооценка роли этнической культуры в образовании. Однако

самую большую трудность создавали два противоречия: во-первых, между имеющимся у педагогов опытом работы с детьми, обучающимися в однородных по национальному составу, языку и культуре классах, и необходимостью их подготовки к работе в условиях многонационального состава обучающихся, многоязычия и различия культур; а во-вторых, между потребностью в педагогических работниках с высокой профессиональной культурой и реальным состоянием готовности педагогов осуществить педагогическую поддержку личности обучающихся в поликультурном пространстве образовательного учреждения.

В рамках деятельности нашей инновационной площадки в школе началась реализация ряда значимых образовательных проектов. Самым значимым из них стала разработка новой Программы развития как основного документа деятельности любого образовательного учреждения. В данной Программе главный акцент был сделан на создание поликультурного образовательного пространства, способствующего гармонизации отношений между представителями всех социокультурных и этнических групп обучающихся в интересах развития их российской гражданской идентичности.

Разрабатывая Программу развития школы, мы исходили из того, что современный педагог должен обладать в достаточной степени качествами, необходимыми для реализации в педагогической практике новых концепций, современных технологий и образовательных программ, ставящих одной из своих основных задач формирование ценностных отношений в сфере национальных интересов, поликультурного менталитета. А всё это, в свою очередь, обосновывает значимость поликультурного образования, целью которого является выработка у обучающихся навыков межкультурной компетенции.

При реализации Программы было необходимо переосмыслить содержание учебных предметов, введя в них национальные и культурные элементы, обращаясь к традициям тех культур, носители которых обучаются в школе. Мы понимали, что содержание образовательных программ обладает значительным воспитательным потенциалом, реализация которого зависит от специальной, продуманной организации воспитывающей среды, содержания и форм взаимодействий детей и взрослых в процессе образования. В процессе реализации Программы мы ставили задачу развития конкретной модели поликультурной образовательной среды.

Другим инновационным проектом стала работа нашей школы в составе краевого инновационного комплекса «Формирование языковой культуры личности обучающегося в полиэтнической среде образовательной системы "Школа – детский сад"». В качестве его концептуальной идеи было определено создание наиболее благоприятных условий для поликультурного развития личности ребёнка в развивающем воспитательно-образовательном пространстве на основе единства требований, условий и подходов. Новизна указанного проекта состоит в создании эффективной формы взаимодействия с социальными партнёрами, использования педагогических ресурсов

социального окружения в создании модели, обеспечивающей поликультурное образование и этнокультурное развитие детей и подростков.

В рамках реализации данного проекта школой и нашим социальным партнёром (дошкольным образовательным учреждением № 166) решаются такие значимые задачи, как создание условий для реализации принципа преемственности между различными ступенями образования в предоставлении разнообразных услуг образования и воспитания, удовлетворяющих запросам детей и родителей; сохранение этнокультурных традиций, обычаев, родного языка как средства коммуникации между представителями одного этноса и понимание других культур, умения жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас, верований.

Особенность педагогических целей по развитию компетенций в условиях реализации указанных выше инновационных программ состоит в том, что они формируются и совершенствуются в виде практических умений и навыков педагогов по проектированию целесообразного содержания образования, творческих проектов и программ для создания поликультурной образовательной среды. Подобного рода деятельность требует наличия у самих педагогов поликультурной компетентности, представляющей собой интегративное качество личности, являющееся следствием их поликультурного образования. В нашей школе в рамках постоянно действующего семинара организовано обучение педагогов, ориентированных на понимание сущности поликультурного образования. Модель внутришкольного (корпоративного) обучения педагогов включает в себя такие направления деятельности, как работа школьного семинара; повышение квалификации на базе сторонних организаций; обучение учителей русского языка и начальных классов по программе русский язык как иностранный; методическое и информационное сопровождение; участие педагогов в различных грантовых программах; развитие социального партнёрства; участие педагогического коллектива школы в конференциях, «круглых столах», научно-методических семинарах различного уровня.

Когда-то великий писатель Б. Шоу сказал замечательные слова: «Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного – научиться жить на земле, как люди». В этой связи важно отметить, что значимой предпосылкой успешной деятельности педагога полиэтнической школы является его уважение и бережное отношение к национальной ментальности, конкретным формам её проявления, возникающим в процессе обучения детей, для которых русский язык является неродным.

Список литературы

1. Алексашенкова, И.В. Поликультурное образование: диалог культур и билингвальное обучение / И.В. Алексашенкова. – Москва, 2013.

2. Манойлова, М.А. Межэтническая толерантность в образовании / М.А. Манойлова. – Нарва, 2013.

УДК 378.014-048.35

Максимова Ю.С.[*], **Торопова Л.С.**[**], г. Хабаровск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья обращается к вопросу академической мобильности, начало которой было положено подписанием Декларации о гармонизации европейского высшего образования и освещает вопросы, связанные с условиями успешного развития процесса модернизации российского высшего образования. Авторы анализируют информационные аналитические источники и подчеркивают значимость комплексного обучения английскому языку как иностранному, а также востребованности современных Интернет технологий как одних из важнейших составляющих академической мобильности.

Ключевые слова: академическая мобильность, Болонский процесс, образовательное пространство, национальная система высшего образования, английский язык как средство обучения, Интернет технологии.

Maximova J.S., **Toropova L.S.**, Khabarovsk, Russia

ON THE QUESTION OF ACADEMIC MOBILITY AT THE PRESENT TIME

The paper addresses the issue of academic mobility the foundation of which was laid by the Joint Declaration on Harmonisation of the Architecture of the European Higher Education System and conditions necessary for successful modernization of the Russian higher education in this regard. The authors of the paper present the analysis of the current sources on the topic and highlight the importance of complex introduction of both English as a Medium of Instruction and advanced Internet technologies into the system.

Key words: academic mobility, Bologna process, education system, national framework of higher education, English as a Medium of Instruction, Internet technologies.

Современное образовательное пространство способствует активному развитию академической мобильности, возможности как реального (физического) сотрудничества, так и виртуального (посредством интернет технологий). Многосторонняя сущность явления академической мобильности задает разные аспектные векторы взаимодействия – внешние (междуна-

[*] **Максимова Юлия Сергеевна,** канд. филол. наук, доц., доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Maximova Julia Sergeevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: juliamaxprof@gmail.com

[**] **Торопова Людмила Сергеевна,** канд. филол. наук, доц., доцент «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Toropova Lyudmila Sergeevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: lyuda_b2004@mail.ru

родные), внутренние (национальные), «вертикальные», предоставляющие доступ к более высоким уровням высшего образования, «горизонтальные», подразумевающие переход с одной образовательной программы на другую в пределах одного и того же вуза или в границах одного и того же государства [1; 3; 5]. В целом, исследователи единодушны во мнении, что академическая мобильность становится платформой для развития академических отношений [6, с. 25; 8, с. 37].

Начало новым отношениям и подходам в системе высшего, в частности, образования было положено в конце 1990-х гг., когда министры образования четырёх европейских государств – Великобритании, Германии, Италии и Франции – подписали «Совместную декларацию по гармонизации европейской системы высшего образования» [9]. В следующем за годом подписания декларации уже 29 стран признали целесообразность создания единой системы высшего образования на европейском пространстве [2], и с того времени количество стран-участниц выросло до 48 [4].

Создание системы и механизмов получения высшего образования на всём пространстве Европейского Союза в начале нынешнего века было продиктовано несколькими причинами. Единая образовательная зона позволяла достичь совместимости и универсальности национальных систем высшего образования, повысив, тем самым, престиж и конкурентоспособность европейской вузовской системы. Это, в свою очередь, способствует совершенствованию и стабилизации интеллектуального, научного и общественно-культурного потенциала. Глобализация экономики, с другой стороны, требовала изменения основных подходов к подготовке специалистов. С экономической точки зрения, единая система высшего образования увеличивает потенциал университетов и институтов Европы во всемирном соревновании за влияние, материальные ресурсы и средства студентов [2].

На формирование единой образовательной среды также повлияла насущная потребность создать противовес образовательным системам США, Канады, Австралии и стран Юго-Восточной Азии. Новые отношения и возможности в Европе означают перераспределение трудовых потоков и непрерывное развитие мобильности не только для потенциальных студентов, но и нынешних и будущих преподавателей [2].

Вступление Российской Федерации в европейское образовательное пространство и присоединение к Болонскому процессу в 2003 г. имеет как неоспоримые преимущества для отечественной системы высшего образования, так и нежелательные последствия [2; 4]. Среди очевидных плюсов отечественного сотрудничества с европейскими коллегами в сфере образования следует отметить возможность для талантливых российских студентов получить образование в ведущих европейских учреждениях, реализовывать свои карьерные замыслы в Европе и получить дополнительный опыт. При этом студенты имеют возможность осваивать, с одной стороны,

несколько специализаций, а, с другой, получать более детальные знания в конкретно выбранных областях [4].

При этом отмечается, что такая привлекательность высшего образования за рубежом способствует утечке талантливой молодёжи, которая не может реализовать свой потенциал на родине. Более того, российские вузы, за исключением столичных (например, МГУ, МГИМО, СПбУ), не привлекают иностранных студентов и не особо котируются в Европе [4].

Однако, по данным официального сайта портала «Учёба.ру» (данные за 2018 г.), в рейтинге стран с лучшей системой высшего образования зарубежные эксперты поместили Россию на 26-е место из 50 [10]. Согласно исследованию Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), в России обучается порядка 3 % студентов от общемирового количества молодых людей, решивших получить высшее образование за рубежом. Университеты планируют и дальше увеличивать число студентов-иностранцев за счет увеличения числа международных конференций, программ на английском языке, а также повышения узнаваемости российских образовательных организаций за рубежом [10].

Из этого следует, что одним из основополагающих условий для успешного внедрения и развития международных программ академической мобильности является высокий уровень владения английским языком как одним из основных международных языков академического, общекультурного и профессионального общения. Это условие актуально как для российских студентов, выезжающих на учёбу за рубеж, так и для иностранных студентов, выбирающих для обучения российские вузы. Английский язык как средство преподавания является не просто модной тенденцией, а требованием времени. С сожалением приходится признать, что использование английского языка в качестве языка преподавания в вузах Российской Федерации не носит регламентированного характера. Авторам статьи не удалось обнаружить материалы, которые определяли бы статус английского как языка преподавания в учебных заведениях России и перспективы развития данного сектора образовательных услуг в нашей стране. При существующем положении низкий уровень владения английским языком не позволяет даже крупнейшим университетам России предоставлять необходимый уровень образовательных услуг на английском как средстве обучения, отмечается в докладе департамента Британского Совета в Москве [11, p. 23–24].

Принимая во внимание, что высшие учебные заведения Российской Федерации, в частности российского Дальнего Востока, обладают необходимым потенциалом для дальнейшего развития международных образовательных программ на английском языке и не уступают по этим параметрам вузам стран-партнёров России по АТР, стимулирование таких программ является не только желательным, но и актуальным. Повышение конкурентоспособности отечественных вузов и академических проектов поможет не только укрепить существующие достижения в части академи-

ческой мобильности обучающихся, научных достижений преподавателей, материально-технической базы отечественных вузов, но и привлечь дополнительные ресурсы, новые идеи, а также способствовать дальнейшей интеграции вузов российского Дальнего Востока в мировом образовательном сообществе на более высоком уровне [7, с. 152].

Участие в программах академической мобильности вузовского и послевузовского уровня, среди прочего, дают возможность участникам самостоятельно формировать свое образовательное поле. Этот аспект современного мобильного образования требует наличия Интернет технологий, которые бы отвечали задачам модернизации, повышения эффективности обучения, качества и доступности образовательных продуктов.

Список литературы

1. Академическая мобильность. – URL: http://orn.ranepa.ru/pages/science/22 (дата обращения: 07.09.2019).
2. Болонская система образования в России. – URL: https://edunews.ru/education-abroad/sistema-obrazovaniya/bolonskaya.html (дата обращения: 10.09.2019).
3. Бортникова, Т.Г. Обучение иностранному языку и межкультурной коммуникации в свете подготовки к академической мобильности студентов / Т.Г. Бортникова. – URL: http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/yazyik,_kultura_i_professionalnaya_kommunikacziya_v_sovremennom_obshhestve/sek (дата обращения: 08.09.2019).
4. Веремеев, С. Значение Болонской системы образования для России / С. Веремеев. – URL: https://promdevelop.ru/znachenie-bolonskoj-sistemy-obrazovaniya-dlya-rossii/ (дата обращения: 13.09.2019).
5. Друцко, Н.А. Многоуровневый подход к организации обучения иностранным языкам в контексте академической мобильности / Н.А. Друцко // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – URL: http://human.snauka.ru/2015/01/9259 (дата обращения: 27.08.2019).
6. Латышев, О.Ю. Развитие субъектности студентов средствами академической мобильности / О.Ю. Латышев, В.Н. Ильин, Л.Н. Макарова // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2014. – № 1. – С. 24–29.
7. Максимова, Ю.С. Английский язык как средство обучения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона / Ю.С. Максимова // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 149–153.
8. Теплякова, О.А. Академическая мобильность как платформа для развития российско-скандинавских отношений / О.А. Теплякова // Matters of Russian and International Law. – 2016. – Vol. 6, Is. 11A. – P. 32–37.
9. Совместная декларация по гармонизации европейской системы высшего образования / СОРБОННА, 25 мая 1998 г. – URL: https://www.hse.ru › data › 2010/05/11 › деклар (дата обращения: 10.09.2019).
10. Учёба.ру. – URL: https://www.ucheba.ru/article/2895 (дата обращения: 10.12.2018).
11. Frumina, E. Internationalisation of Russian Higher Education: the English Language Dimension / E. Frumina, R. West. – Moscow : British Council, 2012. – 83 p.

УДК 378.4.014(51+571)

Пишун С.В.[*], **Пишун А.А.**[**], г. Уссурийск, Россия

ПОЛИТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нарастает конкуренция университетов. Происходит дифференциация вузов на три группы: научно-исследовательские мирового класса, «срединные», сочетающие научную и образовательную деятельность и ориентирующиеся главным образом на качественное образование. Необходимо сетевое взаимодействие между всеми группами университетов. Эта задача актуальна и для вузов Северо-Восточной Азии, включая университеты российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: Университеты, дифференциация, сетевое взаимодействие, интеграционные процессы, мотивационные стимулы, приглашаемые преподаватели, дистанционные технологии.

Pishun S.V., **Pishun A.A.**, Ussuriysk, Russia

COOPERATION POLICY OF NORTHEAST ASIA UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF SPECIFICATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

Competitive pressures on universities are growing. Tertiary education establishments are being differentiated into three groups: world-class research universities, "in-between" universities combining scientific and educational activities and those focusing mainly on providing quality education. Networking is required between all university groups. This task is also relevant for universities in Northeast Asia, including universities in the Russian Far East.

Key words: Universities, differentiation, networking, integration processes, motivational incentives, visiting professors, distance-learning technologies.

Сегодня развитие мирового сообщества характеризуется интенсивным развитием высшего образования, усилившейся гонкой университетов за занятие высших мест в мировых рейтингах. Университеты всего мира начали тотальную борьбу за привлечение в свои стены лучших профессо-

[*] **Пишун Сергей Викторович,** д-р филос. наук, проф., профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.
Pishun Sergey Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University.
E-mail: pishoons@mail.ru

[**] **Пишун Александра Алексеевна,** старший преподаватель кафедры географии, экологии и охраны здоровья детей Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.
Pishun Aleksandra Alekseevna, Senior Lecturer of the Department of Geography, Ecology and Child Health of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University.
E-mail: pishuna@mail.ru

ров, сильнейших студентов и аспирантов, ведут соперничество в мировом образовательном пространстве с использованием передовых технологий, включая и дистанционные образовательные технологии [2].

С развитием конкуренции среди мировых университетов меняется и мировая образовательная картина, мировое сообщество высшего образования становится неоднородным и разнообразным. В зависимости от возможностей вуза, достигнутых результатов, показателей деятельности университетское сообщество расслаивается. Формируются научно-исследовательские университеты мирового класса, которые способны решать крупнейшие научные задачи, в том числе совершать крупные научные открытия в различных областях науки, формировать прорывные научные направления, университеты меньшего масштаба, сочетающие образовательную и научную деятельность, которая способствует развитию потенциала региона, а также университеты, не ставящие задачи организации крупных научных разработок, но занимающиеся качественной подготовкой высокопрофессиональных кадров. Можно выделить, таким образом, три уровня университетов в зависимости от тех целей и задач, которые они ставят.

Происходящая дифференциация университетов ставит задачу поиска оптимального взаимодействия внутри вузовского сообщества, которая бы в максимальной степени отвечала бы интересам каждого университета, входящего в это сообщество. Университеты мирового класса требуют больших ресурсов: высоко подготовленных абитуриентов, способных заниматься научно-исследовательской деятельностью; дорогостоящей материальной базы и, соответственно, повышенного финансирования. Но, соответственно, в университетах мирового класса будет и высокая стоимость обучения, соответствующая их затратам, их лидерскому положению в образовательном сообществе, высокие требования ко всем участникам образовательного процесса, включая профессоров и студентов.

Возрастающие запросы на высшее образование требует обучения не только для талантливых единичных студентов, а требует высокого образовательного потенциала для каждого члена общества, каждого студента, т.е. встает задача обучения большой массы студентов. Закономерно появляется когорта университетов, главной функцией которых становится качественная образовательная деятельность. Эти университеты ориентированы именно на образовательную деятельность, и они в меньшей степени претендуют на достижение высоких показателей научно-исследовательской деятельности. Существуют и «срединные» университеты, которые сочетают научную и образовательную деятельность, и которые являются, образно говоря, «прослойкой» между первыми двумя уровнями университетов. В конкурентной борьбе между вузами они привлекают к себе студентов, проявляющих стремление к научной деятельности и сделавших успешные шаги по освоению образовательных программ университетов нижнего уровня, и в то же время могут терять лучших своих студентов,

стремящихся в университеты «топового» уровня. Данное расслоение является фактом сложившего сегодня состояния вузов, эта модель уже активно формируется, более того, она уже сформирована и действует.

В силу того, что система сформировалась, нужно искать пути, как рационально может быть устроено взаимодействие университетов, с тем, чтобы минимизировать потери и использовать все плюсы от создавшейся ситуации. Нужно искать пути организации такого социального симбиоза взаимодействия и взаимоподкрепления, который будет полезным для всех.

Организация **сетевого взаимодействия** и сотрудничества вузов может быть хорошим ответом на вызовы современного высшего образования. При правильной организации оно может способствовать организации взаимодействия вузов взаимному обогащению каждого участника этого социального симбиоза на всех уровнях. Это взаимное усиление образовательными ресурсами, развитие их студенческой базы, причем студенческой базы как «верхних», так и «нижних» университетов. Университеты «топового» уровня заинтересованы в сетевом взаимодействии, так как они подпитываются студентами университетов нижнего уровня, привлекая из них наиболее проявивших себя в обучении. В то же время университеты базового уровня получают пользу в сетевом взаимодействии, поскольку претенциозные студенты, имеющие планы дальнейшего академического и научного роста, получают мотивационные стимулы.

Сетевое взаимодействие – это мощный ресурс, который обеспечивает развитие профессорско-преподавательского состава университетов всех уровней. Очень понятна ситуация профессуры «топового» университета, которая делясь опытом обогащается сама, поскольку сетевое взаимодействие повышает уровень конкурсных процедур для университета, способствует усилению научно-методической, научно-исследовательской деятельности. Безусловный фактор организации и пользы организации сетевого взаимодействия заключается и в развитии профессуры для университетов базового уровня, где сетевое взаимодействие и сотрудничество ориентирует преподавателя на имеющиеся образцы, позволяет проводить постоянный анализ, сравнивание, позволяет стремиться к этим образцам.

Университеты становятся ближе. Вузовское сообщество идет к тому, что разрозненные университеты сплачиваются в единое образовательное пространство, которое развивается, которое взаимодействует, которое дорабатывает общее правило, общее взаимодействие. Взаимодействие и интеграция на сегодняшний день становятся значимыми факторами развития вузов. Если сегодня мы наблюдаем в экономическом сообществе интеграционные процессы, равно как и формирование единого экономического пространства, формирование общего рынка продуктов, услуг и труда, то примерно те же самые моменты, моменты общей интеграции мы можем наблюдать и в образовательном сообществе [1].

Процессы дифференциации и интеграции в высшем образовании становятся все более явной реальностью и скоро придет тот момент, когда университеты не вошедшие в интеграционные процессы, просто будут вытеснены на обочину, снизят свои собственные котировки в образовательном пространстве. Вопрос организации этого взаимодействия сегодня очень важен для каждого университета, что особенно актуально для нашего Азиатско-Тихоокеанского региона. По сравнению с европейскими странами у нас решение этого вопроса находится всего лишь в стартовой позиции [3].

В организации взаимодействия видятся важными следующие аспекты деятельности и направления.

Первое направление, которое нам нужно развивать – это организация взаимодействия преподавателей, обмен преподавателей. ДВФУ, как и другие университеты Дальневосточного федерального округа активно включается в эту работу, и эта вовлеченность возрастает. В ряде университетов Приморья и Хабаровского края работает целевая программа «Viziting-professors» Руководство дальневосточных вузов в настоящий момент приглашает на работу на краткосрочной и более длительной основе профессоров, сотрудников из ведущих российских и зарубежных университетов с чтением как программных курсов лекций, так и курсов, которые ведут профессора своих университетов. Всё это представляет собой сложный опыт, который требует рассмотрения, усовершенствования, но приложенные усилия дают положительный результат. Приглашаемые преподаватели приносят в университет свою манеру ведения занятий, новое содержание, новые подходы, что ценно для университета. Следует учитывать ту особенность, что приглашаемые преподаватели ориентированы читать курсы, составляющие «жемчужину» их работы, лучшую составную часть наработок, потому что они получают возможность презентовать себя в международном образовательном пространстве.

Активизируется отправка преподавателей как ДВФУ, так и других дальневосточных вузов для работы за рубежом с краткосрочным чтением курсов лекций и т.д. и, можно полагать, что и здесь дальневосточные университеты выигрывают, потому что в этом случае преподаватель получает возможность выхода на международную арену. Происходит мощная самооценка, переоценка той преподавателем той деятельности, которая им ведется: какие курсы он читает, чем эти курсы интересны, какой новизной обладают эти курсы и чтение какого-либо курса, скажем, представление его новой аудитории, которая занимается по иным образовательным стандартам, в иной стратегии, в иной парадигме, собственно говоря, заставляет преподавателя оценивать его позиции, его курсы с точки зрения максимально требовательной оценки. Это при том, что любой курс, который читает преподаватель за рубежом, доброжелательно встречается с аудиторией. Могу отметить, что такая активная стажировка за рубежом, с чтением курсов видится более важной и эффективной, нежели пассивная стажи-

ровка, когда преподавателя вуз отправляет на обучение. Преподаватель, который едет учить, и сам одновременно учится и учится наиболее активно, эффективно будучи вовлеченным в деятельность, использует для этого свое время, свои возможности, свои потенциалы.

Следующий момент, который опять же российские дальневосточные вузы активно используют в своём сетевом взаимодействии с другими университетами, особенно университетами Китая и Южной Кореи, это – обмен студентами. В языковом образовании отсутствие педагогических практик является тормозом, который нивелирует все усилия наших университетов для подготовки студентов, знающих иностранный язык – лингвистов.

В сетевом взаимодействии усиливается также вес применения и использования дистанционных технологий. Так, по договоренности с рядом университетов, ДВФУ и другие российские вузы Дальнего Востока проводят онлайн-занятия, при этом организован взаимный обмен библиотечными ресурсами, что оказывается весьма полезно как нашим университетам, так и университетам-партнерам стран Северо-Восточной Азии.

Растущее взаимодействие между вузами подвело к новому этапу, который сегодня начинается, и можно предположить, что он будет интенсивно развиваться в ближайшее время – это полное обучение студентов в соседних вузах, в вузах соседней страны. Так некоторая часть наших абитуриентов уже ориентируется на обучение в Китайской Народной республике, Южной Корее, Японии. ДВФУ, ДВГУПС и другие дальневосточные российские вузы широко принимают иностранных студентов на обучение на основные образовательные программы на русском языке, также в некоторых дальневосточных университетах было организовано обучение на международных образовательных программах на английском языке.

Во взаимодействии российских дальневосточных вузов и университетов Северо-Восточной Азии есть затруднительный момент – это языковой барьер, который, тем не менее, не снимает задачи интеграции вузов, а наоборот, требует более активного решения этой задачи. Языковой барьер означает, что, к сожалению, небольшая часть российских студентов владеет, в частности, китайским, японским или корейским языками и одновременно нужно отметить, что только небольшая часть населения стран Северо-Восточной Азии владеет русским языком. Тем не менее, нужно отметить, что даже в этом направлении есть ресурсы взаимодействия. Например, в приграничных с Китаем регионах России и в некоторых китайских университетах в настоящий момент налаживается сетевое взаимодействие в плане изучения языков: в России – китайского, а в Китае – русского. Объединение вузовских библиотек Китая и России также взаимно обогащает наши университеты. Российские студенты, изучающие китайский язык, имеют возможность пользоваться ресурсами библиотек китайских университетов, и соответственно, студенты ряда китайских университетов, изучающие русский язык, имеют доступ в библиотеку, в частности, Дальневосточного фе-

дерального университета. Это маленький пример того, что, не затратив ни одного рубля-юаня мы можем усилить ресурсную базу каждого из нашего университетов, предоставить студентам новые возможности.

Список литературы

1. Еленев, К.С. Сетевое взаимодействие как фактор инновационного развития вузов / К.С. Еленев, Ю.Я. Еленева // Экономические науки. – 2011. – № 2. – С. 209–213.

2. Салми, Дж. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / пер. с англ. ; под общ. ред.: Ф. Дж. Альтбах, Дж. Салми. – Москва : Весь мир, 2012. – С. 309–340.

3. Etzkowitz, H. Pathways to the entrepreneurial university: towards a global convergence / H. Etzkowitz, M. Ranga, M. Benner, L. Guaranys, A. Maculan, R. Kneller // Science and Public Policy. – 2008. – № 35 (9). – P. 681–695.

УДК 378.091.3:811

Помченко М.А.[*], **Резанова Н.В.**[**], **Гладкая Е.Ф.**[***], г. Хабаровск, Россия

КОНКУРС ПЕСНИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ И ГОВОРЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Статья посвящена описанию педагогического опыта организации работы по развитию навыков аудирования и говорения у обучающихся в рамках конкурса песни на иностранном языке. Рассматриваются предпосылки, цели, условия и результаты данной учебной деятельности в образовательной среде дальневосточного технического вуза.

Ключевые слова: произношение, артикуляционная база, аудирование, говорение, конкурс песни на иностранном языке.

Pomchenko M.A., **Rezanova N.V.**, **Gladkaya E.F.**, Khabarovsk, Russia

FOREIGN LANGUAGE SINGING COMPETITION AS AN EFFECTIVE FORM OF STUDENTS' SPEAKING AND LISTENING SKILLS DEVELOPMENT

The article is devoted to the description of the pedagogical experience of organizing work on the development of listening and speaking skills of students in the framework of a song contest in a foreign language. The prerequisites, goals, conditions and results of this educational activity in the educational environment of the Far Eastern State Transportation University are considered.

Key words: pronunciation, articulation base, listening, speaking, competition of songs in a foreign language.

[*] **Помченко Марина Александровна,** канд. психол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Pomchenko Marina Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: marina-pom@mail.ru

[**] **Резанова Наталья Владимировна,** канд. психол. наук, доц., доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Rezanova Natalia Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: nvrezanova75@mail.ru

[***] **Гладкая Евгения Фёдоровна,** канд. филол. наук, доц., доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Gladkaya Evgeniya Fyodorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: gladkaya7@mail.ru

Успешная коммуникация на иностранном языке предполагает сформированность различных навыков аудирования, говорения, чтения, а также корректного произношения. Несмотря на то что произносительные навыки должны формироваться на начальном этапе обучения иностранному языку, артикуляционная база студентов зачастую не соответствует норме, для их речи характерно явление выраженной фонетической интерференции. В качестве причин несформированности артикуляционной базы обучающихся вузов можно выделить недостаточное количество часов аудиторной нагрузки, большую произвольность формирования данных навыков в различных учебниках, нарушение принципов последовательности и посильности формирования звуков (который подразумевает постепенное введение звукового материала от простого к сложному, от похожих звуков в родном языке к новым, не имеющим аналогов, от известных явлений к незнакомым), неразвитость речевого слуха (фонетического, фонематического, интонационного) и др. [2; 3]. Следствием несформированности артикуляционной базы является плохое восприятие иноязычной речи на слух и нечеткое, неправильное произношение.

Цель настоящей статьи – выявление эффективных форм работы по развитию навыков аудирования и говорения у обучающихся технического вуза в условиях невысокой мотивации студентов к изучению иностранного языка, уже сформированного предвзятого отношения к предмету вследствие неуспешности его изучения в школе, а также в условиях ограниченной аудиторной нагрузки.

Как уже отмечалось выше, произносительные навыки необходимы для понимания речи на иностранном языке. В произношении задействованы слуховая (аудиальная) и зрительная (визуальная) модальности. Исследования показывают, что хорошо слышим мы только то, что можем воспроизводить. Кроме этого, мимика, движение губ, артикуляция и жесты выступают в роли опоры для зрительных рецепторов.

Важно учитывать языковую интерференцию, которая возникает в результате наложения родного и иностранного языков. Языки имеют различную фонетическую базу. Так, для английского языка характерно фонационное дыхание и большая напряженность органов речи при произнесении звуков. Долгота некоторых гласных может влиять на смысл слова. Фонемы в английском языке не редуцируются. Гласные более открыты, лабиализация звуков меньшая, чем в русском языке. Для согласных звуков не характерно оглушение и смягчение. Наибольшую трудность представляют фонемы, не имеющие аналогов в русском языке. Наблюдения над произношением обучающихся показывают, что многие из них не учитывают эти явления изучаемого языка при чтении и говорении. Следовательно, данным фонетическим особенностям необходимо уделять особое внимание в учебном процессе.

Работа над произношением имеет следующие цели [1]:

1) четкое произношение звуков;

2) нормальный темп речи при правильном произношении;

3) соблюдение типов интонации;

4) овладение правилами чтения букв и буквосочетаний;

5) соблюдение долготы гласных;

6) соблюдение нормы произнесения согласных (отсутствие оглушения и смягчения);

7) расстановка правильного ударения в словах;

8) расстановка логического ударения во фразе;

9) соблюдение правильного членения на фразы;

10) соблюдение ритмико-мелодической организации речи.

Одним из приемов эффективной работы над произношением является разучивание песен, которые представляют собой прекрасный аутентичный фонетический материал для формирования или коррекции артикуляционной базы, развития навыков аудирования и говорения на иностранном языке. Данный вид учебной деятельности имеет ряд существенных достоинств: на занятии можно осуществлять групповую и индивидуальную работу над фрагментами песни; в процессе разучивания текста песен предусматривается взаимодействие рецепции и репродукции; возможна работа в замедленном темпе, с невербальными опорами (отстукивание ритма, движение рук) и т.д.

В Дальневосточном государственном университете путей сообщения второй год проводится конкурс «Let’s sing together”, инициатором которого выступает кафедра «Иностранные языки и межкультурная коммуникация». Первоначально конкурс был задуман как кафедральное мероприятие, но, благодаря живому интересу к нему со стороны участников и зрителей, в 2019 г. конкурс стартовал как городской проект (проводился на главной сцене университета, с участием студентов других вузов и учащихся школ города Хабаровска). Предварительная работа началась за 2 месяца до даты проведения конкурса. В группах студентам было предложено самостоятельно выбрать песню для исполнения. Оргкомитетом из числа преподавателей кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» были сформулированы следующие цели конкурса:

1) повышение мотивации к изучению иностранных языков;

2) дальнейшее развитие навыков говорения и аудирования;

3) развитие социокультурной компетенции студентов;

4) раскрытие творческого потенциала студентов;

5) развитие навыков работы в команде;

6) профориентационная деятельность.

На сайте университета были опубликованы следующие условия проведения конкурса:

– в конкурсе исполнителей могут принять участие студенты 1 и 2 курса ДВГУПС, учащиеся лицеев и гимназий города Хабаровска;

– в конкурсе будет проходить караоке-баттл (для этого необходимо собрать команду из 5 человек, дать ей название и зарегистрироваться на сайте);

– отборочный тур не проводится (все участники допускаются до итогового выступления);

– тематика конкурса: песня на иностранном языке, отрывки из известных мюзиклов, другие жанры (рок, рэп, джаз, блюз, народная музыка, популярные обработки классических тем и т.д.);

– музыкальное сопровождение (минус, личное исполнение участников, без музыкального сопровождения);

– количество участников (в конкурсе может принимать участие как один исполнитель, так и ансамбль);

– продолжительность звучания песни (не больше 3–4 минут).

Конкурс песни проходил в пять этапов:

1) выступления студенческих групп;

2) выступления учащихся школ и гимназий;

3) сольные выступления;

4) подсчет голосов жюри (в это время проводился караоке-баттл);

5) награждение.

Оргкомитетом конкурса также были выработаны следующие критерии оценивания выступлений:

1) владение иностранным языком (правильность и четкость произношения звуков, ударения в словах и фразах; соблюдение интонации; отсутствие фонематических ошибок; знание текста);

2) артистичность (имидж, декорации и костюмы, видеоряд, хореография);

3) музыкальность и исполнительское мастерство.

Преподавателям во время подготовки студентов к конкурсу песни пришлось столкнуться с проблемой несформированности артикуляционной базы и неразвитости речевого слуха. Была проведена большая работа по отработке правил чтения букв и буквосочетаний, по устранению палатализации и оглушения согласных, по расстановке ударения в словах и фразах, по правильному интонированию и т.д.

В заключение необходимо отметить, что данный проект способствовал не только совершенствованию навыков аудирования и говорения на иностранном языке, знакомству с культурой страны изучаемого языка, но и реализации творческого потенциала обучающихся (участники конкурса самостоятельно продумывали хореографию номера, костюмы, снимали клипы и т.д.), а также формированию востребованного временем умения работать в команде, чувствовать личную и коллективную ответственность за результат совместной творческой деятельности.

Список литературы

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – Москва : Академия, 2006.

2. Легостаева, О.В. Формирование фонематического слуха на начальном этапе языкового вуза : автореф. дис. канд. пед. наук. – Москва, 1980.

3. Щерба, Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – Москва, 1947.

УДК 378.091.3.06

Рябкова Е.Л.[*], г. Хабаровск, Россия

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОГРАММАХ КРАТКОСРОЧНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Современные исследования, хотя и не дают целостный, системный взгляд на взаимосвязь различных факторов и эффектов адаптационного процесса, подтверждают разнообразие адаптационных ситуаций, в которых оказываются студенты, участвующие в краткосрочных программах академической мобильности. Культурные, институциональные, организационные и личностно-мотивационные факторы вносят свой вклад в определение, как содержания адаптационного процесса, так и результатов адаптации.

Ключевые слова: адаптационный процесс, краткосрочная академическая мобильность, признаки академической мобильности, образовательный процесс, социокультурная среда.

Ryabkova E.L., Khabarovsk, Russia

SPECIFIC FEATURES OF ADAPTATION FOR STUDENTS PARTICIPATING IN SHORT-TERM ACADEMIC MOBILITY PROGRAMS

Although modern studies do not provide a holistic, systematic view of the relationship between various factors and effects of the adaptation process, they confirm the variety of adaptation situations faced by students participating in short-term academic mobility programs. Cultural, institutional, organizational and personality-motivational factors contribute to the determination of both the content of the adaptation process and the results of adaptation.

Key words: adaptation process, short-term academic mobility, signs of academic mobility, educational process, sociocultural environment.

Ключевую роль в формировании социальной среды, способствующей успешной адаптации международных студентов, играют организационные факторы. Именно вузы оказываются тем посредником, который обеспечивает взаимодействие студента с принимающим обществом и который может компенсировать недостаточную восприимчивость системы социальных институтов и/или местного населения.

Одна из главных категорий учебных мигрантов, для которых организационные факторы имеют особое значение, – это студенты, обучающиеся по программам академической мобильности. Являясь одной из основных форм международного сотрудничества для вузов, такие программы позво-

[*] **Рябкова Елена Леонидовна**, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Ryabkova Elena Leonidovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: yona7@rambler.ru

ляют студентам получить уникальный опыт обучения в зарубежном вузе, не меняя кардинально свою жизненную траекторию. Под международной академической мобильностью принято понимать перемещение субъекта образовательного процесса (студента, преподавателя, администратора) в вуз другой страны, которое носит ограниченный во времени характер и предполагает возвращение в свой собственный вуз [3, с. 226–237]. Специалисты классифицируют возможные программы академической мобильности по различным признакам:

– по субъектам (студенты, выпускники, преподаватели, исследователи, администраторы);

– по объектам (академическая, исследовательская, повышение квалификации);

– по видам (международная, внутренняя);

– по типам (мобильность людей, программ, институциональная)

– по формам (реальная, виртуальная, долгосрочная, краткосрочная и др.) [3, с. 233–235].

Особый интерес представляет краткосрочная международная академическая мобильность студентов, т.е., обучение студентов в иностранных вузах в течение одного года и менее, прежде всего, в рамках программ международного студенческого обмена.

При реализации таких программ вузы-партнеры направляют друг к другу определенное количество студентов для прохождения обучения в течение одного-двух семестров. Подобные программы создают особый тип адаптационных ситуаций, характеризующийся следующими главными чертами.

1. Сравнительно краткосрочный характер поездок повышает потребность в механизмах и институтах поддержки, которые способны достаточно быстро решать основные адаптационные потребности студентов, позволяя им эффективно использовать имеющееся время для обучения. По своей сути, адаптационный процесс носит длительный характер. Чтобы краткосрочные программы обмена достигали своих культурных и образовательных целей, студенты должны достаточно быстро интегрироваться в новые условия.

2. Академическая мобильность, основанная на межвузовских договоренностях, значительно повышает ответственность самих вузов за создание условий, способствующих адаптации. В случае студенческого обмена вуз, возможно, оказывается даже более заинтересован в успешной реализации программ, что требует от него дополнительных усилий, направленных на адаптацию. Принципиальное значение имеет и тот факт, что ответственность за адаптацию несет не только принимающий вуз, но и вуз, отправляющий студента на обучение за границу.

3. Несмотря на то, что программы студенческого обмена, по сути, являются формой международного сотрудничества вузов, и по умолчанию пред-

полагают, что студенты реализуют стратегию возвращения, необходимо учитывать, что студенты являются самостоятельными акторами и могут реализовывать различные профессиональные и жизненные стратегии, в том числе используя программы обмена в качестве элемента долгосрочных миграционных стратегий. Некоторые исследования российских студентов, обучающихся за рубежом, подтверждают, что миграционные стратегии являются типичными, в том числе для этой категории [2, с. 10–16].

4. Признавая возможность реализации различных жизненных стратегий, тем не менее, следует ожидать, что основные результаты, или эффекты адаптации студентов, участвующих в краткосрочных программах обмена, связаны с теми аспектами функционального соответствия, которые обеспечивают интеграцию в образовательный процесс и решение бытовых вопросов.

5. Студенты, участвующие в программах обмена и других аналогичных программах, поддерживаемых вузом, могут иметь менее высокий уровень дохода, чем те, кто самостоятельно оплачивает свое обучение за границей. Одновременно, в силу действия внутривузовской системы отбора, они, как правило, отличаются более высоким уровнем академической успеваемости и учебной мотивацией. Высокая мотивация и исходная культурная компетентность, как можно предположить, положительно влияют на их дальнейшую адаптацию в зарубежном вузе.

Адаптационный процесс иностранных студентов, участвующих в краткосрочных программах обмена, а также его результаты и влияющие на него факторы, изучены в гораздо меньшей степени, чем адаптация учебных мигрантов в целом. Однако ряд исследований дает некоторое представление об этой группе студентов и степени их адаптированности.

В исследовании иркутских психологов были выявлены отличия ценностных ориентаций студентов, выезжающих на обучение в Китай по среднесрочным программам (1,5 года) от студентов, оставшихся в России [4]. У них, в частности, оказались более выражены ценности самостоятельности и достижения успеха, а также такие личностные черты как настойчивость и подозрительность. Резонно предположить, что эти личностные факторы способствуют адаптации, поскольку обеспечивают более высокую автономность в решении повседневных проблем, более активное взаимодействие с принимающим обществом, и вместе с тем – сохранение достаточного уровня собственной безопасности.

В нескольких исследованиях показывается важность предварительной подготовки к зарубежной поездке, которую оказывает или, наоборот, не оказывает, вуз страны отправления. В частности, выявлено, что российские вузы зачастую не обеспечивают достаточный уровень языковой подготовки и навыков академического письма, что негативно сказывается на возможностях студентов к участию в программах академической мобиль-

ности и адаптации в зарубежном вузе [1, с. 125–131]. Однако вузы, осознающие значимость проблемы предварительной подготовки студентов, могут реализовывать целый комплекс мер, направленных на облегчение адаптации. Например, в Томском политехническом университете реализуется комплексная программа подготовки к участию в программах академической мобильности. Она включает в себя:

– углубленную языковую подготовку (с учетом тематического профиля вуза);

– подготовительные занятия на иностранном языке, посвященные особенностям системы образования, студенческой жизни и проживания в другой стране;

– встречи с иностранными студентами, уже участвующими в программах обмена [6, с. 143–145].

Системный подход к организации подготовки на «своей» стороне значительно повышает функциональное соответствие в стране последующего пребывания, повышает культурную компетентность студентов, снижает уровень психологического стресса в ходе адаптации. Также в Томском политехническом университете, уже как принимающем вузе, используются специальные механизмы социальной поддержки приезжающих студентов. К ним, в частности, относится Клуб развития приятельских связей (Buddy Building Club) [7, с. 170–172]. Созданный по образцу аналогичных европейских центров, он направлен на вовлечение местных (российских) студентов во взаимодействие с иностранными студентами. Деятельность клуба обеспечивает адаптацию иностранных студентов за счет расширения среды неформального языкового общения, предоставления дополнительных возможностей для коммуникаций с нерусскоязычными студентами, развития культурной компетенции и налаживания социальных контактов.

Специалисты их Читы провели обследование 274 российских и иностранных студентов, участвующих в программах академической мобильности разной длительности (49 % – по семестровым программам) [5, с. 188–191]. Исследование выявило некоторые различия в мотивах российских и иностранных студентов, участвующих в программах; для первых, в частности, существенно более значимым оказался мотив повышения уровня владения иностранным языком: 73 % против 53 % у иностранных студентов. Культурные мотивы (расширение кругозора, изучение другой культуры), напротив, оказались более важны для студентов – иностранцев. Примечательно, что как таковы, профессиональные мотивы ни в одной группе не назывались. Это может быть связано как с недостатками методологии (отсутствием соответствующих вопросов), так и особенностями мотивации данной социальной группы, требующими дальнейшего изучения.

Иностранные студенты отметили несоответствие между своим представлением о русской культуре, которое у них сложилось в своей стране и

фактическим низким уровнем бытовой культуры, с которым они столкнулись в стране. С точки зрения эффектов, это может быть показателем определенной дезадаптации, одновременно указывая на важность предварительных ожиданий и исходной культурной компетентности студентов. Исследование также показало важность фактора длительности пребывания: существенные улучшения в функциональном соответствии отмечали только студенты, участвующие в более длительных программах (от 1 года). На наш взгляд, это подтверждает специфику краткосрочных программ и потребность в особых организационных механизмах, которые могли бы обеспечить эффективную адаптацию в течение сравнительно небольшого периода времени. Исследователи подтвердили важность языковой и кросс-культурной подготовки в родном вузе, а также необходимость развития механизмов социальной поддержки в принимающем вузе, гарантирующих медико-психологическое, социально-бытовое, академическое сопровождение и благополучие студентов. В качестве одного из важнейших факторов, влияющих на адаптацию студентов к новым образовательным условиям играет преподавательский состав, с которым непосредственно имеет дело студент в процессе обучения. Это показывает необходимость целенаправленной подготовки ППС к реализации вузом программ международной академической мобильности.

Как российские студенты, обучающиеся в зарубежных вузах, так и иностранные студенты в России образуют внутренне гетерогенные социальные группы, на адаптационную ситуацию которых влияет множество факторов: особенности своей и принимающей культуры, индивидуальных жизненных стратегий и мотивационных профилей, развитость институтов социальной поддержки как на уровне всего общества, так и на уровне вуза. Одной из главных черт, отличающих адаптационную ситуацию иностранных студентов в России от российских студентов за рубежом, следует считать существенно менее развитую систему социального сопровождения адаптационного сопровождения на уровне отдельного вуза.

Особой социальной группой следует считать учебных мигрантов, обучающихся по краткосрочным программам академической мобильности (длительностью до 1 года). С адаптационной точки зрения, исключительную важность для них имеют именно организационные условия, причем как в принимающем вузе, так и в родном учебном заведении. Существующие исследования адаптации студентов – участников программ академической мобильности дают лишь частичную характеристику их адаптационной ситуации. Потребность в системном изучении этой группы, учитывающем содержание адаптационного процесса (взаимодействие студентов с принимающим обществом, прежде всего, в рамках образовательного процесса, другими студентами из своей страны и другими иностранными студентами), ключевые факторы адаптации (культурные, институциональные,

организационные, мотивационные), различные уровни результатов адаптации (функциональное соответствие, психологическое благополучие, межкультурная идентичность) определяется не только научными задачами, но и необходимостью вузов, развивающих международное сотрудничество, повышать привлекательность и эффективность своих программ академической мобильности.

Список литературы

1. Андрианова, Ю.В. Обучение академическому английскому языку как способ формирования готовности студентов к участию в программах академической мобильности / Ю.В. Андрианова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2012. – № 1. – С. 125–131.

2. Дусь, Ю.П. «Утечка умов»: формирование предпосылок на этапе студенчества / Ю.П. Дусь, Ю.П. Голикова // Вестник Омского университета. – 2010. – № 4. – С.10–16.

3. Зубарев, А.Е. К вопросу о содержании и классификации международной академической мобильности / А.Е. Зубарев, Е.А. Белевич // Science Time. – 2016. – № 5. – С. 226–237.

4. Малахаева, С.К. Исследование ценностных ориентаций российских студентов, обучающихся в Китае / С.К. Малахаева, М.Ю. Уварова, Е.А. Кедярова // Baikal Research Journal. – 2017. – Vol. 8. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsennostnyh-orientatsiyrossiyskih-studentov-obuchayuschihsya-v-kitae.

5. Пищерская, Е.Н. Адаптация студентов к обучению за рубежом по программам академической мобильности / Е.Н. Пищерская, В.П. Филиппова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – № 4. – С. 188–191.

6. Проскура, О.В. Комплексная подготовка студентов к участию в программах международной академической мобильности / О.В. Проскура, М.Г. Минин // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2014. – № 4. – С. 143–145.

7. Шпет Е.Н. Механизмы социальной адаптации студентов – учебных мигрантов, обучающихся по программам академической мобильности / Е.Н. Шпет // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 11. – С. 170–172.

УДК 378.091.3:811

Сологуб Г.Ю.[*], г. Хабаровск, Россия

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА КАК ОДИН ИЗ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Статья посвящена использованию современных профессиональных технологий, ориентированных на действие в обучении иностранному языку, внедрению интерактивных форм обучения как одному из важнейших направлений оптимизации процесса подготовки студентов в современном вузе. А также описывается опыт практического применения метода дидактических задач.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, межкультурная коммуникация, инновация, ориентированность, самостоятельная деятельность, развитие личности, профессиональная коммуникация.

Sologub G.Y., Khabarovsk, Russia

DIDACTIC TASK AS AN INTERACTIVE METHOD OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN TECHNICAL UNIVERSITY

The paper is devoted to the use of modern professional action- oriented technologies in teaching foreign languages, the introduction of interactive forms of teaching as one of the most important directions of optimizing students' training process in modern higher educational institution. The author shares experience in practical application of didactic tasks and points out to the advantages of this technology.

Key words: interactive methods of teaching, inter-cultural communication, innovation, orientation, personal activity, personality development, professional communication.

Мир вокруг нас стремительно меняется. Система образования не является исключением. Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам создают условия, в которых педагогам предоставлены право и возможность самостоятельного выбора методов и приемов обучения [1]. В центре современной системы образования – профессиональное развитие личности обучаемого. Речь идет о подготовке профессионала – социально и профессионально компетентного работника с хорошо выраженными профессионально важными качествами и компетенцией, отличающейся индивидуальным стилем деятельности [3]. Учитывая необычайно возросшие требования к подготовке современного специалиста, преподаватель сегодня ориентируется на создание таких условий образовательного процесса, которые бы способствовали развитию у студентов умения самосто-

[*] **Сологуб Галина Юрьевна,** старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Sologub Galina Yuryevna, Senior Teacher, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: gsol51@mail.ru

ятельно пополнять свои знания, ориентироваться в быстро растущем потоке всевозможной информации [4].

Приоритетными направлениями в обучении иностранным языкам являются коммуникативность, интерактивность, аутентичность, изучение языка в культурном контексте, которые развивают межкультурную компетенцию. Конечной целью обучения иностранным языкам ставится свободное ориентирование в иноязычной среде, и этому в большой степени способствуют новые мультимедийные инновации, которые определяются как информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация, видео и др.), реализующие интерактивный диалог пользователя с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации.

Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений оптимизации процесса подготовки студентов в современном вузе. Нельзя не отметить важность новизны как компонента методического содержания урока, она является одним из главных факторов, обеспечивающих интерес учащихся. И в данном случае необходима как новизна содержания учебных материалов, так и новизна формы уроков и видов выполняемых работ. Использование такого метода предусматривает моделирование реальных жизненных и профессиональных ситуаций, совместный поиск решения проблем. Будучи активно вовлеченными в процесс обучения, студенты легче понимают и запоминают материал. Учебный процесс, опирающийся на использование интерактивных методов обучения, организуется с учетом включенности в процесс познания всех студентов группы без исключения. Совместная деятельность означает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад в совместную работу, идет обмен идеями, знаниями, способами деятельности. Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия и активности студентов с опорой на групповой опыт и обязательной обратной связью.

Что касается выбора методов обучения иностранному языку как средству межкультурного общения, хотелось бы рассмотреть интерактивные методы обучения иностранному языку в межкультурном и профессиональном контексте, поскольку современный образовательный процесс в вузе характеризуется широким использованием подобного рода методов обучения. Проведение аудиторных занятий в интерактивной форме прописано в принятых ФГОС ВПО третьего поколения [5, п. 7.3]. Интерактивное обучение представляет собой «способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся» [2, с. 8]. Отличительной особенностью интерактивного обучения является взаимодействие обучающихся как с обучающим, так и друг с другом, а учебная среда может расцениваться как область осваиваемого опыта. Обучение иностранным языкам с применением интерактивных методов в контексте межкультурной коммуникации, на наш взгляд, наиболее оправданно, поскольку такое обучение нацелено на одновременное решение нескольких задач: коммуникативно-познавательной, обучающей навыкам

общения; конкретно-познавательной, рассматривающей конкретную учебную ситуацию; социально ориентированной, формирующей и развивающей адекватную социализацию человека вне рамок учебной ситуации [2].

Пытаясь воплотить в жизнь новые подходы в современном обучении, хотелось бы поделиться опытом в применении технологии профессионального обучения, ориентированной на действие, в частности метода дидактических задач. Данный метод предусматривает шесть основных фаз занятия: информация, планирование, принятие решения, выполнение, контроль и оценка. Ориентированность же на действие предполагает самостоятельное добывание учащимися необходимых знаний в процессе решения определенной профессиональной ситуации, действительной или мнимой, с обязательным выполнением всех фаз действия. Основная суть ее заключается в следующем: ориентировать студента на активную самостоятельную деятельность, используя различные источники информации, например Интернет. Его ресурсы богаты аудиовизуальной информацией, которую можно отбирать в соответствии с изучаемой темой, найти истории, новостные ролики, подкасты, способные вызвать у студентов живой интерес, желание прослушать, прочитать и понять написанное. Интернет-технологии играют позитивную роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, так как эффективное изучение иностранного языка строится на работе с аутентичными аудио-, видео- и печатными материалами. Актуальность выбранной информации способствует развитию мотивации, повышает качество обучения аудированию и чтению на иностранном языке. Интересные по тематике и содержанию подкасты полезны и для развития навыков устной речи, так как вызывают желание обменяться мнениями, выразить собственную точку зрения. В ходе дискуссии тренируются навыки монологической и диалогической речи, умение спонтанно формулировать свои мысли на иностранном языке.

Ядром обучения в методике дидактических задач является понимание поставленного профессионального задания, добывание информации и планирование работы, выполнение деятельности, ее контроля и оценки. Действие начинается с информационной фазы, во время которой будущий специалист получает профессиональное задание, затем планируется ход действий и выбирается одна из возможных альтернатив действия. Наконец, выполняется запланированное действие. Результат проверяется, и весь цикл действия рефлексируется. На обобщающем занятии, например, по темам «Классификация станций», «Современные системы управления движением поездов» или «Фирменные поезда» на 2-м курсе специализации «Эксплуатация железных дорог» перед студентами ставится, помимо языковых задач, главная цель: представить свои знания в форме презентации. Содержание занятия имеет практическую направленность и ориентировано на усвоение изученного материала, необходимого для выполнения деятельности. Предварительно студенты поделены на три группы в соответствии с основными направлениями по теме занятия. Сам учебный материал по теме подается в

виде проблемной ситуации, постановка которой формулируется на информационном листе. Проблемная задача представляет своего рода обращение к студенту: «Вам, будущим специалистам в области эксплуатации железных дорог, наверняка предстоит работа по обмену опытом за рубежом. Попробуйте свои силы сейчас... Итак, Вы приглашены на международную конференцию, посвященную вопросам использования современных систем управления движением поездов или фирменных поездов России. Для поездки на конференцию Вам необходимо подготовить презентации по следующим направлениям: «Работа грузовой или пассажирской станции», «Современные системы управления железнодорожным транспортом», «Фирменные поезда России». Для создания презентации Вам потребуются знания английского языка, умения использовать современные компьютерные технологии, а также навыки публичного выступления». Далее студентам предлагается ознакомиться с листом планирования дальнейшей работы: составьте план по содержанию презентации по Вашему направлению, проведите отбор необходимого лексического материала и оформите слайды. Подготовьте выступление для защиты презентации. На этапе планирования каждый студент составляет план будущей презентации индивидуально, используя информационные листы. На этапе принятия решения проходит обсуждение в группе и выбор оптимального варианта плана. Заслушав варианты от каждой группы, преподаватель показывает свою модель плана, затем студенты сравнивают и принимают окончательное решение. Наконец, группы начинают осуществлять задуманное – готовить презентацию на компьютере. В процессе работы между студентами происходит распределение ролей: одни – ответственные за художественное оформление слайдов, другие заняты поиском или отбором главной текстовой информации, третьи – готовят речь к защите по своей теме. На этапе контроля студенты прослушивают отдельно каждую группу и оценивают работу товарищей, ориентируясь на критерии оценки презентации. При самооценке студентам предлагается оценить свои знания лексического материала с использованием кроссвордов, умение работать с текстом, умение выполнять презентацию, а также необходимые профессиональные умения, такие, как принятие решения и оценка своей работы. Предлагаемый проект предусматривает достижение воспитательных и развивающих целей: выработку умений работать в команде, эффективно взаимодействовать друг с другом, понимая личную ответственность каждого члена группы за свои успехи и успехи партнеров по общению; развитие умений самостоятельной организации учебной деятельности (постановки целей, планирования, определения оптимального соотношения цели и средств и др.); формирование навыков контроля и оценки своей деятельности, оценивания своих учебных достижений.

Конечно же, такого типа занятие требует огромной предварительной подготовки как преподавателя, так и студентов. Педагог проводит отбор текстового материала (информационные листы), разрабатывает критерии оценки знаний и умений, критерии оценки презентации, оформляет собственные слайды с этапами занятия, моделью плана, вопросами.

Отметим достоинства занятия, построенного на технологии дидактической задачи. Во-первых, на занятии используются различные формы учебно-познавательной деятельности: фронтальная работа (при повторении лексического материала), парная работа (диалоги), индивидуальная (при составлении плана по содержанию презентации, при самооценке), групповая (при выборе оптимального решения, при оформлении слайдов). Для представления своей презентации студент использует интерактивную доску. Интерактивная доска выполняет функции активного экрана, на которой можно демонстрировать текстовые документы, рисунки, фильмы и т.д. Работа с интерактивными досками предусматривает творческое использование материала. Разработка и использование заданий, созданных с помощью программного обеспечения интерактивной доски, позволяет преподавателю и студенту использовать на уроке различные стили обучения, способствует созданию содержательных и наглядных уроков, развивает мотивацию учащихся, предоставляет им больше возможностей для участия в коллективной работе, развития личных и социальных навыков.

Выбор данных форм деятельности направлен на проявление личности: развитие у студентов стремления достичь результата путем собственных усилий, передача студентам функций самоконтроля, обнаружение ими собственных ошибок; самостоятельность речи и суждений. Во-вторых, занятие такого типа ориентировано на студентов, на развитие самостоятельности, с учетом их интересов и будущей профессии. При этом формируется личная позиция каждого студента, мотивация к учению. Педагог выступает в роли консультанта, помощника, организатора. К недостаткам можно отнести необъективность самооценки, а также тот факт, что студент, слабо знающий лексику, не активно проявит себя в речевой деятельности.

Таким образом, для реализации новых образовательных программ педагогам необходимо смело внедрять современные интерактивные методы активного обучения, которые будут способствовать профессиональному развитию будущего специалиста. Постоянно развивающаяся система информационного обеспечения в сочетании с техническим сопровождением обеспечит качество образовательного процесса.

Список литературы

1. Конышева, А.В. Английский язык. Современные методы обучения / А.В. Конышева. – Минск : Тетра Системс, 2007.

2. Панина, Т.С. Современные способы активизации обучения : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова ; под ред. Т.С.Паниной. – Москва : Академия, 2006. – 176 с.

3. Райер, Г. Технологии профессионального обучения, ориентированные на действие : учебно-методическое пособие / Г. Райер, Е. Лопанова, Т. Рабочих. – Омск : Омскбланкиздат, 2008.

4. Эрганова, Н.Е. Методика профессионального обучения / Н.Е. Эрганова. – Екатеринбург, 2004.

5. Федеральные ГОС ВПО третьего поколения // Департамент методического обеспечения СПбГПУ. – URL: http: //uap. spbstu. ru/fgos.

УДК 378.091.3(51+571)

Харина И.В.[*], г. Хабаровск, Россия

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В статье анализируются современные процессы высшего образования, связанные с академической мобильностью студентов. Исследуется такая форма организации педагогического процесса в вузе, как международная летняя школа. Выявляются факторы, способные активизировать академическую мобильность студентов через развитие и популяризацию международных летних школ.

Ключевые слова: интеграция в образовании, академическая мобильность, международные образовательные программы, иностранные студенты.

Harina I.V., Khabarovsk, Russia

INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL AS A FORM OF ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN EDUCATIONAL SYSTEM OF THE ASIA-PACIFIC REGION

The article analyzes the modern processes of higher education related to the academic mobility of students. Such form of the organization of pedagogical process in high school as the international summer school is investigated. The factors that can activate the academic mobility of students through the development and popularization of international summer schools are identified.

Key words: integration in education, academic mobility, international educational programs, foreign students.

Интеграционные процессы в сфере образования являются объективной закономерностью нашего времени. Системы высшего образования многих стран мира интегрируются в мировое образовательное пространство. Таким образом, происходит формирование мировых стандартов образования, разрабатываются новые методы управления педагогическими системами, развивается межкультурное взаимодействие.

Международные образовательные программы являются наиболее очевидной формой реализации интеграционных процессов в сфере образова-

[*] **Харина Ирина Вячеславовна,** канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Harina Irina Vyacheslavovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Teacher, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: kharina.ira@mail.ru

ния. Требования академической мобильности становятся частью обязательных условий для аккредитации вузов и становятся основным критериальным показателем при мониторинге эффективности работы учебного заведения. Современные требования побуждают университеты активизировать работу по продвижению вуза на рынке международных образовательных услуг, искать новые механизмы по привлечению иностранных абитуриентов [1].

Цель данной статьи – выявить возможности международной летней школы университета для развития академической мобильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Термин «академическая мобильность» не утвержден официально в нормативно-правовых документах Российской Федерации, однако исследователи Болонского процесса разработали кейс «Описание лучшей практики вузов Болнского процесса по направлению «Академическая мобильность» (на примере вузов Дальневосточного федерального округа)», где дали определение данному понятию. Академическая мобильность трактуется авторами исследования как «перемещение субъекта образования на определенный период в другое образовательное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований» [2].

Кроме того, существуют термины «вертикальная» и «горизонтальная» мобильность. Под вертикальной мобильностью понимают обчение студента в течение всего срока для получения степени в зарубежном вузе. Под горизонтальной имеют в виду пребывание иностранных студентов в вузе в течение ограниченного времени (года, семестра, месяца и т.д.)

Возрастающий поток студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в российские вузы Дальнего Востока подтверждает мировые тенденции академической мобильности. С каждым годом дальневосточные университеты становятся всё более привлекательными для студентов из КНР, и к настоящему времени их можно встретить почти во всех вузах региона. Так, подготовка китайских студентов ведётся в 32 из 39 университетов ДФО [3; 4]. Студенты из Японии, Республики Кореи и КНДР также выбирают для обучения вузы Дальнего Востока, хотя и не так массово.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения является профильным транспортным вузом и с 2009 г. входит в Ассоциацию транспортных университетов стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Впервые набор иностранных студентов в университет был произведен в 1988 г. С 1988 г. в ДВГУПС обучались около 5 тысяч человек из разных стран мира.

В 2009 г. по инициативе отдела международных проектов и программ в вузе была организована Хабаровская международная летняя школа. Такая форма академической мобильности предполагает краткосрочное пребывание иностранных студентов в российском вузе с целью знакомства с российской системой образования, погружения в культуру России, интенсивной практики русского языка, а также прохождения специализирован-

ных программ по различным направлениям. Так, в Дальневосточном государственном университете путей сообщения на сегодняшний день постоянно действуют 6 программ обучения, продолжительностью от одной до четырех недель в летний период. А летом 2019 г. в рамках летней школы ДВГУПС состоялся международный студенческий образовательный форум «Культура России в открытом мире», который объединил на своей площадке более 50 участников из разных стран мира.

Ежегодно Дальневосточный государственный университет путей сообщения принимает в летний период до 250 студентов, часть из которых остается в России для дальнейшего обучения в университете. География данного летнего проекта насчитывает 10 стран мира, включая Китай, Корею, Японию, Австралию, Аргентину, Францию и др. Таким образом, международная летняя школа – одна из форм развития академической мобильности в системе высшего образования.

Преимуществами такой организации педагогического процесса являются следующие:

1) студенты приезжают во время летних каникул, им не нужно оформлять стажировку или академический отпуск в своем университете;

2) краткосрочность образовательной программы делает ее доступной по стоимости;

3) отсутствие жестких временных рамок позволяет подобрать удобные сроки посещения, которые укладываются в летний период;

4) широкий выбор программ обучения, включающий не только обучение языку, но и более узкие профессиональные направления (Экономика и финансы железнодорожного транспорта, Электронная коммерция и др.).

В то же время успешная организация международной летней школы университета может стать фактором, стимулирующим студентов продолжить обучение в университете на долгосрочных программах.

Для изучения степени удовлетворенности участников международных летних программ качеством образовательного продукта, нами был проведен опрос среди участников летней школы ДВГУПС в 2019 г. Респондентами стали 74 студента из Китая, Тайваня, Макао. 92 % участников опроса полностью удовлетворены участием в проекте, говорят о прекрасных впечатлениях, оставшихся от посещения России. Еще 2 % опрошенных в целом удовлетворены участием в программе, но отмечают некоторые недостатки, в основном касающиеся бытовых условий студенческого общежития.

Анализ и ранжирование результатов опроса позволяет выделить ряд факторов, положительно влияющих на удовлетворенность студентов летними образовательными программами. Среди них:

1) сильный преподавательский состав;

2) проектная деятельность;

3) участие русских студентов-волонтеров на каждом этапе программы;

4) удачное сочетание учебной и внеучебной деятельности;

5) экскурсии, связанные не только с изучением музейных достопримечательностей, но и дающие возможность погрузиться в культуру современной молодежи;

6) возможность дать обратную связь организаторам проекта (еженедельные рефлексии с обсуждением положительных и отрицательных моментов программы, включая бытовые условия);

7) поддержка всеми участниками проекта рейтинговой системы, повышающей мотивацию студетнов участвовать во всех мероприятиях;

8) возможность проявить себя не только в учебной, но и в творческой деятельности (участие в концертах, творческих мастер-классах и др.)

Положительный опыт международной летней школы Дальневосточного государственного университета путей сообщения может быть использован при разработке и других краткосрочных образовательных программ в университетах Дальнего Востока.

Повышение качества образовательных программ, приближение их к мировым образовательным стандартам, поиск новых путей включения студентов в межкультурное взаимодействие позволяет не только стимулировать процессы академической мобильности в регионе, но и дает большие возможности для личного и профессионального роста всех участников проекта.

Таким образом, академическая мобильность – это один из наиболее эффективных инструментов развития высшего образования в России. Доступные, качественные, современные образовательные продукты могут стать прекрасным стимулом для расширения международного взаимодействия, как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и на территории всей страны.

Список литературы

1. Гергало, Е.Ю. Академическая мобильность как важный аспект современного высшего профессионального образования в Росиии / Е.Ю. Гергало, Е.Я. Климкович // Актуальные вопросы лингвистики в профессионально-коммуникативном пространстве: материалы научно-практической конференции. – Омск, 2016. – С. 99–106.

2. Жукова, Н.В. Описание лучшей практики вузов Болнского процесса по направлени «Академическая мобильность» на примере вузов Дальневосточного федерального округа 2007 г. / Н.В. Жукова, О.О. Мартыненко. – URL: http://window.edu.ru/resource/895/61895/files/52286.pdf

3. Луценко, Е.Л. Тенденции и перспективы развития образовательных связей Дальневосточного региона России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / Е.Л. Луценко, Н.Г. Баженова. – Биробиджан : Изд-во ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. – С. 19–22

4. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. / М-во образования и науки РФ. – Москва : Социоцентр, 2016. – Вып. 13. – 191 с.

УДК 001.891:378.4(571.6)

Цыганкова А.С.[*], **Маркова Е.В.**[**], г. Хабаровск, Россия

СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ БЮРО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ (60–70-Е ГОДЫ)

Научно-исследовательская работа студентов является важнейшей составляющей учебного процесса в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (бывшем ХабИИЖТе) с первых дней его становления. Настоящее исследование обращено к исторической реконструкции развития НИРС в ХабИИЖТе в 60–70-е гг. XX в., когда впервые были организованы студенческие научно-технические бюро. Обращение к историческому опыту университета имеет большое практическое значение.

Ключевые слова: Научно-исследовательская работа студентов, научное творчество студентов, научно-технические разработки, историческая реконструкция, студенческое конструкторское бюро, студенческое проектно-конструкторское бюро, студенческое научно-технологическое бюро, Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Tsygankova A.S., **Markova E.V.**, Khabarovsk, Russia

STUDENT SCIENTIFIC AND TECHNICAL BUREAUX AS INTEGRAL PART OF STUDENTS' RESEARCH WORK IN FAR EASTERN STATE TRANSPORT UNIVERSITY (1960–1970S)

The students' scientific research has been an integral part of the educational process in the Far Eastern State Transport University (former the Khabarovsk Institute of Railway Transport Engineers) since the first days of its establishment. The present study deals with the historical reconstruction of the students' scientific research development in the Khabarovsk Institute of Railway Transport Engineers in the 1960s – 1970s of the last century when the first Student scientific and technical bureaux were organized. The reference to the historical experience of the University is of great practical importance.

Key words: students' research work, scientific work of students, research and development of projects, historical reconstruction, student design bureau, student engineering bureau, student science and technology bureau, Khabarovsk Institute of Railway Transport Engineers, Far Eastern State Transport University.

---

[*] **Цыганкова Анна Сергеевна,** канд. пед. наук, доц., преподаватель Языкового Центра «IELTS School».
Tsygankova Anna Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Teacher of the Language Center «IELTS School».
E-mail: megakha@yandex.ru

[**] **Маркова Елена Викторовна,** старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.
Markova Elena Viktorovna, Senior Teacher, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Far Eastern State Transport University.
E-mail: markoelena@bk.ru

Подготовка квалифицированных специалистов, способных в процессе своей профессиональной деятельности творчески мыслить, применять полученные в вузе знания и опыт, а также решать задачи современной науки – является одной из основных задач вузов. Добиться этого можно лишь путем органичного вовлечения в учебный процесс научно-исследовательской работы, которая должна стать его основной и важнейшей составляющей. Внедрение результатов научных исследований в производство, как и развитие любой науки зависит, прежде всего, от знаний, умений и моральных качеств выпускаемых вузами специалистов. В этой связи научно-исследовательская работа студентов (НИРС) является неотъемлемой частью организации образовательного процесса и профессиональной подготовки будущих специалистов в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (бывшем ХабИИЖТе), одном из крупнейших университетов Дальнего Востока России.

В последнее время в научной среде можно услышать мнения о том, что современный уровень НИРС значительно снизился по сравнению с советским периодом. Вплоть до начала 90-х гг. прошлого столетия в вузах прослеживалась устойчивая положительная тенденция развития научной деятельности студентов. В процессе проведения экономических реформ в России в начале 90-х гг. ситуация в стране резко изменилась. Всплеск инфляции, резкий спад производства, банкротство предприятий, кризис финансово-кредитной системы, а также масштабный рост безработицы не могли не оказать своего негативного влияния на состояние высшей школы и, в частности, на организацию научно-технического творчества студентов и совершенствование подготовки специалистов. В связи с кризисной ситуацией в стране в государственных вузах отмечался значительный спад спроса на научно-технические разработки и исследования, при этом некоторые формы НИРС стали исчезать из учебных и научных планов вузов.

Очевидным является то, что для осуществления прогрессивных преобразований в высшей школе необходимо обобщить уникальный теоретический и практический опыт организации научно-исследовательской работы студентов, накопленный в СССР за более чем пятидесятилетний период, так как даже при определенных недостатках существовавшей ранее системы научного творчества студентов высшей школы, она являлась наиболее прогрессивным звеном процесса подготовки специалистов, обладающих прочными исследовательскими и практическими навыками.

В настоящей работе предпринята попытка обратиться к исторической реконструкции становления и развития студенческого научного творчества в ХАБИИЖТе, в частности организации студенческих научно-технических бюро в 60–70-х гг. прошлого столетия.

В 1961 г**.** приказом Минвуза СССР было принято **«**Положение о научно-исследовательской работе студентов» [4], согласно которому вузы должны были привлекать наиболее способных студентов всех форм обучения к

решению научно-технических проблем с учётом требований производства, создавать резерв ученых и исследователей, формировать потенциал будущей науки, воспитывать у студентов чувство ответственности, обеспечивать участие студентов в разработке актуальных проблем науки, техники и культуры. Студенчество рассматривалось как инновационный потенциал, который необходимо было использовать в народном хозяйстве страны.

Следующие формы научно-исследовательской работы студентов имели наибольшее значение:

1) участие в работе студенческих научных кружков при кафедрах;

2) работа в студенческих конструкторских, проектных и технологических бюро;

3) участие групп и отдельных студентов в выполняемых кафедрами госбюджетных и хоздоговорных научно-исследовательских работах;

4) выполнение студентами лабораторных, курсовых и дипломных работ по реальной научной и производственной тематике;

5) выполнение студентами конкретных заданий научно-исследовательского характера в период прохождения производственной практики, в научных экспедициях и партиях, участие в конструкторской работе, рационализации и изобретательстве.

Согласно Положению о НИРС 1961 г. в вузах следовало использовать новые формы студенческого научного творчества, такие как студенческое конструкторское бюро (СКБ), студенческое проектно-конструкторское бюро (СПКБ) и студенческое научно-технологическое бюро (СТБ). В мае 1968 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР представило Типовое положение о студенческих конструкторских, исследовательских, проектных, технологических, экономических бюро высших учебных заведений [7].

СКБ, СКПБ и СТБ, членами которых становились студенты старших курсов, проявлявшие интерес к научно-исследовательской работе, стали основными формами организации НИРС во внеучебное время. Студенты принимали непосредственное участие в реализации определенных научно-технических задач, при этом результаты студенческих научных разработок внедрялись в производство.

Кафедры разрабатывали годовой план, в соответствии с которым студенческие научно-технические бюро выполняли научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на различных условиях: по госбюджету, по хоздоговорам с предприятиями и организациями, на общественных началах по внутривузовским заказам и в качестве шефской помощи.

Организационно-технический совет, в состав которого входили руководители факультетских и кафедральных бюро, являлся руководящим органом студенческих научно-технических бюро, он разрабатывал рекомендации по тематике работ, планировал работы, осуществлял контроль за ходом выполнения работ во всех бюро, проводил семинары, конференции,

конкурсы и выставки, а также решал организационные и хозяйственные вопросы.

В октябре 1967 г. в Москве проходил межвузовский симпозиум по проблемам студенческих конструкторских бюро. В его работе приняли участие представители более 100 вузов страны. На симпозиуме обсуждались такие вопросы как цели, задачи и формы организации СКБ, а также их место в учебном процессе. Студенческие конструкторские бюро были признаны прогрессивной формой привлечения студентов к научно-исследовательской работе, их ценность заключалась в том, что они осуществляли тесную связь с производством. Симпозиум определил две основные задачи, стоящие перед вузовскими СКБ. Первая задача совпадает с основной задачей НИРС – содействовать повышению качества подготовки специалистов путем привлечения студентов к научно-исследовательской и проектно-конструкторской работе. Вторая задача – широкий охват студентов научной работой для решения задач народного хозяйства.

В ХабИИЖТе первые студенческие конструкторские бюро появились в 1968–1972 гг. на кафедрах «Здания и сооружения» (руководитель П.Я. Григорьев), «Путь и путевое хозяйство» (руководитель М.И Мильштейн), «Строительные и путевые машины» (руководитель П.П. Супрун), «Связь на железнодорожном транспорте» (руководитель О.Я. Строев). СКБ выполняли проектно-конструкторские работы по заказам предприятий и оказывали содействие изобретателям и рационализаторам. Если дипломные проекты не всегда могли быть реализованы и носили исключительно рекомендательный характер внедрения, СКБ имели официальное разрешение от главного управления учебными заведениями МПС на разработку проектной документации.

СКБ кафедры «Здания и сооружения» работало наиболее успешно. В 1971/72 учебном году было выполнено четыре проекта на общую сумму 16 500 руб. СКБ разработало согласно которой были построены такие объекты как станция обезжелезивания воды в г. Комсомольске-на-Амуре, контейнерная площадка на станции Большой камень, клуб на 400 мест на ст. Смоляниново, вычислительный центр Хабаровского района [2]. Порядка 20–25 студентов разрабатывали проектную документацию, при этом они получали заработную плату за выполненные работы. Руководство проектными работами осуществляли штатные инженеры-проектировщики и преподаватели кафедры, они проверяли качество работ и следили за прохождением проектной документации. В 1977/78 учебном году в работе СКБ принимали участие различные специалисты: строители, сантехники, электрики, экономисты, сметчики. Это позволило привлекать к проектно-конструкторским работам другие кафедры и вовлекать с работу СКБ до 45–50 студентов ежегодно.

На факультете «Промышленное и гражданское строительство» также было организовано студенческое проектно-конструкторское бюро (СПКБ), ко-

торое возглавила выпускница ХабИИЖТа инженер Е.Н. Кособлик. Ежегодно в работе СПКБ принимали участие 60–70 студентов различных факультетов института. СПКБ являлось проектной организацией, которая заключала договоры (в основном с Дальневосточной железной дорогой) на строительство, готовила всю техническую документацию от чертежей до смет. В начале 1970-х гг. по проектам СПКБ строились одноэтажные трехквартирные дома на станциях Иман и Озерные Ключи, разрабатывались объекты реконструкции котельной на станции Смоляниново и стадиона «Локомотив» в г. Уссурийске. Дипломник факультета ПГС Гирманов разработал проект реконструкции студенческой столовой ХабИИЖТа [6]. Также в разработке были трехэтажное здание на 200 мест в зоне отдыха коллектива вуза в районе Петропавловского озера и клуб железнодорожников на ст. Хабаровск-2. В 1975 г. за продуктивную работу СПКБ было награждено Почетным дипломом Министерства высшего, среднего и специального образования СССР [1].

Объем научно-исследовательских и хоздоговорных работ, выполненных с участием студентов в 1976 г. составил 650 тысяч рублей [5]. Среди завершенных и внедренных разработок СКПБ факультета ПГС стали мастерские дистанции пути Комсомольского отделения дороги, контейнерная площадка на Владивостокском отделении дороги, мастерские строительно-монтажного поезда 386 треста Дальтрансстрой, станции обезжелезивания воды на станциях Белогорск и Завитая, дом отдыха локомотивных бригад на станции Губерово Уссурийского отделения дороги.

Студенческие конструкторские бюро ХабИИЖТа внесли свой вклад в строительство Байкало-Амурской магистрали, ими были проведены научные исследования в области проектирования, строительства и эксплуатации сооружений в условиях вечной мерзлоты и глубокого сезонного промерзания грунтов для Восточного участка магистрали Ургал – Комсомольск-на-Амуре. Кафедра «Проектирование и строительство железных дорог» совместно с проектировщиком Восточного участка БАМа Дальгипротрансом первой приступила к работе. Группа студентов под руководством автора проекта Б.И. Солодовникова проработала варианты трассировки наиболее сложных участков железнодорожной магистрали, проходивших вдоль реки Амгунь. С 1969 по 1973 г. были решены некоторые важнейшие задачи, связанные со строительством дороги на участках Ургал – Дусе-Алинь, Ургал – Березовка. Доцент Е.А. Румянцев привлекал студентов к исследованию природы образования наледей. Основные результаты исследований были использованы при проектировании и сооружении конструкций на трассе. Также студенты разрабатывали методику оценки эксплуатационной пригодности существующих мостов на линиях БАМ – Тында, исследовали механизмы для рытья котлованов и траншей в мерзлых грунтах, искали наиболее эффективный способ доставки тюменской нефти по Байкало-Амурской магистрали с использованием большегрузных цистерн.

В 1969 г. при кафедре «Эксплуатация железных дорог» было открыто студенческое научно-технологическое бюро (СТБ), в котором студенты занимались решением конкретных производственных задач: «Разработка технологических норм для работы подъездного пути завода отопительного оборудования г. Хабаровска», «Усиление пропускной и провозной способностей железнодорожной линии» и некоторые другие [3].

Таким образом, в 60–70-е гг. научно-исследовательская работа студентов в ДВГУПС получила дальнейшее широкое распространение, что способствовало повышению уровня профессиональной подготовки будущих специалистов. Студенческие конструкторские бюро, проектно-конструкторские бюро и научно-технологические бюро сыграли значительную роль в развитии НИРС, когда в научные исследования вовлекалось всё большее число студентов, обеспечивалась связь с производством и решались производственные задачи, актуальные для народного хозяйства. Развитию НИРС в этот период способствовало Министерство высшего и среднего специального образования СССР, которое разработало нормативные документы, обеспечивающие ее легитимный статус.

Список литературы

1. Время – события – люди. ХабИИЖТ – ДВГУПС (1937–2012) / под ред. С.В. Бобышева. – Хабаровск, 2012

2. Гуревич, Я.И. НИРС и производство / Я.И. Гуревич // Дзержинец. – 1973. – 23 февраля. – С. 2.

3. Ким, К.Н. Студенты – производству / К.Н. Ким // Дзержинец. – 1970. – 15 апреля. – С. 2.

4. Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений : приказ Министерства высшего образования СССР № 186 от 8 июня 1961 г. // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций. – Москва, 1965. – С. 209–212.

5. Приобщение к творчеству // Тихоокеанская звезда. – 1977. – 9 августа.

6. Снежко, Л.И. В студенческом конструкторском / Л.И. Снежко // Дзержинец. – 1972. – 4 марта. – С. 3.

7. Типовое положение о студенческих конструкторских, исследовательских, проектных, технологических и экономических бюро высших учебных заведений: [утверждено приказом Министерства высшего образования СССР № 369 от 7 мая 1968 г.] // Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций. – Москва, 1978. – С. 131–132.

Научное издание

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОПОЛИТИКИ

Материалы Всероссийской научной конференции

(Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.)

Под редакцией **Спасского** Евгения Новомировича,
Рудецкого Олега Андреевича

Отпечатано методом прямого репродуцирования

План 2019 г. Поз. 12.15. Подписано в печать 12.12.2019 г. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура «Arial». Уч.-изд. л. 18,8. Усл. печ. л. 17,4. Зак. 192. Тираж 50 экз.

Издательство ДВГУПС.
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.